

**КАТОН, ВАРРОН,
КОЛУМЕЛЛА, ПЛИНИЙ**

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

К Л А С С И К И Е С Т Е С Т В О З Н А Н И Я

CATO, VARRO
COLUMELLA, PLINIUS
DE AGRI CULTURA

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОЛХОЗНОЙ И СОВХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
«СЕЛЬХОЗГИЗ»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ АГРИКУЛЬТУРЫ

КАТОН, ВАРРОН, КОЛУМЕЛЛА, ПЛИНИЙ

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ВВОДНОЙ СТАТЬЕЙ
проф. М. И. БУРСКОГО

☆

ОГИЗ — СЕЛЬХОЗГИЗ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД — 1937

Общая редакция
проф. В. С. СЕРГЕЕВА.

Рабочая редакция
И. С. ГОФМАН и А. П. ЭЛЬМАН

Техническая редакция
Н. А. ФИВЕЙСКОГО.

Корректурa Ю. Н. БЕГИЧЕВ
Выпускающий Я. С. ХОМУТОВ.

Тираж 7.000 экз. (у. а. л. 22,71)
19 печ. л. + 1 вклейка. Ф-т 72×105¹/₁₆.
Сдано в производство 27/III 1937 г.
Подписано к печати 21/VII 1937 г.
Уполномоченный Главлита Б 25561
Инд. КЛ. СХГИЗ 5553. Зак. 593.
Бумага Вишерской бум. фабрики
им. Менжинского

Цена книги 4 руб. 50 коп.
Переплет 2 руб.

Отпечатано в 16 типографии треста
«Полиграфкнига», Москва, Трех-
прудный, 9.

В настоящем издании, имеющем целью общее ознакомление читателя с характером и содержанием работ римских агрономических писателей, печатаются отдельные части, главы и книги из античных сочинений, посвященных сельскому хозяйству.

При отборе материала для настоящего сборника мы стремились дать представление читателю об общем характере данного источника, поэтому вместо набора «избранных» отрывков мы предпочитали печатать книги или главы целиком, не сокращая произвольно тех мест, которые могут показаться тому или другому читателю мало интересными. Так, например, печатаются отдельные главы из Катона не только земледельческого, но и «домоводческого» характера.

Далее, из сочинения того или иного автора мы выбирали те книги и по тем вопросам, в которых данный автор проявляет наибольшую осведомленность сравнительно с другими античными писателями. Так, Варрон представлен книгой о животноводстве, Колумелла—книгой о виноградарстве и т. д.

Наконец, весь сборник в целом составлялся таким образом, чтобы осветить возможно полнее воззрения античных агрономов по различным вопросам сельского хозяйства.

Поэтому, например, Плинию отведена большая часть сборника—полностью напечатаны XVII и XVIII книги, поскольку в этих работах содержится наибольшее, сравнительно, количество разнообразных сведений в интересующей нашего читателя области.

Вводная статья о трактатах «De agri cultura» построена так, чтобы одновременно служить и комментарием к творчеству античных агрономических писателей.

В работе над переводами мы, добиваясь максимального соответствия агрономическому смыслу текста, не позволяли себе подменять перевод комментарием, заменять своеобразные выражения античных агрономов различными «адекватными» терминами, произвольно извращая содержание текстов, исследовательская работа над которыми еще впереди.

Переводы сделаны:

1. М(арк) Порций Катон, «О земледелии» М. Е. Сергееenko. Перевод по изд. Кейля: M. Porcii Catonis de agri cultura liber res. H. Keil. Teubn., Lips., 1900 г.

2. М(арк) Теренций Варрон, «О сельском хозяйстве», кн. II, М. Е. Сергееenko. Перевод по изд. Кейля: M. Terenti Varronis rerum rusticarum libri tres res. H. Keil Teubn., Lips., 1889 г.

3. Л(юций) Юний Модерат Колумелла, «О сельском хозяйстве», кн. I и III, М. Е. Сергееenko. Перевод 1 книги по изд. Люндстрема: L. Junii Moderati Columellae de re rustica libr. I—II Gotoburgi, 1917. Перевод третьей книги по изд. Шнейдера: L. Junii Moderati Columellae de re rustica libr. XII et liber de arboribus I. G. Schneider, Lips. 1794.

4. Г(ай) Плиний Секунд, «Естественная история», кн. XVII—XVIII. Пер. XVII книги Я. М. Боровского, XVIII—В. М. Кремковой и М. Е. Сергееenko. Перевод по изд. Майгофа: C. Plinii Secundi, Naturalis Historiae libri XXXVII, edit. C. Mayhoff Teubn., Lips., 1892.

Указатель имен, географических названий и т. д. составлен С. И. Протасовой и М. Е. Сергееenko.

Ряд имен, встречающихся в текстах, но не представляющих для нашего читателя никакого интереса, нами в указатель не включен.

Мы выражаем признательность С. И. Протасовой, принявшей весьма ценное участие в подготовке к печати этой достаточно трудоемкой работы.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ К ТЕКСТАМ

Перевод: 1) Римскими цифрами обозначается книга данного сочинения в его латинском издании.

2) Арабскими цифрами в начале текста—глава данного сочинения.

3) Арабскими цифрами внутри текста в круглых скобках—параграфы данной главы.

Так, например: Варрон, «О сельском хозяйстве» I, 7 (1)—Книга I, глава 7-я, параграф 1.

В сочинении Катона «О земледелии» указаний на книги нет. Цифры в начале текста обозначают главы, внутри текста, в круглых скобках—параграфы.

Катон, Варрон, Сазерны—*pater filiusque*, Тремеллий Скрофа, Гигин, Юлий Аттик, Корнелий Цельз, Юлий Грецин, Вергилий, латинские переводы Магона, Ксенофонта и др., Колумелла, Плиний, Палладий... Этот перечень агрономической литературы античного Рима можно было бы значительно расширить. Плиний перечисляет 146 римских и 327 чужеземных писателей, сочинения которых он использовал при составлении своей «*Historia naturalis*», и немалая часть тех двух тысяч томов, которые, как утверждает* этот великий компилятор, ему пришлось изучить, относилась к сельскому хозяйству.

Литература эта свидетельствует о большом внимании, которым пользовались в античном Риме проблемы агрикультуры, вопросы техники и организации сельского хозяйства.

Это явление далеко не случайное. Оно прежде всего объясняется исключительной ролью, которую аграрный вопрос и лежавшие в его основе противоречия рабовладельческого способа производства играли в исторических судьбах Рима. «...не требуется,—пишет Маркс,—обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности»**.

Однако, когда агрономического наследства античных авторов касается буржуазный ученый, его меньше всего интересуют «скрытые пружины». Он не испытывает никакой потребности тревожить ни историю земельной собственности, ни, конечно, историю классовой борьбы в античном обществе. Такой ученый рассматривает агрономические труды античных писателей лишь как собрание отдельных фактов и сведений из области сельского хозяйства и лишь в количестве этих фактов усматривает отличие одного агрономического трактата от другого. (Что же касается фашистских «ученых», то те не утруждают себя и изучением фактов, довольствуясь их фальсификацией и подтасовкой во славу «арийской расы».)

* Plin. N., H. praef., 17.

** К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 40, прим. 33. Партиздат, 1935.

А между тем, это традиционное представление об античной агрономической литературе в корне изменится, если исследовать работы античных агрономов в тесной связи и взаимозависимости со сложным клубком противоречий антагонистического рабовладельческого общества, если попытаться вскрыть своеобразное отражение этих противоречий в агрономической литературе древнего Рима. Тогда окажется, что творчество античных агрономов скрывает такое неожиданное богатство, глубину и разнообразие содержания, так насыщено остротой социальных конфликтов, открывает такую увлекательную и волнующую картину становления и развития различных агрономических идей и их взаимной борьбы, что для очень многих античная агрономия окажется «открытой» как бы заново.

Она была достаточно богата, обширна и разнообразна—эта агрономическая литература античного рабовладельческого общества.

Она носила на себе все следы противоречий породившего ее социального строя, она знала свои периоды упадка и расцвета, она выдвинула своих лидеров и теоретиков, «искавших,—как говорит Плиний,—в этой области ученой славы», свои школы и направления, борьба которых дошла до нас как отголосок—двухтысячелетнее эхо—агрономических дискуссий, полемики, прений.

И уж, конечно, вопреки ходячему даже в специальной литературе мнению, античные агрономы в своем творчестве вовсе не были похожи друг на друга.

Они имели свое лицо, свое агрономическое credo, свою агрономическую программу и отражали определенные социальные и политические воззрения. А взгляды эти и программы были разными у каждого из агрономических писателей, в зависимости от тех определенных исторических условий, в которых они действовали, в зависимости от того, какими социальными интересами они руководились, в зависимости от уровня агрономической науки и практики, влияния каких научных школ они подвергались и в каких естественно-исторических условиях—почвенных, климатических и других—формировался их практический опыт.

И поскольку внутреннюю историю древнего Рима можно свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, то в рамках отдельных этапов, периодов этой борьбы наиболее правильно* рассматривать и творчество авторов публикуемых нами римских агрономических текстов—Катона, Варрона, Колумеллы и Плиния.

От мелкого производителя-собственника в начале республики, через постепенное укрупнение хозяйства, к обширным рабовладельческим латифундиям к концу ее; от крупного хозяйства в начале империи к закабаленному на мелком клочке земли колону, к натурализации хозяйства к концу ее, к революционной ликвидации рабовладельческого строя, кончающейся «совместной ги-

* «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки...»,—говорит Ленин (т. XVII, стр. 431, изд. 2-е).

белю борющихся классов»,—такова в основном картина развития аграрных отношений античного Рима, определившая в значительной мере лицо, направление и характер практической и литературной деятельности античных агрономов.

КАТОН

Древнейший из периодов римской истории, изученный сравнительно слабо, характеризуется преобладанием мелких и средних землевладельцев—следствие распада, разложения родовой общины, хотя и долгое время спустя община являлась владельцем основных земельных массивов.

«У латинских племен мы находим землю частью во владении племени, частью рода, частью отдельных хозяйств...»*.

Наследственная собственность отдельных патрицианских хозяйств ограничивалась сначала 2 югерами, а затем 7 и т. д. Зато каждый патриций имел право в неограниченных размерах использовать для своих нужд (*occupatio*) под земледелие и скотоводство общинную землю—*ager publicus*. Земля эта, однако, оставалась собственностью общины, и распоряжалась ею община, получая с «посессоров» (*possessores*) ежегодную плату в размере $\frac{1}{10}$ урожая хлеба и $\frac{1}{5}$ урожая плодов и виноградников, а также взносы за пользование пастбищами**.

С развитием хозяйственной жизни и ростом экономического неравенства стремление к льготному пользованию землей, в особенности под пастбище, быстро возрастало у богатейшего слоя земледельцев, и уже в 376 г. до нашей эры появляется закон***, ограничивающий право пользования общественной землей нормой в 500 югеров. Однако обострение в этот период борьбы за землю предупреждается предоставлением новых наделов на завоеванных землях, число которых быстро возрастало, и выводом новых колоний на вновь присоединенных к Риму территориях, где беднота получала в собственность мелкие участки****.

Этот период более или менее устойчивого мелкого и среднего свободного хозяйства продолжался в основном до II века до нашей эры, когда, закончив объединение Италийских земель, Рим перешел к широкой завоевательной политике за пределами Аппенинского полуострова.

Известное развитие денежного хозяйства и товарного оборота, разорение крестьянства целого ряда областей, в частности, в результате пунических войн на территории самой Италии, быстрое

* Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 109, Партиздат, Москва, 1934.

** Об *ager publicus*, его истории и различных способах использования см. Weber, *Römische Agrargeschichte*, Stuttgart, 1891, 65 ff. Kubitschek, *P. W. R. E.* 1, 784 и приведенную там литературу.

*** Речь идет об одном из законов трибунов Г. Лициния Столона и Л. Секстия Латерана, предложенных в 376 г. и после упорного сопротивления со стороны патрициев принятых в 367 г. (вопрос о датировке этого закона остается, впрочем, спорным).

**** Отметим попутно, что римскому крестьянину-солдату предоставлялись обычно уже культивированные, разработанные участки земли, отбираемые у побежденных.

обогащение верхушечных слоев за счет громадной военной добычи ведут к резкой и все ускоряющейся дифференциации.

При отсутствии более или менее значительной промышленности или торговли основной сферой приложения все усиливающихся потоков рабских сил и денежных капиталов являлось земледелие. Расхватывается *ager publicus* всякими правдами, а больше неправдами, то-есть, попросту, силой стоняется с этой общественной земли мелкий землевладелец. Этот свободный производитель, крестьянин-солдат, основа римского общества в его классическую пору, теряет не только свою долю в общественной земле, но и фактическую возможность успешно обрабатывать свой небольшой наследственный надел*.

Процесс разорения среднего и мелкого землевладения после пунических войн, к началу II века до нашей эры и дальше, до эпохи Гракхов, отягчается еще и тем, что напыв рабов, по словам Плутарха и Аппиана, лишал мелкого земледельца возможности того приработка на поле крупного землевладельца**, о котором говорит Катон в своем трактате «*De agri cultura*».

Трактат этот—самый ранний из дошедших до нас римских агрономических сочинений—относится все же к половине II века до нашей эры.

Авторы этих сочинений имели обычно в виду не свободное, мелкое, крестьянское хозяйство, а рабовладельческое, более или менее крупное, и сами были представителями не крестьянского, а рабовладельческого хозяйства, отражая в своих произведениях его технику.

Однако к технике мелкого хозяйства раннего периода римской истории ближе всего стоит Катон, и как наиболее по времени близкий к первому периоду, и потому, что он в своем произведении,

* См. Th. Mommsen, R. G., 73 ff. Nitzsch. Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger, Berlin, 1847, S. 185 ff.

Н и ч. История римской республики. Перевод с нем. под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908, стр. 274 и сл.

** Цитируя резюме доктора Прайса об общих последствиях огораживания в Англии: «В общем положение низших классов народа ухудшилось почти во всех отношениях, мелкие землевладельцы и фермеры низведены до уровня поденщиков и наемников; а между тем этим последним также стало гораздо труднее добывать средства к жизни», Маркс замечает, что «Это напоминает древний Рим», и тут же в подтверждение приводит следующее место из Аппиана: «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Доверия благоприятно сложившимся для них условиям того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо отдельных полей. При этом для земледельческих работ и скотоводства они употребляли рабов, так как свободные люди были бы взяты на военную службу и, следовательно, не могли бы у них работать: обладание рабами приносило им еще ту крупную выгоду, что вследствие освобождения от военной службы рабы могли спокойно размножаться, доставляя хозяевам массу детей. Таким образом, сильные люди сосредоточили в своих руках все богатства, и вся страна кишела рабами. Итальянцев же становилось все меньше благодаря свирепствовавшей среди них нищете, налогам и военной службе. А когда наступали мирные времена, они были осуждены на полную бездеятельность, так как богатые обладали всей землей и вместо свободных людей употребляли рабов для возделывания земли» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 583, примечание 211, Партиздат, изд. 8-е, 1935).

несомненно, отразил сельскохозяйственный опыт, накопленный предшествующими поколениями, поколениями мелких свободных землевладельцев.

Сам Катон* по своему происхождению теснейшим образом связан с этой именно средой и в молодости сам работал в мелком хозяйстве. Он родился в 234 г. до нашей эры в бедной плебейской семье, владевшей небольшим количеством земли в окрестностях Рима (у Тускула)**.

Выросши в хозяйственных условиях Средней Италии, ознакомившись по личным наблюдениям*** с хозяйственной практикой Греции и Карфагена, Катон оказался во всеоружии сельскохозяйственного опыта своего времени****.

Этот опыт Катон приложил на практике к управлению хозяйством, этот же опыт он в наизидание современникам и потомству пытался частью обобщить, а частью просто изложить в виде отдельных правил и замечаний в своем трактате.

Было бы неправильным упрощенно представлять себе Катона узко ограниченным земледельцем, далеким от каких-либо обобщений и записавшим, не мудрствуя лукаво, в своем труде ряд отдельных замечаний, возникших в его повседневной сельскохозяйственной практике в данном имении. Не следует недооценивать значения широкой литературной деятельности Катона. «De agri cultura» далеко не единственное произведение Катона, хотя только оно одно и дошло до нас целиком, или почти целиком.

Так, например, он написал в семи книгах первую Римскую историю (Origines), доведя ее последовательно от самых древних преданий

* О Катоне и его сочинении: Th. Mommsen. Röm. Geschichte, I, 812 ff. Drumann-Groebe. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, 2. Aufl. S. 102, 1899—1908. К. В. Н и ч. История римской республики. Пер. с нем. под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908, стр. 280—283. Le o. Gesch. d. römisch. Literatur, Bd. I, 272 f. f. M. Shan z. Gesch. der Röm. Literatur, Bd. VIII, I, 1, 241 ff. Mün z e r, P. W. R. E. Bd. VI, 1828. Главнейшие источники для биографии и литература к ним Plut. vitae parl. M. P. Cato (major). H. P e t e r. Die Quellen Plutarchs in den Biographien der Römer. Halle, 1865, 89 ff. H. N i s s e n, Kritische Untersuchungen über die Quellen der 4 und 5 Decade des Livius, Berl. 1863, 154 f. 280, 292 ff. Liv. B. XXXII. E. K o r n e m a n n, Klio, Beiträge zur alten Gesch. Beih, 2, 1904 S. 36—43, f. 49, 51.

** Plut. Cat. major, I.

*** Мы знаем о его пребывании в Метавре (Северная Италия) в 207 г., в Африке, где он в качестве квестора в 201 г. ведет борьбу с Карфагеном, в Сардинии в качестве ее наместника в 198 г., консулом в Испании в 195 г. и на востоке в Греции в 192—191 гг. до нашей эры.

См. Mün z e r, P. W. R. E., I. c.

**** В отличие от последующих агрономических писателей, мы не встречаем у Катона ссылок на использование им произведений других писателей, не римских, конечно,—так как трактат Катона был первым,—а внеиталийских, главным образом, греческих.

Правда, это обстоятельство, может быть, является следствием того резко отрицательного отношения Катона к эллинской культуре, которое было характерным для этого поборника римского mos majorum, утверждавшего, что греческая литература несет с собой гибель римской культуре (это не помешало ему, скажем в скобках, хорошо изучить греческий язык и кое-что самому позаимствовать у греческих писателей).

до современного ему периода, показав умение обработать большой исторический материал.

Несомненно, Катон обладал немалым опытом в изложении и интерпретации разнообразнейшего фактического материала. Он написал также руководство по медицине, праву, военному искусству, не говоря уже о многочисленных судебных речах, требовавших уже в его время большого умения и красноречия. Об искусстве Катона в этой области говорит хотя бы тот факт, что его судили 44 раза по разным обвинениям и не было случая, когда бы он не разбил аргументацию противников и не был бы оправдан.

От такого плодовитого и опытного литератора мы в праве были бы ожидать систематического описания сельского хозяйства и его агротехники, обобщенного изложения агрономического опыта.

Однако более или менее систематическое изложение можно, пожалуй, признать за первыми 60 главами. Остальные сто глав представлены разнообразными сравнительно мало связанными друг с другом замечаниями и наставлениями. Но и тут почти половина глав объединена в отдельные тематически связанные части (главы 64—68; 74—90; 104—115 и др.).

Такой характер изложения единственного дошедшего до нас сочинения Катона дал повод к возникновению различных теорий о происхождении этого трактата*.

Одни исследователи утверждали, что до нас дошел текст, испорченный позднейшими вставками, переносками и редакциями, чем и объясняется его бессистемность.

Другие полагают, что первоначальный текст был вообще утерян и то, что дошло до нас, является сборником отдельных замечаний по сельскому хозяйству, хотя и принадлежавших Катону, но не им собранных и изложенных.

Наконец, существует пользующаяся большим признанием точка зрения, что трактат Катона следует рассматривать лишь как записную книжку (*Notizbuch Hypothese*) хозяина, вносившего в нее время от времени различные замечания по хозяйству и не имевшего в виду создания какого-либо систематического трактата.

Различные исследования уделяют в связи с этим очень много внимания вопросу о правомерности распространения основных положений катоновского трактата на всю современную ему Италию или же ограничению его содержания рамками только одного конкретного хозяйства, которым Катон управлял. Та или иная точка зрения на вопросы, связанные с природой катоновского трактата, представляет существенный интерес и для истории сельскохозяйственной техники.

* О различных точках зрения на происхождение трактата Катона «*De agricultura*» см., кроме Schanz'a, l. c., S. 248 ff. и приведенной там литературы, также: G u m m e r u s, *Der röm. Gutsbetrieb als wirt. ch. Organismus*. Klio, Beiträge zur alten Gesch., Beih. 5, Leipz., 1906, S. 15—33. C a r l. G. Die Agrarlehre Columellas. Vierteljahresschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. XIX, H. 1—3, S. 1 ff.

Катон, например, вопросам виноградарства и оливководства уделяет значительно большее место, чем зерновому хозяйству. Это подтверждается и знаменитой, вызывающей также много споров таблицей Катона, в которой различные отрасли расположены в порядке убывающей доходности. Можно рассматривать эту оценку Катонем доходности отдельных отраслей сельского хозяйства, как относящуюся только к данному конкретному предприятию, с его определенными размерами, положением и условиями хозяйствования.

Можно однако предположить, что такая оценка отнюдь не относится только к одному предприятию; ее можно рассматривать и как отражение процесса перехода от зернового хозяйства к виноградарству и оливководству, о чем имеется ряд свидетельств и что, возможно, было, в частности, связано с крайне низкими ценами на зерно, делавшими для ряда местностей и определенного социального типа хозяйств ведение зернового хозяйства значительно менее выгодным чем садоводство, виноградарство, животноводство.

Всем этим вопросам, очень различно разрешаемым, посвящена достаточно обширная литература, и менее всего уместным было бы подвергнуть их рассмотрению на страницах данного введения.

Мы должны, однако, несколько остановиться на вопросе, имеющем непосредственное отношение к публикуемому нами агрономическому наследству Катона—на основных агрономических положениях трактата.

Мы считаем несомненным прежде всего, что трактат Катона содержит агрономические советы, методы, указания, отнюдь не являющиеся отдельными замечаниями, важными только для данного хозяйства (хотя имеются и такие, например, описи инвентаря и т. д.).

С точки зрения историка агрикультуры, в трактате Катона—и в этом его ценность для нас—представлен ряд важнейших агрономических положений, являющихся обобщением агрономического опыта итальянского земледелия ко II веку. Если бы сочинение Катона и являлось, как утверждают некоторые исследователи, только записной книжкой по одному какому-либо сельскохозяйственному предприятию, то агрономическое содержание этой книжки меньше всего является результатом опыта на данном именно предприятии.

Катоновский трактат, как мы выше отмечали, не может похвастаться особой стройностью изложения в смысле логической последовательности глав; отдельные замечания разбросаны бессистемно. Однако громадное большинство указаний агротехнического характера, вне зависимости от порядка их изложения, связаны в одно достаточно стройное целое своим содержанием, исходят из некоторых общих агрономических положений, общих агротехнических правил. Поскольку эти правила сложились и выработались в естественно-исторических условиях Италии, с ее рельефом, почвами, климатом, следует предварительно ознакомиться, хотя бы бегло, с природными условиями итальянского земледелия, тем более что в последующем изложении мы на них больше останавливаться не будем.

Типичная представительница стран средиземноморского кольца Италия тянется с северо-запада на юго-восток и открыта с трех сторон, что подвергает ее действию ветров, в частности, «сирокко». В особенности это относится к полуостровной и островной ее части, тогда как Ломбардская низменность может быть отнесена к средне-европейскому природному ландшафту. Отличительным природным фоном Италии является гористый и в античное время лесистый характер местности, затруднявший полевое хозяйство для целого ряда районов, но благоприятствовавший развитию пастбищного хозяйства и плодоводства, в особенности—виноградарства.

Ряд районов и, как правило, низменности, впадины долин с глинистой подпочвой, получая большие количества влаги от ливней и горных потоков, находились в условиях переувлажнения и под угрозой заболачивания, что нашло свое отражение как в агротехнике, так и в мелиоративных мероприятиях античных земледельцев; без этих мероприятий, в частности, без дренажа, земледелие в ряде районов было бы совершенно невозможным.

«Принято,—читаем мы, например, у Плиния,—если место этого требует, вкладывать в более широкие борозды сточные трубы, по которым вода выводится в канаву»*.

С другой стороны, в ряде местностей в южных районах, где рельеф не создавал препятствий к широкому полевому хозяйству, осадки неблагоприятно распределялись по месяцам либо почти совсем отсутствовали в летние месяцы, когда они наиболее нужны. Это обстоятельство выдвигало очень остро уже перед античным земледельцем проблему борьбы с засухой и заставило его разработать целую систему мероприятий как в плоскости «сухого земледелия», так и в области орошения. Эти же климатические особенности средиземноморья—засушливое лето и частью весна при осенне-зимних осадках и мягкой зиме,—характерные для субтропического пояса, благоприятствовали развитию, главным образом, озимых культур, успешное стадийное развитие которых обеспечивалось осенне-зимними дождями, наличием самостоятельного зимнего вегетационного периода.

Что касается почв Италии, то, несмотря на относительную древность земледельческой культуры Италии, почвенный покров ее не лишился тех черт, которые явились следствием природного процесса почвообразования. Несомненно, конечно, что почвы тех районов, которые интенсивно и долго обрабатывались, как, например, аллювиальные почвы долины реки По, приобрели много новых свойств и изменили свое плодородие. Несомненно также, что и отсутствие обработки, хищническое обезлесение повлекли за собой серьезные изменения, заболачивание и т. д. в ряде районов, славившихся в античное время своей земледельческой культурой, и наоборот. При всем этом, однако, почвенная карта современной Италии позволяет в известной мере ориентироваться в том богатом разнообразии почвенных разностей—не будем их тут перечислять,—практическое ознакомление с которыми заставляли античного агронома требовать изу-

* Plin. N. H., XVIII, 179.

чения «что какая земля любит». Все это и нашло известное отражение в катоновском сочинении. Катон в своих агрономических указаниях исходит, во-первых, из необходимости создания условий для развития растений: тщательная вспашка, двоение, «борьба с пестротой поля» — причиной огромных потерь в сельском хозяйстве — и, во-вторых, из необходимости восстановления урожайности почвы: уваживание, применение таких сидерационных культур, как люпин, вика, бобы.

«Что значит хорошо обрабатывать землю: во-первых — хорошо пахать, во-вторых — пахать, в-третьих — уваживать» — это центральное положение катоновской агрономии относится не только к одному какому-либо хозяйству и родилось не на почве только одного какого-либо участка.

Исходя из необходимости изучать «что какая земля любит», Катон и дает некоторые, хотя очень краткие и бедные, указания о выборе культур, в основном правильно намечает сроки посева, сроки пахоты (сначала легкие и сухие земли, затем тяжелые и влажные).

Он требует тщательной пахоты: «веди борозду ровно», упоминает о тяжелых плугах и легких, мотыжении посевов и их прополке, заботится о навозе, намечает сроки его вывозки, делает замечания о его сохранении, напоминает о необходимости удобрять луга, дает некоторые советы и на счет компоста.

Налицо, как мы указывали, и представление о значении сидерационных культур, с особым вниманием в отношении клевера.

Особо подчеркиваются у Катона вопросы мелиорации и орошения, имевшие в описанных выше климатических условиях Италии первостепенное значение; выдвигаются требования тщательного наблюдения за водным режимом полей, своевременного проведения канав для стока воды. Есть у него свидетельство и об орошаемых лугах.

Рост животноводства остро поставил кормовую проблему, и Катон луговодству вообще уделяет немало внимания.

Замечательно, между прочим, определены Катонем сроки сенокоса, совершенно верные и по сегодняшний день: «смотри, чтобы не косить его поздно: коси раньше, чем созреет семя».

Чтобы не загромождать введения перечислением ряда катоновских указаний и комментированием вещей, ясных специалисту без всяких комментариев, отсылаем читателя-агронома непосредственно к тексту.

Из всего вышеизложенного следует, что мы в праве рассматривать катоновский трактат не просто как разрозненное собрание отдельных замечаний, действительных только для одного имения. Катон в своих агрономических указаниях подытоживает результаты сельскохозяйственной практики предшествовавших поколений, исходит из некоторых основных положений, представлявших собой ступеньку сельскохозяйственного опыта Италии II века до нашей эры.

Этот сельскохозяйственный опыт, сложившийся в условиях мелкого участка, обрабатываемого, как правило, самим владельцем и его семьей, начинает претерпевать любопытную трансформацию,

попадая в иную социальную и экономическую обстановку—в развивавшееся и растущее рабовладельческое хозяйство.

Мы приводили выше некоторые данные из биографии Катона, останавливались на вопросах происхождения и структуры трактата, осветили кратко его агрономическое содержание.

Переходим сейчас к другим вопросам, имеющим важное значение для правильного понимания катоновского текста.

Катоновская *agri cultura*—не просто объективное подытоживание опыта поколений, не просто бесстрастная констатация.

Катон в своих основных организационно-хозяйственных положениях исходит из определенных классовых позиций; он дает известную систему приемов и методов, свойственных определенному социальному типу хозяйства.

Но это хозяйство представлено в трактате не в «чистом» виде, а в процессе его становления и развития, в двойственном сочетании старого и нового, с наслоениями из различных эпох.

Произведение Катона отражает известный этап в развитии италийского хозяйства.

Поэтому совершенно необходимо исследование содержания трактата именно с этой, исторической, точки зрения как документа, свидетельствующего об известных процессах в сельском хозяйстве античного Рима.

Подобное исследование—оно еще ждет своего автора—было бы весьма плодотворно и для уяснения эволюции ряда агрономических приемов и методов, форм, которые они принимали, для понимания условий рождения и развития многих агрономических идей и представлений.

Представителем каких слоев был Катон, к кому были обращены его агрономические и домоводческие поучения, на какой социальной почве они сложились и выросли? Если судить по его «введению», то перед нами сельский хозяин, узкий земледелец, резко отрицательно, если не с презрением, относящийся ко всем другим видам деятельности, кроме разве военной и государственной. «Иногда лучше было бы наживаться, занимаясь торговлей, не будь здесь стольких опасностей, и даже отдавая деньги в рост, если бы только это было честным занятием». Этими словами начинает Катон свое сочинение и продолжает дальше: «Предки наши так полагали и так постановили в законах: вор присуждается к двукратной пене, ростовщик к четырехкратной. Отсюда можно понять, насколько, по их пониманию, ростовщик был худшим гражданином, чем вор. И когда хвалили хорошего человека, то его хвалили как хорошего земледельца и хорошего хозяина. Считалось, что те, кого так похвалили, получили самую большую похвалу. Купца я считаю человеком дельным и прилежащим к наживе, но, как я сказал выше, ему уготованы опасности и потери. Из земледельцев же выходят самые мужественные люди и самые дельные войны; доход земледельца самый чистый, самый верный и меньше всего возбуждает зависти; люди, занятые этим делом, вполне благонамеренны».*

* C a t o. De *agri cultura*. Praef., 1—4.

Сам Катон, «*der derbe sabinische Bauer*», по выражению Моммзена*, стал впоследствии идеалом истинного римлянина древнего образца.

«Дух его был суров, язык резок и слишком свободен, но в то же время он был недоступен корысти, обладал неподкупной честностью, презирал искомство и богатство»**, — так характеризует Катона римский историк Ливий. В его представлении, как и у многочисленных других писателей, Катон фигурирует как символ древнеримской доблести, наряду с Цинциннатом, которого весть об избрании диктатором застала за работой в поле, или Манием Курием Дентатом, трижды триумфовавшим, победителем Пирра, скромно и прилежно продолжавшим возделывать свои семь югеров земли***.

В этих представлениях содержится немалая доля правды. Бедный, безвестный плебей, пробившийся в первые ряды римского нобилитета, достигший высшей ступени римской иерархической лестницы****, Катон был в резкой оппозиции к римской правящей знати, считавшей его «новым человеком», выскочкой.

Именно эта борьба Катона против космополитической знати, подверженной сильнейшему разлагающему влиянию эллинской культуры, против все расширяющихся финансово-ростовщических операций банкиров и других представителей высшего имущественного класса «всадников», против захвата знатью государственных земель и за поддержку мелкого и среднего земледельца, стяжала Катону его славу.

Эту славу красноречиво живописует Ливий в своем блестящем панегирике Катону*****.

«Всех знатнейших патрициев и плебеев далеко превосходил М. Порций*****; такова была его умственная и нравственная одаренность, что несомненно было, каково бы ни было его происхождение, он сам создавал себе судьбу; никакая наука или искусство, будь то в частной или общественной жизни, не было ему чуждо; он в равной степени владел знаниями как для деревенской деятельности, так и для городской; других к высшим почетным должностям продвигает или знание права, или ораторское искусство, или военная слава; его одаренность была так многообразна, что за какое бы дело он ни взялся, казалось, что для него-то именно он и рожден; на войне он оказался сильным бойцом, прославившимся во многих славных битвах, и когда он достиг там высших должностей, он сделался прекрасным

* Th. Mommsen. Röm. Gesch., I, 814.

** Liv., XXXIX, 40.

*** Plut., Cato major, 2.

**** Права и обязанности цензора, которых он добился в 184 г. до нашей эры, заключались не только в управлении государственным имуществом республик, но и в контроле над общественной моралью, над частным образом жизни.

***** Liv., XXXIX, 40—41. Различные характеристики личности Катона, см. Th. Mommsen, R. G., I, 812 ff. K. J. Neumann. Gesch. Roms während des Verfalls der Republik, Bd. 1—11; 1881—1884, 52 ff. W. Ihne. Römische Geschichte, Bd. 1—VIII, 1868—1880, Bd. III, 100, 273, f; Bd. IV, 240 f.; Birt. Römische Charakterköpfe, 1913, 357 f.; K. W. Nitzsch, Gesch. der römisch Republik, Bd. 1—11, 188—Bd. II, 51 f.

***** т. е. Катон.

полководцем; также и в мирной гражданской деятельности; если хочешь посоветоваться о праве, он будет самым знающим; если хочешь вести дело в суде, он будет самым красноречивым; и не так, чтобы красноречие его имело силу только при жизни, а потом не оставило бы никакого памятника о нем, напротив—его красноречие живет и продолжает иметь силу, закрепленное в памятниках всякого рода. Ему принадлежит много речей, произнесенных либо за самого себя, либо за других и либо против других; ибо он приводил в изнеможение врагов, не только обвиняя, но и защищая. Постоянная вражда и соперничество преследовали его, но и он преследовал их; и трудно было бы сказать, подавлял ли его больше нобилитет или больше он не давал покоя нобилитегу. Он был, без сомнения, человек суровой души, острый на язык, смелой и свободной речи, недоступный страстям, безупречной честности, презиравший взыточничество и наживу; в бережливости и выносливости к труду и опасностям он отличался почти железной силой души и тела, настолько, что даже старость, которая всех обессиливает, его не сломила; будучи 86 лет от роду, он вел судебное дело, сам себя защищал, произносил речи и писал. Будучи 90 лет, он потребовал к народному суду Сервия Гальбу. Нобилитет как в течение всей его жизни, так и теперь, при соискании им должности, старался его отстранить. Кроме Л. Флакка, который был его коллегой по консулату, все кандидаты сговорились между собой, чтобы не допустить кандидатуры Катона не только потому, что этим способом они сами скорее достигли бы этой должности, и не потому, чтобы их оскорбляла мысль увидеть «нового человека», «*homo novus*», в качестве цензора, но потому, что они ожидали в его лице сурового цензора, опасного для доброй славы многих из них, так как он был многими оскорблен и сам жаждал ответить тем же. Однако и тут, угрожая им, он все же выдвинул свою кандидатуру, обвиняя противников в том, что против него действуют лица, боящиеся свободной и сильной цензуры. Вместе с тем он поддерживал кандидатуру Л. Валерия, говоря, что только с ним одним в качестве коллеги он может обуздать новые злодеяния и снова восстановить чистоту древних нравов. Народ, воспламененный его речами, вопреки желанию нобилитета, не только выбрал цензором М. Порция, но и присоединил в качестве его коллеги Л. Валерия Флакка».

Катон принадлежал к партии тех государственных деятелей, которые, понимая значение для Римского государства мелкого и среднего землевладельца—опоры римских легионов, старались сохранить эту опору, не считаясь с ходом исторических событий.

А ход этот вел, как мы уже выше указывали, к ликвидации мелкого землевладения, к победе крупного рабовладельческого хозяйства. Жестокий удар, нанесенный мелкому хозяйству уже первой пунической войной, партия единомышленников Катона старается смягчить выводом новых колоний по морскому берегу южной Италии, широкой колонизацией районов между рекой По и Аппенинами*. Рост менового хозяйства, приток рабов и крупных финансовых средств

* О колонизации см. E. Kornemann. P. W. R. E., IV, 511.

в виде военной добычи, расширение сферы влияния Римского государства вели к экономическому вытеснению крестьянства, а частью и к вытеснению внеэкономическому—ликвидации силой, сгоном с земли*. Мероприятия Катона и его, политических друзей могли ослабить, замедлить ход этого исторического процесса, но не приостановить его.

Противоречия эпохи, развитие и обострение которых было еще впереди, полностью были отражены Катонем. Мелкое и среднее землевладение было уже серьезно ослаблено, но еще сильно своим удельным весом, влиянием, традицией, положением, занимаемым им в армии. Крупное же рабовладельческое хозяйство еще не очень широко распространилось.

И Катон уже перестал быть «*der derbe sabinische Bauer*», но еще не стал крупным землевладельцем, широко представленным в последующую эпоху. Он ярко воплотил в своей фигуре двойственность и противоречия этого переходного этапа от традиционного, неподвижного в своих экономических связях и технических навыках крестьянского, пусть крепкого, хозяйства, в условиях которого в молодости воспитывался и работал, от более или менее патриархального характера эксплуатации, к крупному рабовладельческому хозяйству, вовлеченному уже, в известной мере, в орбиту меновых отношений**.

Эта двойственность природы Катона, отражавшая его объективное положение в производстве, объясняет ряд противоречий как в его деятельности, так и в его агрономическом творчестве. Мы подчеркиваем—в его деятельности, так как ни широко распространенное представление в духе характеристики Ливия, ни, наконец, утверждение самого Катона о происхождении его богатства—«я его нажил земледелием и бережливостью»—не соответствуют, конечно, действительности.

«После того как Катон,—находим мы у Плутарха,—начал заниматься прибыльными промыслами, он стал смотреть на сельское хозяйство, скорее, как на развлечение, чем на источник дохода, вкладывая свои средства в промысловые теплые источники, места, удобные для устройства сукновален, доходные земельные участки с природными пастбищами и лесами, которые давали большой доход и, по его словам, не могли терпеть ущерба вследствие капризов климата. Но Катон занимался также и самым сомнительным видом

* А р р. b. с. I, 7.

** Разумеется, заметим попутно, что наличие этих меновых отношений—денежного хозяйства—в рабовладельческом обществе никак не может служить основанием для каких-либо исторических аналогий с современным капиталистическим хозяйством, как бы это ни старались доказать различные апологеты буржуазии.

Из того, что часть земледельческого продукта натурального в своей основе хозяйства вступает в процесс обращения, вовсе не следует, что речь идет о капиталистическом способе производства, понятию которого «вообще противоречит такой базис, как рабство».

Это относится и к имениям Катона, где, говоря языком политической экономии, «рента и прибыль еще не обособились, потому что земельный собственник в то же время и капиталист...» «...это обособление,—замечает Маркс,—как раз предпосылка капиталистического способа производства...» (К. М а р к с, Капитал, т. III, ч. II, стр. 567, прим. 44, Партиздат, 1935.)

ростовщичества, ссужал деньги под залог кораблей». И далее Плутарх с эпическим спокойствием описывает хитроумные коммерческие и финансовые комбинации этого «прямолинейного крестьянина», комбинации, которым отдал бы дань уважения не один современный делец. Катон, например, никак не отказывал желающим в денежной ссуде. Но, желая обеспечить себе не только возврат ссуды, но и солидный процент, он организовывал из своих клиентов специальные торговые компании, ссужая их деньгами под условием, что они входят в такое торговое товарищество. Когда число членов-пайщиков товарищества доходило до 50, он на ссуженные им деньги снаряжал корабли, оставляя за собой небольшую часть пая через подставное лицо—своего вольноотпущенного Квинтона, который промышлял и совершал рейсы вместе с прочими компаньонами, получив ссуду. «Таким образом,—заключает Плутарх,—Катон рисковал не всем предприятием, но малой долей в нем, имея в то же время крупные шансы на прибыль». Кроме того, Катон давал ссуды также и рабам, заявлявшим о том желание. Они покупали подростков и после года упражнений и обучений перепродавали их. «Многих оставлял за собой Катон, высчитав их продажную цену».

Мы видим, что деятельность Катона очень далека от невинных занятий земледелием, совершенно недвусмысленно преследуя цели максимальной наживы.

Ошибочным было бы предполагать, что все высказывания Катона и о Катоне, рисующие его римским земледельцем старого закала, неверны. В Катоне, как мы уже говорили, сочетались два начала: одно шло от свободного крестьянского хозяйства ранней поры, другое от менового хозяйства; одно от крепкого хозяйственного земледельца, второе от «капиталиста». В зависимости от той или иной сферы деятельности, оказывается сильнее то одно, то другое начало, или своеобразное их сочетание.

В зависимости от того, о какой стороне деятельности Катона идет речь, он выступает то как представитель традиционного земледельца классической эпохи античности, то как представитель новых «капиталистических» тенденций. Однако первое из этих начал, представляющее навыки мелкого и среднего землевладения, звучит в агрономическом творчестве Катона сильнее, чем у последующих сельскохозяйственных авторов; пуповина, связующая Катона с крестьянской традицией, свободными земледельцами, все еще сильна, ослабевая у последующих агрономических писателей и почти совершенно уже исчезая у Колумеллы.

Все сказанное выше является отправной позицией для понимания и правильного комментирования ряда основных положений катонского трактата.

Развернутый комментарий к Катону составил бы солидный том исследования о проблемах и состоянии италийского (и не только италийского) хозяйства II века до нашей эры (и не только II века).

Ясно, что в настоящем введении можно привести лишь одну-две иллюстрации выдвинутых выше положений.

Ряд глав рисует Катона скардным крестьянином, дрожащим над малейшим расходом, припрятывавшим каждую мелочь, экономя-

щим на самом необходимом. «Вести хозяйство нужно так, чтобы расходовать как можно меньше». Само по себе подобное требование могло бы быть сочтено за благоразумный хозяйственный совет, но, взятое в контексте всего трактата, оно звучит призывом к воздержанию также и от вложений, необходимых для поднятия урожайности. Подобный хозяйственный принцип мало благоприятствовал росту и улучшению хозяйства. И Катон не случайно воздерживается от указаний на необходимость соответствующих затрат для приобретения хорошего, но дорожке стоящего рабочего скота, хорошо обученных, но дорожке стоящих рабов—квалифицированных специалистов—виноградарей и т. д. А именно эти требования занимают видное место в агрономических трактатах последующих авторов, например, Колумеллы.

В то же время Катон настаивает на хорошей обработке почвы, хороших плугах—советы, требующие сейчас, в растущем рабовладельческом хозяйстве, немалых затрат, но сложившиеся еще в ту докатоновскую пору, когда слава хорошего пахаря составляла гордость земледельца.

Но, выдвигая эти требования, Катон руководствуется отнюдь не этой гордостью старинного земледельца эпохи натурального, не вовлеченного в меновой оборот хозяйства, старавшегося, действительно, «покупать, как можно меньше».

Катоном двигают стимулы значительно более реальные: «хозяйствовать нужно так, чтобы продавать как можно больше». Новые времена—новые песни. Катон очень не прочь позаимствовать от старинного земледелия и требования тщательной обработки земли и, в особенности, конечно, минимальные хозяйственные затраты.

Он «только» хочет добавить сюда и максимальные денежные доходы, продавать как можно больше. Но это неминуемо связано и с затратами. И как Катон ни воздерживается от них, он сам в отдельных случаях должен скрепя, так сказать, сердце делать соответствующие указания. Но он не только вынужден их делать, но и может себе позволить, так как хозяйство, представляемое Катоном,—это хозяйство на подъеме, хозяйство, вовлекаемое в рыночный оборот, хозяйство периода, когда рабовладелец не только не вынужден был отказываться от организации производства, но находился, если не в начале, то, во всяком случае, не в конце своей экспансии.

Это сказывается и в организации рабского труда—важнейшей проблеме рабовладельческого способа производства, которой Катон, жестокий и искусный эксплуататор, уделяет большое внимание.

Однако, что крайне характерно для всего катоновского трактата, внимание это меньше всего направлено на организацию труда в сельскохозяйственном производстве непосредственно, на его известную «рационализацию», что характерно уже для агрономических писаний последующих веков.

Остановимся поэтому несколько подробнее на Катоне как организаторе сельскохозяйственного труда, тем более что все тот же Плутарх сохранил нам весьма любопытные подробности на сей счет.

«Среди рабов он постоянно изобретал способы поддерживать ссоры и споры, ибо согласие в их среде считал опасным и боялся его.

Если раб совершал преступление, подлежащее наказанию смертью, Катон судил виноватого в кругу всех рабов и в случае осуждения подвергал его смертной казни*. После работы раб должен был предаваться сну. Катон бывал чрезвычайно доволен, когда рабы своевременно шли спать, ибо считал, что такие рабы покладистее тех, которые любят бодрствовать**. Катон не оставлял своим вниманием многие потребности рабов. «Полагая, что половая неудовлетворенность вызывает небрежное отношение к работе, он устроил так, чтобы рабы за известную плату вступали в сношения с рабынями». Катон, однако, не ограничивался заботами о рабах только для своих имений. Он организовал также специальную школу по подготовке рабов на продажу, своего рода подсобное «промпредприятие». «Катон владел большим количеством рабов, причем из числа военнопленных покупал малолетних, т. е. в том возрасте, когда они, подобно щенкам или жеребятam, легко могут поддаваться воспитанию и дрессировке». Мы уже указывали, что Катон предоставлял специальные ссуды рабам для подобной цели. Рабы «покупали подростков и после года упражнений и обучений... перепродавали их», а зарабатывал на этом Катон вдвойне. Подростки работали в хозяйстве, ссуда взыскивалась неукоснительно, а та часть денег, которая приходилась на долю раба—воспитателя и должника—вряд ли уходила из хозяйства. Например, за сношение с рабынями взыскивалась плата, а «обращаться к другим женщинам он им (рабам) воспрещал»***.

Все эти операции и действительно высокое умение сдирать семь шкур с одного и того же раба, при всем их несомненном интересе для понимания катоновского трактата, занимают агронома все же значительно меньше, чем вопросы организации труда непосредственно в производстве.

Однако мы не найдем у Катона того исключительного внимания к этому решающему для организации хозяйства вопросу, какое являет нам впоследствии Колумелла. Хотя, по свидетельству Плутарха, «Катон владел большим количеством рабов», по отношению к производству это число было, очевидно, достаточно еще скромным. Катон не ставит вопроса ни о разделении труда между рабами, ни вопроса об их специализации и профессиональной квалификации, ни об организации управления отдельными группами рабов. Вся его забота сводится к тому, чтобы заставить раба работать вообще.

И в этом важнейшем вопросе сказался тот двойственный характер Катона—земледельца и рабовладельца, о котором мы выше говорили. Хозяйство Катона—это уже давно не крестьянское хозяйство с несколькими рабами, но еще не крупное рабовладельческое хозяйство и уже, во всяком случае, не латифундии. А потребность в науке об организации именно такого хозяйства, в изучении опыта его ведения сказывалась все острее. Катоновский же трактат этой потребности не удовлетворяет.

* Plut. Cato major, XXI.

** Ibidem.

*** Ibidem, 1.

При всем своем приспособлении к возможностям, открывающимся при росте рыночного хозяйства, Катон, как поборник старых устоев хозяйства и быта, оставался достаточно архаичным в своих методах хозяйствования. Капиталистическая, условно говоря, поправка к «крепкому сабинскому крестьянину» была не по силам разорвавшемуся свободному земледельцу, который при всем желании не мог следовать советам Катона, и была уже слишком слаба, явно недостаточна для растущего крупного рабовладения, искавшего путей выгодного применения капиталов к земледелию.

Италийский хозяин-рабовладелец начинает искать учителей этого выгодного хозяйства в другом месте, не находя их у себя дома. По иронии судьбы, учителем этим становится злейший враг Катона—Карфаген.

Мы имеем в виду такой совершенно исключительный по своему интересу и значению факт, как перевод Магона на латинский язык.

Перевод Магона—яркое доказательство поисков итальянским хозяйством новых технических методов и организационных форм, свидетельствующее о несомненной эволюции римского земледелия, о развитии, перешагнувшем катоновские нормы.

Магон считался в древности одним из выдающихся агрономов.

К сожалению, ни одна строчка из написанных им сочинений до нас не дошла, и мы знаем о его влиянии и значении лишь по различным цитатам, ссылкам и упоминаниям последующих, в особенности римских, писателей.

Ведя долгодетную ожесточенную борьбу с Карфагеном, римляне успели хорошо познакомиться со своим врагом. Сельское хозяйство Карфагена, крупные и мелкие поместья управлялись и велись лучше, технически более совершенно, чем в современной Катону Италии.

И вот, под давлением, очевидно, тех землевладельческих слоев, которых *agri cultura* Катона уже не удовлетворяла, Римский сенат решил пойти на выучку к злейшему врагу Катона—Карфагену, против которого Катон столько лет упорно боролся.

На заседании Римского сената было принято постановление о переводе сочинений Магона на латинский язык, и с этой целью было даже решено создать специальную комиссию.

Исключительное значение этого решения трудно переоценить, если учесть, что оно представляло собой не только единственный в истории случай обсуждения сенатом литературных вопросов, но что это решение было принято, несмотря на громадный авторитет и популярность сочинения Катона, так боявшегося влияния на Рим иностранной литературы и ожесточенно с этим влиянием боровшегося*. Наступали, очевидно, другие времена. Правительственная комиссия под руководством знатока карфагенского языка Децима Силана решение сената в точности выполнила, и в 141 г. до нашей

* Так, например, Катон добился высылки из Рима греческих ученых, риторов, философов, учителей и других представителей греческой образованности.

эры двадцать восемь книг Магона появились на языке римлян. Исключительная популярность и широкое распространение этого перевода среди римских сельских хозяев засвидетельствованы Цицероном, Плинием, Варроном и др.*.

Анализ различий между техникой карфагенского земледелия и римской, влияние, оказанное первой на вторую, реальное значение Магона для изменения технических методов производства требуют специального исследования.

В данном же случае факт перевода Магона интересует нас как доказательство того, что Катон уже перестал удовлетворять растущие производственные запросы землевладельцев и что, следовательно, в сельском хозяйстве той поры наметилась определенная прогрессивная тенденция, что хозяйство развивалось и требовало дальнейших улучшений, в частности, в связи с широким распространением виноградарства и садоводства. Итальянский землевладелец, несмотря на все свое уважение к Катону, откладывает его руководство в сторону и изменяет ему с представителем культуры Карфагена, правда, предварительно разрушив до основания самый Карфаген.

ВАРРОН

Из двадцати восьми книг Магона до нас, как мы выше указывали, не дошло ни одной, и мы знаем его лишь по цитатам последующих авторов. В особенности это относится к следующему за Катonom крупному агрономическому писателю Варрону, для которого Магон, по мнению многих исследователей, служил главным источником. Около 37 г. до нашей эры, спустя столетие после сочинения Катона, появились три книги Варрона—*Rerum rusticarum libri tres*.

Ученый, государственный муж, любитель археологии, истории и литературы, Варрон не был практическим дельцом и сельским хозяином типа Катона**.

И хотя Варрон и пишет во введении к своей работе, что источниками ее являются литературные материалы, указания сведущих людей и собственный опыт***, последнее остается все же под большим сомнением.

Во всяком случае, сравнение первой книги Варрона о земледелии с соответствующими главами Катона выявляет такую бедность практических знаний и конкретных указаний, советов у Варрона, что *Gentili***** имел, пожалуй, известные основания поставить вопрос: извлекло ли какую-нибудь пользу сельское хозяйство из произведения Варрона?

Сравнительно больше практической осведомленности Варрон проявляет в животноводстве, о котором трактуют книги вторая

* «Отнесемся со всевозможным уважением к отцу земледельческой науки Магону Карфагенинину, чей замечательный двадцативосьмитомник был переведен на латинский язык по постановлению сената». *Column*, I, 1. 13.

** *M. Schanz. Geschichte der römischen Literatur*, VIII, 1, 2, Münch., 1909, стр. 444 и сл. *Gummers. O. c.*, стр. 50 и сл.

*** *Varr. r. r. lib. tres*, I, 1, 11.

**** *Gentili. De Varronis in libris rerum rusticarum auctor. (Studi ital. di filol. class.*, XI, 1903), p. 158.

(крупный рогатый скот, овцы, свиньи, мулы и лошади) и третья (птицеводство, пчеловодство, рыбоводство). Это обстоятельство вряд ли случайно. Оно совпадает с общим повышением интереса к животноводству, связанному с теми изменениями в сельском хозяйстве Италии, которые происходят ко времени Варрона.

А изменения эти заключались, прежде всего, в расширении и упрочении крупного рабовладельческого хозяйства, захватывавшего в свою собственность после подавления рабских восстаний и гракховского движения все большее количество земли. Вместе с тем все сильнее проявлялось изменение в соотношении отдельных отраслей сельского хозяйства.

При росте виноградарства относительно падает роль зернового хозяйства* и значительно усиливается животноводство.

Относительное значение полеводства действительно упало, как в связи с быстрым ростом площадей под садами и виноградниками, так и вследствие конкуренции дешевого экспортного хлеба, появившегося в Италии в большом количестве в виде военной добычи и регулярных поставок римских провинций.

Вообще говоря, провинции снабжали Рим хлебом уже со II века до нашей эры—Сардиния, Сицилия, эта, по выражению Катона, «житница Рима», славившаяся своими высокими урожаями, Египет, давший Риму при Августе 20 миллионов модиев хлеба и еще больше при его преемниках, Африка, давшая тому же Августу хлеба вдвое больше, чем Египет (40 миллионов модиев). Шел хлеб и из Трансальпийской плодородной Галлии, еще севернее, из Британии (для питания римских легионов в Германии), шел из Испании**. Вместе с тем политика *panem et circenses*, необходимость подкармливания громадного количества «свободных римлян», скопившихся в Риме без всяких перспектив на производительный труд, заставляла резко снижать цены на хлеб, зачастую раздавать его бесплатно. Эти обстоятельства никак не могли, конечно, благоприятствовать расцвету зернового хозяйства, его расширению, но не следует также преувеличивать их отрицательное влияние на полеводство Италии. Значительно более серьезным фактором упадка зернового хозяйства сравнительно с заморским экспортом были все обострявшиеся трудности организации рабского труда при значительно более легких возможностях освоения громадных земельных просторов под животноводство.

Варрон рисует этот процесс в следующих выражениях***: «так как теперь хозяева потихоньку пробрались в городские стены и, оставив серп с плугом, предпочли работать руками в театре и цирке, а не на ниве и не в винограднике, то мы и ввели на пшеницу откупа,

* Д. П. Кончаловский. К вопросу об упадке хлебопашества в конце римской республики. Сборн. в честь М. К. Любавского, Петрогр., 1918, стр. 787 и сл. См. также Ферреро. Вел. и пад. Рима, т. I, прилож. «О хлебной торговле в древнем мире», стр. 331—337.

** Об организации снабжения Рима хлебом см. «Frumentum», P. W. R. E., VII, 1, стр. 127—187, и Oehler, «Annona», P. W. R. E., I, стр. 2316—2319.

*** Var. r. r., II. Proem., 3.

чтобы нам из Африки и Сардинии привозили насущное пропитание, а в корабли убирали виноград с острова Коса и с Хиоса». Впрочем последняя жалоба несколько менее основательна, чем первая, так как интересы владельцев крупных виноградников защищались достаточно энергично: так, например, в их интересах было воспрещено разведение новых виноградников и оливок в Трансальпийской Галлии*, а император Домициан (81—96 гг. нашей эры)** впоследствии вообще распорядился вырубить конкурирующие виноградники. В лучшем положении находилось животноводство, легче приспособившееся к изменившимся условиям,—зачастую невыгодные нивы стали превращаться в более выгодные луга. И Варрон с прискорбием восклицает, что «в той стране, где пастухи, основавшие Рим, учили своих детей земледелию, там дети этих детей из-за жадности, вопреки законам, превратили нивы в луга, не понимая того, что земледелие и скотоводство не одно и то же»***. Положим, «дети детей» это прекрасно понимали, так же, впрочем, как и сам Варрон, который непременно обязавшись большими, по его собственному признанию****, стадами: в Апулии—овец, в Реате—лошадей. Отсюда и большее внимание животноводству и большая практическая осведомленность его в этой области.

Варрон и отвечал на запрос крупного рабовладельческого хозяйства, требовавшего некоторого руководства по ведению подобных предприятий. Собственно говоря, вторая книга, трактующая эти вопросы, даже формально посвящена некоему Нигеру Туррану, крупному скотопромышленнику, для того, «чтобы ты (Нигер Турран) тратился с толком»*****. Этот заказ крупного рабовладельца Варрон выполняет, однако, и в первой книге, о земледелии, хотя формально она посвящена жене автора Фундании, чтобы помочь ей вести недавно приобретенное имение.

Для выполнения этих задач и пришлось обратиться к Магону, отражавшему опыт крупного плантаторского хозяйства карфагенских купцов, умело организовавших эксплуатацию большого количества рабов.

И в Риме прогрессирует искусство управления рабами, на этот раз уже большими массами, чем у Катона. У Варрона появляются указания о людях, которые стоят во главе рабов, помимо виллика. Они должны быть грамотными, честными, обходительными и сведущими в сельском хозяйстве. «Они должны ведь не только командовать, но и работать, чтобы работе их подражали и чтобы раб мог убедиться, что этот человек распоряжается им с основанием, ибо превосходит его знаниями»*****.

Они должны, по Варрону, внимательно перечитывать сельскохозяйственные советы Магона.

* Cic. de r. p. III, 9, 16. Th. Mommsen, Röm. Geschichte, II, 160, 392; V, 98.

** Th. Mommsen, Röm. Geschichte, Bd. V, S. 99.

*** Var. r. r., II. Proem. 4.

**** Var. r. r., II. Proem. 6.

***** Ibidem.

***** Ibidem, I, 17, 4.

Не следует, предупреждает Варрон—Кассий-Дионисий—Магон, покупать много рабов одной и той же национальности, от этого преимущественно в доме возникает неурядица*. «Начальников надо задабривать наградами, стараться, чтобы у них были собственные сбережения и рабыни-наложницы, от которых они имели бы детей. Это делает их вернее и крепче привязывает к имению. Рвение в начальниках надо поощрять, оказывая им некоторый почет**.

Было бы, однако, неправильным предполагать, что весь трактат Варрона написан специально для практического обслуживания интересов крупного землевладения***, хотя именно этим интересам он и обязан своим появлением.

Варрон составлял не просто сборник практических указаний катоновского типа, а систематический трактат по сельскому хозяйству. Он дает, скорее, некоторые общие основы сельскохозяйственных знаний, чем советы, рецепты по их практическому применению в хозяйстве определенного типа.

Широко начитанный и имевший немалый опыт в работе над различными источниками, Варрон использовал в своем трактате высказывания представителей различных социально-экономических типов хозяйств, различных писателей, итальянских, греческих и др.

Из римских авторов цитируется чаще всего Катон, но не только Катон, ибо за время от Катона до Варрона уже начали появляться другие сельскохозяйственные писатели; таковы, например, Сазерны—отец и сын, принадлежавшие к тому же, мы сказали бы, домоводческому направлению в сельскохозяйственной литературе, что и Катон, и к работам которых, как и к ряду высказываний самого Катона, Варрон относился явно скептически и иронически****. Таким образом, с литературой вопроса Варрон был знаком. Использованы им и указания сведущих людей.

В диалоге Варрона, а его труд написан в этой форме, фигурируют Г. Лициний Столон и Тремеллий Скрофа, человек, считающийся «самым опытным римлянином в сельском хозяйстве»*****. Это мнение о высокой квалификации собеседников Варрона—источников его сельскохозяйственного опыта—подтверждается следующей любопытной характеристикой: «его имения так возделаны, что многим доставляют зрелище более приятное, чем царственно отделанные дворцы других»*****.

Мы выше вкратце остановились на трех источниках агрономических познаний Варрона и отметили, что самый слабый из них, по крайней мере, в книге о земледелии,—это его собственный опыт, и в этом отношении Катон стоит выше.

* Ibidem, I, 17, 5.

** Ibidem, I, 17, 6.

*** Gummertus. Der röm. Gutsbetrieb als wirtschaftl. Organismus, Klio, Beitr. z., alt Gesch. Beih. 5. Leipz.

**** Varr. r. r. I, 18, 6; I, 19; I, 2, 28. Об отношении Варрона к трудам Катона и Сазерны, см. Gummertus, o. c.

***** Varr. r. r., I, 2, 10.

***** Ibidem.

Но достаточно более или менее внимательно сопоставить сочинение Варрона с катоновскими записями, чтобы наглядно представить себе громадную разницу между этими двумя произведениями, представить себе путь, пройденный от катоновского сборника разрозненных агрономических рецептов до варроновской попытки изложить систему знаний о сельскохозяйственном производстве, систему, начинающуюся с четкого определения предмета исследования—земледелия,—строго отграниченного в своих рамках от смежных видов деятельности. За столетие от Катона римская агрономическая мысль поднялась до обобщения ряда отдельных агрономических фактов в общие положения, овладела внеиталийским опытом и стала критически оценивать и переоценивать ряд бесспорных ранее агрономических положений. Этот рост римской агрономической культуры очень ярко выражен в патетической и патриотической тираде Фунданиа: «Есть ли какое-нибудь полезное растение, которое не только бы не росло в Италии, но и не оказалось бы здесь превосходным. Какую полбу сравню я с кампанской?! Какую пшеницу с апулийской?! Какое вино с фалернским, какое масло с венафрским?! Не засажена ли Италия деревьями так, что она кажется сплошным фруктовым садом?!»*.

Хотя Италия, конечно, далеко не была сплошным фруктовым садом, но трактат Варрона, ставивший подобные риторические вопросы, важен и интересен для нас именно как показатель эволюции сельского хозяйства и роста римской агрономической мысли, приступившей под сильным влиянием греческой культуры к систематизации и обобщению своего агрономического опыта.

Ярче всего об этом говорят уже само определение земледелия и само содержание трактата. Варрон был первым из римских агрономических писателей, кто резко порывает с домоводческим характером сельскохозяйственных трактатов. «Земледелие—наука необходимая и великая. Она учит нас что на каком поле следует сеять и делать, чтобы земля постоянно приносила самые большие урожаи».

Само определение науки о земледелии, данное Варроном, и иронический тон его собеседников по адресу домоводческих трактатов свидетельствуют о дальнейшем разделении труда, об известном росте товарного земледелия. Варрон не случайно упоминает, что есть много хозяев, которым приходится ввозить, потому что у них в имениях нехватает хлеба, вина и пр....; «немало, наоборот, и таких, которым надо что-либо вывозить». Это движение в сельском хозяйстве заставляло двигаться и итальянскую агрономическую мысль. Замечательное во многих отношениях варроновское определение науки о земледелии ярко характеризует уровень агрономической культуры.

Во-первых, земледелие совершенно категорически объявляется наукой, и наукой необходимой. То, что отнюдь не было ясно современникам Катона, вынужденного убеждать своих соотечественников в полезности агрономических знаний, сейчас не требует особых доказательств. Они потребуются еще впоследствии, в эпоху Колумеллы. После появления агрономических сочинений понатоновских

* Var. r. r., I, 2, 6.

и доварроновских римских писателей—Сазерны—отца и сына, Люция Столона, Тремеллия Скрофы, усилившегося влияния сочинений греческих писателей, в особенности Феофраста, Аристотеля и др., необходимость агрономической науки больше не оспаривается и не дискутируется. Во-вторых, целью науки о земледелии объявляется не просто получение высоких урожаев, но и, что является дальнейшим шагом по сравнению с Катонем, получение урожаев устойчивых.

Это требование означает, что агрономический опыт настолько возрос, агрономическая мысль работает настолько углубленно, критически, интенсивно, что не удовлетворяется высокими урожаями при благоприятных условиях погоды и низкими при отрицательных, хотя ранее это принималось в качестве совершенно естественных и неизбежных явлений, зависящих от настроения богов-покровителей. Работа агрономической мысли стимулируется также и тем, что неурожаи временами бывали настолько значительными, что влекли за собой голод. Такой неурожай поразил Италию как раз за год до появления варроновского трактата, т. е. в 38 г. до нашей эры. Если же учесть, что агрономические положения Варрона складывались в течение достаточно длительного периода, то мимо его внимания не прошли и более ранние неурожаи 49 и 57 гг. до нашей эры.

Агрономический ответ на эти запросы и является третьей характерной чертой варроновского определения земледелия. Ответ этот сохраняет свое значение и по сегодня.

Основой науки о земледелии, гласит этот ответ, является дифференциация агрономических мероприятий в зависимости от почвенных и климатических условий данного района. Отказ от агрономического штампа, от общеобязательных для всех полей и культур агрономических рецептов является первым следствием, вытекающим из этого основного принципа варроновской агрономии. Тщательное изучение своего района, имеющее такое громадное значение, особенно для Италии, с ее пестрым микрорельефом и почвами, разработка порайонной агротехники—следствие второе. И следствие третье, естественно вытекающее из первых двух,—это постановка и развитие опытной работы, введение сельскохозяйственного опыта.

О необходимости считаться с особенностями местности, знать «что какая земля любит», знали задолго до Варрона. Об этом писал уже Катон. Однако Варрон впервые возвел это одно из агрономических замечаний прежних авторов в основной принцип, основное исходное положение науки о земледелии. Отправляясь именно от этого принципа и под этим углом зрения, Варрон систематизирует, излагает известные ему агрономические факты и положения, подчиняет их основной своей идее.

Эта идея—стержень всех его высказываний о почвах, их обработке, посеве, выборе культур, чередовании их и т. д. В особенности это относится к почвам, предварительное изучение которых являлось для Варрона предпосылкой определения тех или иных агрономических мероприятий. Поэтому Варрон систематизирует и широко развешивает характеристику почвенных разностей, материалы для

которых были собраны не им, а предшествующими агрономическими писателями, в особенности Теофрастом, сочинение которого, как и Магона, Варрон нещадно эксплуатирует.

Почва в имении, пишет Варрон, главным образом и определяет, считается ли оно плохим или хорошим. «Что можно в ней посеять и что растет,—этот вопрос имеет большое значение: не все хорошо пойдет на одном и том же участке. Одни пригоден для лоз, другой для хлебов, каждый для чего-нибудь*». «Важно, сказал я, какова земля, для чего она хороша, а для чего нет**». И далее следует любопытная классификация почвенных разностей, из которых каждая, в свою очередь, подразделяется на 27, по крайней мере, видов—«3 по степени влажности,—то сырее, то суше, то занимающая среднее положение,—затем тощая, жирная или средняя. Далее, в одной почве очень много камней, в другой их умеренное количество, третья почти чиста от них». Но эту классификацию сам Варрон считает слишком грубой для агропроизводственных целей. Он указывает, что есть еще более тонкие различия во всех видах, а этих видов, по Варрону, уже на основании предыдущей классификации—около 300. Например, для песчаника важно—белый в нем песок или красный и т. д. Проводя, как мы говорили, в своем трактате в качестве основной идеи положение, что земледелие есть наука о том, «что на каком поле следует сеять», Варрон тут же дает примеры, как следует этим принципом руководствоваться. «Многие культуры дадут на жирной почве больший урожай, на тощей наоборот...». На беловатом песчанике нельзя садить посадок, красноватый для этого вполне пригоден.

Различия по степени влажности почв имеют самое большое значение для урожая. Опытные хозяева на месте посырее сеют скорее полбу, чем пшеницу, на месте посуше—скорее ячмень, чем полбу, там же где ни сухо, ни сыро,—и то и другое***. Не удовлетворяясь физическим описанием почв, как критерием выбора культур и методов и способов обработки почв, Варрон, ссылаясь на Диофана Вифинского, рекомендует привлечь и механический анализ: «если почва будет белая, черная, легкая, будучи выкопана, легко рассыпается, не похожа на золу и не слишком плотна****. Наконец, этой же цели служит и растительный покров—«судить об урожайности почвы можно по растениям, выросшим на ней, если они высоки и урожайны на свои плоды». В зависимости от всех этих указаний, Варрон, как мы уже отметили, считает нужным рассмотреть что и в каком месте лучше всего сеять. «На одних местах будет хорошее сено, на других хлеба, на иных виноградники, еще на иных оливы; то же и с растениями, которые относятся к кормовым, например, викой, люцерной и люпином...»*****.

Варрону известны уже из предыдущего опыта и литературы свойства некоторых почв (тощая и жирная) и свойства некоторых

* Varr. r. r. I, 7, 5.

** Varr. r. r. I, 9.

*** Ibidem.

**** Varr. r. r., I, 9, 7.

***** Ibidem, I, 25, 1.

растений, истощающих и обогащающих почвы (в частности, бобовых). Он сопоставляет эти свойства почвы и отдельных растений и уже на этой основе дает указания, что на какой почве сеять. На «более слабой земле» он советует сеять то, что «не нуждается в обильных соках», например, бобовые и стручковые, а растения, «нуждающиеся в более сильном питании», как, например, лен, пшеницы, следует размещать на земле «жирной». Насколько эта мысль не была случайной, показывают советы Варрона в отношении посадки олив, советы, которые могли появиться только в результате очень длительного практического опыта. Земледелец явно не удовлетворяется уже указаниями общего порядка, где что сеять и садить. Такое указание, что «засаживать оливами можно только такое место, которое обращено к фавонию и залито солнцем—всякое иное не годится»*, — несмотря на всю свою категоричность, оказывается слишком общим и потому недостаточным. Требования идут дальше: какой сорт оливы** каких условий требует; этот же вопрос поднимается и относительно других растений.

И Варрон при всех своих ограниченных практических познаниях перечисляет сорта оливковых деревьев, которые требуют тучного и горячего поля, в отличие от других сортов, которым необходимо «поле бесплодное и холодное», как, например, липиниевой оливе. «Если ты посадишь ее на тучном и горячем поле, то масла не получится вовсе»***.

Проницающая, как мы выше указывали, весь варроновский трактат идея необходимости дифференцирования агрономических приемов в зависимости от условий данного района, участка, поля проведена и по отношению к вопросам посева.

Устанавливается различная норма высева для разных растений (пшеница—5 модиев на югер, ячмень—6, бобы—4, полба—10) с подчеркиванием необходимости варьировать эту среднюю норму в зависимости от характера почвы—немного больше, или немного меньше: «на тучном месте больше, на тощем меньше».

Одновременно оговаривается значение того, совершается ли посев на целине, по пару, или «на земле, которая ежегодно засеивается».

Не только нормы высева, но и срок посева подчиняется необходимости строгой увязки с другими факторами сельскохозяйственного производства.

Сажать и сеять следует, по Варрону, в землю не слишком сухую или «пеструю», удовлетворяющую потребности семян во влаге. (Отметим, в скобках, всю важность этого понимания Варроном значения «пестроты поля».) Сроки сева не одни и те же для всех мест и всех сортов. Однако тут Варрон, так же как и в вопросах обработки земли, не разворачивает почти никаких доказательств и чрезвычайно суживает агрономические примеры и практические советы. Если бы такое соотношение между общим положением и подтверждающими

* Ibidem, I, 24, 1.

** Об оливах в древней Италии см. М. Сергеев. Архив истории науки и техники, вып. 7, стр. 325 и сл.

*** Varr. г. г. I, 24, 2.

его примерами из агрономической практики было соблюдено по отношению ко всем вопросам, мы готовы были бы оценить это обстоятельство весьма высоко, а именно, как сознательный отказ от простого перечисления и описания массы фактов в целях четкого и сжатого изложения общей агрономической теории, общих ее положений. Но содержание варроновского агрономического диалога не дает для такой постановки должных оснований. Скорее, мы имеем тут дело с наличием у Варрона весьма ограниченного личного практического опыта, — в одном случае у него имеется больше сведений, и он их излагает полностью, в другом он информирован более скудно.

Однако было бы неправильным удовлетвориться просто таким объяснением. Эта в одном случае большая, в другом случае меньшая информированность Варрона, несомненно, отражала больший или меньший удельный вес тех или иных агрономических вопросов, ту или иную степень их остроты и разработанности и, следовательно, тот или иной их технический уровень.

Мы видели уже выше, чем объясняется повышенный интерес Варрона к животноводству. Любопытно, что с точки зрения организации хозяйства в целом, сочетания полеводства с животноводством, этот интерес отсутствует и этот вопрос не разрабатывается, хотя налицо уже ясное понимание связи между полеводством и животноводством. Это именно Варрону принадлежат замечательные строки о «великом союзе» между земледелием и животноводством. Это он указывает, что хозяину имения в большинстве случаев выгоднее скормить имеющийся в имении корм, чем продать его, что унавоживание весьма полезно для плодов земных «и скот для этого и предназначен». «У кого есть имение, тот должен иметь дело с обоими отраслями хозяйства: и с земледелием и со скотоводством...».

Нужно ли подчеркивать громадную разницу этих положений с писаниями Катона? Что к домоводческому характеру этих писаний Варрон относился с явной издевкой, считая их устаревшими и ненаучными, мы уже упоминали. Насколько далеко зашел он в стремлении порвать с патриархальными руководствами по сельскому хозяйству, стремлении, отражавшем определенные сдвиги в итальянской экономике, показывает его замечание о месте животноводства в земледельческой науке. «Ни одно животное, сказал я, не имеет отношения к земледелию, кроме тех, которые работой своей помогают возделывать поле, т. е. которых можно запрячь и пахать на них».

Это ведь пишет тот самый Варрон, которого, как мы выше показали, нельзя упрекнуть в непонимании «великого союза» между животноводством и земледелием. Следовательно, подобное замечание может свидетельствовать об известном роете специализации в сельском хозяйстве Италии, и оно понятно в устах крупного скотовода, незаинтересованного особенно в полеводстве и сравнительно мало, как мы видели, в нем осведомленного.

Значительно больший интерес и осведомленность проявляет Варрон в вопросах, наиболее острых для рабовладельческого хозяйства, как, например, организация рабского труда. Он развертывает ряд доказательств против расчетов Катона в потребности рабо-

чих рук для имения, опровергая абсолютное значение катоновских норм, так же как и норм Сазерны. Но и здесь вся аргументация развивается, исходя все из того же принципа, — если «это было достаточно в имении у Сазерны в Галлии, то это не значит, что так же будет и в горных местностях Лигурии».

Предполагаются, следовательно, различные нормы выработки, различные условия труда, различные агротехнические приемы в разных местностях. Тем более следует подчеркнуть, что вопросы непосредственно агротехнические, вопросы обработки почвы и орудий этой обработки обойдены, по существу, молчанием, бегло изложены в плане общей информации, так сказать, для полноты повествования, а не заострены так, как это сделано по отношению к почвам и растениям. Очевидно, что эти вопросы — агротехника обработки — в хозяйстве, представляемом Варроном, еще не ощутили на себе с необходимой остротой новых веяний. Наиболее инертные, неподвижные, трудно меняющиеся из всей группы агротехнических приемов — приемы обработки почв лишь в последнюю очередь испытали на себе требования соответствующих изменений, которые предъявляла к обработке почвы эволюция сельского хозяйства Италии, крупное рабовладельческое хозяйство. Эти требования впоследствии сформулирует по-своему Колумелла, на них остановится и Плиний. Варрон меньше интересуется рационализацией или изменением методов обработки почвы, хотя критическая агрономическая мысль уже в его время ставит вопрос о пересмотре и проверке некоторых приемов. Сперва лишь робко, в порядке опытов, несколько позже, в трактате Колумеллы, она предстанет значительно более смелой, «пока же мы должны действовать двояко: и подражать другим и делать по-другому, ставя некоторые опыты, причем будем не просто рисковать, а следовать неким разумным основаниям; посмотрим, например, какое значение имеет, если мы производим плантаж глубже или мельче, чем другие, как делали это те, кто мотыжил посевы дважды или трижды, или перенес прививку смоковниц с весеннего времени на летнее».

Центр тяжести в том этапе развития итальянской агрономической мысли, который отразил в своих сочинениях Варрон, лежал во введении севооборота, в переходе к правильному чередованию культур, в то время как практика уже совершенствует пахотное орудие, приспособлявая его к тяжелым почвам и, в частности, прилаживая к плугу отвал. Переход земель из рук в руки постепенно замедляется. Эксплуатируемая и из года в год истощаемая земля отвечала неурожаями. Земля требовала хозяйского к ней отношения. Все больший интерес проявляется к повышению плодородия почвы и к получению устойчивых урожаев.

Варрон разобрался в свойствах почвы, разобрался в свойствах растений, распределил их относительно друг друга, в зависимости от характера этих свойств. С напряженным интересом и вниманием читаются строки, показывающие, как две тысячи лет тому назад агрономическая мысль, не имевшая представления о химии, биологии и физиологии, ощупью подходила к установлению севооборота.

Варрон останавливается у самого порога. Он доводит свое рассуждение до последнего штриха, за которым уже следует правильное

чередование культур: «некоторые растения следует сеять не столько ради повышенного урожая, сколько ради ожидаемого в будущем году». Однако речь идет пока не о правильном чередовании культур, а о зеленом удобрении. «Растения эти, скошенные и оставленные на месте, улучшат землю. Поэтому люпин, пока стручки на нем еще маленькие, а иногда и бобы, если дело еще не дошло до таких стручков, что стоит уже собрать бобы, имеют обыкновение запахивать, если земля тощая».

Все отдельные элементы этой агрономической культуры были на практике известны и до Варрона. Ряд агрономических фактов и методов был ему известен значительно слабее, чем другим агрономическим писателям, тем же Сазернам или Катону. Арсенал его примеров и практических советов беднее, чем у его предшественников. Но он, выученик греческих мыслителей, почитатель Аристотеля, так много заимствовавший у Теофраста, привел в систему разрозненные факты и приемы, связал их общими принципами и подвел агрономическую мысль к формулировке и обоснованию сидерационной системы земледелия с сознательным выбором и сменой культур. Уже Липций делает вскользь замечание, что поля следует через год оставлять под более легкий посев, т. е. под такой, который «берет меньше соков»; уже Агрий указывает, что в Олинфии землю засевают непрерывно, но так, «чтобы на третьем году она давала урожай более щедрый»*. Идея носилась, так сказать, в воздухе и ждала своего литературного оформления.

ВЕРГИЛИЙ

Строки, на которых остановилась рука Варрона, блестящим гекзаметром продолжит вскоре его преемник на поприще агрономической литературы Вергилий**:

«Также терпи, чтобы год отдыхало поле под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая:
Или златые там сей,—как солнце сменится,—злаки,
Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,
Или же вики плоды невеликие, или люпинов
Горьких ломкие стебли и лес их гулко звенящий,
Ниву спяляет посев льняной, спяляет овсяный,
Также спяляет и мак, налитанный дремой летейской.
А с промежутками в год—труд спорый; лишь бы скупую
Почву вдоволь питать навозом жирным, а также
Грязную сыпать золу поверх истощенного поля,
Так, сменяя плоды, поля предаются покою».

* Вагг. г. г., I, 44, 3.

** Вергилий. Георгики, I. Перевод С. Шервинского, «Academia», М., 1933. По неточности перевода особенно важных для нас агрономических положений Вергилия работа Шервинского читателю-агроному не может быть рекомендована. Мы цитируем Шервинского, поскольку это сейчас единственный перевод, доступный нашему читателю. Более уже приемлемый «агротехнический» перевод Раича—библиографическая редкость. Он сделан сто лет назад.

Фигура Вергилия так резко выделяется из ряда античных агрономических писателей, что невольно возникает вопрос, что общего было между прожженным дельцом и эксплуататором Катон, любителем археологии и животноводства Варроном, образцовым практиком с твердой хозяйственной рукой Колумеллой и поэтом Вергилием, самим «божественным» Вергилием.

Младший современник Варрона, Вергилий родился в 78 г. до нашей эры, т. е. когда Варрону было уже под пятьдесят.

Он жил в бурную эпоху распада республики и начала империи, эпоху резкого обострения всех противоречий рабовладельческого общества и прежде всего основного противоречия—между рабовладельцами и рабами, эксплуатация которых все усиливалась с развитием в Риме торговли и ростовщичества.

Об этом свидетельствовало восстание Спартака (73—71 гг.), того Спартака, который, по выражению Ленина, «был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов»*. Об этом же говорили грозные войны рабов в Сицилии (1-я—136—132 гг., 2-я 104—100 гг.), а еще ранее ряд восстаний на территории Италии в начале II века.

Резкого обострения достигла и борьба крестьянства против крупного землевладения.

Рост крупной частной собственности, разлагая античную общинно-государственную форму собственности, был неразрывно связан с вытеснением мелкого землевладения. Крестьянство ответило на наступление крупных землевладельцев гракховским движением, аграрной революцией 130-х годов.

Тибериус Гракх добился восстановления давно забытого закона Лициния и Секстия об ограничении оккупации *ager publicus*.

Размеры владения были установлены на этот раз не свыше 1 000 югеров на семью (500 для главы семьи, 250 для каждого из двух взрослых сыновей), и эти 1 000 югеров передавались в частную собственность. Вся остальная земля, находившаяся в *possessio* и *occupatio* сверх 1 000 югеров, подлежала изъятию и распределению среди обедневших и согнанных с земли крестьян вместе с теми землями, которые остались от захваченной еще *ager publicus*.

Крестьяне из этого фонда должны были получить по 30 югеров в частную наследственную собственность, не подлежащую отчуждению. Действительно, часть оккупированной земли была изъята, но реальные экономические отношения действовали против мелкого землевладения и благоприятствовали крупному.

Земельный закон Тиберия Гракха, возобновленный несколько лет спустя его братом Гаем, не только не привел к восстановлению среднего и мелкого землевладения, но в силу ряда причин еще более ускорил процесс дифференциации. *Lex Thorcia* 118 г. и земельный закон 111 г. до нашей эры объявили как ассигнованные земли, так и посессии полной частной собственностью (т. е. уничтожили неотчуждаемость земельных наделов по закону Гракха). Дальнейший рост крупного землевладения за счет мелкого и среднего не

* Ленин, т. XXIV, 3 изд., стр. 371.

прекращается. Наоборот, усиливается накопление богатств в руках сенаторов и особенно всадников, грабящих провинции; увеличивается ввоз рабов и их эксплуатация в сельском хозяйстве; все наметившиеся в предшествующую эпоху противоречия рабовладельческого общества еще более обостряются под действием ростовщичества. Надолго отрывааемый от своего участка, запутавшийся в долговых обязательствах* мелкий землевладелец-легионер, опора римской военной мощи, римского гражданского ополчения, оказывается лишенным средств производства, лишенным земли и вынужден либо бежать в Рим и, заполняя форум, продавать там свой голос**, либо вступать в ряды войск того или другого полководца.

Восставали и «союзники» Рима, требуя себе прав италийского гражданства, а эти требования были также тесно связаны с разрешением аграрного вопроса.

Это было время кровопролитных гражданских войн, проскрипций и конфискаций земель. Их тяжесть со всей остротой ощущали и нобили и всадники—старая знать римской республики, решительно вытесняемая с исторической сцены и поплатившаяся в кровавой междоусобице жизнью и имуществом тысяч своих представителей. Отдаленное представление об ожесточенности, которой характеризовалась борьба между будущим диктатором Цезарем и представителем республиканской олигархии Помпеем, дают некоторые сражения периода 50—40-х годов до нашей эры. В Фарсальской битве пало 15 000 солдат Помпея. При Мунде цезарианцы вырезали 14 000 помпейцев, при Кордубе—12 000 и т. д.***

В самом Риме не прекращалась напряженная борьба между сторонниками различных партий, борьба, ведущаяся при помощи регулярных осад и сражений, во время которых выжигались целые кварталы, а форум и Тибр, по свидетельству Цицерона, бывали завалены мертвыми телами. В добавление ко всему необычайного разгула достигло в этих условиях пиратство на Средиземном море, разросшееся до размеров грозной опасности и вносившее серьезное расстройство в хозяйственную жизнь страны.

Однако античный способ производства—эта прогрессивная эпоха в истории человечества—далеко еще не изжил себя ко вре-

* Задолженность, играющая такую большую роль с самого начала римской истории, является лишь естественным последствием мелкой земельной собственности. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 89. Маркс. Письмо к Энгельсу 8 марта 1885 г. Госиздат, 1931 г.

** Яркую картину положения разорявшихся римских граждан и роли народного собрания в эту эпоху дает речь народного трибуна 73 г. до нашей эры Г. Лициния Макра, переданная Саллюстием в его «Историях». Все вы,—говорит Макр,—уже согласились допустить господство немногих, которые в силу своей военной славы захватили казну, царство, войско, провинции и построили крепость из останков ваших. Вы, толпа, отдаете себя, наподобие скотов, на власть и потеху немногих, после того как вас лишили всего, что оставили предки. Одно осталось вам—своими голосованиями назначать владык, как некогда только «старшин»

*** К. Гомауер, Antike Schlachtfelder. В частности, о Фарсальском сражении, одном из наиболее крупных—в нем участвовало 60 000 человек (битва при Палео-Фарсале в Фессалии в 48 г. до нашей эры)—см. во II томе, стр. 401 и сл.

мени Вергилия, хотя республиканская форма власти уже не обеспечивала дольше интересов рабовладельческого Средиземноморья в целом. Рождается поэтому военная диктатура принципата, прикрываемая, правда, на первых порах фиговым листком республиканских учреждений.

Вергилий не был ни государственным мужем, ни полководцем, ни оратором, как его коллеги по агрономической литературе. Он был просто поэтом, тонким ценителем эллинской культуры, знатоком греческой литературы, греческой поэзии, оказавшей столь сильное влияние на его творчество. И он, яркий представитель верхушечных культурных слоев римского общества, уставших от крови и постоянного напряжения, потерявших охоту к борьбе и волю к победе, прячется от грозной и тяжелой действительности в идиллические картины золотого века. Он пишет «Буколики», пастушескую идиллию, тоскуя всей силой своего поэтического гения по спокойной, лишенной всяких тревожений, мирно текущей вдали от городов деревенской жизни*.

Нежные напевы лирической свирели поэта раздались, как будто, совершенно не во-время.

Бегство из деревни в город все усиливалось. Земельный участок опутанного долгами мелкого и среднего хозяина переходил к крупному рабовладельцу. Бросали сельское хозяйство и крестьяне, давно оторванные от производства походами, разоренные военными грабежами и сражениями. Наконец, мелких и средних землевладельцев вытесняли с земли постоянные ее конфискации. Ветеранов-победителей надо было вознаграждать, и им отдавали участки плодороднейшей земли, сгоняя прежних владельцев, исконных опытных земледельцев. Происходит небывалая мобилизация земельных фондов для наделения земель ветеранов Мария, Суллы, Помпея, Триумвиров и, наконец, Цезаря и Августа.

Эти земельные конфискации в пользу ветеранов докатились и до Вергилия. В уста Мерида он вкладывает горькую жалобу:

«О, Ликид, вот дожили мы, что пришел, завладевший
Нашей землицей (чего никогда-то мы не боялись),

«Это мое,—нам сказал,—уходите, бывшие владельцы»**.

Вергилий, сын крестьянина, сам в молодости работавший на поле и прекрасно знающий сельскохозяйственную практику, владел небольшим имением. С тем большим возмущением он, тщательно обрабатывавший свой участок, восклицает:

«Паром, возделанным так, овладеет воин безбожный,

Варвар—посевами. Вот куда несогласье несчастных

Граждан у нас привело. Для них мы поля засевали?»***.

Жестокое время не оставляет Вергилия в покое. Имя Вергилия

* О «Буколиках» Вергилия см. обширную специальную литературу у М. Schanz'a, *Gesch. d. röm. Literatur*, VIII, I, стр. 38 и сл.

** Вергилий, *Буколики*, эклога девятая, 2—4.

*** *Ibidem*, эклога первая, 70—72.

было конфисковано для награждения солдат. И горькой жалобой отвечает на это поэт:

«Вот я родные поля покидаю и милые пашни,
Я из отчизны бегу...»*
«Козы идите, когда-то счастливое стадо, идите»**.
«...Вас не будут пасти—без меня вам,
Козочки, горькую иву щипать и кигис ваш цветущий»***.
«...Уж никогда я отныне, в зеленой лежа пещере,
Вас на тенистой скале не увижу висящих высоко,
Песен не буду я петь»****.

Поэт ошибся. Ему пришлось вскоре снова запеть песню, но на этот раз уже на агрономический лад.

Грустные и нежные мелодии вергилиевой свирели были услышаны в императорском дворце. Лейтмотив вергилиевых эклог оказался неожиданно созвучен лейтмотиву аграрной политики Августа. Правящий Рим благосклонно отнесся к такому направлению творчества Вергилия. Все ухудшающееся положение сельского хозяйства Италии Августу было ясно, и варроновские панегирики этому будто бы сплошному фруктовому саду его не обманывали. Отлив мелких и средних земледельцев из деревни в Рим принимал все более угрожающие размеры. Крупные землевладельцы в своих имениях не сидели уже в катоновские времена. В интересах рабовладельческого строя в целом необходимо было поддерживать и укрепить быстро деградировавшее крестьянство, не допустить союза между свободной беднотой и рабами. Необходимо было повернуть вспять грозивший катастрофой уход из деревни, необходимо было произвести резкий перелом в общественных настроениях. Среди ряда других мероприятий на службу этой цели следовало поставить и литературу, в том числе и поэзию, которая среди римлян той поры уже пользовалась большим признанием.

Проблемы сельского хозяйства занимали уже в литературе I века видное место. Именно к этому периоду относится наибольшее количество агрономических трактатов. И Вергилий, которому возвращено было обратно имение****, вернувшись к пенатам, посвящает свое творчество агро- и зоотехническим темам. Мы очень далеки от «социологизирования» на тему о связи между аграрным кризисом II—I века и появлением и характером поэтического гения Вергилия. Мы лишь отмечаем, что этот кризис был достаточно глубоким, чтобы повлиять на тематику творчества римского поэта I века. Так, в 30-х годах до нашей эры появляются «Георгики», которые пишутся в течение целого ряда лет, начиная с 37 г.*****

* Вергилий, Буколики, эклога первая, 2—3.

** Ibidem, 74.

*** Ibidem, 77—78.

**** Ibidem, 75—77.

***** Правда, потом его, кажется, снова отобрали, но заменили другим, у Нолы (вопрос спорен). Источники, их истолкование и литературу по этому вопросу см. M. S c h a n z, Gesch. d. röm. Literatur, VIII, II, 1, стр. 36 и сл.

***** Celso Ulpiani полагает в своих «Le georgiche», что «Георгики» появились в 29 г. до нашей эры и Вергилий работал над ними семь лет.

Переводчик и комментатор Вергилия С. Шервинский замечает по этому поводу (по отношению к «Буколикам», на которые Вергилий затратил 3—5 лет работы): «смешно предполагать, что он (Вергилий) действительно потратил на них столько времени»*. Вряд ли, однако, так уже смешно это предположение, в особенности к Георгикам. Скорее это можно отнести к замечанию самого Шервинского. Если бы даже Вергилий и не внес ничего нового, по сравнению с предшествовавшей агрономической литературой, то и для того, чтобы в чрезвычайно сжатых, но ярких формулировках изложить агрономическую практику и теорию современного ему хозяйства, потребовался, несомненно, длительный и весьма напряженный труд. Мы убеждены, что если бы до нас случайно дошли черновики вергилиевских работ, то мы увидели бы тома выписок из многочисленных уже к тому времени агрономических трактатов и не меньшее количество записей из собственных наблюдений. В одной строчке: «Так сменяя плоды, поля предаются покою», вложено содержание ряда многочисленных трактатов и еще большее количество опыта практических земледельцев.

«Георгики» представляют обобщенный вывод из практики и теории агрикультуры I века. Этим они делают дальнейший шаг в развитии агрономической литературы, по сравнению с Варроном; они не только дают общие положения и приводят примеры, их подтверждающие, или советы, из них вытекающие, они не только идут вперед и в смысле систематизации опыта и приведения во взаимную связь отдельных положений, как это имеет место в отношении севооборота и чего Варрон не сделал. Они идут вперед и в смысле попыток теоретического объяснения агрономического факта, явления. Известные опыту агрономические положения Вергилий подтверждает не просто ссылками на факты, как Варрон и Катон, а теоретическим агрономическим рассуждением.

«Часто бывает полезно палить истощенную почву.

Легкое в поле сжигать трещащим пламенем жнивье»**.

Катон в этом случае сказал бы, кто так делает, и что замечено, что такое выжигание полезно отзывается на состоянии полей и их урожайности. Варрон не преминул бы поместить это указание в один из многочисленных подпунктов какого-нибудь N-го подотдела, обязательно указав, что не всегда, не везде и не во всех случаях нужно практиковать подобный прием,—это зависит от качества почвы—холодная она или горячая, от высоты хлебостоя, может быть, от того, что будет сеяться на следующий год. Вергилий же, и это именно и доказывает наше положение о дальнейшем прогрессе агрономической мысли, представленной в его труде, пишет:

«То ли тайную мощь и питанье жирное земли

Так получают, иль в них бывает пламенем выжжен

Всякий порок, и как пот выходит ненужная влага,

Или же множество жар путей и пор открывает

* С. Шервинский, *op. cit.*, «Буколики» и «Георгики» Вергилия, ст. 12.

** Вергилий, «Георгики», I, 84—85.

Тайных, которыми сок проходит к растениям новый.
 То ль укрепляет сильней и сжимает разверстые жилы,
 Чтобы ни мелкий дождь, ни сила палищего солнца,
 Разгорячась, не сожгла, ни Борея пронзительный холод»*.

В данной вводной статье не место анализу каждого агрономического положения античных авторов—вводная и краткая статья превратилась бы в толстый том. Мы не можем, однако, не напомнить нашему читателю-агроному многих современных теорий, непосредственно перекликающихся с догадками этих замечательных восьми строчек. Таковы теории дезинтоксикации почв, из которых «пламенем бывает выжжен всякий порок»; таковы же, как правильно замечает Ульпиани, страницы из ван-Беммелна, которые трактуют о дегидрации, вследствие чего «множество пар путей и пор открывает тайных»; таковы, наконец, соображения и исследования о связи повышения температуры почв (прокаливание) с повышением растворимости питательных веществ, вследствие чего «сок проходит к растениям новый»**. Вместе с тем Вергилий повторяет, развивая и углубляя основные положения предшествующих авторов, в частности, тезис Варрона, о предварительном изучении почв и таком их возделывании, которое требуется особыми, каждому данному участку земли, данному району свойственными условиями:

«...перед тем, как взрезать неизвестную станем равнину,
 Ветры вызнать*** и нрав различной надо погоды,
 Дедовский также прием и обычай местности данной,
 Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет.
 Здесь счастливее злак возрастет, а там—виноградник,
 Там—приплод от дерев, и по воле своей зеленеют
 Травы...»****

Но для того, чтобы знать, какая земля для чего пригодна, «какая сила в какой, цвет какой и к чему какая пригодна природа», Вергилий продолжает описание Варрона, однако значительно обога-

* Вергилий, «Георгики», I, 86—93.

** См. об этом Celso Ulpiani, Les Georgiques и отчасти у Billiard'a, L'agriculture dans l'antiquité d'après les Georgiques de Vergile, 1926. стр. 76.

*** «Ветры вызнать...» Вергилий требовал с полным основанием. В тесной связи с ветрами, в особенности такими, как сирокко или северный ветер, находилось и то или иное расположение усадьбы, садов, виноградников, сельскохозяйственный календарь и иногда и выбор культур. В наших текстах фигурируют многочисленные наименования ветров, иногда латинские, иногда греческие:

Аквилон, борея—северный ветер, точнее NNO.

Цеций—северо-восточный.

Кор—северо-западный.

Австр—сирокко.

Нот—южный.

Африк, либа, липс—юго-западный, точнее WSW.

Эвр, волтурн—юго-восточный, точнее SOS.

Фавоний, зефир—мягкий, западный ветер.

Субсолан—восточный ветер.

Этезии, этезийские ветры—пассаты, дующие 40 дней непрерывно во время «каникул».

**** Вергилий, I, 50, 55.

тив и расширив его, особенно в части характеристики растительного покрова, как признака качества почвы: «Если растет маслина, если обильна трава, если есть папоротник» и т. п.

Однако и тут «Георгики» не ограничиваются повторением старых положений, хотя бы расширенных и более четко сформулированных, но и делают дальнейший шаг вперед. Они дают ряд методов распознавания почв, неизмеримо более прогрессивных, чем варроновские ссылки на цвет. Ссылки эти Вергилия больше никак не удовлетворяют.

«Просто, на-глаз указать, черноземна ль, или что за цвет у нее».

Если пользоваться современной терминологией, то Вергилий, кроме анализа морфологического, дает указания на необходимость для определения качества почв провести анализ механический, химический и, как мы выше отмечали, и ботанический.

«Способ, каким распознать* их различье сможешь, скажу я.

Рыхлая ль почва или сверх меры плотна,** ты исследуй.

Ибо одна для хлебов подходяща, другая—для Вакха».

Как же исследовать?.. Для этого необходимо:

«Вырыть колодец в земле и весь его снова наполнить

Той же землей и ее притопчешь сверху ногами.

Если нехватит—легка, скоту и лозе благодатной

Больше подходит она; откажется ж если вместиться,

Вровень не ляжет, когда уже вся наполнится яма,

Почва—плотна».

Жирная почва—

«если рукой ее бросить, она не дробится,

Но наподобье смолы к перстам держащего липнет***.

К анализу привлекается удельный вес почвы: «Тяжесть весом свою безмолвно сама обнаружит, или же легкость»****.

Физический и механический анализ дополняется элементами химического: «Почва соленая есть, она называется „горькой“. Не хороша для хлебов (она не смягчается вспашкой)».

Для ее распознавания необходимо процедить сквозь помещенный в корзину образец этой почвы чистую пресную воду. Вкус просочившихся капель «указание даст очевидный, и привкусом горьким жалостно рот искривится у тех, кто пробовать станет»*****.

Под солеными почвами Вергилий, надо полагать, подразумевает те, что сейчас именуются почвами солонцеватыми, засоленными, т. е. в которых зольные элементы пищи находятся преимущественно

* Речь идет о почвах. Вергилий, Г. II., 226. Billiard, L'agriculture dans l'antiquité, p. 31—38.

** Ibidem, II, 236.

*** Ibidem, II, 250.

**** Вергилий, Г., II, 255.

***** Ibidem, II, 247. Billiard, l. c., 31—38.

в минерально-окисленном состоянии; горькие почвы—содержащие преимущественно сернокислые горькие соли, то, что мы называем солончаками, и Вергилий прав, что на таких почвах растут «темные и выродившиеся травы»—речь идет, очевидно, о солянке, полыни и т. п.

Эта блестящая страница из области углубленного познания почвенных разностей и методов их определения, вписанная Вергилием в историю римской агрономической мысли, тем значительнее, что она поставлена в тесную связь с методами обработки почвы.

Варрон, требуя изучения «что на каком поле следует сеять и делать», остановился, как мы уже показали, главным образом, на первой части своей формулы—что где сеять.

Вергилий, развивая эти положения дальше, разрабатывает не только требования различных почвенных разностей к различному составу культур, но и потребности различных почв в различной обработке. Он уделяет большое внимание теме «что на каком поле следует делать», теме, которую Варрон, поставив, не случайно обошел молчанием. Если почва плотна, она требует сильной и глубокой пахоты: «упористых глыб, поверхности жирной жди и землю взрезай на волах молодых и могучих»*.

Методы обработки почвы Вергилий дифференцирует в зависимости от почвенно-климатических условий.

Пышной почву земли от начальных месяцев года
Мощные пусть взрывают волы, и лежащие глыбы
Пыльное пусть пропечет жарой накалившейся лето».

В засушливых же районах рекомендуется другая обработка:

«Если же почва скупа, тогда перед самым Арктуром
Будет довольно ее поднять бороздой неглубокой,—
И чтоб обидеть не мог урожая радостных плевел,
И чтоб бесплодный песок не утратил влажности скудной»**.

Эта агротехника античного сухого и влажного земледелия не остается у Вергилия на уровне отдельных агрономических советов, хотя и дифференцированных применительно к разным почвенно-климатическим условиям.

Он поднимает вопрос о восстановлении плодородия почв, обобщая весь свой агрономический опыт формулировкой системы земледелия—паровой и сидеральной. В первом случае задача восстановления почвенного плодородия возлагается на пар, сменяющийся на следующий год зерновыми посевами при условии обильного удобрения, как «навозом жирным», так и минерального—«грязную сыпать золу поверх истощенного поля»***, с заправкой навоза и двением парового поля.

Во втором случае вводится правильный плодосмен, где место пара занимают бобовые—горох, ви́ка, люпин—как обязательные

* Вергилий, *Георгики*, II, 236.

** Вергилий, *Георгики*, I, 64—70.

*** Вергилий, *Георгики*, I, 81. Об использовании золы в качестве удобрения см. A. J a r d é. Les céréales dans l'antiquité grecque, Paris, 1926, стр. 28. Billiard. L'agriculture dans l'antiquité d'après les *Georgiques* de Vergile, Paris, 1928, стр. 85—87.

предшественники зерновых. Эти важнейшие положения «Георгик» вместе с многочисленными практическими замечаниями ярко свидетельствуют о прогрессе римской агрономии со времен катонского: «Хорошо пахать, пахать, уваживать», и варроновских: «что где сеять и делать». Однако этот прогресс, был в значительной мере прогрессом литературным, оформлением агрономической практики, уже существовавшей. Заслуга Вергилия в развитии агрономического учения заключается не в том, что им были разработаны и предложены доселе неизвестные методы обработки или принципы земледелия. Его заслуга заключалась как во всестороннем освещении сельскохозяйственной практики, так и, самое важное, в ее осмысливании, осознании и приведении в относительно стройную, увязанную в различных частях своих систему, в известном обобщении сельскохозяйственного опыта. Это последнее явилось вместе с тем и причиной слабого практического значения вергилиевой агрономии. Поэт и ученый (невольно вспоминается Гете), длительно, как сейчас это ясно, разрабатывавший агрономические материалы, уложил громадный сельскохозяйственный опыт в такие сжатые формулировки, сумел в одной-двух строчках изложить суть таких важных вопросов сельскохозяйственного производства, что целям практического руководства, помощью мелкому и среднему земледельцу они не могли служить. Практическая ценность вергилиевского сочинения значительно ниже в этом смысле, чем Катона и даже Варрона. Вергилий двумя строчками исчерпал вопрос об удобрении; он указал в этих двух строчках, в каком случае удобрение применять и какое, отметив и навоз, и золу. Но для применения этих советов на практике земледelec потребовал бы ряда совершенно необходимых дополнительных сведений.

Вряд ли сам Вергилий имел в виду написать практическое руководство типа сочинений Катона, Сазерны. Создавая свои художественные образы на сельскохозяйственном материале, он поддерживал тезис о «прелестях сельской жизни», пропагандировал основные идеи аграрной политики Августа, которыми никак не хотели проникнуться бросавшие свои земли, оцутанные долгами земледельцы.

Ветераны же, эти новые хозяева, не успев сесть на место согнанных прежних владельцев, уже оглядывались кругом в поисках лучшего выхода. В данных же условиях земля им в руки не давалась. Напрасно Вергилий в нежной, поэтической форме предостерегает их, что при небрежной обработке закрома будут пусты. Закаленные в боях солдаты, разграбившие в течение своей долголетней походной жизни не один полный закром, оставались глухи к такой пропаганде.

Зато Вергилия читали горожане. Читали, декламировали, восхищались, соглашались и... оставались в городе.

Иное дело с Варроном. Его работа, его советы были направлены не к крестьянину-земледельцу, самостоятельно обрабатывающему мелкий участок земли. У Вергилия о таком типе хозяйства и идет, главным образом, речь. Вот почему ни одной строчки, посвященной организации и эксплуатации рабского труда, у Вергилия не найти, хотя именно этот вопрос стоял на первом месте в писаниях античных агрономов.

Варрон обращался к тому крупному рабовладельческому хозяйству, которое росло, укреплялось и расширялось именно за счет предполагаемых читателей Вергилия. Между книгами Варрона и Вергилия очень небольшой промежуток; можно даже без особой натяжки сказать, что они вышли почти одновременно.

Однако оценка, даваемая ими сельскому хозяйству и его проблемам, совершенно различна. И в этой различной оценке нет необъяснимых противоречий так же, как мы их не видели в различной оценке Катона Плутархом и Ливием.

Римляне сетовали на упадок сельского хозяйства, но эти римляне отражали, главным образом, интересы мелкого землевладения и заинтересованных в его судьбе слоев.

Римляне с удовлетворением описывали успехи земледелия, но эти римляне представляли растущее крупное рабовладельческое хозяйство, расхищавшее общинно-государственную землю.

У одних было основание скорбеть именно потому, что у других этого основания не было.

Вергилий удручен упадком сельского хозяйства, Варрон любит цветущими садами Италии, ее лучшим вином, ее лучшей пшеницей.

Вергилий делает упор в своих советах на обработку земли, на мелкое интенсивное земледелие. Варрон — на экстенсивное животноводство, требующее широких земельных владений, и не проявляет особого интереса к проблемам агротехники, пахоты, предпосевной обработки и ухода за посевами, на чем столь тщательно останавливается Вергилий.

Вергилий ни слова не говорит о рабском труде, у Варрона эта проблема занимает центральное место. Его система хозяйства мелкому земледельцу, непосредственному производителю недоступна. Варрон не для него пишет, не ему советует.

Но хотя советы Вергилия и имели в виду крестьянское хозяйство, нет оснований утверждать, что преподносимая им агротехника свойственна только такому хозяйству, что из всего агротехнического опыта и агрономической литературы он отобрал только то, и как раз то, что применялось или могло применяться в мелком хозяйстве. Дело обстоит далеко не так. Вергилий в агрономическом сплаве своих «Георгик» объединил все агротехнические черты современных ему социальных типов хозяйств и рекомендовал их своему идеальному мелкому земледельцу. Стоит, например, посмотреть целые страницы, посвященные коневодству, блестяще развернутые Вергилием. Его земледельцы ищут, например, «горячего нравом коня и быстрого в беге» —

«Пусть другой и врагов гонял, обращаемых в бегство».

«Родиной пусть он Эпир называл и крепость Микены».

Происхождение же такой рысак должен, по совету Вергилия, вести не иначе, как «от самого Нептунова рода»*. Кобылы в хозяйстве этого мелкого земледельца «исполнены буйства».

* Вергилий. Георгики, III, 120—122

«...взбегают они на вершины, плывут через реки;
Тотчас, едва лишь огонь разогреет их жадные недра,
Больше весной, ибо жар весной возвращается в кости,
Все к Зефиру лицом стоят на утесах высоких,
Ветром легким полны».

Но зато такие кобылы, по Вергилию, обладают одним замечательным и, очевидно, для мелкого хозяйства высоко рентабельным свойством:

«и часто вовсе без мужа
Плод зачинается в них от ветра»*.

Вряд ли на этом основании можно принять такое коневодство соответствующим практике мелкого земледелия, а ведь именно к такому земледельцу Вергилий и адресовался.

С другой стороны, ряд агротехнических советов был подан в совершенно неприемлемом для крупного земле- и рабовладельца виде.

Но влияние техники, сложившейся в условиях мелкого хозяйства и, главным образом, этому хозяйству свойственной, отразилось все же очень сильно на ряде важнейших положений.

На такие размышления наводит его сдержанность при описании орудий производства, хотя именно из скудных строчек «Георгик» делаются некоторые выводы о прогрессе пахотных орудий. Он не отсылает читателя за покупкой к лучшим мастерам, подобно Катону, а дает достаточно примитивные указания по собственноручному изготовлению плуга. О прессах и масляных и виноградных давильных, применявшихся в крупных хозяйствах, Вергилий предпочитает не распространяться. Наконец, и ряд советов по высокоинтенсивной ручной мотыжной обработке больше был применим в мелком, нежели в крупном, хозяйстве.

Как бы то ни было, вряд ли Вергилий имел особый успех среди тех слоев, которым его агросоветы были адресованы.

Мы подозреваем, что читателей и поклонников своих агрономических писаний Вергилий нашел в совершенно иных кругах—среди лучших представителей того самого крупного хозяйства, которое укреплялось и расширялось за счет разорения предполагаемого читателя Вергилия—мелкого хозяина.

Советы Вергилия, если и были использованы, то именно крупным хозяйством, производившим соответствующую «чистку» его рекомендаций. Вергилий, так сказать, «шел в комнату, попал в другую». Там он встретился с Колумеллой.

КОЛУМЕЛЛА

Глубокий знаток агрономической литературы и блестящий практик, Колумелла представляет собой высшую ступень, до которой поднялась римская агрономическая мысль. Он шел по стопам Катона в детальном изучении и освещении повседневной практики. От Варрона он унаследовал четкую и ясную систему планомерного изложения

* В е р г и л и й. Георгики, III, 275.

и продолжил Вергилия в систематизации, обобщении сельскохозяйственного опыта, в попытке теоретического объяснения того громадного количества агротехнических фактов, которое накопилось уже в его эпоху*.

Но не только фактов. Ко времени Колумеллы существовала достаточно обширная литература по сельскому хозяйству, и, что крайне интересно, литература, в известной мере, уже специализированная.

Мы встречаем тут ряд и крупных и мелких работ, по общим и частным вопросам сельского хозяйства, специально об удобрении, специально об овощах, только о моркови, только о капусте, о пшенице и т. д.; работы эти оказали, естественно, немалое влияние на формирование агрономических представлений Колумеллы.

Корнелий Цельз, например, современник императора Тиберия, был автором большой энциклопедии, охватившей целый ряд отраслей знаний, в том числе и сельского хозяйства. Раздел цельзовской энциклопедии о сельском хозяйстве обнимал 5 книг и в свою очередь был основан на использовании предшествующей литературы**.

Юлий Грецин*** продолжил работу Юлия Аттика**** о виноградарстве, и труд его был широко использован Колумеллой. Что касается отца и сына Сазерны, деятельность которых развивается в период между Катонем и Тремеллием Скрофа, т. е. между 149—60 гг. до нашей эры, то они, очевидно, составили книгу правил земледелия и домоводства типа сочинения Катона и, судя по упрекам Варрона, имели в виду только одно конкретное хозяйство в Цизальпийской Галлии*****.

Агрономический труд Тремеллия Скрофа, современника Варрона, состоял из двух частей: земледелия и животноводства, и, очевидно, судя по характеру его высказываний в варроновском диалоге, он уже отошел от того домоводческого характера агрономических сочинений, который был свойственен предшествующим авторам*****.

* Юний Модерат Колумелла, из гор. Гадеса в Испании, современник Сенеки (I в. нашей эры); данные о нем. см. у Pauly-Wissowa, Real. Encyclop., Bd. I, Junius, № 104, S. 1054—1068. Gummerus, Der röm. Gutsbetrieb, S. 773—97; Gummerus, De Columella philosopho. Helsing., 1910. E. Meyer, Gesch. der Botanik, II, 59 ff. Carl. Die Agrarlehre Columellas «Viertel Jahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgesch.», VIII, II, 2, S. 498—501.

** Reitzenstein, De scriptorum r. r., Berlin, 1884; на стр. 55 Рейтценштейн дает собрание текстов Цельза. Об источниках Цельза в 1 части его энциклопедии говорит в своей диссертации E. Weiss, De Columella in t. d. Berlin, 1911, M. Schanz, l. c. Gesch. röm. Literatur, VIII, II, 2, S. 424—430.

*** Julius Graecinus был отцом Агриколы, родом из Forum Juli (южной Галлии), и был казнен при императоре Калигуле в 38 г. нашей эры. Колумелла пользовался им в своем труде: кн. IV, 3, 6, 3; кн. III, 2, 31, 3, 4, 7, 9 и 11. Лят.: Münzer, Beiträge zur Quellenkritik der Naturgeschichte des Plinius, S. 40. R. Reitzenstein, l. c. Hirschfeld. Wiener Studien 5 (1883), S. 120.

**** Julius Atticus о виноградарстве Colum., I, 1, 14, все другие сведения дает тот же Колумелла: кн. III, II, 9, 3, кн. IV, 1, 6, 2, 2. Плиний упоминает о нем N. H. XVII, 90, см. M. Schanz, l. c., стр. 505—506, и приведенная там литература.

***** Sasernae pater et filius, или Sasernae pater filiusque, указаны у Плиния в перечне источников к книгам: 14, 15, 17, 18, 17, 199. Литература о них: R. Reitzenstein, l. c., и M. Schanz, Gesch. d. röm. Literatur, VIII, 1, S. 345.

***** Gn. Tremellius Scrofa, Липепарупа; R. Reitzenstein, l. c., M. Schanz, d. r. Liter., VIII, 1, 2, S. 503.

Что касается Гигина, то он был агрономическим писателем нового типа, который начал складываться в последний век республики на основе широкого развития городской культуры и распространения греческой образованности. Гигин непосредственно к земледелию касательства не имел, сельскохозяйственной практикой никогда не занимался и многого практически не представлял себе. Из двух его сочинений о земледелии и о пчелах последнее было первой латинской монографией на эту тему. Но он так тщательно и широко скомпоновал по этим вопросам сведения, которые сохранились в других агрономических трактатах, в особенности в греческих, что явился для Вергилия одним из источников его *Георгик**.

Что касается самого труда Колумеллы**, в котором нашло свое отражение использование упомянутой выше богатой литературы, то до нас дошло два его сочинения. Во-первых, 12 книг о сельском хозяйстве и, во-вторых, одна книга о деревьях—часть не дошедшей до нас другой большой работы.

Первая из этих двенадцати книг посвящена общим соображениям о ведении сельского хозяйства, условиям выбора местности для организации поместья и его внутреннему устройству. Вторая книга трактует о земледелии—почвах и их обработке, включая удобрение. Третья—пятая книга—виноградарство и садоводство. Шестая книга отведена крупному рогатому скоту. Седьмая—мелкому. Содержание восьмой касается птиц и рыб. В девятой даются указания по пчеловодству и описывается звероловство. Десятая написана гекзаметром и должна была служить продолжением работы Вергилия, который о садоводстве ничего не написал. Одиннадцатая книга посвящена садоводству, но в прозе, и содержит крайне интересную главу об обязанности виллика. И, наконец, двенадцатая детально описывает круг обязанностей виллика.

Сочинение это уже по одному своему объему потребовало целого ряда лет и большой агрономической школы.

Эту практическую школу Колумелла, родившийся в Испании, прошел в имении своего дяди Марка Колумеллы, который славился как образцовый сельский хозяин. Полученные познания Колумелла практически развил и применил на деле в своих италийских поместьях, расположенных недалеко от Рима. Эти его хозяйства: Церетанское, Адреатинское, Корсеоланское и Албанское, лежали в местностях, где занимались, главным образом, виноградарством. Один из виноградников вблизи Рима, в Номентанском округе, граничил с знаменитым по своему высокому качеству виноградником Сенеки. Имение, где Колумелла производил свои известные опыты с аминей-

* C. Julius Higinus упоминается два его сочинения; «*De agri cultura*» и «*De aribus*». О нем см.: M. S c h a n z, op. c., VIII, II, I, стр. 513.

** По общим вопросам сельского хозяйства и агрономии у Колумеллы, кроме выше указанной работы W i s k e m a n n 'a, *Die antike Landwirtschaft*, Lpz., 1859, см. D i c k s o n, *De l'agriculture des Anciens*, Paris, 1802; O r t h, *Landwirtschaft*, P. W. R. E., XXIII, 1. 664—767. O l c k, *Ackerbau*, P. W. R., E., I, 1. 261—283. O r t h, «*Getreide*», *Ibidem* VII, 1. 1336—1351, E r n. Meyer; *Gesch. der Botanik*, Königsberg, 1855, Bd. II, 58—80, с указанием упоминаемых у Колумеллы растений. Об организации труда в поместье по трактату Колумеллы, кроме ст. Г у м м е р у с а, цитир. выше, см. H e i t l a n d, *Agricola*, Cambridge, 1921, стр. 251—269; O r t h, *Landwirtschaft*, P. W. R. E. XXIII, I, 647.

скими лозами, было расположено недалеко от Ардена, и владел он им очень долго. Современник императора Клавдия и философа Сенеки, Колумелла, обладая специальным сельскохозяйственным образованием и практическим опытом, был одним из передовых представителей современной ему культуры вообще. Он был прекрасно знаком с философией, литературой и, надо полагать, с военным делом. В качестве воина—он был военным трибуном шестого «железного легиона» («ferrata») — он совершал неоднократно походы и был поэтому знаком не только с сельским хозяйством Испании и Италии, но Сирии, Киликии и других провинций.

Хотя точное время написания Колумеллой его сочинений неизвестно (время появления 3-й книги относят к периоду 62—65 гг. нашей эры*), однако в данном случае это не является весьма существенным. Важным является то, что Колумелла в своей работе очень ярко отразил основные черты эпохи, современником которой он был. После кровавого подавления первой волны, первого этапа революции рабов, после столетия опустошений и разорений военная диктатура принципата вносит известное успокоение, содействуя некоторому оживлению хозяйственной жизни страны. Но мир этот не снимал ни одного из противоречий рабовладельческого общества.

С особой резкостью эти противоречия сказывались в области сельского хозяйства, не ограничиваемого больше никакими законодательными перегородками. Эпоха Столона, так же как и эпоха Гракхов, давно уже прошла. Крупное землевладение окончательно упрочилось, оттеснив мелких и средних крестьян на совершенно незаметное место. Однако это крупное землевладение еще не означало соответственно крупного земледелия**. Пространства, которые раньше возделывались мелкими земледельцами, запускаются под пастбища или остаются невозделанными. Количество обезземеленных крестьян продолжает возрастать, и они грозными толпами наполняют римский форум, не находя себе применения в широко даже развивавшемся ремесле. Все более обостряются противоречия рабовладельческого общества, противоречия античного способа производства. На громадных пространствах латифундий, где работают тысячи рабов, резко падает производительность труда, снижается производительность земледелия. Ибо раб, разбитый и разгромленный в прошлом веке в открытых сражениях, боролся не только на поле битвы. Этим полем постепенно становилась каждая латифундия, каждый участок обрабатываемой земли, каждое орудие производства в руках раба, так как «...сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и с истинным сладострастием подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них»***. Пришла пора, когда Плиний с горечью воскликнул: «Латифундии погубили Италию так же, как и провинции»****,

* Colum., III, 3, 3.

** См. по этому вопросу M. Weber, Röm. Agrargeschichte, Stuttgart, 1891, 230.

*** Маркс, Капитал, т. I, стр. 134, примечание 17, Партиздат, 1935.

**** Plin., N. H. XXXIII, 47. с.

те провинции, куда в таком большом количестве уходили капиталы из Италии, способствуя кризису сельского хозяйства. Насколько росли эти капиталы, дает нам свидетельство тот же Плиний, у которого мы находим, например, что Цецилий Исидор, в молодости раб, затем вольноотпущенник, оставил наследство в размере 60 миллионов сестерций, 4 160 рабов, 3 600 быков, 2 575 овец.

Как возросли земельные аппетиты, хорошо характеризует Петроний: его Тримальхион хочет приобрести Сицилию для того, чтобы ездить в Европу и Африку, не выходя из границ своих владений; «им уже мало крупных имений, они стремятся завладеть целыми провинциями».

Марциал показывает богача Афера, который получил 600 тысяч сестерций дохода в год со своих пармских овец.

Процесс Цицерона против наместника Сицилии Вереса позволил нам узнать, что этот рабовладелец только с одного своего имения собирал десятки тысяч модиев пшеницы. Чтобы не умножать далее примеров крупных латифундий, достаточно сказать, что половина римской провинции Африки, по словам Плиния*, принадлежала только шести человекам. Наконец, крупными землевладельцами были и сами императоры, для которых округление своих владений иногда не представляло особых затруднений. Так, например, Нерон, придя однажды к выводу, что столь крупные частные владения в Африке не соответствуют, очевидно, благу народа, распорядился умертвить упомянутых выше шестерых ее владельцев, а их земельные владения попутно присоединил к своему личному имуществу.

Колумелла и Плиний не защищали интересов этого верхушечного слоя владетелей гигантских латифундий и колоссального количества рабов. Плиний с большим пафосом, Колумелла с деловой убедительностью выступают против организации поместий в таких масштабах. Нельзя также не отметить, что вряд ли подобных громадных состояний было много. По сути дела, таких крупных землевладельцев, владевших почти провинциями, не могло быть много, и хотя они пользовались громадным влиянием, однако слой их был не широк. Основную массу «хозяйствующего населения» составляли землевладельцы значительно менее крупные, чем хозяева громадных латифундий. К этим слоям и принадлежали Плиний и Колумелла. Однако хозяйства эти далеко не представляли собой однородной массы. Хозяйственная эволюция в Римской республике, как мы видели уже, характеризовалась резкой дифференциацией землевладения. Этот процесс дифференциации не только не ослабел в начале империи, но и принял еще более резкие формы. На одном полюсе сосредоточивалось колоссальное землевладение и богатство, на другом — разлагающееся обезземеливание, нищета, пауперизация. Естественно, что во власти и под воздействием этого процесса находились и те промежуточные группы хозяйств, которые разместились между двумя этими полюсами. И, естественно также, что сохранение своего положения, его укрепление, право на жизнь, или, иначе говоря, возмож-

* Plin., N. H., XVIII 35.

ности расширенного или даже простого воспроизводства, требовали самой активной и жестокой борьбы. Тот, кто смог приспособиться, тот, кто сумел соответствующим образом построить свое хозяйство, перестроить производственную деятельность, умело организовать труд, учесть требования рынка; тот мог рассчитывать, если не на победу и на переход в высшую группу, то, по крайней мере, на то, чтобы удержаться, добиться, хотя бы и временно, более или менее устойчивого существования. Тот, кто этого не сумел сделать,—а таких было подавляющее большинство—был обречен на быстрое разорение, его имущество делалось достоянием ростовщиков, а его земли в результате округляли владения соседних латифундий.

В этой борьбе итальянского помещика за свою хозяйственную самостоятельность, борьбе, протекавшей в условиях резкого процесса дифференциации сельского хозяйства и финансового кризиса намечаются в основном три пути.

Первый путь идет по линии такой перестройки хозяйства, которая, отвечая отчасти духу эпохи, позволяла помещику в значительной мере включиться в разветвляющиеся меновые связи, переключиться на рыночное товарное хозяйство. Этот путь требовал резкой перестройки, реорганизации хозяйства, по своей природе натурально-замкнутого. Этот путь ставит перед итальянским помещиком I века требование рентабельности хозяйства, связан с большими затратами капитала; требует умелой эксплуатации труда, повышения урожайности, приводит к необходимости высокого качества обработки земли, исключительного внимания к проблемам агротехники, вызывает необходимость особого тщательного подбора рабочих и их квалификации. Второй путь, при помощи которого итальянский помещик пытался удержаться на поверхности,—путь наименьшего сопротивления, такого приспособления к хозяйственной обстановке, которое давало бы возможность максимально ослабить те удары, под которые изменившиеся условия данное поместье ставят. Этот путь связан не с активным включением в меновое хозяйство, в товарно-денежный оборот, и реорганизацией хозяйства по типу товарного земледелия, но, наоборот, с пассивным приспособлением, жестким сокращением всех капиталовложений, прогрессирующей натурализацией хозяйств, столь характерной для последних веков античной экономики. Отсюда для этого слоя хозяйств характерна максимальная экстенсификация земледелия, упрощение и снижение агротехники, отсутствие борьбы за повышение квалификации труда и связанное со всем этим падение урожаев. И третий путь—колонат. Эта, совершенно реально существовавшая в природе борьба различных начал нашла свое отражение и в литературе вообще и в литературе агрономической в особенности. Появляются писатели, которые стараются обосновать правомерность того или иного пути развития сельского хозяйства Италии.

Ярким представителем первого пути, первой линии развития, линии активной перестройки хозяйства, включения его в товарно-денежные связи, «капиталистической», скажем условно, организации его, является Колумелла. Это он отвечает Публию Сильвию на вопрос: «почему я... сразу, с самого начала отверг мнение всех старых

писателей, говоривших о земледелии и отрекся от ложного представления, что земля устала и истощилась*. Это он восклицает: «Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в длительной и губительной для урожаев неравномерности. Некоторые обосновывают эти жалобы ссылкой на то, что земля, усталая и истощенная, не в силах с прежней щедростью доставлять людям пропитание. Я знаю, Сильвин, что эти причины далеко отстоят от истины... Разумный человек не поверит..., что земля состарилась. Я считаю, что дело не в небесном гневе, а в нашей собственной вине»**.

И Колумелла, этот боевой представитель незначительного, сравнительно, слоя крупных активно перестраивающихся хозяйств, в своем сочинении развертывает целую систему мероприятий, необходимых для того, чтобы эту вину исправить.

Представители хозяйств иного типа*** никакой вины за собой не чувствуют, и их выразители, Плиний и ранее Скрофа, доказывают, что «прекрасная обработка земли убыточна».

Колумелла резко нападает на тех писателей и хозяев, которые, растерянно опуская руки под натиском изменившейся хозяйственной конъюнктуры, сдают свои позиции и идут по пути максимальной экстенсификации, отдав сельское хозяйство «как палач на расправу самым негодным из рабов».

Произведение Колумеллы насквозь проникнуто жестокой полемикой с представителями второй группы по основным вопросам организации хозяйства, по основным вопросам агротехники.

Сельскохозяйственные писатели и до Колумеллы излагали агрономические факты, советовали, напоминали о хорошем опыте. Уж Варрон вводит полемику в сельскохозяйственный трактат, оспаривая, например, абсолютное значение катоновских норм по труду.

Колумелла первый вступает на поприще агрономической литературы с цельной агрономической программой как боевым знаменем крепнувшего и развивающегося, полнокровного рабовладельческого хозяйства, выступает как глава целого агрономического направления, как яркий представитель особой агрономической школы, утверждающей свое учение в резкой борьбе, полемике, критике положений противоположного течения агрономической мысли, другой агрономической школы.

Одно из наиболее выразительных и любопытных положений этой программы—требование научного ведения хозяйства, требование применения на практике указаний науки и опыта. «Знать как делать—это самое главное в каждом деле, а особенно в сельском хозяйстве»****; хороший хозяин будет не только спрашивать совета самых сведущих хозяев-современников, но и тщательно изучать предшествующую литературу.

Колумелла—не ученый типа Варрона, который с высот своей

* Colum., II, 1, 1.

** Colum., De re rust., I, praefatio, 3.

*** О двух типах сельских хозяйств в Италии I в. н. э. см. М. Сергеевко, «Известия Академии Наук СССР», 1935 г., стр. 573 и сл.

**** Colum., I, 1, 2.

культуры обратившись к земледелию, дает учено и бесстрастно указания «что, где, как делать» и успокаивается на этом, считая свою заслугу как ученого исчерпанной.

Колумелла, полный хозяйственной энергии и инициативы практический деятель, считает необходимым вести и действительно ведет борьбу за внедрение сельскохозяйственной науки в практику. Он жестоко нападает на тех, кто считает сельское хозяйство занятием, «для которого не нужно ни учения, ни руководства». «Я не могу достаточно надивиться тому, что люди, желающие выучиться говорить, выбирают оратора, красноречию которого и подражают; занимающиеся измерениями и вычислениями берут уроки у учителя любой науки, изучающие танцы и музыку тщательно выбирают певца, музыканта и танцора; желая строиться, люди созывают плотника и архитектора, вверяют морю суда опытных кормчих» и т. д. и «только сельскому хозяйству никто не учит и никто не учится»*.

И Колумелла требует распространения сельскохозяйственного образования, введения публичного курса сельскохозяйственных наук.

Таким курсом, по существу говоря, и является его сочинение. О необходимости сельскохозяйственных знаний писали неоднократно и прежде. На необходимость «обычай дедовский вызнать и прав местности каждой» указывал и Вергилий, однако никто еще с такой резкостью не ставит этого вопроса, как Колумелла.

Но причина этих резких нападок Колумеллы на отсутствие сельскохозяйственного образования лежит отнюдь не в личности Колумеллы—просвещенного хозяина, ужасающегося невежеству современников, а в совершенно другой плоскости.

Мы имеем дело с крайне интересным и важным явлением: резким обострением противоречий между уровнем сельскохозяйственной науки, между требованиями лучшего сельскохозяйственного опыта, между продолжающимся, несмотря на кризис, а, быть может, именно в связи с кризисом, развитием, прогрессом агрономической мысли и между возможностью провести эти требования в жизнь. Как ни низок был уровень античной агрономической культуры, он оказался, однако, уже ко времени Колумеллы слишком высоким для того, чтобы быть проведенным широко в жизнь. Уже тут, у самой колыбели, у самого истока сельскохозяйственных знаний некоторое их развитие сразу сталкивается с противоречиями антагонистического общества, влекущими за собой и противоречия между теорией и практикой, между наукой и жизнью. Этот разрыв, который обострился в связи с обострением противоречий рабовладельческого способа производства, очень ярко чувствовал и отразил Колумелла. То, что он это чувствовал, показывает его замечание, что «недостаточно знать или хотеть, если нет требуемых на работу денег»**. Но он не понимал, что все его требования рационализации хозяйства, ведение его по всем правилам науки в применении к сельскому хозяйству Италии в целом неизбежно обречены на провал, находятся в резком противоречии с историческим ходом вещей; он глубоко верил в силу

* Colum., I, praef., 20.

** Colum., I, 1, 1.

науки о земледелии. «Хороший хозяин сумеет сделать доходным и приносящим пользу всякий участок, какой бы он ни купил или ни получил. «...знание и усердие хозяина плохой земли смогут победить ее бесплодие». Эти противоречия, выразившиеся в резком контрасте между ростом агрономической мысли и падением сельскохозяйственной техники, делают фигуру Колумеллы, с боевым задором поднявшего знамя агрономической науки, путь которой был уже закрыт, пытавшегося вопреки историческому процессу добиться единства науки и практики, делают фигуру этого лучшего агронома античного Рима не только интересной, но и в высокой степени драматичной. Он испытывает страх, что смерть настигнет его раньше, чем он сможет «постичь целиком всю науку о сельском хозяйстве», ибо он рассматривает «этот предмет во всем его объеме, как некое огромное тело», или перебирает, «как по отдельным суставам, мельчайшие его части»*. Эти мельчайшие суставы—масса агрономических фактов—подвергались и до Колумеллы попыткам собирания и простого изложения (Катон), ограничения определенными рамками (Варрон) и объяснения (Вергилий). В лице Колумеллы агрономическая мысль делает крупный шаг вперед в деле превращения «этого огромного тела» сельскохозяйственной практики и опыта в науку.

Колумелла выдвигает общие положения о сельскохозяйственной науке. Во-первых, «человек, который пожелал бы объявить себя достигшим в ней (сельскохозяйственной науке) совершенства, должен глубоко проникнуть в сущность явлений». Простой перечень фактов, так сказать, инвентаризация сельскохозяйственного опыта, проводившаяся до сих пор, уже недостаточен.

Во-вторых, выдвигается требование научной систематизации и классификации агрономических фактов, ибо «наука не обязана блуждать среди видов, которым нет числа. Она имеет дело с рядами, которые легко охватить и мыслью и словом». «Необходимо,—утверждает Колумелла,—прибегнуть к тому, что образует как бы некие соединения между качествами различными». Соединения и чередования различных качеств в почвах, например, создают самые разнообразные полевые земли. (Вспомним, что уже Варрон насчитывал их свыше 300.) «Перечислять их,—категорически заявляет Колумелла,—не дело ученого агронома»**.

В-третьих, необходимо подвергнуть строгому критическому анализу установившиеся агрономические представления, вне зависимости от того, освящены ли они авторитетом сельскохозяйственных писателей или традицией практики. Необходимо проверить, «все ли написанное стариками находится в соответствии с современной культурой» или тут есть некоторые разногласия***.

В-четвертых, отсюда следует несравненно большее значение исследовательских опытов, чем у старых авторов, и необходимость самой широкой их постановки. «Не довольствуясь, однако, авторитетом старых хозяев и наших современников, станем примером сами

* Colum., I, praef., 21.

** Colum., II, 2, 1. (Разрядка наша. М. Б.)

*** Colum., I, 1, 3.

для себя и попробуем производить новые опыты. Это получится иногда, в отдельных случаях, убыточно, но в общем оказывается все же выгодным, потому что всякая полоска принесет доход, если хозяин после многочисленных проб добьется того, чтобы выращивать на ней как раз то, что пойдет там лучше всего...; поэтому никогда не следует забрасывать опытов во всем их многообразии*.

Такая оценка необходимости и значения опыта приводит Колумеллу, в-пятых, к пониманию, что сельскохозяйственная наука не есть собрание раз навсегда установленных догм и положений, а что она развивается в процессе накопления и проверки опыта.

Это подводит его, в итоге, к определению роли и значения науки и ее связи с практикой. «Наука освещает ученику правильный путь», агрономические трактаты учат, но не делают мастерами, ибо все же «главную роль играют опыты и практика, и нет ни одной научной области, где не учились бы на ошибках»**.

Все эти замечательные положения, показывающие, что их автор с полным правом может считаться наиболее выдающимся агрономом античности, вместе с тем наглядно свидетельствуют о дальнейшем росте римской агрономической мысли. Это полностью подтверждается при изучении отдельных частей сочинения Колумеллы, в особенности же его указаний по организации труда.

Ремесленный характер труда, простая кооперация индивидуальных производителей органически присущи рабовладельческому хозяйству. Колумелла резко выдвигает элементы сложной кооперации, он требует известного технического разделения труда.

Центральная идея указаний Колумеллы по организации труда— требование разделения труда, известной специализации рабочих: «Обязанности рабов должны быть строго разграничены; нельзя допускать, чтобы все без разбора исполняли всякую работу***. Это совершенно невыгодно для хозяина, потому что тогда никто не считает ни одной работы своей».

Обязанности пахаря, виноградаря, чернорабочего должны быть выделены и возложены на отдельные группы рабов.

Исходя из этих идей, Колумелла выдвигает требования квалифицированного труда, привлечения специалистов-рабов, обладающих специальными познаниями в определенной отрасли сельскохозяйственного производства. Нападая на широко распространенную практику распределения работ не в зависимости от знаний, а от простой физической силы раба, он требует не останавливаться перед уплатой за опытного виноградаря такой суммы, как восемь тысяч сестерций****. Колумелла значительно острее своих современников понимает, что такая затрата капитала может явиться вполне рентабельной.

* Colum., I, 4, 5. (Разрядка наша. М. Б.)

** Colum., I, 1, 16.

*** Colum., I, 8, 1.

**** Colum., III, 3, 8.

В особенности высокие требования предъявляются Колумеллой к непосредственному руководителю—организатору хозяйства, к его управляющему—виллику. Целые страницы посвящены характеристике качеств, которыми должен бы обладать приказчик—этот, казалось бы, носитель агротехнического прогресса, центральная организаторская фигура рабовладельческого поместья.

Между рабом и рабовладельцем шла неустанная борьба, явная и тайная, выражавшаяся и в кровавых восстаниях, и в порче орудий, и в нарочито небрежной обработке земли. Колумелла разрабатывает целую систему мероприятий, направленных на то, чтобы выжать из раба максимум возможного. Мы не можем останавливаться на описании этой системы, отдельные элементы которой разбросаны на протяжении всех 12 колумелловских книг, системы, в которой тюрьма *ergastulum* занимает не последнее место. Но не только тюрьма. «Я считаю, что хозяйская ласка облегчает им (рабам) их непрерывную работу, и поэтому я даже шучу с ними и позволяю шутить им самим... Часто я делаю вид, будто совещаюсь с более опытными о каких-нибудь новых работах... и вижу, насколько охотнее берутся они за дело, которое, по их мнению, обсуждалось вместе с ними и было принято по их совету... Хороший хозяин... распросит, полностью ли они получают свой паек, сам отведаст, насколько хороши их хлеб и питье, и осмотрит их одежду и обувь.. Он предоставит им возможность жаловаться на тех, кто обходится с ними жестоко или обворовывает их»*.

Старая мудрая лиса, Колумелла стремится обмануть историю, сделать рабский труд более производительным. В этой связи чрезвычайно интересны его замечания по введению урочной системы работ. «Ничто так не держит в узде даже самого отъявленного негодяя, как такая работа, когда требуется выполнить заданный урок, и притом в постоянном присутствии приказчика. В этом случае и надсмотрщики, приставленные к отдельным работам, старательно исполняют свои обязанности»**.

Однако количественное выполнение заданного урока, определенной нормы, для Колумеллы совершенно недостаточно. Необходимо эту норму выполнить на определенном качественном уровне. Если путем всяких мер воздействия от раба можно еще добиться выполнения нормы, то это почти невозможно, когда речь идет о качестве. Отсюда, такой упор на квалифицированного руководителя работ, опытного приказчика, опытного виноградаря и хозяйский глаз. Раб, «чтобы набрать то число, которое ему заказано приказчиком, работает невнимательно и недобросовестно...»; «если у него есть кое-какие сведения..., он ими не пользуется и скрывает их»***.

К чему ведет подобное отношение к работам со стороны рабов и насколько подобное положение широко распространено, Колумелла представляет себе достаточно трезво. «Важнейшие работы поручаются либо самому бестолковому рабу либо такому, который ничего другого делать не в силах... Дело огромной важности ока-

* Colum., I, 8, 15.

** Ibidem, I, 8, 11.

*** Colum., III, 10, 7 (относительно выбора чубуков).

залось в руках людей вовсе бестолковых и совершенно немощных...»*. Какой же выход? Присутствие самого хозяина, непосредственное его наблюдение за производством? Но Колумелла сам прекрасно понимает, что его хозяин, крупный землевладелец, не променяет Римского форума на прозябание в деревне. Это исключено. И в качестве последнего выхода Колумелла, обманывая самого себя, прячет голову под крыло следующего решения: хозяйством надо обзаводиться в такой близости от города, чтобы хозяин, не отрываясь от своей городской жизни, мог легко, хоть на несколько часов, выехать в свое имение**. Так, в основном вопросе Колумелла, не желая сам в этом сознаваться, приходит к выводу об отсутствии какого бы то ни было выхода.

При данных производственных отношениях выхода и не было; развитие производительных сил сталкивалось с непреодолимыми препятствиями.

Рабовладельческое хозяйство постепенно перестает быть экономически прогрессивной формой: решительный конфликт между производительными силами и производственными отношениями, вытекающий из внутренней ограниченности рабовладельческой формации, назревает. Труд стал делом, недостойным свободного человека***, рабов же становится все меньше—эпоха завоеваний, доставлявших в больших масштабах эту военную добычу, прекратится****—проблема воспроизводства рабочей силы становится все более острой.

Впрочем, выход все же намечался, но этот выход был одновременно и выходом из рабовладельческого способа производства, окном в будущее, выходом в другую социальную формацию. В недрах рабовладельческого способа производства зрели, формировались и развивались ростки иной социальной формации, иных производственных отношений—феодално-крепостнических. Приобретал права гражданства и все больше укреплялся институт колоната.

Крупное рабовладельческое хозяйство себя изживает. На смену ему в длительном и сложном процессе приходит мелкое землепользование в лице арендаторов—колонов, между которыми владелец латифундии стремится раздробить свои крупные земельные массивы, не оправдывающие больше даже содержания раба*****.

* Colum., III, 10, 7.

** Colum., I, 1, 19, 20.

*** Энгельс. Диалектика природы, стр. 49, Партиздат, 1932.

**** О недостатке рабов, как одной из причин перехода на эксплуатацию поместий с помощью мелкой аренды, см. O. Seck. см. «Colonatus» P.W.R.E. IV, 2, стр. 486; об этой наиболее острой для античного мира проблеме воспроизводства рабочей силы см. также: W. E. Heitland. «Agricola», Cambridge, p. 160, 1921. M. Weber. R. Agrarg., стр. 242 сл. E. Ciccotti. Der Untergang der Sklaverei im Altertum, Berlin стр. 204, 1910. Значение сокращения количества рабов сильно переоценено многими авторами, так же как, впрочем, и другие факторы. В свете указаний Сталина ясно, что суть заключалась не в уменьшении притока рабочей силы, падении цен и т. п., а в назревающей революции рабов, которая ликвидировала рабовладельческий способ производства, поставив вместо него «крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин).

***** О переходе на мелкую аренду, затруднениях в организации эксплуатации поместий и падении цен на землю см. Plin. Epist., IX, 37; X, 8, III, 19, и Фюстель де-Куланж. Римский колонат. Пер. под ред. Н. И. Гревса, стр. 10—15, СПб, 1908.

«Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход; ...Мелкое хозяйство снова сделалось единственно ~~окупающей~~ себя формой»*.

Мы с самого начала характеризовали Колумеллу, как боевого ~~воинствующего~~ представителя рабовладельческого хозяйства. Колумелла не идет по линии наименьшего сопротивления и лучшего, ~~казалось бы~~, выхода—выхода, которого требовала логика исторического процесса,—широкого перехода на колонатный способ производства. Старая гвардия умирает, но не сдается; иначе говоря, ~~время~~ гибели этой рабовладельческой гвардии уже приблизилось, ~~но~~ еще не наступило: «при средних качествах земли и умеренно ~~хорошем~~ климате имение дает больше, если хозяйство ведется ~~не~~ колонатами, а самим хозяином или даже приказчиком, только бы ~~последний~~ не оказался совершенным лентяем или вором»,—декларует Колумелла**.

Но хотя гвардия все еще не сдается, она очень сильно приспособляется к требованиям времени, и это приспособление все больше ~~выходит~~ на сдачу позиций: «В отдаленных имениях, куда хозяину ~~трудно~~ наезжать, лучше поручить ведение отраслей хозяйства своим ~~близким~~ колонатам, чем поставить раба-приказчика»***. Нельзя не приписать одного замечательного отрывка из Колумеллы, ярче многих ~~трактатов~~ вскрывающего противоречия эпохи. Речь идет о зерновом ~~хозяйстве~~, которое в отсутствие хозяина «рабы совершенно ~~расшатывают~~»: они сдают в наем на сторону волов, плохо кормят их и остальной скот, небрежно вспахивают землю, сеют зерна гораздо меньше, чем показывают, не обрабатывают посевы таким образом, чтобы хорошо шли, и во время молотбы ежедневно переводят хлеб, лежащий на току, растаскивают его сами, не стерегут от других воров и не показывают честно, сколько его ссыпано. Таким образом, выходит, что виноваты распорядитель и рабочие, а обесславленной оказывается чаще земля». Колумелла прекрасно понимает, что земля тут не причем,—при чем люди. С первых же строк первой своей книги он отводит вину с земли, будто бы истощенной и поэтому дающей меньше, и перекладывает эту вину на организатора производства—рабовладельца. Нельзя не отдать должного Колумелле—он приходит тут к выводу, подсказанному всем историческим ходом вещей. «Поэтому такое имение следует отдать, по-моему, в аренду, если как я сказал, хозяин не будет в нем жить»****.

Но с тем большей энергией принимается он за разработку указаний по укреплению хозяйства, ведущегося в основном рабским трудом, по рациональной организации его.

Поставленное противоречиями своей эпохи вплотную перед вопросом быть или не быть, рабовладельческое хозяйство, представляемое Колумеллой, в тщетной, но упорной борьбе с неизбежным концом вырабатывает свой агрономический ответ, тем более прогрес-

* Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 131, Партиздат, 1934.

** Colum., I, 7, 5.

*** Ibidem, I, 7, 6.

**** Ibidem, I, 7, 7.

сивный по сравнению с катоновским рецептом, чем острее было положение, глубже противоречия, ближе конец.

Выдвигается требование построения хозяйства на рациональном, органическом сочетании полеводства с животноводством. К этому положению Колумелла пришел, разумеется, не случайно, а в результате длительного предшествующего развития агрономической мысли.

Он исходит из представлений, являющихся ведущей идеей его агротехники,—что возделывание растений приводит, с одной стороны, к отравлению почвы и накоплению в ней вредных ядов, с другой—к истощению в почве запаса питательных веществ, ее «иссушению».

Удобрение—навозное в первую очередь,—посев сидеральных культур и тщательная обработка земли с глубокой пахотой ликвидируют отравление и истощение почвы и создают условия высоких и устойчивых урожаев.

Но навозное удобрение требует рационального ведения животноводства и соответствующей агротехники. Колумелла предлагает стойловое содержание скота.

В своем учении об удобрении Колумелла исходит из того положения, что для всякой земли, истомленной посевом, есть одно действительное средство: «помоги ей навозом и восстанови, словно пищей, ее утраченные силы». Речь, как видно, идет о «всякой земле». Но Колумелла хорошо знает, что «всяких земель» очень много, он знает также различные свойства этих земель. Предшествовавший опыт и литература изучали уже свойства различных растений и их требования к определенным почвенным разностям. Колумелла делает дальнейший шаг и дополняет классификацию почвы и классификацию растений классификацией удобрений, определением их свойств, определением влияния отдельных видов удобрений на отдельные почвенные разности, указанием потребности, нуждаемости отдельных видов растений в определенных удобрениях.

Удобрения, по учению Колумеллы, подразделяются на пять основных категорий: 1) навоз, 2) компост, 3) зеленое удобрение, 4) минеральное удобрение, 5) удобрение земель. Навоз, в свою очередь, подразделяется на три основных вида: птичий помет, людские экскременты и навоз от животных. Затем следует дальнейшее, более детальное деление, основанное уже на удобрительных свойствах каждого вида навоза и его влияния на отдельные почвенные разности.

Минеральные удобрения представлены золой, зеленое удобрение люпином: «срезанные кустики люпина имеют силу наилучшего навоза». «Я считаю, что если у хозяина ничего нет, то люпин всегда придет на помощь. Если на плохой почве его посеять и запахать около сентябрьских ид, а затем своевременно срезать плугом или мотыгой, то он обнаружит свойства самого прекрасного удобрения».

Но есть места, «где почему-либо нельзя держать ни скота, ни пищи. И все-таки в таком месте только нерадивый хозяин останется без навоза».

На смену выступает компост. «Можно набрать... листьев, можно накопать земли между кустарниками, на дорогах и перекрестках,

можно нарезать папоротника... и перемешать все это с дворовым мусором, можно свалить в глубокую яму для навоза... золу, нечистоты, стебли растений и прочий сор...; так следует делать в имениях, где нет скота*.

Наконец, Колумелла, мобилизующий весь опыт, все знания современности для рационализации и интенсификации рабовладельческого хозяйства, приводит еще одно средство повышения плодородия почвы, если «под рукой не окажется никакого навоза». И в этом случае Колумелла не сдастся и не идет по линии наименьшего сопротивления. Он кстати вспоминает своего дядю Марка, хозяина «весьма сведущего и старательного: на песчаные места он возил глину, а на глинистые с очень плохой почвой—песок и добывался не только щедрого урожая хлебов, но и выращивал прекрасные виноградники**.

Этот боевой задор Колумеллы не пройдет ему даром. Вскоре на него обрушится Плиний, возмущенный такими агрономическими дерзательствами***.

Но Колумелла пишет, как мы говорили, не просто ученый трактат, а практическое, конкретное руководство к действию. Он поэтому не ограничивается общей классификацией удобрений и описанием их свойств.

Он разрабатывает указания о нормах удобрения, сроках и способах их внесения.

Все эти указания не особенно отличаются от распространенной у нас до последнего времени практики: нормы, примерно, те же, а что касается сроков и способов внесения навоза, то они исходят из общего положения, с которым также нельзя не согласиться: «гораздо выгоднее для хозяина удобрять землю чаще, чем делать это без меры»****.

Важнейшее значение, отводимое навозу в восстановлении плодородия почв, не могло не потребовать улучшения хранения, использования и добытия навоза. Прогресс в этом направлении подготовлен всем развитием агрономического опыта, ибо навоз—в центре агротехнических мероприятий Колумеллы. Понятно поэтому, что в центре внимания и навозохранилище. Действительно, сравнение писаний предшествующих авторов с Колумеллой свидетельствует о замечательном прогрессе в этом отношении: навозная куча превращается в рациональное навозохранилище.

О хранении навоза говорили и предшествующие авторы—меньше Катон, больше Варрон (Вергилий хранил молчание).

Варрон уже знает преимущества перепревшего навоза перед свежим. Он рекомендует навозную кучу разделить на две части: в одну сваливается свежий навоз, из другой старый вывозится на поля*****. Колумелла подхватывает эти указания и развивает их

* Colum., II, 14. Об удобрении у римских агрономов см. статью Olck'a. Düngung, P. W. R. E., V, 2, 1755—1775, и R. Billiard, L'agriculture dans l'antiquité, стр. 71—91. М. Е. Сергеевко. Удобрение хлебных полей в древней Италии. Труды Ин-та ист. науки и техники Академии Наук СССР, сер. I, вып. 4, стр. 134.

** Colum., II, 15, 4.

*** Plin., XVII, 41.

**** Colum., II, 15, 2.

***** Var. r. r., I, 13, 4.

в соответствии с общими принципами организации представляемого им типа хозяйства.

«Навозных ям должно быть две*: в одну складывают свежий навоз, который там и остается целый год, из другой вывозят старый. Обе ямы делаются на манер бассейнов, со слегка покатым дном, которое заливается затиркой, чтобы не пропускать жижи. Чрезвычайно важно, чтобы она не высохла и навоз не потерял сил. Его усердно поливают, чтобы семена сорных трав или колючих растений, застрявших между соломой или мякиной, погибли и, будучи вывезены в поле, не заглушили посева травой. Опытные хозяева весь навоз, вычищенный из овчарен и других хлевов, прикрывают ветками, тем самым не давая солнечным лучам высушить и сжечь его».

Об азоте Колумелла, разумеется, не имел ни малейшего представления. Вряд ли, однако, наш читатель-агроном нуждается в каких-либо комментариях, чтобы убедиться, что все указания Колумеллы совершенно верно были направлены к сохранению удобрительных свойств навоза, в частности, азота, и устранению отрицательных свойств навоза, в особенности как распространителя сорняков. В особенности потому, что борьбе с сорняками передовая агрономическая мысль античности уделяла особенно большое внимание. Уже Вергилий красочно рисует бедствия, которые несет с собой засорение полей:

«Торчит на пашне волчек бестолковый—

И погибает посев: сменяется лесом колючим,

Глядь,—и орех водяной и лаппа на ниве роскошной.

И несчастливый пшенец и бесплодный овес донимают.

Если без устали ты не будешь мотыгой тревожить

Землю, и криком отпугивать птиц, и тенистого поля

Мрак серпом умерять, молениями дождь призывая,—

Будешь ты видеть, увы, превеликий запас у соседа,

Голод же свой по лесам утишать, дубы сотрясая»**.

Мотыгой тревожить землю в целях борьбы с сорняками рекомендует и Колумелла, выдвигая требования тщательной прополки. В качестве приемов борьбы с сорняками Колумелла, как мы видели, рекомендует уход за навозом, советует также загущение посевов. Но полка является важнейшим мероприятием в культурном, «хорошем» хозяйстве. Мы подчеркиваем «хорошем», так как и вокруг этого, казалось бы, простейшего мероприятия—о нем говорит уже Катон—разыгрывается та же борьба между различными направлениями в агрономии, о которой мы говорили выше. Колумелла и в этом случае выступает со всей резкостью на защиту своей программы культурного, интенсивного хозяйства: «только никуда негодный хозяин может допустить, чтобы у него по посеву росла трава, отказ от выпалывания мотыгой наносит огромный ущерб урожаю...». «Я считаю, что бобы надо пропалывать мотыгой; по-моему, их сле-

* Colum., I, 6, 21.

** Вергилий, Георгики, I, 151—159.

дует пропалывать даже трижды*. Эта резкость и полемический задор «даже трижды» вполне обоснованы, ибо предложения Колумеллы направлены не в безвоздушное пространство, писаны не бесстрастным ученым, а заострены против представителей другого агрономического течения. Другая же агрономическая школа, отражавшая практику и представления рабовладельческого хозяйства, шедшего по пути снижения технического уровня, пытавшегося удержаться от падения ценой максимального снижения затрат, эта школа, являясь рупором, мы бы сказали, «загнивающего», деградирующего рабовладельческого поместья, требовала отказа от прополки, потому что это сокращало уже непосильные затраты. Эту точку зрения отстаивает Корнелий Целльз, подвергшийся за это жестокой критике Колумеллы.

Однако прополка и мотыжение—методы непосредственной борьбы с сорняками—являются вместе с тем лишь частью системы приемов по обработке почвы и ухода за посевами. Естественно ожидать, что именно в этом вопросе должны были наиболее ярко развернуться противоположности данных двух школ, если эти противоположности действительно существуют и если в римской античной агрономии действительно боролись, как мы утверждаем, различные агрономические направления.

Мы не случайно делаем подобную оговорку. В соответствующей литературе в буржуазной историографии античные агрономические авторы, как правило, берутся за одну скобку, и если между ними и находят какие-либо различия, то, главным образом, в объеме их работ**. У Варрона 3 книги, у Колумеллы 12, у Плиния еще больше, но мы еще не встречали не только характеристики противоречий, заключающихся в этих работах, и обоснования их происхождения, но даже просто указаний на наличие какой бы то ни было «агрономической» борьбы, резких расхождений***.

А что эти расхождения были, и расхождения не случайные, убедительно доказывается принципиально разными течениями именно по вопросу об обработке почвы.

«Глубокая вспашка,—пишет Колумелла,—приносит наибольшую пользу всякому произрастанию. На нивах, глубоко изборозженных плугом, пышно разрастаются посевы и деревья»****.

Но глубокая, более тщательная пахота требует и большой затраты труда и средств, требует наличия сильного скота, тяжелых, дорогих орудий производства, влечет за собой более интенсивную дальнейшую обработку—словом, предъявляет ряд требований к системе ведения «культурного» хозяйства и, в свою очередь, из этой системы интенсивного культурного хозяйства вытекает... Но это вовсе не вытекает, а, наоборот, противоречит принципам, на которых строит свое учение противоположная агрономическая школа, школа

* Colum., II, 11, 6—7.

** См., например, N. S. B. Gras, *History of agriculture in Europe and America*, London, стр. 51—65.

*** Французский ученый Barbarett (1879) впервые отметил враждебное отношение Плиния к Колумелле, но, как правильно указывает Сергеев, не сумел объяснить его принадлежностью к двум противоположным хозяйственным лагерям. L. c., «Известия Академии Наук СССР», 1935 г., стр. 593.

**** Colum., II, 2, 23.

Цельза, Плиния. Эти принципы и в данном важнейшем звене не могли не оспаривать Колумеллу. И он выступает с положениями исключительно интересными. Он полемизирует с Цельзом—представителем, так сказать, «антично-саратовской» школы.

«Поэтому (в виду важности глубокой вспашки для урожая) здесь я не согласен с Цельзом, который, боясь расходов, а они, конечно, на крупный скот больше, думает пахать землю маленькими сошниками и сошками, чтобы с ними мог управляться и мелкорослый вол. Он не понимает, что больше будет дохода от щедрого урожая, чем расхода, если мы купим рослых животных*.

Колумелла ошибался, полагая, что Корнелий Цельз, хозяин с богатым практическим опытом, не понимал преимущества глубокой вспашки. Вряд ли этот агроном, о котором вообще резкий на эпитеты Колумелла отзывался обычно с таким уважением, не понимал агротехнической целесообразности данного приема. Но Цельз понимал и другое, а именно, что глубокая, «культурная» пахота требует большей затраты средств и такой интенсивной культуры, которая этому хозяйству больше не под силу.

Поэтому он идет по линии наименьшего сопротивления.

В совокупности правил пахоты, даваемых Колумеллой, глубина пахоты—требование важнейшее, но не единственное. Мы не будем подробно останавливаться на других требованиях, разбросанных в различных книгах Колумеллы. Тут мы, в частности, найдем жесткое требование своевременности пахоты с необходимыми и по сие время правильными модификациями в зависимости от характера почв и характера обработки (пахота пара августовская или мартовская, под яровые, под озимые, на перегар, в зависимости от степени влажности почвы и т. д.).

Важнейшее значение придается тщательности обработки и количеству вспашек. Считая достаточной трехкратную вспашку, Колумелла требует высокого ее качества, что находится в полном соответствии со всей системой его агрономии.

Пахарь обязан «нигде не оставлять ни пяди нетронутой земли»**, или, иначе говоря, огрехов. Колумелла требует введения строгого контроля за качеством пахоты—бракеража. Хозяин должен проверять, нет ли где-нибудь огрехов, засыпанных землей.

Эти технические приемы обработки земли, как и сроки пахоты, вытекают из общей агрономической идеи Колумеллы—необходимости сделать землю «рыхлой», вызвать в ней «брожение», которым Колумелла именует непонятные ему процессы питания растений и накопления элементов плодородия почв.

Уровень, на котором находятся требования к пахоте, не снижается, а, скорее, повышается и по отношению к севу: мысль о необходимости взаимного учета и согласования различных факторов при определении характера того или другого агротехнического приема, мысль, зародившаяся уже давно и сформулированная, как мы выше указывали, уже Варроном, блестяще развертывается у Колумеллы,

* Colum., II, 2, 24

** Colum., II, 2, 25.

в особенности в вопросах сева. Указания его в этой области относятся и к установлению сроков посева и к нормам высева и их варьированию, в зависимости от назначения посева.

Установлению сроков и норм высева предшествовала длительная разработка ранними авторами, да и самим Колумеллой, требований, которые взаимно предъявляют друг другу свойства данной почвы и свойства данной культуры. Мы об этом уже упоминали; укажем сейчас только, что Колумелла значительно уточняет эти взаимные требования. Но от простого подчеркивания важности этих требований и общих указаний на необходимость выбирать для таких-то почвенных разностей такие-то культуры Колумелла переходит к требованию обеспечения каждого в отдельности участка поля семенами соответствующих более производительных разностей в пределах одного и того же вида растений. «Эти роды пшеницы и полбы (высококачественные сорта—«превосходные» по весу и по своим хлебопекарным свойствам) хозяин должен держать у себя потому, что редко поле бывает расположено так, чтобы можно было удовлетвориться на нем одними семенами; где-нибудь да окажется участок сырой или сухой»*.

В зависимости от различных особенностей каждого участка поля подбирается и посевной материал. Но в зависимости от этих же особенностей участка, с учетом требования высеваемой культуры, устанавливаются и сроки высева. Один участок поля поступает в сев раньше, другой позже. Сроки сева различны, в зависимости от того, идет ли речь об озимом или яровом севе, но в обоих случаях ясно проглядывает предпочтение раннему севу, так же как в обработке почв ранней пахоте. Ранний сев озимых, особенно в местах сырых, «а также лежащих в тени,... окажется наиболее подходящим, потому что корни хлебов смогут укрепиться раньше, чем их хватит зимними дождями, холодами и заморозками»**. Что же касается ярового посева, то тут «чем раньше мы посеем, если это допустимо по характеру местности и климата***, тем лучше все уродится». Эта оговорка: «если допустимо по характеру местности и климата», не пустой звук и не общая фраза. Она конкретизируется в указаниях по отношению к отдельным культурам и почвенным разностям, она же разрабатывается и в отношении норм высева.

И тут этот античный агроном исходит из общего принципа, дает общее положение, которое затем и модифицируется. Это общее положение гласит, что нет общей нормы высева для всех культур, а что каждая культура требует своей нормы и эта норма меняется в зависимости от того, на какой почве производится посев, а также в какое время идет сев.

Этот интересный период в истории агрономической мысли, когда первобытный хаос многочисленных, в различных условиях и обстоятельствах полученных сведений и фактов начинает упорядочиваться какими-то общими представлениями, принципами, идеями, причин-

* Colum., II, 6, 4.

** Colum., II, 8, 3.

*** Colum., II, 9, 7.

ными связями, из сложного, запутанного клубка которых постепенно выкристаллизовываются и отбираются понятия, вошедшие в золотой фонд агрономического наследства,—этот период нашел свое отражение и в «растениеводстве» Колумеллы.

Во времена Колумеллы возделывается немало растений: пшеница, ячмень, овес, полба, просо, рожь, рис, бобы, горох, фасоль, чечевица, вика, клевер, люцерна, люпин, нут, лен, кунжут, репа, турнепс и т. д. и т. д.

Исходя из того, что «наука не обязана блуждать среди бесчисленных видов», Колумелла кладет начало в римской литературе систематике растений, подразделяя их по основному и по сейчас ботаническому признаку—числе семядолей в семени. Одну группу составляют «все хлеба—вообще, что не имеет двудольного семени», другую—«растения с двудольным семенем, как бобы, горох, чечевица».

С этой систематикой теснейшим образом связывается изложение данных фенологических наблюдений. Первая группа «выпускает колос между третьим и четвертым узлом, за восемь дней отцветает... в течение сорока дней наливается», вторая группа ведет себя иначе.

И эти периодические явления, свойственные той или иной группе растений, наблюдаются отнюдь не в интересах чистого познания или углубления систематики растений. Они играют важнейшую роль в определении характера и, главное, сроков практического применения тех или иных агрономических приемов, в особенности же окуливания и прополки, мотыжения, разрыхления земли*. Это, в свою очередь, требует от хозяина ряда практических мероприятий, своевременного обеспечения рабочей силой и т. д. Так, у Колумеллы «наука», обобщение, систематизация, органически связана с практикой и из требований этой практики вытекает. Но это, конечно, совершенно еще не означает, что эта систематизация верна.

Познаний у Колумеллы оказалось достаточно для того, чтобы предложить деление по семядолям, но недостаточно для того, чтобы этот принцип выдержать. Он его нарушает тут же, смешивая в одну категорию и стручковые, и бобовые, и лен, и хлеб: «стручковые имеют много родов; наиболее излюблены и употребительны у людей бобы, чечевица, горох, фасоль, конопля, просо, сезам, люпин, а также лен и ячмень**», с тем, чтобы потом, спохватившись, поправлять часть своих ошибок: «среди хлебов следует поместить и просо с могаром, хотя я уже и причислял их к стручковым***».

Отсутствие правильных представлений о природе растений приводит Колумеллу к ряду утверждений, вроде того, что пшеница перерождается в полбу или репа в брюкву, и обратно. Но и эти утверждения не безынтересны в свете сегодняшних дискуссий о путях развития селекции.

Замечания, которые мы сделали о колумелловой систематике растений, остаются верны и для классификации почв; как мы уже

* Colum., II, 11, 4. «Можно окуливать пшеницу и полбу, когда у них появятся четыре листика; ячмень—когда пять, бобы и прочие стручковые—когда они поднимутся от земли на четыре пальца».

** Colum., II, 7, 1.

*** Colum., II, 9, 17.

выше говорили, он пришел уже к необходимости такой классификации. Это именно ему принадлежат замечательные слова, что «не дело ученого агронома» перечислять всевозможные почвы, ибо «наука не обязана блуждать среди бесчисленных видов: ее путь пролегает через роды, которые легко охватить мыслью и словом». Все это звучит прекрасно и могло бы быть помещено в качестве введения к любому современному учебнику, но отсутствие правильного представления о природе почв приводит его, так же как и в отношении растений, к целому ряду неправильных утверждений, никак с его классификацией не связанных. Это относится, например, к его противоречивым утверждениям о цвете земли. То он считает черный цвет всегда признаком лучшей почвы*, то он от этого положения отказывается**.

Нужно отметить, что вообще в почвенных классификациях античных писателей цвет почвы играет видную роль и с ним связывается зачастую противоречивая оценка почвенных разностей. По поводу этого цвета и его оценок целесообразно поэтому позволить себе несколько более подробный комментарий. Красноземы и желтоземы представлены в Италии весьма широко—это почвы, образовавшиеся под покровом жестколистных лесов в условиях субтропического влажного климата. Белую окраску имеют почвы, являющиеся продуктом перегноя желто- и красноземов. Поскольку деревянистая формация привела к образованию почв подзолистого типа, т. е. бедных перегноем, богатых полуторными окислами и кремнеземом, часто с кислой реакцией, сильно выщелоченных, то и среди желто- и красноземов античные агрономы сталкивались с типично подзолистыми почвами, характерными не столько для субтропического пояса, сколько для средневропейского. Они фигурируют в наших текстах, обычно, как «зольная земля». Но с белыми и красными почвами античный земледелец должен был сталкиваться и в районах наносных почв, главным образом, конечно, в долинах, хотя это были зачастую уже супесчаные разности. Там же он мог встретить и, как показывают тексты, действительно встречал также и черные почвы. Это могли быть и богатые торфом почвы прибрежных частей поймы и почвы, богатые солями марганца. Однако с черным цветом совершенно иных почвенных разностей можно было встретиться и в других районах, например, с черным вулканическим туфом. У Колумеллы и Плиния неоднократно фигурирует угольная земля, под которой, очевидно, следует понимать угле-известковые почвы.

И античный агроном, сталкиваясь на практике с различными качествами почв, обладающих казалось бы одинаковыми признаками—и цвет, и «жирность», и т. д.—вынужден был идти по линии максимального увеличения количества этих признаков в надежде найти какие-либо отличные показатели. Там же, где таких твердых отличительных признаков не находится, приходилось довольствоваться географической локализацией, хотя она и не устраняла недоумений.

* «Все, что я говорил (о качественных признаках почвы), может являться не столько верным, как особый черно-серый цвет земли, о прекрасных качествах которой свидетельствуют сами урожаи». Col., II, 2,19.

** «Цвет земли не свидетельствует о хороших качествах почвы и не ручается за них». Ibidem, 15.

Так, например, в одном случае одни и те же виноградники хорошо идут на жирной белой почве (в области Сильвии Политейской), в другом случае, наоборот, остаются на такой же, казалось бы, почве неплодородными (долина реки Тичино).

Возможно, что в первом случае белые и желтые политейские глины «очень жирны и плодородны», потому что состоят преимущественно из тонких частиц каолина и в илистой фракции этих глин мало окисей железа и марганца,—отсюда и их окраска—белая и желтая—и, может быть, плодородие по отношению к винограду. В супесчаных же почвах долины реки Тичино, в составе которых преобладает кварц и другие отдельные минералы, возможен, естественно, недостаток элементов питательных веществ. Это тем более возможно, и не только по отношению к винограду, что жалобы на малое плодородие наносных пойм античные агрономы заявляют неоднократно.

Можно было бы привести много других подобных примеров, но мы указывали уже, что интереснее то, что у Колумеллы есть, чем выявление того, чего там нет. Есть ценнейший опыт, толкающий вперед мысль, есть практика, потребности которой рождают науку, рождают первые попытки научных объяснений и обобщений агрономического опыта. Нет еще агрономической науки в современном смысле этого слова, как нет и ученых агрономов, хотя Колумелла присваивал себе этот титул не без основания.

С большим или меньшим основанием, и скорее с меньшим, чем с большим, это относится к другому агрономическому писателю, современнику Колумеллы—Плинию.

ПЛИНИЙ СТАРШИЙ *

В отличие от других сельскохозяйственных писателей, специально агрономической программы у Плиния, собственно говоря, нет, и его значение как агрономического писателя обычно игнорируется. Это значение необходимо восстановить и дать ему должную оценку.

Плиний не упоминается обычно в перечне агрономических авторов античного Рима. Это не случайно, хотя совершенно неверно.

Не случайно потому, что Плиний не писал специально агрономического трактата, не адресовал его специально сельским хозяевам, не выдвигал каких-либо систем организации труда и хозяйства, как это делали его предшественники.

Неправильно потому, что он собрал громадное количество сведений о ведении сельского хозяйства и его технике и практике, преподнося многие из этих сведений в виде настоятельных советов и рекомендаций сельским хозяевам, хотя это непосредственной целью его работы и не являлось.

* C. Plinius Secundus (major). Detlefsen, Untersuchungen über die Zusammensetzung der Naturgeschichte des Plinius, 1899. Münzer, Beiträge zur Quellenkritik der Naturgeschichte des Plinius, 1897. F. Dannemann, Plinius und seine Naturgeschichte in ihrer Bedeutung für die Gegenwart, 1921. M. Schanz, Geschichte d. röm. Literatur, VIII. II. 2, стр. 479—493, и указанная там литература по различным вопросам изучения Nat. Hist.

И игнорировать Плиния при характеристике эволюции и уровня античной агрономической мысли тем более неправильно, что эти его советы и указания не только носили энциклопедический, разнообразный, многосторонний характер, но и были в ряде случаев продиктованы определенными социальными симпатиями, исходили из определенных классовых позиций, имели свои корни в противоречиях современного Плинию общества.

Сочинения Плиния, в особенности XVII и XVIII книги, значительно более ценны для ознакомления с сельскохозяйственной техникой античности, чем многие писания его предшественников-агрономов.

Создание энциклопедии в античном ее понимании, как описания всех наук, всей «природы вещей», и было целью литературного творчества Плиния.

Уже Колумелла сокрушался о том, что смерть не даст ему возможности закончить сочинения о земледелии; уже он подчеркивал, что вряд ли найдется человек, который сумел бы охватить все отрасли земледелия*.

Плиний же поставил себе задачу значительно более грандиозную—охватить все отрасли знания и практики—задачу, о которой Гумбольдт много веков спустя скажет, что «в древности нет ничего, что можно было бы поставить рядом с этой величественной попыткой описать вселенную»**.

Трудности этой задачи были ясны Плинию: «По пути, которым я иду,—пишет он, обращаясь к Титу—,*** другие писатели не шли. Ни у нас, ни у греков не было человека, который попытался бы охватить все. Поэтому я должен был коснуться всего, что греки называют энциклопедией наук».

Эта энциклопедия наук и вылилась в результате в 37 книг, со следующим распределением содержания.

Первые несколько книг посвящены географии: так, 3-я книга—Италии, 4-я—Балканскому полуострову, Британии, Галлии, Германии, Испании, 5-я—Африке и передней Азии, 6-я, 7-я—Индии, Китаю, Персии, Эфиопии, странам черноморского побережья. Мы перечисляем все эти страны, так как это свидетельствует о том, что Плиний, подробно описывая населяющие их народности, моря и земли, горы и реки, «города и годы», имел в своем распоряжении немалые сведения и о земледелии и животноводстве современного ему мира.

Сведения эти он широко разворачивает в последующих книгах: 8-я книга посвящена «сухопутным животным», 9-я—водным, 10-я—птицам, 11-я—насекомым; зоологии посвящены и 28—32-я книги.

Ботанике отведено наибольшее место—16 книг из 37; среди этих книг—с 12-й по 27-ю—находятся и интересующие нас сведения по земледелию, которому, главным образом, посвящены 17-я, 19-я, а в особенности 18-я книга.

Остальные книги заняты в основном минералогией и горным делом: 33-я—книга—благородные металлы, 34-я—медь, железо, свинец, 35-я—благородные камни.

* Colum., I, praef.

** См. Dannemann, Fr., Plinius und seine Naturgeschichte, Jena, 1921.

*** Plin., N. H., praef.

Плиний много путешествовал и подолгу жил вне Италии, в связи с обычной военной карьерой, но для того, чтобы описать *orbis terrarum*, необходимо было изучить и использовать многочисленные и разнообразные сочинения различных авторов, что требовало очень много труда и времени.

Плиний младший, племянник нашего автора, в своих письмах* красочно показывает, как сумел его дядя, занимавший крупные административные посты, бывший ближайшим советником императора Веспасиана и, следовательно, занятый большой, так сказать, оперативной работой, осилить эту задачу.

«...он был человеком острого ума и невероятного прилежания... до рассвета он просиживал у императора Веспасиана (тот тоже работал по ночам), а затем отправлялся на свою службу. Возвратившись домой, он все оставшееся время посвящал занятиям. После еды ему часто читали; он делал заметки и выписки; без выписок он ничего не читал. За обедом тоже происходило чтение, сопровождаемое беглыми заметками. Настольно берег он время. В бане пока его растирали и умащали, он что-нибудь слушал или диктовал. В пути он только этим и занимался; рядом с ним сидел писец с книгой и табличкой. Зимой он (с этой целью) надевал перчатки. Дядя считал потерянным все время, отданное не занятиям. Благодаря столь напряженной работе он мог написать столько томов и оставил мне 110 книжек выписок, написанных мельчайшим почерком с обеих сторон... Он сам говорил, что, будучи прокуратором в Испании, мог продать эти книжки Ларцию Лицинию за 400 000 сестерций**, а тогда их было несколько меньше».

Конечно, только при таком напряжении и целеустремленности, только с затратой громадного труда Плиний мог использовать сочинения тех 146 римских и 327 чужеземных писателей, которых он в качестве своих источников перечисляет в первой книге***.

«Я говорю,—пишет он, обращаясь к императору Титу,—о двенадцати тысячах предметов, достойных внимания... я прочел для этого две тысячи томов..., выборки из избранных ста писателей я уложил в тридцать шесть**** книг, прибавив многое, чего раньше не знали и что было найдено и узнано позднее»*****.

Но *Historia Naturalis* далеко не единственное сочинение Плиния. Известно, что перу его принадлежал ряд других, до нас, правда, не дошедших, работ, как, например, биография Помпония Мелы—первого римского географа—старшего друга и учителя Плиния, руководство по элоквиенции, военные работы—о кавалерийских частях, история германских войн, в которых он лично принимал участие, и т. д. Можно, однако, без преувеличения признать, что идее описания

* Plin., Epist., 3, 5.

** Plin., Epist., 3, 5, 17 (Larcus Licinus). A. Klotz, Hermes, 42 (1907), стр. 328.

*** D. Detlefsen, Philol., XXVIII (1869), стр. 702. Плиний имеет тут в виду не всех писателей, им прочитанных, а наиболее важных.

**** Первая книга из общего количества 37 описывает источники использованные для 36 основных книг.

***** Plin., N. H., praef., 17.

«*terum natura*», природы, идее создания энциклопедии наук Плиний подчинил полностью свою жизнь, свою работу. Сама смерть Плиния была непосредственно связана с его жизненной целью—описанием природы вещей. Во время извержения Везувия, когда все спасалось бегством от потоков лавы и цепла, Плиний считал момент самым благоприятным для ближайшего знакомства с этим явлением природы, которое ему необходимо было описать. Он поспешил к кратеру вулкана и там нашел свою смерть.

Все эти обстоятельства его жизни и деятельности не могут не вызвать у нас большого к нему уважения и, если хотите, даже симпатии, особенно после признаний такого, например, рода: «Я не сомневаюсь, что я пропустил многое. Я человек, я был занят службой и работал над этим сочинением в сверхурочное время, по ночам»*.

Однако своей цели—объяснить природу вещей—Плиний не достиг. Свою задачу для выполнения этой цели—изучить и использовать труды многочисленных писателей—он выполнил только наполовину. Он действительно использовал громадное количество источников, но использовал их не критически, списал, но не изучил, скорее опубликовал, чем оценил. «Проникновение в природу вещей» он подменил перечнем различных сообщений, фактов, событий, свидетелем которых был не столько он, сколько используемые им авторы, утверждения которых он принимал на веру.

Было бы неправильно и, просто, неостроумно сводить с Плинием счёты с позиций современной агрономической науки, упрекая его в незнании ряда азбучных ее положений. Но дело в том, что его труд даже для его времени был в известном отношении шагом не вперед, а назад, хотя бы по сравнению с работами греческих мыслителей, в особенности Аристотеля и его школы. А в этой школе большую роль, в противоположность натурфилософским системам ионийских мыслителей, начинает играть непосредственное наблюдение, эмпирический метод, и ботаника и зоология в ней уже включены в орбиту науки. Но Плиний в числе своих источников называет сочинения ученых не только этой школы. Он хорошо знаком с писателями Александрийского периода, который был после Аристотеля периодом наивысшего расцвета греческой науки (Архимед, Евклид, Птоломей и др.). Сочинения одного из виднейших представителей того периода Эратосфена сам Плиний считает главнейшим своим источником. Однако Плиний не оказался на высоте своих учителей.

В нашу задачу никоим образом, конечно, не входит оценка роли Плиния в истории естествознания, тем более что этому вопросу, в отличие от истории агротехники, посвящено немало работ.

Мы останавливаемся на этом лишь постольку, поскольку это необходимо для введения в чтение плиниевых агрономических текстов, для уяснения их особенностей и их места в ряду других агрономических сочинений античного Рима.

Плиний употребил свое прилежание и любознательность, главным образом, не для приведения массы различных фактов в опреде-

* Plin., N. H., praef. «Nec dubitamus, multa esse quae et nos paeterierint. Homines enim sumus, et occupati officiis.»

ленный порядок или систему, а преимущественно в плоскости простого их описания. Это направление его деятельности, несмотря на наличие некоторых иных стержневых идей, о которых мы скажем ниже, сделало из Плиния великого компилятора*, не сделав его великим натуралистом. Эта особенность ясно отражена в его агрономических текстах, но с особой резкостью она проявляется в зоологических книгах. Аристотель в своей «Зоологии» дает не только описание отдельных животных, строения и деятельности их органов и т. д., но он, перечисляя до 500 видов животных, дает их в такой системе, которая продержалась без изменения вплоть до Кювье, т. е. до XIX века.

Аристотелева система делит, как известно, всех животных на позвоночных и беспозвоночных (животные с кровью и бескровные); те и другие, в свою очередь, имеют дальнейшие подразделения. Позвоночные делятся на млекопитающих (живородящие четвероногие) или пресмыкающихся и т. д. Никакой подобной системы у Плиния нет, и это относится не только к зоологии, но и к ботанике и, хотя и в меньшей мере, к минералогии. В этом отношении Плиний оказался не на высоте образованности своего века.

Но зато у Плиния есть другая отличительная особенность, значение и происхождение которой, как нам кажется, совершенно недооценивают многочисленные комментаторы Плиния.

Животные и растения, минералы и металлы он рассматривает с точки зрения их значения для человека, с точки зрения их полезности, их практической применимости. Эта идея являлась, по существу, стержнем плиниевых компиляций. Можно пройти мимо этой черты «*Historia Naturalis*», высказав лишь сожаление, что Плиний не поднялся до уровня научной систематики, как это и делает большинство исследователей Плиния. Но можно расценивать эту черту плиниевского творчества совершенно иначе. Ибо, если ее связать с развитием не греческой, натурфилософской, а римской агрономической литературы, то фигура Плиния и его труд, продолжавший в известной мере традиции римских агрономов, предстанет перед нами в ином свете. Плиний предстанет как некая равнодействующая влияний, с одной стороны, греческой науки, склонной к более абстрактному, отвлеченному отражению реальной действительности и шедшей со времени Аристотеля от спекулятивных обобщений, умозрительной систематики к построениям, основанным на непосредственном, эмпирическом подходе к миру явлений, а с другой стороны, римской науки, поднимающейся из мира повседневной практики, реального, житейского сельскохозяйственного опыта к некоторым его обобщениям. Плиний как ученый был больше римлянином, чем греком**, его творчество органически связано и непосред-

* «*His naturalis historia an extraordinary compilation of encyclopaedia scope*», как говорит Heitland. «*Agricola*», Cambridge, 1921, p. 281.

** Крайне показательна в этой связи оценка греческого ученого Феофраста римскими агрономами. Феофраст, этот автор «Истории растений» (систематика, анатомия, морфология) и «О причинах растений» (физиология растений, земледелие, садоводство, почвоведение, болезни и т. д.)—работ, имевших крупнейшее значение и для средневековья,—расценивался даже Варроном как отвлеченный теоретик, из ученых построений которого практический деятель не сможет извлечь особой пользы.

ственно продолжает труды нескольких уже поколений римских агрономических писателей. Это преобладающее влияние римской агрономической школы и традиции (подчеркиваем, что Колумелла был одним из главнейших источников Плиния) удержало Плиния от простого следования по стопам аристотелевой систематики, а побудило его, не отказываясь от использования конкретного описательного материала, применить в качестве стержня своих описаний другую идею — практические потребности человека.

Вся эволюция римской агрономической мысли со времени Катона свидетельствует о том, что с каждым автором, с каждым веком зрел и совершенствовался такой, скажем условно, агропроизводственный подход.

В отличие от греческого ученого, римский агроном растением интересуется не просто как растением, а как объектом эксплуатации, использования, возделывания. Именно эту линию римской агрономической мысли продолжает и развивает Плиний. В этом его сила. Но римскую агрономическую школу он не сумел органически связать с достижениями греческой, и в этом его слабость.

Ибо в разработке естественно-научных оснований для систематики растений Плиний делает шаг назад не только по сравнению с Аристотелем, но даже по сравнению с Колумеллой; последний все же выдвигал в качестве основания для классификации растений количество семян.

У Плиния нет и этих оснований, хотя они ему безызвестны. Основанием для классификации является полезность растения для человека.

Античные ботаники и агрономы, например, обычно после злаковых переходили к описанию овощей. Плиний и по этому поводу заявляет о своих позициях: «Я считаю, — пишет он*, — такой непосредственный переход несвоевременным. Меня удивляет, что некоторые писатели, искавшие в этой области (агрономической науки) ученой славы, допустили такой крупный пробел и ни словом не упомянули о целом ряде растений диких и культурных, между тем как большинство из них по своей ценности и использованию** имеет значение даже большее, чем злаки***. Эта идея полезности не только определила размещение растений в порядке их важности, но и сказалась на самом их описании. Прежде всего указывается, какую пользу можно извлечь из данного растения, а затем уже его отличительные признаки и свойства.

Сказанным можно было бы ограничить введение, необходимое для понимания происхождения и характера плиниевой работы, а в частности, того его раздела, который посвящен непосредственно интересующей нас теме — земледелию. Но эта «римская» «агропроизводственная» струя в творчестве Плиния, так сильно пробивающаяся в целом ряде его книг, далеко не случайна. Ибо Плиний выступает не только как ученый натуралист, переносящий греческую образованность на римскую землю, а как непосредственный владелец этой

* Plin., N. H., XIX, 1.

** Подчеркнуто нами.

*** Речь идет о технических культурах.

самой римской земли, кровно заинтересованный в ее судьбах и ее рентабельности и эту заинтересованность отразивший в столь, казалось бы, объективных ученых размышлениях, ботанических и зоологических экскурсах и агротехнических указаниях.

Короче говоря, в ту борьбу римских агрономических школ, о которой мы выше писали, ввязывается и наш ученый натуралист. Нельзя сказать, чтобы в эту борьбу Плиний вмешался с большой охотой. С значительно большим удовольствием он остался бы вне ее, спокойно выполняя свою роль историка «натуры», эпически повествуя о «природе вещей».

Однако сама эта природа, сама земля, сжатая в тисках противоречий рабовладельческого строя, испорченная безобразной обработкой, отвечающая все меньшими урожаями, настолько остро ставит вопрос о дальнейшей своей судьбе, что не заметить этой остроты могли только некоторые историки античности, но никак не современники античного мира. И Плиний вынужден на эти вопросы ответить. Ответ этот дать нелегко, и затруднения, испытываемые Плинием в определении своих требований к характеру и уровню агротехники, прекрасно показывают, как с самого своего зарождения агротехнические методы и агрономическая наука определялись современным им способом производства. Эти испытываемые Плинием затруднения показывают, как прогрессивная агрономическая мысль в условиях жестоких противоречий антагонистического общества извращалась, принижалась, выхолащивалась и вынуждена была для своего развития искать каких-либо лазеек сквозь препятствия, которые противоречия данной классовой формации создавали дальнейшему росту.

От поисков этой лазейки отказались и Цельз и Колумелла, но пытается ее найти Плиний. Первый резко порывает с техническим прогрессом и строит свою агрономическую программу на разрыве с наукой, на лозунге: «назад, к Катону». Второй—на требовании полного применения всех достижений агрономической науки и лучшего опыта, требовании, исторически обреченном на провал.

Все это понимает Плиний, так же как понимает, что программа Цельза—это программа капитуляции, программа ликвидации науки, служению которой Плиний себя посвятил. И, находясь под перекрестным огнем этих различных агрономических течений, Плиний вырабатывает свой ответ «на проклятые вопросы» современности. Ответ этот менее всего следует объяснить личностью самого Плиния или общим характером его труда, посвященного «*Naturalis Historia*» в целом.

Агрономическая программа Плиния вытекала из его социальной программы, являясь отражением той социальной группировки рабовладельческого общества, вольным или невольным представителем которой Плиний являлся. Речь идет о все еще достаточно широкой прослойке рабовладельцев, которая во все обострявшемся процессе социальной дифференциации удержалась пока на средних промежуточных позициях, не испытывая на себе еще давления социальных конфликтов и противоречий с такой остротой и силой, как те группы, представителями которых являлись Колумелла и Цельз. Поэтому она склонялась к смягчению остроты конфликтов, к сглаживанию противоречий, к примирению противоположных лагерей. Такая

позиция диктуется двойственным положением этой группы в производстве. Ведение сельскохозяйственного производства на более высоком техническом базисе, связанное с большими капиталовложениями, общей интенсификацией и рационализацией хозяйства, уже этой группе не доступно, сохранение же некоего среднего уровня еще возможно.

Агрономическая программа Плиния и пытается сочетать несочетаемое, свести несводимое, сделать одновременно «и плохо и хорошо»*, найти эту несуществующую в природе лазейку, среднюю линию между стремлением применить науку к производству и реальными противоречиями, стоящими между наукой и производством.

И выполняя эту мало благодарную задачу, Плиний мечется между Колумеллой и Цельзом, между Варроном и Вергилием, между Катоном и Скрипфом** и преподносит нам в результате полный противоречий и неопределенности набор советов, взятых на прокат то у одного, то у другого, то у третьего, пока не запутывается сам окончательно, пока, чувствуя неубедительность и противоречивость своих советов, не бросает читателя на произвол судьбы, скрываясь от всех и всяких противоречий в столь любезный его сердцу мир «Природы вещей».

Эти метания Плиния, поиски выхода чрезвычайно ярко проглядывают наружу во многих местах его сочинения. Приведем несколько примеров. Колумелла (и не только он один), как известно, требовал тщательной обработки. «Превосходно обрабатывать землю убыточно»***, — утверждает Плиний. «Нет ничего убыточнее наилучшей обработки земли»****, — провозглашает он. Но выступая с этим утверждением, Плиний, этот образованнейший человек своего времени, остро чувствует, в какое противоречие он становится по отношению этой образованности. И он начинает искать оправдания и лазеек. Он сам признает, что подобное утверждение кажется «безрассудным и почти невероятным». «Однако... если не вдуматься глубоко».

Однако долго вдумываться не приходилось; путь к рациональной обработке земли для представляемой Плинием группы был закрыт, на столе лежало сочинение Цельза, который давно уже звал назад, а перед глазами крах попыток интенсификации: «Люций Тарий Руф, из весьма низкого по рождению сословия, дослужившийся путем военных заслуг до консульства и человек, впрочем, по-старинному бережливый, собрав щедротами божественного Августа около миллиона сестерций, оставил, однако, своего наследника без гроша: деньги поглотила покупка земель в Пиценской области и на славу производимая обработка их»*****.

Значит, этот путь закрыт. Обрабатывать земли «на славу», т. е. полностью применять требования агрономической науки, нельзя. Но сделав этот исторически правильный вывод, Плиний начинает додумывать его до конца. Итак, что же выходит? «Мы хотим полного

* Plin., N. H., XVIII, 39.

** Ср. интерпретацию этой части труда Плиния у Heitland'a, «Agricola», стр. 282—283.

*** Plin., N. H., XVIII, 38.

**** Plin., N. H., XVIII, 36.

***** Plin., N. H., XVIII, 37.

упадка и голода?» Впервые в истории противоречия классового общества с такой обнаженной остротой поставили этот полный драматизма вопрос перед агрономом. Крайне интересно проследить, как этот античный агроном пытается выпутаться из противоречий своей эпохи и как эти конфликты влекут за собой противоречия и в агрономической программе. Припертый к стенке логическими выводами из своего же утверждения Плиний в смущении и растерянности отвечает: «Нет, разумеется, нет...». Но как же быть тогда? И Плиний поддается в сторону Колумеллы: «хорошо обрабатывать землю необходимо»*. Это звучит уже иначе, чем в программе Цельза. Мы показали, в своем месте, как Колумелла, борясь с цельзовской программой, полемизирует с утверждением, что земля истощена и вследствие этого мало урожайна. «Вина не в земле,—восклицает Колумелла,—вина в нас самих»**.

Приняв этот тезис Колумеллы, Плиний поддерживает и развивает его положение и дальше. «Следует прежде всего заступиться за землю и притти на помощь ей. Мы обрушиваемся на нее с обвинениями в наших собственных преступлениях и на нее сваливаем нашу вину***. Больше того, Плиний присоединяется к Колумелле в основном его тезисе, что лучше обработанное малое поле, чем плохо обработанное большое. Как раз перед тем, как воскликнуть свое знаменитое «говоря по правде, латифундии погубили Италию!», он указывает, что лучше меньше сеять и лучше пахать****.

И так как эти его утверждения звучат неубедительно на фоне печального опыта Тария Руфа и ему противоречат, то Плиний вытаскивает из арсенала своих разнообразных сведений и наблюдений другой пример, который должен обосновать его требование высокого технического уровня.

Он сам так и пишет: «Не могу удержаться, чтобы не привести одного примера...». И суть этого весьма красочного эпизода, который в виде примера рассказывает Плиний, заключалась в том, что некий Гай Фурий Кресин стал получать с довольно-маленького участка земли урожай гораздо обильнее тех, которые получались в его районе с больших площадей. Завистливые соседи, заподозрив означенного Кресина в неблаговидных агрономических деяниях, «будто он колдовством переманивает к себе жатву с чужого поля», привлекли его к судебной ответственности. Но Кресин блестяще защитил себя. Он явился на суд не один, а принес туда весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих крепких здоровых «рабов, выхолощенных, хорошо одетых...», с железными орудиями превосходной работы, с тяжеловесными кирками, увесистыми сошниками и упитанными волами». Продемонстрировав все это судьям, подсудимый ограничился лишь кратким выступлением: «Вот все мое колдовство, квириты, но я не могу сделать вас свидетелями или привести на форум мой ранние вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот». Он был оправдан единодушно.

* Plin., N. H., XVIII, 38.

** Colum., I, praef.

*** Plin., N. H., XVIII, 1.

**** Plin., N. H., XVIII, 35.

Судьи, почтенные и опытные земледельцы, сразу поняли, что большой урожай Кресина является результатом тех больших затрат, которые Кресин произвел «на крепких рабов», их содержание, на упитанных крупных волов, на железные орудия «превосходной работы». Но этого не хочет понять Плиний, своим примером целиком попадающий в объятия Колумеллы, против которого он только что выступал. И он снова поворачивает от этих логических выводов в другую сторону. «Нет сомнения, — заявляет Плиний, внезапно по поводу эпизода с Кесином, — что земледелие основано на труде, а не расходах!»*, ибо, если «глубоко вдуматься» в дело Кресина и сделать из него выводы, которые сами собой напрашиваются, то Плиний вынужден будет притти к утверждению тезиса Колумеллы о превосходной обработке земли, тезиса, который Плиний, уже «глубоко вдумавшись», только что решительно отверг. Этот тезис был приемлем лишь для небольшой группы крупных оборотистых хозяев.

Плиний ищет выхода из этого противоречия и находит формулировку, своеобразная диалектика которой должна была оправдать практику представляемой им социальной прослойки. «Хорошо обрабатывать землю необходимо, а превосходно — убыточно». Он нашел эту лазейку и дает совет, отвечающий интересам определенной группы хозяйств, соответствовавший социально-экономическому их положению: «Итак, каким же образом целесообразно возделывать землю? Выходит по поговорке: плохо и хорошо»**.

Под этим «плохо» понимаются «самые дешевые средства». «Наибольшее сокращение расходов» является «самой большой заботой».

Однако, для того чтобы правильно понимать требования античных агрономов к обработке почв и их высказывания по этому вопросу, следует, хотя бы бегло, ознакомиться с характером основного пахотного орудия римлян, его свойствами, его эволюцией. Сделаем поэтому отступление для небольшого комментария.

Сложившийся в результате известного развития, на истории которого тут не место останавливаться, старинный плуг, не имевший отвала, проводил борозду, взрывал землю, рыхлил ее, «кусал», по выражению Варрона, но не оборачивал пласта. Чтобы отбрасывать землю вправо или влево от борозды, плуг нужно было держать наклонно в ту или иную сторону соответствующим поворотом рукоятки и лемеха. Для того чтобы отваливать землю в одну и ту же сторону, античный земледelec, идя в одном направлении, держал плуг направо, а возвращаясь обратно, поворачивал его налево. При такой пахоте часто оставались засыпанные землей узкие продольные полоски невспаханной почвы, так же как и огрехи вследствие выскакивания плуга из борозды. Поэтому после продольной пахоты плуг пускался перпендикулярно, поперек поля, и так несколько раз, пока почва не была полностью разделана и не оставалось огрехов.

Не случайно поэтому борьба с огрехами занимает столь видное место в агрономических трактатах, придававших важнейшее значение тщательной разделке почвы.

* Plin., N. H., XVIII, 41—43.

** Plin., N. H., XVIII, 39.

Катон указывает, что в древности плохим считался тот пахарь, после которого нужно было еще боронить. Об этом говорит и Плиний:

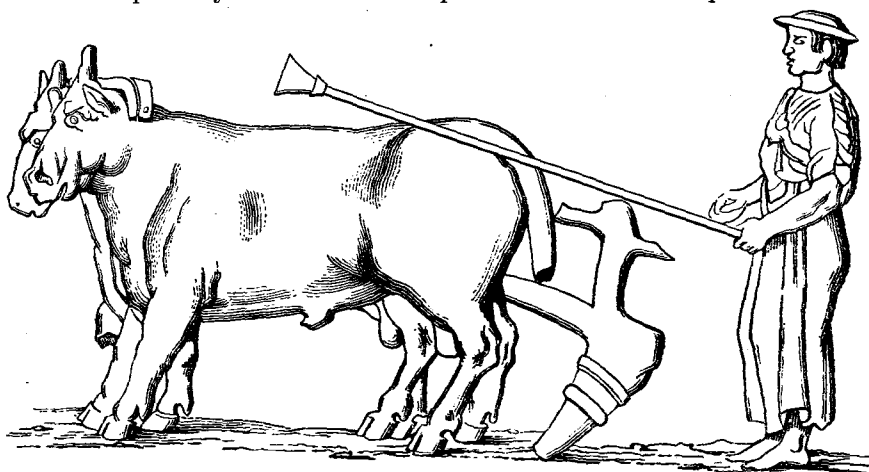

Рис. 1а.

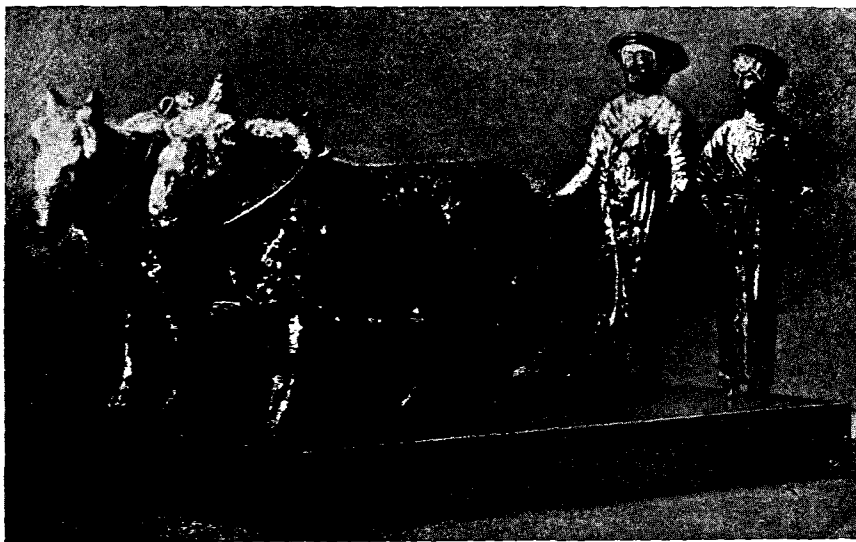

Рис. 1б. Этрусский плуг.

Изображенный на древних памятниках обыкновенный плуг—*aratrum simplex*, как его называет Палладий (I, 43, 1)—состоит обыкновенно из куска вяза, естественно или искусственно согнутого, как это показано на рисунке. К крюку (*buris*) прикреплялся металлический лемех (*vomer*). Бронзовая статуэтка найдена близ Ареццо в Этрурии и относится к VI веку до нашей эры. Подобный же плуг (VI—III вв. до н. эры) был найден близ Теламона.

«худо вспахано поле, если после посева его приходится боронить. Только то поле хорошо обработано, где не разберешь, в которую сторону шел лемех»*.

* Plin., N. H., XVIII, 179.

Потребность в бороновании (не только для заделки семян, но и до посева—для разделки поля) все увеличивалась с размерами запашек, а в особенности с переходом на все более тяжелые, целинные, степные почвы. Большие глыбы, которые оставлял плуг, разрабатываются различными способами, в зависимости от района, типа и уровня хозяйственного развития, начиная от прогонки скота, заступа и мотыги до бороны-вершалины, стька и, наконец, тяжелой деревянной рамы зубчатой бороны. Способы боронования были, естественно, связаны с типом и орудиями пахоты и также претерпевали соответствующие изменения.

Плуг-рыхлитель уже на мягких, окультивированных почвах требовал «опытного пахаря», известной квалификации и большого внимания от земледельца. Колумелла, например, указывает, что плуг следует держать при пахоте то направо, то налево, то сначала вкось, а потом прямо; срезанный сначала под углом пласт затем подрезывался прямо, сдвигался и крошился. Эти операции требовали, конечно, и внимания и прилежания. Требовались и большие физические усилия; при пахоте приходилось преодолевать выталкивавшую плуг из борозды силу вращения—результат действовавших при работе этим плугом двух других сил—силы тяги и силы сопротивления почвы. Действие этих сил особенно увеличивалось на тяжелых целинных почвах, требовавших глубокой пахоты.

Углубление же пахоты, в свою очередь, требовало изменения типа плуга. Появляются орудия различных «марок», разной величины и тяжести—для легких и для тяжелых почв, видоизменяются формы лемеха—наконечники, надетые на подошву: коловый «*rostrati vectis*», рыхливший землю, клювообразный, с загнутым в сторону концом-клювом, подрезавший корни и сорные травы, лопатообразный, переворачивавший пласт, отваливавший дернину.

Начинает применяться укрепляемый на грядиле *culter*, резак, черенковый нож, разрезающий предварительно пласт на задеревенелых глубоких почвах.

Деревянные пластинки—ушки *binæ aures* (см. рисунок), зачатки отвала, служившие для *ligare*—заделки семян, вырастают в отвал. Четырехгранное дышло, неподвижно закрепленное в ярме, заменяется круглым и получает возможность вращаться, что, в свою очередь, значительно облегчает пахоту, способствуя распространению плуга на тяжелых, каменистых почвах, обильных кустарниками, корнями и т. д.

Рис. 2. *Rastrum* (мотыга).

Rastrum—инструмент, употреблявшийся для полевых и садовых работ; среднее между нашей киркой, граблями и мотыгой; его тяжелая железная головка состояла из двух, трех, а иногда и из четырех зубцов или рожек (*quadridens*—*Cato, de agri cultura*, X, 3; XI, 4); при употреблении его поднимали высоко и затем с силой вонзали глубоко в землю. Таким образом, это орудие служило для того, чтобы разравнивать и рыхлить поверхность почвы, обрабатывать поле после того, как оно было вспахано, разбивать крупные комья земли, оставленные плугом (*Plin. N. H.*, XVIII, 180, *Verg. Georg.*, I, 94). Рисунок взят с древней рукописи Теренция, хранящейся в Ватиканской библиотеке.

О плугах с таким дышлом молчат Варрон и Вергилий; мы встречаем их описание у Колумеллы и Плиния. Наконец, плуг ставится на колесный передок, громадное значение чего не нуждается в комментариях. «Недавно, — сообщает Плиний, — в Ретии придумали прибавить к плугу пару колесиков. Этот вид плуга называется *plauogatum*. Лемех у него имеет форму лопаты»*.

Все эти изменения в основном орудии производства, важность которых трудно переоценить, повлекли за собой ряд изменений и в других орудиях, как и в агротехнических методах и способах. Появление галльской жатки, например (рис. 4), свидетельствует о попытках преодоления возросшего несоответствия между усовершен-

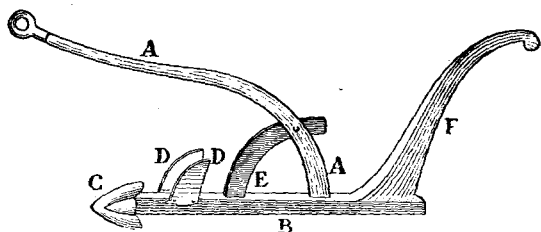

Рис. 3. Плуг (по барельефу, найденному на полуострове Магнесии).

АА—изогнутый грядиль *buris*; В—подопва *dentale*, на которую насаживался лемех; С—лемех *vomere*; Е—стойка, скреплявшая подопву и грядиль; DD—ушки *binae aures*; F—рукоятка плуга *stiva*.

ствованным плугом и бороной, расширившими площадь запашек, и основным орудием уборки—серпом.

Эта важнейшая и, к сожалению, довольно еще слабо исследованная глава из истории агрикультуры** требует, конечно, совершенно другого места для своей разработки. Мы не можем, однако, не указать, в соответствии с общим духом и направлением нашей

работы, что классовые противоречия античного общества, влияние которых мы пытались проследить в сфере агрономических идей, явились важнейшим фактором и упомянутых выше изменений в орудиях производства и последствия этих изменений, в свою очередь, ощутили на себе. Раб оказывался непригодным ни в качестве «опытного пахаря», ни в качестве простой физической силы, необходимой, как мы показывали выше, для хорошей пахоты, — своих знаний, если они даже у раба были, он применять не собирался, так же как не собирался напрягать свои мышцы ради преуспевания латифундии.

Усовершенствование плуга и широкое распространение его было для дальнейшего развития производства необходимым и в то же время в условиях рабства невозможным.

Невозможным — потому, что раб, которого хозяин отличал от неодушевленного орудия труда, *instrumentum mutum*, только как орудие, одаренное речью, как *instrumentum vocale*, давал почувствовать орудиям труда, что он человек, «дурно обращаясь с ними и с истинным сладострастием подвергая их порче».

«Поэтому, — указывает Маркс, — считается экономическим принципом такого способа производства применять только наиболее

* Plin., XVIII, 172.!

** До сих пор, например, спорными остаются переводы и комментарий тех текстов, которые наиболее важны для понимания эволюции плуга (в том числе только что цитированное место из Плиния, так же, как и Вергилия). Это же относится к разноречивым толкованиям археологических памятников, также достаточно еще не изученных.

грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»*.

Усовершенствованный плуг, если бы он даже широко распространился, оказывался в руках раба в конечном счете не более, если не менее, производительным, чем старый, и, во всяком случае, менее производительным, чем старый плуг в руках свободного крестьянина или колона.

Хороший плуг, так же как и хороший рабочий скот, сильные

Рис. 4. Античная жатка по реставрации Quillinga (Saalburg).

Жатка эта—о ней упоминает Плиний (XVIII, 296) и особенно Палладий (VII, 2)—была распространена на широких равнинах Галлии. Принцип ее работы ясен из рисунка. Деревянный частый гребень захватывал колосья. В зависимости от высоты хлебостоя, рабочий поднимал или опускал рукоятку, регулируя захват колосьев.

и знающие рабы, никак не были теми «самыми дешевыми средствами», которых требовало представляемое Плинием рабовладельческое хозяйство.

Из всей эклектической, промежуточной, полной противоречий позиции Плиния по основным вопросам организации производства вытекает и его позиция по ряду собственно агрономических вопросов. Его колебания и метания по этим основным проблемам отражаются на неопределенности и противоречивости его агротехнических советов. Подтвердим это положение одним из примеров.

Колумелла, как мы уже выше рассказывали, советовал в необходимых случаях следовать примеру своего дяди Марка в улучшении почв. Плиний по этому вопросу полностью повторяет круг рассуждений, который мы выше продемонстрировали. Сначала он категорически отрешивается от Колумеллы, а затем, приходит к нему.

«Улучшить землю землей, как это советуют некоторые, посыпая на тощую жирной или на влажную и чрезмерно жирную тонкой и сухой,—это сумасбродство. На что может надеяться тот, кто обрабатывает такую землю?». Этот прием Плиний, следовательно, безоговорочно отвергает. Но отвергает его не потому, что подобный прием не хорош сам по себе, агрономически порочен, а потому, что он невы-

* К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 134, прим. 17, Партиздат, 1935.

годен экономически. Это заявление Плиния, чрезвычайно важно для понимания того безвыходного положения, в котором билась прогрессивная агрономическая мысль—проведение правильного агрономического приема в жизнь,—квалифицируется как «сумасбродство».

Но отбросив с явным раздражением эту «сумасбродную» идею Колумеллы, Плиний тут же идет на попятный, ибо он как ученый натуралист все же знает, что улучшение почвы почвой может дать повышение урожая. Не смущаясь только что данной им уничтожающей оценкой этого приема, он эпически, в совершенно нейтральном тоне повествует о том, что землю землей удобряют в Британии и Галлии*, затем уже с явным одобрением вспоминает, что племя Убии, обрабатывая с успехом поля, удобряет, «накладывая сверху слой, толщиной в фут, любой земли, накопанной с глубины не менее трех футов»**, с тем, чтобы, наконец, совершенно категорически предупредить своих читателей, что «на тощей почве сажать бесполезно, если не положить внизу слой более жирной земли»***. Словом, в точности разыгрывается та же мелодия, что и выше, по поводу плохой или хорошей обработки земли. При желании количество подобных примеров нетрудно умножить.

В низкой производительности рабского труда и заключался гвоздь вопроса, и, разбираясь в нем, Плиний приходит в конце концов к тому же выводу, к которому невольно пришел и Колумелла—производительность колона, будущего крепостного, выше производительности раба. Не случайно Плиний обращает свои мысли не к ближайшему будущему, которое не сулит ничего хорошего, а вспять, к той эпохе, когда хозяева земли сами трудились и земля вознаграждала их сторицей.

Он с завистью и сожалением по прошедшим дням вспоминает, «что тот, кто запахивал в день больше всех, награждался богатейшими дарами...»****, а «тот, кто лучше всех справлялся с волами*****, получал почетное название; что плохо обрабатывать поле считалось преступлением, подлежащим взысканию со стороны цензора!», а когда кого-либо «называли в виде похвалы хорошим земледельцем и хорошим пахарем, то это... считалось величайшей похвалой»*****. Вот почему «при таких нравах не только хватало хлеба, хотя никакие провинции не кормили Италии, но даже и дешевизна хлеба была совершенно невероятна». Короче говоря, «в частных руках все произрастало обильнее, так как они были заботливее», а причины и следствия Плинию ясны: «теперь тот же труд несут со скованными ногами и со связанными руками и клейменым лицом...»*****. «Земля, именуемая матерью и считающаяся обрабатываемой, не так глуха, чтобы можно было думать, будто она не негодует и не возмущается тем, что происходит, когда самая честь отнята у трудящихся на ней».

* Plin., N. H., XVII, 42.

** Plin., N. H., XVII, 47.

*** Plin., N. H., XVIII, 160 (речь идет о саженцах винограда).

**** Plin., N. H., XVIII, 9.

***** Plin., N. H., XVIII, 10.

***** Plin., N. H., XVIII, 11 (разрядка моя М. Б.).

***** Plin., N. H., XVIII, 21.

Вряд ли что-либо можно прибавить к этой красочной характеристике положения вещей. Выводы напрашивались сами собой. Мысль о возможности заставить рабовладельцев самих работать или хотя бы сидеть у себя в имениях Плиний совершенно решительно отбрасывает как идею, «не приносящую из заботы о пользе государства»*, в то время как Колумелла видел в ней единственный выход из положения.

Таким образом, на непосредственное занятие земледелием самих рабовладельцев Плиний уже не рассчитывает. С другой стороны, он подчеркивает, что «всего хуже обрабатывать землю колодниками из своей рабской тюрьмы, как вообще сделать что-нибудь людьми отчаявшимися»**. Как же в этих условиях обрабатывать землю не то, чтобы хорошо, а хоть как-нибудь? Оказывается, что вообще-то землю можно обрабатывать и даже «превосходно», но только в том случае, если крестьянин обрабатывает ее сам, «с чадами или, может быть, с домочадцами»***.

И Плиний в этом важнейшем выводе, по существу, сходится с Колумеллой, ибо они представляют одно и то же рабовладельческое хозяйство, хотя и разные его прослойки. Выход намечался в отрицании рабовладельческого способа производства, в переходе к колонату. Нельзя сказать, чтобы Плиний такой вывод делал четко и сознательно. Путаясь в сложных, безвыходных противоречиях своей эпохи, он хотел строить такое хозяйство, в котором все эти противоречия и двойственность мирно уживались бы с пользой для хозяина-рабовладельца.

Совершенно неслучайно поэтому Плиний, как мы уже упоминали, с явным раздражением и неприязнью относится к Колумелле, часто замалчивает его и демонстрирует свои симпатии к Катону, все время ссылаясь на его авторитет.

Двойственная природа Катона и его трактата, о чем говорилось в свое время, была как-то созвучна двойственному промежуточному положению представляемого Плинием социального слоя рабовладельцев.

И тут и там, у одного и у другого, апелляция к крестьянскому хозяйству занимает большой удельный вес. Но в то же время в их положении была и коренная разница. Катон за 2—3 века до Плиния представлял хозяйство, шедшее восходящим путем от крепкого крестьянского хозяйства к крупной рабовладельческой латифундии. Плиний отражает обратный процесс. У одного—двойственность и противоречия роста, у другого—двойственность и противоречия упадка. Они встречаются на некоем агро-историческом полустанке.

Но, если Катон смело, хотя и с оглядкой на старые методы и обычаи, шел вперед, Плиний растерянно остановился и поворачивал назад, по направлению к Катону. Отсюда его резкая неприязнь к Колумелле, хотя, как мы видим, он с ним соглашался в важнейших

* Plin., N. H., XVIII, 35.

** Plin., N. H., XVIII, 36.

*** Блестящая иллюстрация к замечанию Энгельса. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестным свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой». Ф. Э н г е л ь с. Диалектика и естествознание, «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 87.

вопросах; отсюда его симпатия к Катону, — хотя и не везде он солидарен с ним во мнениях. Как правило, Плиний не выступает с какими-либо новыми агрономическими идеями, которых мы уже не встретили бы у его предшественников. Но в этом обилии различных данных и фактов*, заимствованных у многочисленных писателей от Катона до Колумеллы, относящихся к агрономической практике хозяйств различных социальных типов и различных эпох, и кроется основная ценность его труда.

* * *

Античная римская агрономическая мысль грубо эмпирически, накапливая вековой опыт, пытается нащупать какие-то связи, какие-то причинные взаимодействия. Однако римская агрономия, выдвинувшая ряд замечательных, вполне верных и современных положений, все же до уровня науки не поднялась и подняться, конечно, не могла. Научное объяснение пришло спустя много веков, при других технических, экономических и социальных условиях и связях, создавших основу, возможность и необходимость развития научной, агробиологической теоретической мысли. Здесь же мы видим лишь истоки, зачатки агрономической науки, такую стадию накопления опыта, когда опыт уже вызывает к обобщению, подталкивает на различные догадки, объяснения, умозаключения, частью поразительные по своей правильности, блестяще впоследствии подтвержденные наукой (как, например, многие догадки Вергилия), частью совершенно ошибочные.

Но даже и те скромные возможности, которые агрономическая наука античности открывала для практики, те пути, которые обобщенный агрономической мыслью опыт указывал античному сельскому хозяйству, были для этого хозяйства закрыты.

Агрономический прогресс античного Рима оставался в значительной мере прогрессом литературным**.

Между передовой агрономической мыслью и реальной возможностью практического ее проведения в жизнь стояла неодолимая стена противоречий классового рабовладельческого общества. Об эту стену разбивались прогрессивные попытки лучших агрономических публицистов, по ней вынуждены были равняться наиболее сведущие практики. Под ее давлением ученый натуралист отворачивался от выводов, логически вытекающих из «природы вещей», и извращал эти выводы, выхолащивая научную идею в угоду господствующему классу. Ибо сделать правильные, научно-объективные выводы, а тем более отстаивать их значило, по существу, выступить против господствующего социального строя, значило ярко обнажить всю нелепость этих научных выводов в условиях рабовладельческого порядка, всю невозможность их проведения в жизнь, пока

* Это относится ко многим разделам земледелия, которые Плиний освещает гораздо подробнее других писателей, в особенности же это касается вопросов минерального удобрения и орудий производства, по которым он сообщает новые ценные сведения, не содержащиеся в трудах его предшественников.

** «Еще менее их производство (древних — М. Б.) было направлено на развитие материальных производительных сил — на разделение труда, введение машин, применение сил природы и наук в частном производстве». К. Маркс. Теория прибавочной ценности, ч. II, стр. 204. Партиздат, 1932.

этот строй существует. Значило отрицать самого себя. Поэтому пропагандируется и разрабатывается такая агрономия, которой по пути с господствующими классами, хотя и не по пути с наукой.

Мы говорим все это об античном рабовладельческом обществе. Но в принципе подобное положение мало изменяется и для последующих антагонистических социальных формаций*. Иной, конечно, уровень производительных сил, иное, конечно, развитие науки и техники, но... противоречия между теорией и жизнью, наукой и практикой не только не исчезают, но, наоборот, все более и более обостряются. «Рациональное земледелие и капитализм несовместимы». Наша эпоха полна драматических свидетельств этой несовместимости. Но мы же являемся, и действительно, впервые в истории, свидетелями замечательной совместимости теории и практики, единства науки и жизни, строящейся по плану, наукой разрабатываемому. Такая совместимость может быть достигнута и действительно достигается только в условиях социализма, где не только возможны к выполнению все указания науки, но где практика, в особенности практика стахановцев заводов и полей, науку зачастую обгоняет, где агроном не только впервые в истории становится самим собой, находит, наконец, себя, может заговорить полным голосом, но где он иногда стоит не впереди, а позади практики.

И это не случайно. Агрономическая мысль несет груз многовековой традиции, практики, опыта, возникших и сложившихся в совершенно других социально-экономических условиях и приспособившихся к отношениям, установленным господствующими классами до победы социалистических отношений в СССР. Несомненно, капитализм в свое время был прогрессивной эпохой в истории человеческого общества, несомненно также, что капитализм произвел целую революцию в земледелии и в сельскохозяйственных науках. Но также несомненно, что и наука общества, с которым рациональное земледелие несовместимо, имеет в своем багаже немалое количество таких идей, представлений и методов, которые, в свою очередь, несовместимы с социалистическим земледелием, его нормами, его урожаями, его беспредельными пределами (так же, конечно, как и идей, которые только при социализме и могут быть осуществлены).

А между тем, в то время как старые порядки, при которых возникли и сложились устаревшие, ныне «несовместимые» агрономические представления, давно и кардинально изменены, старые идеи продолжают довлеть над нашей практикой и особенно наукой, тормозя рост социалистического земледелия и служа в руках остервенелого классового врага удобной ширмой для вредительства, для срыва прогрессивных начинаний, преуменьшения наших возможностей, замедления темпа нашего развития. Кое-какие из будто бы апробированных «мировым историческим опытом» агрономических положений благополучно уже изъяты из того «французского набора» идей и фактов, который иногда выдается за сельскохозяйственную науку. Стоит вспомнить «теории» мелкой пахоты, поздних сроков

* См. «Агрикультура Западного Средневековья», под ред. проф. О. А. Добиаш-Рожественской и проф. М. И. Бурского, Академия Наук СССР, М. 1937.

сева, «белого пятна», границ распространения различных культур, ряд положений, вскрытых благодаря замечательным работам Мичурина и Лысенко, не говоря уже о нормах урожайности, удойности и т. д. Было бы несерьезным и просто невежественным «не признавать» прогресса, достижений и напряженной работы в области сельскохозяйственных наук. Но ряд отделов этих наук продолжает, прямо говоря, оставаться более или менее сумбурным собранием более или менее сомнительно установленных агрономических фактов, склеенных отрывками более или менее подозрительных агрономических теорий, а то и вовсе ничем не склеенных.

Современные агрономические идеи, представления, приемы и методы являются результатом длительного исторического развития.

Это историческое развитие необходимо тщательно изучать. И не только потому, конечно, что это поможет нам избавиться от некоторых псевдоученых, поспешно и шумно изобретающих давно изобретенные приемы и торжественно возвещающих в качестве последнего крика науки давно, хотя, быть может, и не всем известные, идеи. Изучение истории агрикультуры, истории сельскохозяйственной науки и техники поможет нам, показывая, где, как и в каких условиях складывались различные агроправила, успешнее провести генеральную критическую чистку и инвентаризацию нашего научного и практического багажа, планомерную и тщательную переоценку ряда «твердо установленных» догм, положений, норм, оказав немалую помощь в деле дальнейшего развития сельскохозяйственной науки и содействуя разоблачению тех «исторически проверенных» «теорий», которыми враги народа пытаются прикрыть и «обосновать» свои вредительские планы и действия. История агрикультуры поможет немалому количеству наших научных работников отказаться от бесконечного повторения тех опытов, которые повторять не имеет смысла, поможет перейти в некоторых вопросах от бесплодной жвачки одних и тех же положений—давно, кстати сказать, разжеванных историей земледелия—от «исследования» псевдопроблем, к изучению таких вопросов и такой постановке, быть может, старых опытов, которые, подытоживая весь предшествующий опыт и знание, действительно двигают вперед науку и практику, действительно отвечают интересам социалистического земледелия. Без истории нет теории.

И если с этой точки зрения рассматривать агротехническое наследство античных писателей, то окажется, что приглашение некоторых из этих агрономов на временную работу для социалистического земледелия, что мы и делаем, публикуя и исследуя их творчество, имеет не только общекультурное, но и достаточно практическое значение.

Ибо приходится все же согласиться с Энгельсом, что «презрение эмпириков к грекам получает своеобразное освещение, когда... видишь, что люди, подобные Деви и даже Фарадею (при желании можно подставить фамилии некоторых современных сельскохозяйственных ученых—М. Б.) блуждают в потемках... и ставят опыты, в совершенстве напоминающие рассказы Аристотеля и Плиния о физических и химических фактах»*.

* Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы, стр. 144, изд. 1932.

Рис. 6. Карта Италии.

КАТОН

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ

*

M. PORCIUS CATO

DE AGRI CULTURA

*

Иногда лучше было бы наживаться, занимаясь торговлей, не будь здесь столько опасностей, и даже отдавая деньги в рост, если бы только это было честным занятием. Предки наши так полагали и так постановили в законах: вор присуждается к двукратной пене, ростовщик—к четырехкратной. Отсюда можно понять, насколько, по их пониманию, ростовщик был худшим гражданином, чем вор. (2) И когда хвалили хорошего человека, то его хвалили, как хорошего земледельца и хорошего хозяина. (3) Считалось, что те, кого так похвалили, получили самую большую похвалу. Купца я считаю человеком дельным и прилежащим к наживе, но, как я сказал выше, ему уготованы опасности и потери. (4) Из земледельцев же выходят самые мужественные люди и самые дельные воины; доход земледельца самый чистый, самый верный и меньше всего возбуждает зависти; люди, занятые этим делом, вполне благонамеренны. Теперь, чтобы вернуться к делу—это будет началом обещанного мною труда.

1

Когда ты задумаешь купить имение, настройся так, чтобы покупать его без жадного нетерпения, не жалеть труда на осмотр и не считать достаточным обойти его один раз. Чем чаще ты будешь ходить, тем больше будет тебе нравиться хороший участок. (2) Обрати внимание, здоровый ли вид у соседей; в хорошей местности надлежит им иметь очень здоровый вид. Войдя в усадьбу, оглядись, чтобы тебе оттуда выйти.

Климат должен быть хорошим и небурным, почва хорошей и сильной собственной силой. (3) Если возможно, то пусть имение находится у подошвы горы, на южной стороне, в здоровом месте, там, где много рабочих и обилие воды. Пусть поблизости находится крупный город, или море, или река, по которой ходят суда, или же хорошая и оживленная дорога. (4) Пусть оно находится в местности, где хозяева меняются не часто, и те, которые продали имения, раскаиваются в своей продаже. Пусть оно будет хорошо обстроено. Смотри, не презирай легкомысленно чужих порядков. Лучше купить его от владельца, который был и хорошим хозяином и хорошо умел строиться. Когда ты придешь в усадьбу, посмотри, много ли оборудования для выжимания масла и вина и много ли кувшинов. (5) Где их нет, знай, что это в соответствии с урожаем. Не надо многих орудий;

надо, чтобы имение было в хорошем месте. Смотри, чтобы орудий было как можно меньше и имение не требовало больших трат. (6) Знай, что с имением, как с человеком: хотя бы доходов и было много, но если много трат, то остается мало. (7) Если ты меня спросишь, какое имение поставить на первом месте, я скажу так: сто югеров земли, занятой всеми культурами и находящейся в самом лучшем месте; на первом месте стоит виноградник, если он дает хорошее вино или много вина, на втором поливной огород, на третьем пивняк, на четвертом оливковый сад, на пятом луг, на шестом хлебное поле, на седьмом лес, с которого режут ветви, на восьмом сад, где лозы вьются по деревьям, на девятом лес, дающий желуди.

2

Когда хозяин пришел в усадьбу, когда он поклонился семейному лару, то пусть в тот же день, если возможно, он обойдет поместье, если не в тот же день, то на следующий. Когда он узнал, каким образом обработано поместье и какие работы сделаны, а какие не сделаны, то на следующий день он позовет вилика и спросит его, что из работ сделано, что остается; достаточно ли своевременно были выполнены работы, можно ли выполнить те, которые остаются, и сколько получено вина, хлеба и всех прочих вещей. (2) Когда он узнал это, ему следует проверить по отчету уроки и рабочие дни. Если он не видит дела, а вилик говорит, что он старался, что рабам нездоровилось, погода была плохой, рабы убегали, он отправлял общественные повинности, то, когда он привел эти причины и множество других, верни его к отчету уроков и рабочих дней. (3) Если погода была дождливой, то вот работы, которые можно делать в ливень: мыть и осмаливать кувшины, чистить усадьбу, переносить хлеб, выносить наружу навоз, делать навозную кучу, очищать семена, чинить веревки и плести их; рабам надлежит чинить себе плащи и капюшоны. (4) В праздники можно чистить старые канавы, поправлять общественную дорогу, резать колючий кустарник, вскапывать огород, очищать луб, вязать веники, выпалывать колючки, обрушивать полбу, наводить чистоту. Если рабы болеют, им не надо давать столько же еды.

(5) Когда все спокойно узнано, надо позаботиться об остальных работах, чтобы они были исполнены. Надо проверить количество денег и хлеба; то, что приготовлено для корма скоту; количество вина, масла, что продано, что выручено, что осталось, что можно продать; и получить сполна то, что должно быть получено. (6) Чего нехватает на год, то должно быть куплено; если есть излишки, они должны быть проданы; если нужно сделать какие-нибудь подряды, пусть они будут сданы; хозяин должен распорядиться работами, которые он хочет сделать и которые хочет сделать с подряда, и составить их письменный перечень. Он должен осмотреть скот. (7) Он должен произвести продажу: продать масло, если оно в цене, вино, продать излишки хлеба, старых волов, увечный скот, увечных овец (шерсть, шкуры, старую телегу, старые железные орудия), пожилого раба, болезненного раба и вообще продать, если есть что лишнее. Хозяин должен прилежать к продаже, не к покупке.

3

С ранней юности хозяину следует стараться о том, чтобы засадить **имение**. Над постройками следует долго размышлять; над посадками размышлять не следует,—их следует делать. Когда возраст твой достигнет 36 лет, тогда следует строиться, если имение у тебя засажено.

Строй так, чтобы усадьба была по имению, а имение по усадьбе. (2) Хозяину выгодно иметь хорошо выстроенные хозяйственные постройки, погреб для масла, винный погреб, много кувшинов, чтобы спокойно можно было ожидать высоких цен; это ему и на пользу и в честь. Следует иметь хорошее оборудование в давяльне, чтобы можно было хорошо работать. Когда оливки собраны, надо сейчас же делать **масло**, чтобы они не испортились. Подумай, что каждый год обычно бывают большие бури и сбивают оливки. (3) Если ты их быстро подберешь, а прессы будут готовы, то никакого убытку от бури не будет, и масло окажется и зеленее и лучше. (4) Если же оливки пробудут слишком долго на земле и на настиле, они начнут гнить, и масло окажется вонючим. Из любых оливок можно сделать хорошее масло, если делать его во-время. (5) На 120 югеров оливкового сада должно быть два прессы, если сад будет хорошим, в меру густым и хорошо обработанным...

4

Хлевы для волов должны быть хорошими, с хорошими яслями фалернского образца, которые забраны решеткой; ее перекладины должны иметь между собой промежуток в фут. Если ты сделаешь так, воны не будут выбрасывать корма. Господскую половину в усадьбе делай по средствам. Если ты в хорошем имении хорошо обстроишься, хорошо поставишь постройки и тебе будет в деревне хорошо житься, ты охотнее и чаще будешь появляться; в поместье дела пойдут лучше, упущений будет меньше, доходы ты получишь больше. Лоб важнее затылка; будь хорош к соседям; не позволяй рабам провиниться перед ними. Если соседи будут видеть тебя с удовольствием, тебе легче будет с продажей, легче с подрядами, легче с наймом рабочих; если ты будешь строиться, тебе помогут работой, извозом, материалом; если случится нужда—да не будет этого,—они доброжелательно встанут на твою защиту.

5

Вот обязанности вилика. Он должен завести хорошие порядки. Праздники да соблюдаются. Он не трогает чужого и тщательно сохраняет свое. Он решает споры между рабами: если кто-либо провинился, он как следует его наказывает, в соответствии с его проступком. (2) Рабам не должно быть плохо; пусть они не мерзнут и не голодают. Он неизменно будет держать их в работе; так легче удержать он их от воровства и проступков. Если вилик не захочет, чтобы раб вел себя плохо, этого не будет. Если он будет попустительствовать (рабам), хозяин не должен оставить это безнаказанным. За услугу же пусть приносит ему благодарность, чтобы и других поощрить. Он не гуляка; он всегда трезв и никуда не ходит на обеды. Он застав-

ляет работать рабов; смотрит, чтобы делалось то, что приказал хозяин. Он не думает, что понимает больше хозяина. (3) Друзей хозяина считает друзьями себе. Служается кого приказано. Жертвоприношений не приносит, кроме как во время Компиталий на очаге или на перекрестках. Без приказанья хозяина никому не дает в долг; то, что было дано хозяином, он истребует. Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он не даст в долг никому. У него есть две-три семьи, где он может взять, что ему нужно в обиходе, и кому он дает,—больше никому. Он часто проверяет счета с хозяином. (4) Работника, поденщика и издольщика он не задержит с выплатой дольше, чем на день. Он ничего не купит без ведома хозяина и ничего от хозяина не скроет. Дармоеда пусть у себя не принимает. Пусть он не совещается с предсказателями, авгурами, гадателями и астрологами. Он не экономит на семенах для посева, ибо это пагубно. Он постарается выучиться всем сельскохозяйственным работам и будет часто работать сам, но не до изнеможения. (5) Если он работает, он будет знать, что на уме у рабов, и они будут работать в лучшем настроении. Если он работает, ему меньше захочется гулять, он будет здоровее и охотнее заснет. Первым встает он ото сна и последним идет ко сну. Сначала он осматривает, заперта ли вилла, спит ли каждый на своем месте и задан ли корм рабочему скоту.

(6) За волами ходит со всем старанием. Пахарям отчасти мирволь, чтобы они охотнее ходили за волами. Старайся, чтобы у тебя были хорошие плуги и лемехи. Остерегайся пахать пеструю землю*, не ездь по ней телегой и не гони туда скота. Если ты не остережешься и выгонишь скот, то на три года потеряешь урожай. (7) Овцам и волам надо старательно подстилать и смотреть за их копытами. Остерегайся парши у овец и рабочего скота: она бывает обычно от голода и от дождливой погоды. Старайся, чтобы все работы были сделаны во-время. Особенность сельского хозяйства та, что, если ты опоздаешь с одним делом, то ты опоздаешь со всеми работами. Если соломы нехватит, собирай листья падуба и подстилай их овцам и волам.

(8) Приложи старание к тому, чтобы иметь большую навозную кучу. Заботливо сохраняй навоз; когда вынесешь, очисти и измельчи его, вывози осенью. Вокруг оливковых деревьев сделай осенью круг и подложи навозу. Время от времени режь тополевую, вязовую и дубовую листву; складывай ее не слишком сухой на корм овцам. Также отаву и обжинки с лугов: их складывай, когда они высохли. После осенних дождей сади репу и сей корма и люпин.

6

Вот как следует рассудить о том, какие места в имении следует засеивать и засаживать. Участок с жирной и плодородной землей, если на нем нет деревьев, должен быть хлебным участком. Этот же самый участок, если над ним часто стоит туман, лучше всего засеять репой, редькой, просом и могоаром. На участке с жирной и горячей почвой сажай оливки для маринадов: крупный сорт *radius*, саллен-

* У Катона «*terra cariosa*», объяснение этого термина дает Колумелла, II 4, 5—«*terra cariosa*» или «*varia*—пестрая»—слегка смоченная дождем сверху и сухая внизу. Прим. ред.

тинскую, orcis, posea, сергиеву, кольминиеву, восковку, — тот сорт, который считается в этих местах самым лучшим, сажай преимущественно. Эти сорта олив рассаживай на 25—30 футов. (2) Для посадки олив годится только тот участок, который обращен в сторону весеннего юго-западного ветра и залит солнцем; всякий другой будет плох. На каком участке земля будет холоднее и бесплоднее, на том следует сажать лициниеву оливу. Если ты посадишь ее на жирном и горячем месте, масло будет никуда не годно, дерево начнет погибать от плодоношения и чахнуть от красного моха. (3) Полевые межи и дороги обсаживай вязами и частично тополями, чтобы у тебя были листья для овец и волов и, если потребуется, то строевой материал оказался бы под рукой. Если в тех местах где-нибудь есть речные берега или сырое место, то сажай там тополевые побеги и тростник. Его сажай таким образом: сначала вскопай землю двойным заступом и сажай по ней тростник глазками* на расстоянии трех футов друг от друга. (4) Лесную спаржу сажай там же, чтобы получить садовую. Тростник подходит к лесной спарже, потому что их одновременно перекапывают, сжигают, и они одновременно дают тень. Место, отведенное под тростник, обсади греческой ивой, чтобы было чем подвязывать виноградные лозы.

Заметь, на каком участке следует разводить виноградник. На месте, которое будет считаться лучшим для виноградной лозы и будет залито солнцем, там посади мелкий аминейский виноград, двойной евгенийский и мелкий желтоватый. Какое место будет жирнее или где будет больше тумана, там сажай крупный аминейский, мургентинский, апициев и луканский. Остальные сорта, особенно же «смесь» (miscella), подойдут к любому участку.

7

В подгородном имении лучше всего иметь сад с виноградными лозами, выходящими по деревьям. Можно продавать и дрова и ветви, и хозяину будет чем попользоваться. В таком имении следует сажать все, что для него подходит: разные сорта винограда — мелкий аминейский, крупный и апициев. (2) Виноград сохраняется в горшках в виноградных отжимках; хорошо также сохраняется он в виноградном соку, сиропе и в вине из выжимок, смешанном с водой. Твердокорый и крупный аминейский виноград ты можешь повесить; он хорошо сохраняется в качестве изюма в кузнице. (3) Плоды: мелкоплодная айва, скантиева, квирианова и другие прочные сорта, винные яблоки и гранаты (потому надо поливать свиной мочой или класть к корню навоз, чтобы плодам было питание), груши-фунтовки, апициевы, поспевающие ко времени посева (они будут хороши, если их положить в виноградный сироп), тарентинские, винные, горлянковые, а также прочие сорта сажай или прививай их в возможно большем количестве. Сажай оливки orcites pousiae; их лучше всего мариновать зелеными в рассоле или же, когда orcites будут черными и сухими, засыпь их на пять дней солью, затем соль ссыпь, положи оливки на два дня на солнце или

* «Oculus» — тут в смысле «кусочками, корневищами». *Прим. ред.*

же опустит без соли в густой виноградный сок. Рябину кладут в виноградный сироп или сушат: смотри, чтобы она высохла. То же самое делай с грушами.

8

Винную ягоду *marisca* сажай на глинистом и открытом месте; африканскую и геркуланскую, сагутинскую, зимнюю и черную телланскую с длинными плодоножками сажай на более жирном и унавоженном месте. Если у тебя есть поливной луг, а неполивного нет, то, оставь на нем расти траву, чтобы не было недостатка в сене. (2) Под городом сделай так, чтобы разводились овощи всех видов, цветы всех видов для венков, мегарский лук, мирт свадебный, белый и черный, лавр дельфийский, кипрский и лесной, орехи лесные, обелланские, пренестинские и греческие. Подгородное имение—у кого это имение будет единственным—надо устроить и засадить так, чтобы оно было наиболее выгодным.

9

Иву надлежит садить по местам сырым, влажным, тенистым, возле рек; гляди, чтобы или хозяину была в ней нужда или чтобы можно было ее продавать. Если у тебя будет вода, устраивай, по преимуществу, поливные луга; если воды не будет, устраивай как можно больше неполивных. Имение с такими угодьями выгодно устроить в любой местности.

10

Каким образом надлежит оборудовать 240 югеров оливкового сада. Нужны: вилки, вилика, 5 работников, 3 пахаря, 1 погонщик ослов, 1 свинопас, 1 овчар—итого 13 человек; 3 пары волов, 3 осла с вьюками, чтобы возить навоз, 1 осел для работы на мельнице, 100 овец; (2) 5 прессов для масла с полным оборудованием и трапетами*, медный котел вместимостью в 30 квадранталов, крышка для котла, 3 железных крюка, 3 кувшина для воды, 2 воронки, медный котел вместимостью в 5 квадранталов, крышка для него, 3 крюка, 1 маленький ушат для воды, 2 амфоры для масла, посудину вместимостью в 50 гемин, 3 черпака, 1 ведро для воды, 1 таз для мытья, 1 кувшин для воды, 1 помойное ведро, 1 маленький подносик, 1 печной горшок, 1 лейка, 1 черпак, 1 подставка для лампы, 1 секстарий, 3 больших телеги, 6 плугов с лемехами, 3 ярма с украшениями и ремнями, сбруя с набором для 6 волов, (3) 1 борона с железными зубьями, 4 плетенки для навоза, 3 кузова из ситника для навоза, 3 вьюка, 3 попоны для ослов; железные орудия: 8 тяжелых лопат, 8 мотыг, 4 мягких лопаты, 5 совкообразных заступов, 2 четырехзубых грабелей, 8 кос для косьбы сена, 5 серпов для соломы, 5 ножей для обрезки деревьев, 3 топора, 3 клина, 1 железный пест для полбы, 2 щипцов, 1 кочерга, 2 жаровни; (4) 100 кувшинов для масла, 12 чанов, 10 кувшинов, куда складывают виноградные выжимки, 10 для оливкового отстоя, 10 для вина, 20 для хлеба, 1 чан для люпина, 10 кувшинов меньшего размера, 1 чан для мытья, 1 ванна, 2 чана для воды, отдельные крышки для кувшинов больших и меньших; 1 мельница, на которой работает

* Особого рода мельницы для отделения косточек от мякоти маслины.
Прим. ред.

осел, 1 ручная, 1 испанская, 3 привода для мельницы, 1 стол, на котором месят тесто, 2 круглых медных блюда, 2 стола, 3 больших скамейки, 1 скамейка в спальне, 3 скамеечки для ног, 4 стула, 2 кресла; (5) 1 кровать в спальне, 4 кровати на натянутых ремнях и 3 кровати, 1 деревянная ступка, 1 чан для стирки, 1 ткацкий станок, 2 ступки, 1 пест для бобов, 1 для полбы, 1 для семян, 1 для отделения оливковых косточек (от мякоти), 1 модий, 1 полумодий, 8 матрацев, 8 подстилок, 16 подушек, 10 покрывал, 3 полотенца, 6 лоскутных одеял для рабов.

11

Каким образом надлежит оборудовать 100 югеров виноградника. Нужны: вилик, вилика, 10 работников, 1 пахарь, 1 погонщик ослов, 1 человек, который смотрит за ивняком, 1 свинопас—итого 16 человек, пара волов, пара ослов, которые ходят в упряжке, 1 осел для мельницы, 3 вполне оборудованных пресса, кувшины, куда могут вместиться пять виноградных сборов—на 300 мехов, 20 кувшинов, куда складывают виноградные выжимки; (2) 20 для зерна, отдельные покрывки для каждого кувшина; 6 посуды, оплетенных ковылем (*spartum*)*. 4 амфоры, оплетенных ковылем, 2 воронки, 3 плетеных фильтра, 2 фильтра, чтобы снимать плесень, 10 кувшинов для виноградного сока, 2 телеги, 2 плуга, 1 ярмо для повозки, 1 ярмо для работы в винограднике, 1 ярмо для ослов, 1 круглое медное блюдо, 1 мельничный привод, 1 медный котел вместимостью в мех, 1 крышка для котла, 3 железных крюка, 1 медный котел для варки вина, вместимостью в мех, (3) 2 кувшина для воды, 1 лейка, 1 таз, 1 кувшин, 1 помойное ведро, 1 ведро для воды, 1 маленький подносик, 1 черпак, 1 подставка для лампы, 1 ночной горшок, 4 кровати, 1 скамейка, 2 стола, 1 стол, на котором месят тесто, 1 платяной сундук, 1 ларь для съестных припасов, 6 длинных скамеек, 1 водяное колесо, 1 модий, обтянутый железом, 1 полумодий, 1 чан для мытья, 1 ванна, 1 чан для люпина, 10 кувшинов меньшего размера; (4) сбруя с набором для 2 волов, 3 попоны для ослов с набором, 3 вьюка, 3 корзинки для винной гущи, 3 мельницы, на которых работают ослы, 1 ручная мельница; железные орудия: 5 серпов для ситника, 6 ножей для обрезки ливствы с лесных деревьев, 3 садовых, 5 топоров, 4 клина, 2 лемеха, 10 тяжелых лопат, 6 легких, 4 совкообразных заступа, 2 четырехзубых грабеля, 4 плетенки для навоза, 1 кузов из ситника для навоза, 40 ножилов для срезывания винограда, 2 жаровни, 2 щипцов, 1 кочерга; (5) 20 америйских корзинок, 40 плетенок, употребляемых при пересадке, или 40 корыт, 40 деревянных лопат, 2 больших корыта, 4 матраца, 4 подстилки, 6 подушек, 6 покрывал, 3 полотенца, 6 лоскутных одеял для рабов.

13

Что необходимо для давилни во время работы. Нужны: 1 кувшин для воды, медный котел, вместимостью в 5 квадранталов, 3 железных крюка, 1 круглое медное блюдо** мельницы, 1 решето, 1 подставка

* Повидимому, так наз. эспарто—злак *Lygeum spartum*. *Прим. ред.*

** Пропуск в тексте. *Прим. ред.*

под решета, 1 топор, 1 скамья, 1 кувшин меньшего размера для вина, 1 ключ от давилъни, кровать с подстилкой для двух сторожей свободных (третий раб пусть спит вместе с давилъщиками) новых корзин*, старых*, 1 ворот, 1 подушка, фонарей*, 1 шкура, 2 плетеночки, 1 полка для мяса, 1 лестница.

(2) В погребке для масла нужно вот что: кувшины для масла, покрывки, 14 чанов для масла, 2 раковины побольше и 2 поменьше, 3 медных черпака, 2 амфоры для масла, 1 кувшин для воды, 1 посуда в 50 гемин, 1 секстарий для масла, 1 маленький таз, 2 воронки, 2 губки, 2 глиняных кувшина, 2 деревянных черпака, 2 ключа от замка и для погреба, 1 весы, 1 гири в 100 фунтов и прочие гири.

23

Смотри, чтобы к съемке винограда все нужное было готово. Мыть прессы, чинить корзинки, осмаливать кувшины следует в дождливую погоду. Следует приготовить и починить корзинки, намолоть полбы, закупить соленой рыбы, посолить опавшие оливки. (2) Собери гроздья miscella, когда придет время, и сделай «раннее вино», которое будут пить работники. Виноградный сок, выжатый за день, равномерно дели по кувшинам и соблюдай чистоту. Если понадобится, влей в виноградный сок густого виноградного сиропу, сваренного из сока, натекшего из гроздьев раньше, чем их положили под пресс; подбавь на мех $\frac{1}{40}$ часть этого сиропа или $1\frac{1}{2}$ фунта соли. (3) Если будешь класть толченый мрамор, положи на мех 1 фунт; положи его в посудину, смешай с виноградным соком; слей это в кувшин. Если будешь класть смолу, то на мех виноградного сока возьми 3 фунта ее и хорошенько измельчи; положи их в корзиночку и оставь ее висеть в кувшине с виноградным соком; часто встряхивай, чтобы смола распустилась. (4) Когда вольешь сиропу или положишь мрамору или смолы, в течение 20 дней часто перемешивай вино; виноград дави ежедневно. Виноградный сок, полученный из выжимок, раздели между предназначенными для него кувшинами и равномерно подливай его.

24

Греческое вино надлежит делать таким образом. Собери совершенно зрелых гроздьев апициева винограда. Когда ты отберешь их, влей 2 квадрантала раньше приготовленной морской воды на один мех виноградного соку, выжатого из них, или положи модий чистой соли, подвесь ее в корзиночке и оставь расходиться в соку. Если хочешь сделать белое вино, налей половину вина из желтого винограда, а половину из апициева; подбавь $\frac{1}{30}$ часть старого виноградного сиропа. Какое бы вино ты ни уваривал до густоты сиропа, подбавляй $\frac{1}{30}$ часть сиропу.

25

Когда виноград созреет и будет собран, распорядись сохранить его, в первую очередь, для семьи и домохозяев и распорядись снимать

* Пропуск в тексте. Прим. ред.

его совершенно зрелым и сухим, чтобы он не потерял своей славы. Свежие виноградные выжимки ежедневно просеивай через кровать, сплетенную из ремней*, или через решето, для этого приготовленное. Набей выжимками осмоленные кувшины или осмоленный чан для вина. Хорошенько накажи его замазать, чтобы давать волам зимой. Если хочешь, слегка перемой их. Получится плохое вино, которое будут пить рабы.

26

По окончании съемки винограда прикажи спрятать по своим местам прессы, корзинки, плетенки, веревки, подпорки, затяжки. Кувшины с вином заставь обтирать дважды в день и распорядись иметь по отдельному венику на каждый кувшин, чтобы протирать им края кувшинов. Когда после съемки пройдет тридцать дней и кувшины будут хорошо очищены от виноградной шелухи, замазывай их. Если ты хочешь слить вино с отстоя, то сейчас для этого самое лучшее время.

27

Производи посев осин'а**, вики, пажитника, бобов и чечевицы на корм волам. Производи посев кормов вторично и в третий раз. Затем сей другие злаки. Приготовь на паровом поле ямы для олив, вязов, лоз и смоковниц; сажай их во время сева. Если место будет сухим, тогда сажай оливы во время сева, а у ранее посаженных подрежь нижние ветви, пока они еще молоды, и выкопай кругом деревьев воронку.

28

Когда будешь пересаживать оливы, вязы, смоковницы, яблони, лозы, пинии и кипарисы, вынь их хорошенько, с корнями и возможно большим количеством земли; обвяжи их, чтобы их можно было нести; прикажи, чтобы их несли в корыте или в корзине. Остерегайся выкапывать и нести их, когда будет ветер или ливень, этого надо больше всего остерегаться. (2) При посадке в яму, насыпь вниз земли сверху, затем прикрой корни до концов землею, потом хорошенько утопи ее ногами, потом утрамбуй дубинами и жердями как можно лучше; в этом деле это первое. Деревья, которые будут выше пяти пальцев толщиною, сажай, обрезав верхушки, смазав их навозом и обвязав листьями.

29

Навоз дели так. Половину вывези на ниву, где ты посеешь корма; если там будут оливы, немедленно же сделай вокруг них круги и положи навозу; потом сей корма. Четвертую часть подложи под оливы, окопанные вокруг стволов, когда это будет всего нужнее, и

* Об использовании в Риме таких «кроватьей» см. Brehaut, *Cato the Censor of farming*. Col. Univ. Pr. N.Y. 1933. p. 50. п. 5. *Прим. ред.*

** *Osinum*—смесь кормовых трав. *Прим. ред.*

прикрой навоз землю. Остальную четверть оставь для луга и вывези ее в новолуние, когда это будет всего нужнее, в то время когда дует весенний ветер.

30

Волам давай листву вязовую, тополевою, дубовую и смоковничную, пока она у тебя будет. Овцам предлагай зеленую листву, пока она у тебя будет. Там, где собираешься производить посев, дай вволю натешиться овцам. Давай им листья, пока корма не будут готовы. Сухой корм, который ты спрятал на зиму, храни пуще всего и помни, как длительна зима.

33

За виноградником смотри, ухаживай так. Хорошо подчищенную лозу подвязывай прямо, так, чтобы она не сгибалась; веди ее все время вверх до тех пор, пока можешь. Оставляй плодовые побеги и те, которыми обновляется лоза: действуй правильно. Заставляй лозу расти как можно выше и подвязывай их правильно: не слишком стягивай. Ухаживай за ними таким образом. Во время посева окопай воронкой каждую лозу. (2) Виноградник после обрезки окопай и начинай пахать; борозды веди взад и вперед, не останавливаясь посередине. Заставляй молодые лозы как можно раньше дать отводки, потом борони виноградник; старые лозы режь как можно меньше; если понадобится, лучше прокопай их и через два года обрежь. Молодую лозу пора обрезать тогда, когда она окрепнет; (3) если в винограднике будут оставаться пустые места, без лозы, проложи между ними канавы и посади там саженцы, у которых уже есть корни; не давай тени падать на канавы, часто их перекапывай. В старом винограднике сей осипун, если почва в нем тоща (не сей того, что завяжет семена); вокруг лоз клади навоз, мякину, виноградные выжимки, что-нибудь такое, от чего у них будет больше сил. (4) Когда виноградник начнет зеленеть, пасынкуй его. Молодые лозы подвязывай часто, чтобы ствол у них не надломался; когда лоза уже цепляется за поперечные перекладыны, осторожно подвязывай ее молодые побеги и заставляй их идти прямо. Когда гроздья начинают менять свой цвет, подвяжи лозы, опасынкуй их, прорви гроздья и окопай каждую лозу.

(5) Ивняк своевременно обрежь, обдери кору с прутьев и крепко обвяжи их. Сохраняй лыко; когда же понадобится в винограднике, положи его в воду и им подвязывай. Сохраняй прутья, чтобы плести из них корзины.

34

Возвращаюсь к посеву. Где будет самое холодное и самое сырое место, там сей прежде всего. На самых горячих местах сев следует производить под конец. (2) Берегись тронуть пеструю землю (*terram cariosam*). Люпин будет хорош на красной глине, на рыхлой темной земле (*terra pulla*), на тяжелой, гравистой, песчаной, при этом

там, где нет сырости. На белой глине и на красной, на вязкой почве и там, где много сырости, лучше всего сей полбу (*semen adorgeum*). На местах сухих, не травянистых*, свободных от тени, сей пшеницу.

35

Бобы сей на сильных почвах и в местах, где не бывает бурь. Вику и пажитник сей по местам, где меньше всего травы. *Siligo*** и пшеницу следует сеять на высоком, открытом месте, где дольше всего есть солнце. Чечевицу сей там, где много щебня и красной глины и где нет травы. (2) Ячмень сей на нови или на таком месте, которое можно засеять, не давая ему отдыха. Яровую пшеницу (*trimestre*) следует сеять в таком месте, где нельзя произвести своевременного посева и которое может не отдыхать, потому что жирно. Сей турнепс, кормовую репу и редьку на хорошо унавоженном месте или на жирном месте.

36

Что удобряет ниву. Голубиный помет следует рассевать по лугу, по огороду или по ниве. Заботливо сохраняй козий, овечий, коровий и вообще всякий навоз. Обрызгивай деревья или поливай их оливковым отстоем; на большое дерево бери амфору, на меньшее—урну пополам с водой, сначала выкопав вокруг него неглубокую воронку.

37

Что идет во вред ниве? Если работаешь на пестрой почве. Нут вреден тем, что его дергают и что он солон. Ячмень, пажитник, чечевица—все это высасывает ниву, как и все растения, которые дергают. Не клади на ниву оливковых косточек. (2) Какие злаки удобряют ниву. Люпин, бобы, вика.

Из чего ты получишь навоз. Солома, люпин, ухоботье, бобовые стебли, мякина, листья падуба и дуба. Рви на ниве бузник, болиголов, а вокруг ивняка высокую траву и осоку. Ее подстилай овцам и волам и олавшие листья. Отдели оливковые косточки от мякоти и брось их в чан; туда подлей воды, хорошенько перемешай лопатой, месиво это подложи под оливы, окопанные вокруг ствола воронкой; добавь туда же золу от косточек. (3) Если виноградная лоза будет бесплодной, мелко нарежь ее ветки и тут же запаши или закопай их.

Зимой, при свете делай вот что. Топи колья, четырехгранные и круглые, которые накануне ты внес в помещение, если они высохли; делай факелы, вывози навоз. Не трогай строевого леса иначе как в новолуние или в последнюю четверть. (4) Деревья, которые ты собираешься выкопать или срубить, лучше всего брать в следующие семь дней после полнолуния. Вообще остерегайся, если можно, обтесывать, рубить и трогать строевой лес, пока дерево не просохло и покрыто изморозью или росой. (5) Хлеба, смотри, дважды промотыжь, про-

* Т. е. незасоренных («леса . . . non herbosa»). *Прим. ред.*

** *Siligo*—сорт озимой пшеницы. *Прим. ред.*

поли и вырви овсюг. Из виноградника и сада вынеси обрезанные ветви, наделай вязанок, а лозы, смоковничные дрова для печи и обрубки стволов уложи хозяину в кучу.

39

Когда погода будет плохой и нельзя будет работать и поле, выноси навоз в навозную кучу. Хорошенько вычисти хлев для волов, овчарню, двор и усадьбу. Обтяни бочки свинцовыми обручами или обхвати их дубовыми, очень сухими обручами. Любая бочка станет у тебя винной, если ты хорошенько замажешь ее или хорошенько обвяжешь, наполнишь трещины замазкой и хорошенько осмолишь. Замазку для бочек делай таким образом: возьми 1 фунт воску, 1 фунт смолы, 0,2 фунта серы. (2) Все это положи в новую миску, подбавь туда мелкого гипсу, чтобы густотой все стало как пластырь, и замазывай этим бочки. Когда замажешь, то, чтобы сделать цвет одинаковым, смешай две части сырой глины и одну часть извести; наделай из этого кирпичиков, обожги их в печи, разотри и их окрашивай.

В дождливую погоду поищи на усадьбе, что можно делать. Чтобы работа не останавливалась, наводи чистоту. Подумай, что расходы не становятся меньше, когда ничего не делается.

40

Весной следует делать следующее: делать каналы и ямы, перекопывать место для плодовых и виноградных питомников, закладывать виноградники, в местах жирных и сырых сажать вязы, смоковницы, плодовые деревья и оливы. Смоковницы, оливы, яблони, груши и виноградные лозы следует прививать в новолуние, после полудня и когда нет южного ветра. Оливы, смоковницы, груши и яблони прививай таким образом. (2) У ветки, которую ты собираешься привить, срежь с некоторым наклоном верхушку, чтобы стек сок; когда срезаешь, смотри, не порви коры. Возьми крепкий прут, заостри его; нащепи греческой ивы. Смешай глины, немножко песку и коровьего навозу и хорошенько вымеси все это вместе, чтобы получилась совсем вязкая масса. Бери нащепанной ивы и обвязывай ею срезанный сук, чтобы кора не лопнула. (3) Когда ты это сделаешь, вгони очень острый прут между корой и древесиной на глубину в два пальца. Затем бери привой от того сорта, который ты хочешь привить, и заостри его с конца наискось на два пальца. Вынь сухой прут, который ты вогнал, и вгони туда привой, который хочешь привить. Сделай так, чтобы кора пришлась к коре; вгоняй, пока заострено. Так же сделай с другим, третьим, четвертым привоем: сколько сортов хочешь, столько и вставляй. (4) Привитую ветку обвяжи лучшее греческой ивой и обмажь размешанной массой, слоем в три пальца. Сверху прикрой «воловым языком» (*lingua bubula*)*, чтобы если пойдут дожди, вода не протекала бы на кору. Эту траву привяжи лубом, чтобы он не упал. Затем оберни и обвяжи соломой, чтобы не повредило морозом.

* *Lingua bubula*—травя, листья которой похожи на воловий язык. См. Brehaut, l. c., p. 67, n. 6.

41

Сроки для прививки лозы: один весной, другой, когда она цветет; первый лучше. Яблони и груши прививаются весной, в течение 50 дней, около летнего солнцестояния и во время сбора винограда. Оливы и смоковницы прививаются весной. (2) Лозу прививай так: обрежь ту, которую будешь прививать, расколи ее по середине через сердцевину; вгони туда очень заостренный привой, прикладывая привой сердцевинной к сердцевине. Другой способ прививки: если лоза касается лозы, заостри наискось на обеих по молодому побегу и свяжи их вместе лыком, сердцевина к сердцевине. (3) Третий способ прививки: буравом просверли лозу, которую будешь прививать, и вгони туда срезанные наискось два виноградных привоя того сорта, которого хочешь, вплоть до сердцевин; сделай так, чтобы сердцевина пришлась к сердцевине и вгони один привой с одной стороны дыры, а другой с другой.

(4) Привои эти сделай длиной в два фута, опусти их в землю, согни по направлению к лозе, притяни лозу посередине к земле путями и прикрой ее землею. Все замажь вымешанной глиной, обвяжи и прикрой таким же образом, как оливковые деревья.

42

Смоковницы и оливы прививают другим способом. С того сорта смоковницы или оливы, какой ты хочешь иметь, вынь ножиком кусок коры, другой кусок коры с глазком вынь со смоковницы того сорта, который ты хочешь привить, приложи его на то место, где ты вырезал, так, чтобы кора пришлась вплотную. Кусок коры вынимай длиною в $3\frac{1}{2}$ пальца, шириной в 3. Обвяжи и прикрой таким же образом, как остальное.

43

Канавам надлежит, если место сырое, иметь форму корыта, шириной сверху 3 фута, глубиной 4 фута, шириной внизу 1 фут с ладонью. Устели их камнем; если камня не будет, устели зелеными ивовыми прутьями, сложенными верхушками к срезам*; если прутьев не будет, то связками хвороста. После этого сделай ямы глубиной в $3\frac{1}{2}$ фута, шириной в 4 и сделай так, чтобы вода из ям стекала в канаву; таким образом сажай оливы. (2) Для лоз и виноградных отводок делай канавы не меньше $2\frac{1}{2}$ футов в квадрате. Если хочешь, чтобы виноградник и оливы, которые ты посадил, росли быстро, то надлежит перекапывать раз в месяц вокруг канав и оливковых деревьев каждый месяц, пока деревьям не будет трех лет. Таким же образом ухаживай и за остальными деревьями.

46

Питомник оливковый устраивай таким образом. Место самое лучшее, очень открытое и очень унавоженное, с почвой, совсем по-

* Т. е. разными концами, в разном направлении (валетом). *Прим. ред.*

хозяей на ту, где ты впоследствии будешь рассаживать саженцы, и такое, чтобы не слишком далеко было носить саженцы из питомника,—это место ты перекопаешь двойным заступом*, выберешь камни, хорошенько огородишь вокруг и его засадишь. Опускай отрезки дерева в землю по одному на $1\frac{1}{2}$ квадратных фута и вдавливай их ногой. (2) Если ты сможешь только немного вдавить их, забивай их молотом или колотушкой. Сделай так, чтобы саженцы выдавались над землей на палец; смажь верхний конец отрезка коровьим навозом, поставь около отрезка значок и часто мотыжь, если хочешь, чтобы саженцы быстро росли. Таким же образом сажай прочие саженцы. Луга ранней весной унаваживай в новолуние; когда задует весенний ветер и ты перестанешь пускать скот на луга, очистишь и выкопаешь с корнем все плохие травы.

53

Когда придет время, коси сено и, смотри, не опоздай его скосить. Коси раньше, чем успеют семена трав, и самое лучшее сено сложи отдельно, чтобы весной во время пахоты скормить его волам, пока ты еще не даешь им кормовую смесь (осіnum).

54

Корм для волов следует готовить и давать таким образом. Когда ты закончишь сев, следует приготовить и набрать желудей и бросить их в воду. Оттуда следует давать каждому волу по полмодия на день, а если они не будут работать, то лучше пасти их, или давать по модию виноградных выжимок, которые ты сложил в кувшин. Днем паси их, ночью давай на одного вола 25 фунтов сена. (2) Если сена не будет, давай листьев падуба и плюща. Ухоботье пшеничное и ячное, мякину бобовую, от вики и от люпина, а также от прочих злаков—все складывай. Когда складываешь солому, сложи ту, в которой много травы, в помещении и посыпь ее солью, затем давай вместо сена. (2) Когда ты начнешь давать по-весеннему, давай модий желудей, или выжимок, или модий вымолоченного люпина и 15 фунтов сена. Когда осіnum будет готов, прежде всего давай его. Рви его руками—он отрастает; то, что срежешь серпом, не отрастет. (4) Осіnum давай до тех пор, пока он не усохнет. Потом давай вику, потом давай могар, за могом давай вязовую листву. Если у тебя будет тополевая, подмешивай ее так, чтобы вязовой оставалось вдоволь. Когда нет вязовой, давай дубовую и смоковничную. (5) Ничто так не окупается, как хороший уход за волами. Волон следует пасти только зимой, когда они не пашут. Когда они едят зеленый корм, они его всегда ждут, и надобно надевать им намордники, чтобы они не тянулись за травой, когда будут пахать.

* *Vipalium*—особый вид заступа, которым вскапывали землю вдвое глубже, чем обычной лопатой (*pala*). *Прим. ред.*

58

Закуска для рабов. Маринуй как можно больше палых оливо. Потом маринуй зрелые оливки, из которых получается очень мало масла; береги их, чтобы они продержались как можно дольше. Когда оливки будут съедены, давай дешевый рыбный маринад с уксусом. Масло давай на месяц каждому по 1 секстарию; соли каждому на год достаточно по модию.

59

Одежда для рабов. Туника в $3\frac{1}{2}$ фунта весом и плащ через год; всякий раз, когда даешь тунику или плащ, возьми сначала старые, чтобы сделать из них лоскутные одеяла; через год следует давать хорошие деревянные башмаки.

61

Что значит хорошо возделывать поле?—Хорошо пахать. А во-вторых?—Пахать. А в-третьих?—Унаваживать.

Кто очень часто и очень глубоко будет перепаживать оливковый сад, тот будет выпаживать тончайшие корешки. Если он будет пахать плохо, корни выйдут наверх, станут более толстыми, и силы оливы уйдут в корни. Когда панешь хлебное поле, паши его хорошо и своевременно: не паши разными бороздами. (2) Остальной уход: много раз мотыжить, аккуратно вынимать саженцы, с возможно большим количеством корней и земли, и своевременно их пересаживать; когда хорошенько прикроешь корни, хорошенько утоптать землю, чтобы не повредила вода. Если кто спросит, в какое время надлежит сажать оливу: на сухом участке во время посева, на плодородном поле весной.

62

Сколько пар волов, мулов и ослов у тебя будет, столько же надлежит иметь и повозок.

64

Когда оливки созреют, их надлежит как можно скорее собрать; им надлежит как можно меньше быть на земле и на настиле. На земле и на настиле они гниют. Сборщики хотят, чтобы опавших оливок было как можно больше, чтобы набрать их во множестве; давить их масла, — чтобы они долго лежали на настиле и стали мягкими, чтобы легче было делать масло.

Не верь, что масла на настиле может прибавиться. (2) Чем скорее ты его изговоришь, тем будет выгоднее; оливков останется столько же модиев, сколько было собрано, и масла они дадут и больше и лучше. Оливки, которые долго пробыли на земле или на настиле, из них масла меньше, и оно хуже. Масло, если можно, переливай в день дважды; чем дольше оно останется с выжимками и оливковым отстоем, тем хуже оно будет.

65

Зеленое масло делай так. Оливки как можно скорее подбери с земли. Если они будут испачканы, вымой их, очисти от листьев и навоза. На завтрашний день или на третий после того, как они были собраны, делай масло. Когда оливки будут черными, рви их. Чем зеленее оливки, из которых ты делаешь масло, тем оно будет лучше. (2) Хозяину же всего выгоднее, чтобы масло делалось из спелых оливок. Если будет мороз, когда ты собираешь оливки, то делай масло через три-четыре дня. Оливки эти, если хочешь, посыпь солью. Пусть в давяльне и в погребе будет у тебя возможно жарче.

70

Лекарство для волов. Если ты боишься, что они заболеют, давай им, пока они здоровы, три крупинки соли, три лавровых листа, три пореевых побега, три зубка ульпика*, три зубка чесноку, три зерна ладану, три кустика можжевельника, три листа руты, три стебля брионии, три белых маленьких боба, три тлеющих угля, три секстария вина. Все это надлежит собрать, растереть и дать стоя. (2) Дающий должен быть натошак. В течение трех дней давай каждому волю этого напитка. Раздели так, чтобы, дав его трижды каждому, ты употребил его целиком. Смотри, чтобы вол и тот, кто будет давать, оба стояли. Давай из деревянной посудины.

72

Чтобы вол не стер себе копыт, смажь их снизу жидкой смолой, прежде чем отправиться в дорогу.

83

Сладкую запеканку делай таким образом. Полфунта муки и $2\frac{1}{2}$ фунта творогу смешай вместе, как для оладий, подбавь $\frac{1}{4}$ фунта меду и одно яйцо. Смажь маслом глиняную миску. Когда все хорошенько смешашь, положи в миску, миску закрой глиняной крышкой. Смотри, чтобы хорошенько запеклось в середине, где всего глубже. Когда запечется, вынь миску, смажь запеканку медом, посыпь маком, поддержи немного под крышкой, затем вынь. Подавай в мисочке с ложкой.

85

Пунийскую кашу вари так. Фунт полбяной крупы положи в воду и смотри, чтобы она хорошенько вымокла. Выложи ее в чистое корыто, подбавь туда 3 фунта свежего творогу, $\frac{1}{2}$ фунта меду и одно яйцо; все это хорошенько перемешай вместе. Сложи все в новый горшок.

* Ульпика—вид лука. *Прим. ред.*

88

Соль белую делай так. Чистую амфору с отбитым горлышком налей чистой водой и поставь на солнце. Опusti туда корзиночку с простой солью; встряхивай ее и досыпай. Делай это по несколько раз в день ежедневно, до тех пор, пока соль уже в течение двух дней не будет распускаться. (2) Вот что будет признаком: опusti сухую соленую рыбу или яйцо; если она всплывет, то это такой рассол, в который ты можешь класть мясо, сыр и маринованную рыбу. Рассол этот разлей по тазам или мискам; выставь их на солнце. Держи на солнце до тех пор, пока вода не высохнет. Так получается самая лучшая соль. Когда будет становиться облачно и по ночам ставь ее под крышу; ежедневно, если будет солнце, выставляй на солнце.

89

Кур и гусей откармливай так. Пусть она (вилака) держит взаперти молодых кур, которые только что начали нестись. Пусть наделает катышков из пшеничной или ячной муки, замешанной с водой, опустит их в воду и сует в рот; пусть ежедневно понемножку прибавляет их, по зобу—судит, достаточно ли. Пусть кормит дважды в день; в полдень давай пить; вода пусть не стоит дольше одного часа.

Таким же образом корми гусей, только сначала давай пить и дважды в день пои, дважды давай еду.

91

Ток делай так. Место где будешь его делать, перекопай. Потом хорошенько полей оливковым отстоем и дай ему впитаться. Потом хорошенько разбей земляные глыбы. Затем уравниай землю и уплотни ее трамбовками. Потом опять обрызгай оливковым отстоем и дай ему высохнуть. Если ты так сделаешь, ни муравьи не принесут тебе вреда, ни трава не будет расти.

92

Как сделать, чтобы хлебный червяк не вредил хлебу и мыши его не трогали. Смешай глину с оливковым отстоем, подбавь немного мякины, дай ей хорошенько размокнуть и хорошенько все выжми. Густо смажь этой глиной весь хлебный амбар. Потом обрызгай оливковым отстоем все, что ты смазал. Когда просохнет, ссыпай хлеб уже остывшим: хлебный червь не повредит.

96

Как сделать, чтобы на овцах не было парши. Спрячь оливкового отстоя, хорошенько его очисти, возьми воды, в которой варился люпин, и гущи от хорошего вина и смешай все это между собой в равных ча-

стях. Потом, когда обстрижешь овец, смажь их целиком и оставь дня два-три хорошенько потеть. Затем вымой их в море; если морской воды нет, приготовь соленой воды и вымой ею. Если так сделаешь, овцы не запаршивеют, шерсти на них будет больше, и она будет лучше, и вши не будут их беспокоить. Этим же пользуйся для всех животных, если они запаршивеют.

98

Как сделать, чтобы моль не трогала одежды. Увари оливковый отстой до половины и смажь им дно сундука и углы его, а снаружи ножки. Когда высохнет, складывай одежду. Если так сделаешь, моль не причинит вреда. (2) Если также смажешь всю деревянную утварь, то она не будет гнить, а когда ты ее протрешь, она станет более блестящей. Также смажь все котлы, но сначала хорошенько их вычисти. Потом, когда смажешь, вытри их, когда захочешь ими пользоваться. Они будут более блестящими, и ржавчина на них не сядет.

ВАРРОН

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

*

M. TERENTIUS VARRO

DE RE RUSTICA

*

Н аши великие предки не без основания предпочитали римлян-селян горожанам. А подобно тому, как в деревне дворовая челядь считалась ленивее тех, кто проводил время в поле за какой-нибудь работой, так и тех, кто сидел в городе, почитали они совершенными бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал землю. Они и год разделили таким образом, чтобы на городские дела приходились только девятые дни, а в остальные семь, чтобы возделывали землю. (2) Пока такой порядок сохранялся, следствием было, во-первых, то, что поля их, благодаря обработке, отличались плодородием, а во-вторых, что сами люди были крепче здоровьем и не нуждались в греческих гимназиях, которые устраивались по городам. Сейчас их одних мало; считается, что нет у тебя и усадьбы, если на нее не насело множества греческих слов, которыми по отдельности называют разные места: пропетон, палестра, аподитерий, перистиль, орнитон, перистерон, опоротека*. (3) И так как теперь хозяева потихоньку пробрались в городские стены и, оставив серп с плугом, предпочли работать руками в театре и цирке, а не на ниве и не в винограднике, то мы и ввели на пшеницу откупа, чтобы нам из Африки и Сардинии привозили насущное пропитание, а в корабли убирали виноград с острова Коса и с Хиоса. (4) В той стране, где пастухи, основавшие Рим, учили своих детей земледелию, там дети этих детей из-за жадности, вопреки законам, превратили нивы в луга, не понимая того, что земледелие и скотоводство не одно и то же. Пастух и пахарь различны между собой; если скот и может пастись на поле, то это не значит, что скотовод и земледelec одно и то же. Скот не создает того, что растет в полях, а уничтожает своими зубами. Правда, домашний вол способствует тому, чтобы хлеб лучше рос на ниве и корм для скота на пару. (5) Иные, говорю я, занятия и науки у земледельца, иные у пастуха: земледelec занят тем, что придумали люди, чтобы выращивать плоды земные, пастух, наоборот, тем, что производит скот.

* Пропетон—передняя или прихожая; аподитерий—комната для одевания при бане; орнитон—птичник; палестра—часть «гимназия», места спортивных упражнений, предназначенные преимущественно для упражнений в борьбе; перистиль—колоннада вокруг двора или внутри дома; перистерон—павильон, беседка, окруженная одним рядом колонн; опоротека—подвал для хранения фруктов. *Прим. ред.*

Однако между ними есть великий союз: хозяину имения в большинстве случаев выгоднее скормить имеющийся в имении корм, чем продать его, а уваживание весьма полезно для плодов земных, и скот для этого и предназначен. У кого есть имение, тот должен иметь дело с обеими отраслями хозяйства: и с земледелием, и со скотоводством, и даже с разведением домашней птицы и рыб. Тут можно получить доход немалый: от птичников, крольчатников и рыбных садков. (6) О земледелии я составил книгу для моей жены Фундании, потому что у нее есть имение; тебе же, мой Турраний, страстный любитель скота, часто направляющий стопы свои на торг, что на «Гощих полях», для покупок—эту, чтобы ты тратился толком.

Сделать мне это тем легче, что у меня самого большие стада: в Апулии—овец, в Реате—лошадей. Я коротко, в общих чертах, переберу то, что относилось к скотоводству в наших беседах, которые мы вели с крупными скотоводами в Эпире в то время, когда в пиратскую войну я начальствовал над греческим флотом между Делосом и Сицилией. Начну отсюда....

1

Когда Менат вышел, Коссиний обратился ко мне: мы не отпустим тебя, раньше чем ты подробно не расскажешь о тех трех пунктах, о которых начал было говорить, когда нас прервали. Что за три пункта,—спросил Муррий: не те же ли, о которых ты говорил мне вчера по поводу скотоводства?—Те самые, ответил Коссиний, он начал уже объяснять нам возникновение скотоводства, достоинство этого занятия и принципы его ведения, когда мы пошли навестить поэта. Приход врача (2) нам помешал. Я расскажу вам только о том, что относится к истории, ответил я, о двух первых частях, которые я на себя принял: о происхождении скотоводства и его достоинстве. Третью часть, касающуюся скотоводческой практики, возьмет Скрофа, который, скажу я по-гречески пастухам-полутрекам: «многим других превосходит». Он ведь учитель Луцилия Гиррия, твоего зятя, у которого имеются знатные стада в Бруттии.—Но вы получите это от нас на том условии, сказал Скрофа, что, первые скотоводы в Эпире, вы одарите нас и расскажете о том, что вы знаете. Никто ведь не может знать всего.

(3) Так как я принял предложение и мне приходилось выступать первому (у меня есть в Италии стада, но ведь не всякий, у кого есть кифара*, тот и кифаред), я начал: По естественной необходимости, люди и животные существовали всегда. Было ли некое начало, от которого пошли живые существа, как думали Фалес Милетский и Зенон Китейский, или же, наоборот, такого начала не было вовсе, как полагали Пифагор Самосский и Аристотель Стагирит. Человеческая жизнь должна была постепенно докаться от незапамятной старины до наших времен, как пишет Дикеарх, и первой ступенью ее была жизнь естественная, когда люди жили тем, что девственная земля добровольно несла им. (4) Из этой жизни они перешли на вторую ступень, пастушескую: как с деревьев и кустов полевых обрывали они желуди, ягоды, шелковицу, яблоки и собирали их на свою по-

* Кифара—музыкальный струнный инструмент. *Прим. ред.*

требу, так и с животных, когда той же пользы ради они поймали кого смогли из лесного скота, заперли его и приручили. Не без основания думают, что первыми взяли овец и из-за приносимой пользы и из-за кроткого нрава. Они ведь по природе своей чрезвычайно спокойны и совершенно приспособлены для житья с человеком. В пищу вошли молоко и сыр, для одежды они дали шерсть и шкуры. (5) И, наконец, из пастушеской жизни люди спустились на третью ступень, к земледелию; на этой ступени удержали они многое от двух предшествующих и, дойдя до нее, долго продвигались в этом направлении, пока не дошли до нас. Даже и сейчас во многих местах есть некоторые виды диких животных, начиная с овец, как во Фригии, где ты увидишь множество овечьих стад, а на Самофраке—козых; по-латыни они зовутся *rotae*. Есть их много и в Италии около Фисцелла и Тетрика. О свиньях всякий знает; нельзя же не считать диких кабанов за свиней. Быки в совершенно диком состоянии во множестве водятся и посейчас в Дардании, Мидии и Фракии, дикие ослы—во Фригии и Ликаонии, дикие лошади—в некоторых местностях восточной Испании.

(6) О возникновении скотоводства я сказал, о достоинстве я скажу. В древности самые значительные люди были пастухами; на это указывают и языки, греческий и латинский, и древние поэты, у которых одни герои называются владельцами ягнят, другие владельцами овец, третьи владельцами быков. Так как овцы были ценны, то они стали утверждать, что животные эти имели золотое руно, например, в Аргосе Атрей жалуется, что Фиест тайно похитил у него такую шкуру; в Колхиду к Аэту за шкурой такого барана отправились потомки царских родов, прозванные аргонавтами; из Ливии—от Гесперид—Геракл вывез в Грецию золотые «*mala*», т. е., по старинному произношению, коз и овец, так как греки называли их по звуку, ими издаваемому, *mela*. (7) У нас, с маленькой разницей, от того же самого звука, но только с другой буквы (кажется, что овцы издают не «ме» а «бё»); про овец, подающих голос, говорится, что они блеют. Если бы скот не был у древних в такой большой чести, то астрономы, при описании неба, не называли бы по ним светил, а они не только не усомнились назвать их имена, но большинство даже начинает вести счет двенадцати знакам зодиака с главных животных—Овна и Тельца,—ставя их впереди Аполлона и Геракла. Эти божества следуют за ними, но называются близнецами. (8) Им показалось недостаточно, что из двенадцати знаков одна шестая часть получила названия по животным, и они прибавили еще Козерога, чтобы в их распоряжении оказалась целая четверть (зодиака). Кроме того, от скотоводов же взяли они Козу, Козлят, Пса. И разве в этих странах животные не оставили своей памяти на суше, на море? Когда Эгейское море именуется по козам, в Сирии есть гора Тавр, в Сабинии—гора Кантерий, и имеются два Босфора, один Фракийский, другой Киммерийский. (9) Разве мало названо по ним городов, например, в Греции Аргос, «*жонский*»? Разве, наконец, сама Италия не от бычков получила свое имя, как пишет Пизон? Что римский народ ведет свое начало от пастухов, кто не знает этого? Кому неизвестно, что пастух Фавстул был пеетуном, вырастившим Ромула и Рема? Разве нельзя заключить, что те, кто выбрали сроком для основания города Парилии, были

сами пастухами? И не на пастушеское ли состояние указывает то обстоятельство, что за многие проступки и сейчас еще по старинному установлению платится штраф волами и овцами, что древнейшая монета, которая была выбита, помечена изображением животных и что при основании города бык и корова намечают места, где быть стенам и воротам (10), что когда римский народ справляет праздник очищения, то кругом ведут кабана, барана и быка, и что у нас много родовых имен, данных по названиям крупного и мелкого скота? По мелкому скоту названы Порции, Овинии, Каприлии; по крупному—Еквитии, Таврини, Азинии. От животных же берутся разные прозвища, например прозвище Анниев—Carpae, Статилиев—Tauri, Помпониев—Vituli и много других*.

(11) Остается сказать еще о животноводческой науке, о которой и следует сказать то, что Скрофа, которого мы, современники, считаем первым во всех областях сельского хозяйства, и скажет нам так хорошо, как он сможет. Мы все повернулись к нему, и Скрофа начал: Наука животноводства есть наука приобретать скот и выкармливать его так, чтобы получать возможно наибольший доход от тех, чьим именем названы самиденьги: фундамент всякому состоянию—скотина. (12) Наука эта имеет девять частей, разделенных трижды на три. Одна отведена мелкому скоту, а именно—его трем видам: овцам, козам, свиньям; другая—крупному, в котором опять-таки быки, ослы, лошади разнесены природой по трем видам. Третья часть животноводства занята не тем, чем обзаводятся, как доходной статьей, но тем, что держат из-за нее или получают от нее: мулами, собаками, пастухами. Каждый из этих общих разделов содержит в себе, самое меньшее, девять частей: четыре относятся к приобретению скота, столько же к его кормлению; кроме того, есть еще одна часть—общая. Таким образом, получается всего, самое меньшее, восемьдесят одна часть, притом необходимых и не малых. (13) Во-первых, чтобы обзавестись хорошим скотом, надлежит знать, в каком возрасте какое животное стоит покупать и иметь. Если брать крупный рогатый скот, то годовалая телка и корова старше десяти лет стоят дешевле, потому что корова начинает телиться в два-три года, а после десяти лет скоро совсем перестает. (14) У всякого скота ранний и поздний возраст бесплодны. Другая часть из первых четырех—знакомство с внешним видом каждого животного. Очень важно, каково животное и каково оно по приплоду. Быка, например, лучше покупать с черноватыми рогами или с белыми; козу лучше крупную, чем мелкую; свиней, чтобы они были с длинным туловищем и маленькой головой. Третья часть касается породы, которую следует поискать для обзаведения. В Греции, например, славятся Аркадские ослы, в Италии—Реатинские, при этом настолько, что на моей памяти одного осла продали за шестьдесят тысяч сестерций, а некоторые четверки лошадей в Риме доходили до сорока тысяч. (15) Четвертая часть—это юридические формы при покупке: как какой скот следует покупать по гражданскому праву. Чтобы собственность другого стала моей, для этого должно

* Porcus—свинья, боров; ovīs—овца; caper—козел; equus—конь; taurus—бык; asinus—осел; carpaе—козы; tauri—быки; vituli—бычки. Прим. ред.

что-то произойти, и не всегда достаточно договора или уплаты денег, чтобы переменить хозяина. При покупке иногда надо договариваться о том, здоров ли скот, иногда о том, происходит ли он от здорового скота, иногда просто обходить этот пункт. (16) Купив скот, займись следующими четырьмя частями, повествующими о выпасе, разведении, воспитании молодняка и здоровье. Выпасу отведено первое место; тут есть три вопроса: в какой местности лучше всего какой скот пасти, когда и как. Коз, например, лучше пасти по горам, в кустарниковых зарослях, а не на равнинах, покрытых травой; лошадей—наоборот. Нельзя пасти весь скот зимой и летом на одном и том же месте. Овечьи стада, например, угоняют летовать далеко из Апулий в Самний; об этом делается заявка откупщику, чтобы не нарушить цензорского закона, пася скот без записи и пошлины. (17) Мулов из Розейской долины летом выгоняют в высокие Бурбурские горы. Надо помнить также, как лучше всего кормить разный скот. Мало знать, что лошадь или корова наедятся сеном, а свиньи его не тронут и захотят желудей; должно быть известно, что волам надо давать люпина, а молочным коровам люцерны и ракитника, что перед случкой за 30 дней баранам и быкам прибавляют еды: им нужно собраться с силами, а коровам урезают, считая, что, похудев, они скорее зачнут. (18) Вторая часть касается разведения. Тут приходится иметь дело с животным с того момента, как оно зачнет, и до того, как родит: этими пределами ограничена беременность. Поэтому, прежде всего следует подумать о случке: в какое время и кого спаривать. Для свиней, например, подходящим временем считают срок с половины февраля и до весеннего равноденствия; для овец—с захода Арктура и до восхода Орла. Кроме того, следует помнить, за сколько времени до начала случки надо отделить самцов от самок: и волопасы и овчары обычно делают это за 2 месяца. (19) Есть тут и другая часть; разные животные рождаются в разное время. Кобыла носит свой плод двенадцать месяцев, корова—десять, овца и коза—пять, свинья—четыре. В Испании случается нечто невероятное, но несомненное: в Лузитании, возле океана, в той области, где находится Олизипо, на горе Тагре некоторые кобылицы в определенное время зачинают от ветра, как бывает у нас с курами, яйца которых так и называются «ветровыми». Но жеребята, родившиеся от этих кобылиц, не живут больше 3 лет. О родившемся во-время и запоздавшем приплоде надо позаботиться, чтобы ему было чисто и мягко, и чтобы его не задавили. Запоздавшими (*cordi*) зовутся ягнята, которые родились после времени, задержавшись в лоне матери*, зовут *chorion*, откуда и название *cordi*. (20) Третья часть касается того, что надлежит наблюдать при выращивании молодняка: сколько дней детенышу сосать матку и в какое время и где; если у матери мало молока, его надо подпустить к другой матке. Таких животных называют *subrumi*, т. е. находящиеся под выменем (*mamma*). Древнее слово для вымени (*mamma*) было *gumis*, как я полагаю. Ягнят не отнимают от матери четыре месяца, козлят—три, поросят—два. Последние, когда они уже чисты и их можно приносить в жертву, некогда назывались *sacres*.

* В тексте пропуск. *Прим. ред.*

Их упоминает Плавт, говоря: «почем поросята „sacres“». Упитанные же быки, откормленные для государственных жертвоприношений, именуются *орімі*. (21) Четвертая часть касается здоровья—вопрос сложный и необходимый: большой скот—частая беда; от того, что он хворает, хозяин часто терпит большой урон. Есть два вида заболеваний, как и у человека: в одних случаях надо приглашать врача, в других может лечить и сам пастух, если он внимателен и сведущ. Тут есть три пункта: надо заметить, какая причина болезни, какие признаки этих причин и какое лечение за какой болезнью должно следовать. (22) Вот приблизительно причины болезней: животные страдают от жара или от холода, от слишком большой работы, или, напротив, от отсутствия всякого упражнения, или от того, что, прогнав животное, ты сразу же, без всякого промешутка, дал ему есть или пить. Признаки таковы: у животных, которых лихорадит с работы, рот открыт, дыхание часто и влажно, тело горяче. (23) Лечение при такой болезни следующее: животное обливают водой, натирают теплым оливковым маслом с вином, поддерживают его силы едой и что-нибудь на него накидывают, чтобы его согреть; если он хочет пить, ему дают теплую воду. Если этот вид лечения не помогает, пускают кровь, чаще всего из головы. Другие болезни вызываются другими причинами и имеют другие признаки. Все это и для всех животных должно быть записано и находиться у главного пастуха. (24) Остается девятый упомянутый мною пункт, о числе: пункт этот общий для обеих частей. И тот, кто покупает скот, должен обязательно установить число: сколько стад он будет держать и какой величины, иначе пастбищных угодий может нехватить, или они окажутся в преизбытке, и доход с них пропадет. Кроме того, надо знать, сколько держать в стаде самок, которые могут принести приплод, сколько баранов, сколько молодняка того и другого пола, сколько надо удалить негодных овец. Если приплод велик, то, выкармливая его, следует поступать так, как поступают некоторые хозяева: убери прочь нескольких ягнят, от этого выходит обычно так, что оставшиеся лучше растут.

(25) Смотри, сказал Аттик, не обманись: как бы ты не перехватил с этими своими девятками и для крупного скота и для мелкого. Каким образом окажется девять частей и для мулов и пастухов, когда там нет ни случки, ни выращивания молодняка. О собаках, я вижу, так говорить можно. (26) Я соглашусь даже, что для людей можно удерживать эти девятки: на зимних стоянках, а иногда и на летних живут женщины, и это почитается за благо: пастухов легче удерживать при стаде, а рождение детей увеличивает число рабов и делает скотоводство доходнее.

Число это, возразил я, взято просто для круглого счета: ведь говорим же мы, что под Троем отправилась тысяча кораблей и что в Риме суд состоит из ста человек. Поэтому, если хочешь, исключи для мулов два пункта: случку и воспроизведение потомства. (27) Воспроизведение потомства, воскликнул Вакций, —ведь в Риме же говорится иногда: «мул родил». Вторя ему, я вставляю Магона и Дионисия, которые писали, что мул и лошадь жеребятся на двенадцатый месяц после зачатия. Поэтому, если в Италии мул-самка ожеребится, то это почитается знамением, но это не значит, что так

думают во всех странах. Ведь ласточки и цапли, которые выводят в Италии птенцов, выводят их не во всех странах. Разве вы не знаете, что сирийские пальмы родят в Иудее, а в Италии нет?

— Если, вмешался Скрофа, ты предпочитаешь настаивать на шеле восемьдесят один, без рождения и воспитания молодняка у мулов, то у тебя есть чем заполнить этот двойной пробел, ибо имеются две большие и особые статьи дохода: одна—это стрижка: овец и коз стригут или ощипывают; другая, захватывающая большее число животных,—это молоко и сыр. Греческие писатели называли эту часть особо: *Γυροποιαν* (сыроварение), и написали по этому поводу очень много.

2

Итак мы исполнили нашу задачу и определили содержание науки в скотоводстве; теперь ваш черед, эпиротяне, поведайте нам о каждом вопросе в отдельности. Посмотрим, чего стоят пастухи из Пергамиды или Маледы. (2) Атик, который тогда прозывался Титом Помпонием, а сейчас Квинтом Цецилием, сказал: Думаю, что я начну первым, так как вы устремили взоры на меня, и расскажу о первых домашних животных. Ты ведь говоришь, что из диких животных первыми были пойманы и приручены человеком овцы. Во-первых, покупай хороших овец, а хорошими в смысле возраста будут овцы не старые и не совсем юные: одни еще, а другие уже не могут дать приплода. Лучше, конечно, тот возраст, с которым связана надежда, а не смерть. (3) По виду овце надлежит быть крупной, с обильной и мягкой шерстью, с густыми и длинными завитками по всему телу, особенно на затылке и на шее; впрочем и живот должен быть в волосах. Овец с голым животом предки наши называли *арисае* и браковали. Голени надлежит им иметь низкие; в Италии смотрят, чтобы хвосты были длинные, а в Сирии—короткие. (4) Самое главное, держи скот хорошей породы. О ней можно заключить по двум признакам: по виду животного и по приплоду. По виду, если у баранов лоб густо зарос шерстью, витые рога спускаются к ноздрям, глаза серые, уши покрыты шерстью, грудь большая, лопатки и зад широкие, хвост широкий и длинный. Замечай, чтобы язык не был черным или пестрым: бараны с таким языком производят черных или пестрых ягнят. По приплоду делают заключение, если животное производит красивых ягнят. (5) При покупке мы поступаем по правилам, предписанным законом. Из него одни берут большие, другие меньше: на овец ведь есть твердая цена: двое вполне доношенных ягнят считаются за одну овцу, а овцы, у которых от старости выпали зубы, идут тоже две за одну. В остальном пользуются старинной формулой: когда покупатель сказал: «за столько-то они мне проданы», а тот ответил: «да», и объявил сумму, покупатель спрашивает по древней формуле так: (6) «Клянешься ли ты, что эти овцы, о которых идет речь, действительно здоровы, как здоров скот овечьей породы, не считая косых, глухих, бесшерстных, т. е. с голым животом; что он не происходит от больного скота, что им можно действительно владеть и что все это так и есть действительно?»

После этого, однако, стадо еще не переходит к другому владельцу, пока оно не пересчитано.

(7) Теперь я скажу по порядку о других четырех пунктах: о выпасе молодняка, его воспитании, здоровье. Прежде всего надо позаботиться, чтобы круглый год овцы хорошо кормились и дома и вне его; чтобы хлевы стояли в подходящем месте, защищенном от ветра, и лучше на восток, чем на юг. Пол, где овцы стоят, должен быть убит камнем и иметь наклон, чтобы хлев легко было вымести и содержать в чистоте. Сырость портит у овец не только шерсть, но также и копыта и заставляет их паршиветь. (8) Через промежуток в несколько дней им нужно подкладывать свежих веток; чтобы им было легче отдыхать и они были бы чище. Тогда они охотнее едят. Нужно сделать особые загородки, куда будешь отделять овец перед тем, как они ягнятся, а также и больных. Все это соблюдается преимущественно для стад, которые находятся в усадьбе. (9) Для тех, которые пасутся в лесах и на горах и далеко уходят от дома, берут с собой плетенки и сети, с помощью которых и устраивают в глухом месте скотный двор. Берут с собой и прочую утварь. Овцы обычно кочуют по всей стране: зимние их пастбища отстоят от летних часто на много миль.

Я-то это знаю, сказал я, у меня стада зимовали в Апулии, а лето-вали в Реатинских горах. (10) В обоих этих местах, словно корзинки по концам коромысла, находятся государственные пастбища.

Когда овец пасут в одном и том же месте, все-таки делают разницу между временем, когда их выгоняют: летом овцы выходят пасти на рассвете, потому что тогда покрытая росой трава вкуснее, чем в полдень, когда она суше. По восходе солнца овец гонят на водопой, чтобы они освежились и охотнее принялись вновь за еду. (11) В середине дня, пока жар не свалит, их загоняют под тенистые скалы и раскидистые деревья, пока не станет прохладнее. Вечером их опять пасут до захода. Пастись овец следует, гоня против солнца: голова у них чрезвычайно слаба. После захода, спустя маленький промежуток времени, их гонят пить и опять пасут, пока не стемнеет. К этому времени трава опять приобретает приятный вкус. Правила эти, главным образом, соблюдаются с восхода Плеяд и до осеннего равноденствия. (12) В местах, где убрана жатва, полезно загонять овец на ниву по двойной причине: они досыта наедаются опавшими колосьями и мятой соломой и, удобряя поле, делают его на весь год плодороднее. В остальном между пастьбой в зимнее время и весеннее время делается то различие, что овец выгоняют, когда изморозь уже сойдет, пасут весь день и считают достаточным сводить их на водопой однажды—в полдень.

(13) Вот и все, что относится к пастбищам и пастьбе. О размножении стада я сейчас скажу. Баранов, которыми ты хочешь воспользоваться как производителями, надо за два месяца отделить и кормить обильнее. Если им давать, когда они вернутся с пастбища домой, ячменю, то у них прибавится сил для исполнения своей обязанности. Самое лучшее время для припуска от захода Арктура и до захода Орла: ягнята, зачатые после, бывают малорослыми и хилыми. (14) Овца ходит суягной сто пятьдесят дней. Таким образом, она ягнится в конце осени, когда воздух умеренно тепел и только что появляется трава, вызванная к жизни первыми дождями. Пока длится случка, надо пользоваться одной и той же водой. Перемена

портит плод в утробе, делая шерсть его пестрой. Когда все овцы зачали, баранов опять надо отделить, так как они не дают покоя суягным и тем вредят им. Нельзя допускать, чтобы покрывались овцы моложе двух лет: приплод от них никуда не годен, а сами они становятся хуже; лучше всего случать трехлеток. Баранам препятствуют покрывать овец, привязывая к половым частям коробочки из ситника или какого-нибудь другого материала. Вернее уберечься, если станешь пасти овец отдельно.

(15) Перехожу к молодняку. Когда овцы начали ягниться, их загоняют в хлевы—они имеются для этого отдельные—и там кладут новорожденных у огня, пока они не окрепнут. Дня два-три овец оставляют с ягнятами, чтобы те научились узнавать мать и наедались досыта. Затем матки уходят вместе со стадом на пастбище, а ягнята остаются дома; под вечер маток пригоняют к ним обратно; они кормят их молоком, и их опять отделяют, чтобы ночью они не раздавили ягнят. То же самое делают утром, прежде чем матки уйдут на пастбище, чтобы ягнята насытились молоком. (16) Когда пройдет дней десять, набивают кольев и к ним привязывают ягнят лыком или каким-нибудь другим легким материалом, на расстоянии друг от друга, чтобы они, бегая целый день вместе, не повредили как-нибудь своих нежных членов. Если ягненок не подходит сосать матку, его надо пододвинуть и смазать ему губы маслом или свиным жиром и заставить его почувствовать на губах запах молока. Несколько дней спустя, перед тем как выходить на пастбище и после возвращения с пастбища, им бросают дробленой вики и нежной травы. (17) Так их воспитывают, пока им не исполнится четыре месяца. Тем временем некоторые не доят маток: еще лучше поступают те, кто всегда вообще так делает: будет больше шерсти и больше ягнят. Когда ягнят отняли от маток, надо приложить все старания, чтобы они не зачахли от тоски. Их надо баловать хорошим кормом и заботиться, чтобы они никак не страдали от холода или зноя. (18) Когда, забыв о молоке, они перестанут скучать по матери, их выгоняют в овечье стадо. Нельзя холостить ягненка моложе, чем в пятимесячном возрасте, и только когда жары или холода спадут. Баранов, которых хотят припускать, выбирают преимущественно от маток, которые обычно ягнятся двойнями. В большинстве случаев таков же уход и за овцами, покрытыми попонами: из-за прекрасной шерсти, какую имеют, например, тарентские и аттические овцы, их покрывают кожами, чтобы шерсть не пачкалась и ее можно было бы либо окрасить в правильный цвет либо вымыть и остричь. (19) Их ясли и хлева содержатся в чистоте, с большим старанием, чем у грубошерстных овец. Хлева вымащивают камнем, чтобы нигде в них не застаивалась моча. Корм, который они охотно едят, например, фиговые листья, мякина, виноградные выжимки, отруби, выдается им в умеренном количестве, чтобы они не оставались впроголодь и не переедали. То и другое нарушает питание тела, действуют же ему преимущественно ракитник и люцерна. От нее они очень быстро жиреют и дают много молока.

(20) Относительно здоровья существует много наставлений: как я уже сказал, они записаны в книгу и находятся у старшего пастуха, который и носит с собой, что нужно для лечения. Остается сказать

о числе голов: одни делают стадо больше, другие меньше. Природа, не установила тут никаких пределов. Но в Эпире мы почти все устраниваем так, чтобы на сотню грубошерстных овец приходилось не меньше одного человека, а на сотню тонкорунных—два.

3

Хватит, наш Фавстул поблел, —воскликнул Коссиний, —узнай теперь от меня, запоздалого Гомерова Мелантия, о козах, и научись, как нужно говорить кратко. Кто хочет набрать козье стадо, должен при выборе обращать внимание прежде всего на возраст и обзаводиться такими козами, которые уже могут дать приплод, причем чем дольше, тем лучше: от молодой козы больше пользы, чем от старой. (2) По виду они должны быть крепкие, большие, с гладким телом, густым волосом, если это только не бесшерстные козы (есть ведь два вида), под мордой иметь две свисающих сережки—такие козы плодovitее, и большое вымя, чтобы давать соответственно много жирного молока. У козла пусть волос будет мягкий и лучше всего—белый, короткая шея и загривок, длинное горло. Стадо оказывается лучше, если оно составлено из коз, привыкших находиться вместе, а не набрано отовсюду. (3) О козьей породе я скажу то же самое, что Атик об овцах, с той разницей, что овечья порода медлительнее, они спокойнее, козы же, наоборот, подвижнее. Об их быстроте Катон в своих «Началах» пишет следующее: «На Савракте и Фисцелле есть дикие козы, которые прыгают со скалы больше чем в шестьдесят футов». Овцы, которых мы держим, произошли от диких овец, точно так же козы, которых мы кормим, произошли от диких коз, по которым и назван остров Капразия, рядом с Италией. (4) Так как те козы, которые ягнятся дважды в год, лучшей породы, то козла-производителя оставляют преимущественно из их приплода. Некоторые даже не жалеют труда на то, чтобы приобрести коз с острова Мелии: считается, что там козлы и самые большие и самые красивые. (5) Формулу покупки я приведу другую, да по-другому все и происходит, ибо ни один здоровый человек не пообещает, что его козы здоровы: у них всегда лихорадка. Поэтому договариваются в немногих словах, по записи, оставленной Манилием: «Клянешься ли ты, что эти козы сегодня, действительно, могут есть и пить и ими можно действительно владеть». Удивительна особенность коз—о ней пишет и Архелай: некоторые любознательные пастухи говорят, что они втягивают воздух не как прочие животные, ноздрями, а ушами. (6) Из следующих четырех частей я останавливаюсь сейчас на содержании коз. Им лучше в хлеве, обращенном на зимний восток. Они животные зябкие. Хлев следует вымостить, как обычно и делается это, камнями или кирпичом, чтобы в нем вовсе не было ни сырости, ни грязи. Если стаду приходится ночевать не дома, а в загородке, обращенной в ту же сторону света, в хлевы следует подстилать веток, чтобы козы не выпачкались. Уход за этим скотом на пастбище немногим отличается от ухода за овцами. (7) Однако у них есть свои особенности: они больше любят лесные пастбища, чем луга. Они прилежно объедают дикие кустарники и в местах возделанных щиплют

и посадки. Свое имя они и получили от общипывания, поэтому в арендном договоре обычно и стоит оговорка, что колон не смеет пасти в имении козьего отродья. Их зубы—враги посеву. Астрономы, хоть и приняли их на небо, но исключили из двенадцати знаков зодиака: двое козлят и коза находятся неподалеку от Тельца.

(8) Что касается размножения стада, то в конце осени козлов с поля из стада загоняют в хлевы, как баранов, о чем уже говорилось. Коза, зачав, ягнится через 4 месяца, весенним временем. Уход за молодняком: тех козлят, которых оставили жить, когда им исполнилось 3 месяца, пускают в стадо. Что сказать об их здоровье, когда они никогда не бывали здоровы. Одно только: у старшего пастуха должно быть записано, какими лекарствами пользоваться при некоторых их болезнях и при ранениях, которые часто у них случаются, так как они бьются между собой рогами и пасутся в местах, где много колючек. (9) Остается сказать о числе голов: в козьем стаде оно меньше, чем в овечьем, потом что козы резвы и рассеиваются кто куда, овцы, наоборот, собираются и сбиваются в одно место. Поэтому в Галльской области устраивают так, чтобы стад было больше числом, но меньших по размеру: среди больших стадо быстро распространяется зараза, которая и приводит стадо к гибели. Стадо голов в 50 считается достаточно большим. (10) Они считают, что случай с Габерием, Римским всадником, подтверждает их мнение. У него было подгородное имение в тысячу югеров и от одного козопаса, который пригнал в город десяток коз, он услышал, что тот получает в день по динарию за козу. Он согнал тысячу коз, рассчитывая получать с имения каждый день по тысяче динариев. В надеждах своих, однако, был обманут: в короткий срок он потерял всех коз от болезни. В Саллентинской области и под Казином, наоборот, пасут стадо до ста голов. То же разногласие о числе самок и самцов: одни на 10 коз держат по козлу, как я, другие одного на пятнадцать, как Мен, а некоторые, как Муррий, одного на двадцать.

4

Кто же теперь выйдет из Италийской гавани и сообщит нам о свиньях. Впрочем, об этом предмете преимущественно надлежит говорить Скрофе*: на это указывает и его прозвище; тебе, очевидно, неизвестно, сказал Тремеллий, почему я называюсь Скрофой. Так знай же, и пусть тебя ради и они узнают, что род мой прозван не по свиньям и я не происхожу из Эвмея. Впервые был назван Скрофой мой дед. Когда он был квестором у претора Лициния Нервы в Македонии, тот оставил его командовать войском до своего возвращения; враги, считая, что им представился случай одержать победу, начали наступать на лагерь (2). Дед, убеждая солдат взяться за оружие и выступить против, сказал, что он раскидает врагов скорее, чем свинья поросят, что и сделали. Он разбил в этом сражении врагов наголову и обратил их в бегство. Нерва за это был назван претором-императором, а дед нашел себе прозвище в имени Скрофы. Никто из моих

* Scrofa—«опоросившаяся свинья», прозвище римского рода Тремеллиев.
Прим. ред.

предков Тремеллиев до тех пор не назывался Скрофой, а однако я по порядку седьмой, бывший претором в нашем роду. Однако я не уклоняюсь от того, чтобы рассказать, что я знаю о свиньях. (3) К сельскому хозяйству я был прилежен с юности, и свиньи для меня, как и для вас, крупных скотоводов, не могут быть предметом незнакомым. Кто из нас ведет хозяйство в имении и не имеет свиней, и кто не слышал, как отцы наши называли лентяем и расточителем человека, который подвешивал у себя в кладовой ветчину из мясной лавки, а не из собственного имения.

Итак, кто хочет иметь у себя стоящее свиное стадо, тот должен выбрать свиней, во-первых, хорошего возраста, во-вторых, хорошего вида (т. е. с крупными статьями, за исключением ног и головы), лучше одномастных, чем пестрых. Те же признаки должен иметь и кабан, к тому же обязательно еще толстый загривок. (4) О хорошей свиной породе закладывают по виду, по приплоду и по местности: по виду, кабан и свинья красивы; по приплоду, если свинья приносит много поросят; по местности, если ты обзаводишься ими в таких краях, где они водятся скорее крупные, чем мелкие. (5) Покупают их так: «Клянешься ли ты, что эти свиньи здоровы, что ими можно действительно владеть, что на них никто не притязает и что они не происходят от большого скота». Некоторые добавляют еще, что они переболели лихорадкой и поносом.

Для пастбища этим животным подходит место топкое и сырое, потому что они любят не только воду, но и грязь. Рассказывают, что волки, наткнувшись на свинью, тащут ее в воду, так как зубы у них не в состоянии выдержать ее мяса—такое оно горячее. (6) Питаются эти животные, главным образом, желудями, а затем бобами, ячменем, и прочим зерном; от этого они не только жиреют, но и мясо их приобретает приятный вкус. Пастись их выгоняют летом рано и, пока еще не припекает, загоняют в тенистое место, преимущественно к воде. После полудня, когда зной спал, их опять пасут. В зимнее время их выгоняют пастись не раньше, чем изморозь исчезнет и лед растает. (7) О размножении: кабанов за два месяца до случки отделяют. Лучшее для случки время от половины февраля до весеннего равноденствия, когда выйдет так, что свинья опоросится летом. Она ходит поросней 4 месяца и опоросится тогда, когда земля изобилует кормом. Нельзя случать свинью до года; лучше подождать, пока ей исполнится 20 месяцев, чтобы она опоросилась двух лет. Однажды начав, она, говорят, благополучно продолжает метать поросят до седьмого года. (8) Когда производится случка, то свиней выгоняют в грязные и топкие места, чтобы они могли валяться в грязи: это для них отдых, как для человека купанье. Когда все свиньи зачали, кабанов опять отделяют. Кабан начинает покрывать самок 8 месяцев и может делать это до трех лет; затем силы у него идут на убыль, пока, наконец, он не попадает к мяснику, который послан людям, как посредник между ними и свиной. (9) Свинья по-гречески называется *ῥίς*; когда-то она называлась *ῥίς* от глагола *ῥίσι*, что значит «приносить жертву». Видимо, начало жертвоприношения положено было принесением свиного мяса; следы этого и в том, что на таинствах Цереры приносят в жертву поросят, и в том, что при договорах о мире и о союзе режут поросенка, и в том, что древние цари и знатные люди в Этрурии, вступая в

брачный союз, приносили в жертву поросенка, причем это делается обоими молодыми—и мужем, и женой. (10) Древние латиняне, а также греки в Италии, видимо, делали то же самое. И у нас женщины, главным образом, кормилицы, называют половой орган у девушек поросенком, по-гречески *схоерон*, означая тем самым, что поросенок достойная эмблема свадьбы. Природа, говорят, одарила нас свиной породой, предназначив ее для пиров. Душа была дана им как соль, чтобы сохранять мясо. Из свинины галлы мастера готовить превосходные очень большие полти. О том, что они из лучших, свидетельствует то обстоятельство, что и посейчас ежегодно из Галлии привозят в Рим окорока и лопатки из Комании и Кавары. (11) О величине галльских полтей Катон пишет в таких словах: «В Италии у инсубров солится три-четыре тысячи полтей, а свинью, обычно, они раскармливают до таких размеров, что она не может, встав, ни держаться на ногах, ни ходить. Поэтому, если их хотят куда-нибудь переправить, то кладут на телегу. В Лузитании однажды зарезали свинью, про которую Атилий Испанец, человек весьма правдивый и разносторонне образованный, рассказывал сенатору Волумнию, что ему прислали от нее кусочек с двумя ребрами, который весит двадцать три фунта: у свиньи этой от кожи до кости было расстояние в 1 фут и три пальца. (12) В Аркадии мне рассказывали такую же удивительную вещь, сказал я, и я знаю, я ходил смотреть свинью, которая так заплыла жиром, что не только не могла встать, но в теле у нее мышь выгрызла мясо, устроила гнездо и вывела мышат. Слышал я, что то же было и в земле венетов». (13) Что касается размножения, то о плодovitости свиньи судят по первому помету, так как следующие немногим от него отличаются. Что касается воспитания молодняка, то пороссятам позволяют быть с матками два месяца; на второй месяц, когда они уже могут пасти, их отделяют. Пороссята, родившиеся зимой, вырастают слабыми из-за холодов и потому, что матки гонят их прочь: у них мало молока и пороссята зубами ранят им вымя. Каждая свинья должна кормить поросят в своей закутке, потому что она не гонит чужих прочь; и если пороссята при рождении смешались, то они выйдут хуже. (14) Год для них разделила природа на две части, так как свинья мечет поросят дважды в год: четыре месяца она ходит поросной, два кормит. Закутку следует делать около трех футов вышиной, а шириной немного больше; такой высоты от земли, чтобы супоросная свинья, если бы захотела, не могла бы выпрыгнуть и не скинула бы. Высота определяется тем, может ли свинарь без труда оглядеть, не придавила ли matka поросенка, и может ли он без труда вычистить логово. Вход в закутку должен быть с порогом высотой в фут с ладонью, чтобы пороссята, когда matka выходит из закутки, не могли через него перепрыгнуть. (15) Каждый, раз, когда свинарь чистит закутку, ему следует набросать песку, или он должен набрасывать в каждую закутку чего-нибудь, что впитывает жидкость, а когда свинья поросилась, поддерживать ее силы более обильными кормами, чтобы ей легче было давать детенышам молоко. Им, обычно, дают около двух фунтов ячменя, размоченного в воде; некоторые это количество удваивают, чтобы было на утро и на вечер, если нет задать другого корма. (16) Когда пороссята уже отняты от маток, их некоторое

время называют *delici*, и они уже не именуются больше сосунками, которые на десятый день считаются чистыми: поэтому в старину они и назывались *sacres**, ибо тогда только их признавали годными к жертвоприношению. Поэтому у Плавта в «Менехмах» герой, считая кого-то сумасшедшим, и спрашивает в городе Эпидамне для принесения умиловительной жертвы: «почем тут поросята *sacres*». Если в имени есть, то им обычно дают виноградную шелуху и молодые побеги лоз. (17) Утратив имя сосунков, они именуются *nefrendes* от того, что еще не могут лущить зубами бобов, т. е. размельчать их (*frangere*). *Porcus*—это старинное греческое слово, уже забытое: поросенка теперь зовут *choeron*. Свиной, когда они поросятся, стараются поить дважды в день молока ради. Говорят, что свинья должна приносить столько поросят, сколько у нее сосков. Если она принесет меньше, то она, как матка, ничего не стоит; если больше, то это знамение. (18) Таким именно и было то древнейшее знамение, когда свинья принесла Энею в Лавинии тридцать белых поросят. На что она указывала, то и сбылось: через тридцать лет лавиняне основали город Альбу. Память об этой свинье и ее поросятах жива и поныне: их медные изображения и поныне выставлены в общественном месте, а тушу свињи, положенную в рассол, показывают жрецы. (19) Сначала свинья может кормить восемь поросят, пока они маленькие; когда они подрастут, опытные люди, обычно, отнимают половину их, потому что ни матка не в состоянии доставить им молока, ни все семейство напиться и набраться сил. В первые десять дней после опороса свинью не выпускают из закутки, кроме как на водопой; когда десять дней прошло, ей позволяют выйти по соседству с усадьбой, чтобы она могла часто возвращаться и кормить поросят молоком. (20) Когда они подросли, им позволяют идти за маткой на пастбище, а дома отделяют от маток и кормят отдельно, чтобы они не томились по матке-кормилице. Соблюдается это в течение десяти дней. Свиляр должен приучить стадо делать все по звуку рожка. Когда рожок протрубит, двери открываются, и свињи выходят к тому месту, где длинной полозой рассыпан ячмень. При таком способе его меньше пропадает, чем если положить его кучей, и подойти к нему легче большему числу. Говорят, что свиной собирают по рожку, чтобы они не разбредались по лесу и не терялись. (21) Холостить кабанов лучше всего годовалых, во всяком случае не моложе шестимесячных; после этого они меняют название и именуются не кабанам, а боровами. О здоровье свиной я скажу, примера ради, только об одном. Если у свињи нет молока сосункам, то ей следует давать подсушенную пшеницу (сырая расстраивает желудок) или задавать ячменя, размоченного в воде, пока поросят не исполнится три месяца. (22) Относительно числа: на сотню свиной считается достаточно десяти кабанов; некоторые даже уменьшают это число. Стада держат величины неравной: я считаю нормой стадо в сто штук; некоторые увеличивают это число и держат по полтора ста голов. Стада поросят одни удваивают, другие увеличивают еще больше. Меньшее стадо менее начетисто, чем большое, потому что свинару требуется меньше подпасков. Поэтому свиновод

* *Sacer*—«священный», «посвященный». *Прим. ред.*

устанавливает число голов в стаде, сообразуясь со своей выгодой, а никак не с числом кабанов. Тут надо слушаться природы.

5

Он кончил. Вошел Квинт Люциен, сенатор, человек весьма общительный и остроумный, общий наш приятель. Здравствуйте, соэпироты, воскликнул он; со Скрофой и вашим Варроном «пастырем народов»* я здоровался уже утром. Одни поздоровались с ним, другие стали бранить за то, что он так поздно подошел к условленной беседе.

— Я еще уважу вас, болтуны, и принесу сюда свою шкуру и бич. Муррий, ты будь со мной, пока я заплачу деньги Ларам; выступишь со свидетельством, если они потом станут с меня требовать. (2)—Расскажи ему сейчас, обратился Аттик к Муррию, о чем уже шла речь, и что еще осталось; пусть явится готовым к своей роли. А мы тем временем плетем ткань второго акта о крупном скоте.—Тут, — воскликнул Вакций, — начинается моя роль: тут коровы. Итак, я расскажу, что я сам узнал о крупном рогатом скоте; пусть, кто не знает, учится, а кто знает, следит, чтобы я где-нибудь не промахнулся.—Смотри, какая у тебя роль, Вакций, сказал я. (3) Быку в скотоводстве должно быть отведено первое место, особенно в Италии, которая, считают, и имя свое имеет от быков. В Греции, пишет Тимей, в старину звали быков *itali*; от большого количества прекрасных быков и выращиваемых телят Италия и получила свое название. Другие пишут, что Геркулес из Сицилии гнался за тем благородным быком, который именовался *italus*. Вол товарищ человеку в сельской работе и слуга Цереры (4), поэтому в старину пожелали оградить его жизнь настолько, что решили наказывать смертью за его убийство. Свидетелем тут Аттика, свидетелем Пелопоннес. Это животное создало в Афинах славу Бузигу, в Аргосе—Гомогиру.—Я знал, ответил он, о высоком достоинстве волов и о том, что по ним названо многое, что отличается своей величиной: воловья винная ягода, воловий рост, воловий голод, воловьи глаза; есть и виноград «коровье вымя». (5) А кроме того, я еще знаю, в кого предпочел обратиться Юпитер, когда влюбившись, вывез по морю из Финикии Европу; знаю, кто сохранил сыновей Нептуна от Меналиппы, чтобы коровье стадо не растоптало детей в хлеву; знаю, наконец, что из разлагающегося быка рождаются сладостнейшие пчелы, матери меда, почему греки и зовут их «быкородственными», о бычьем же величии говорил Плавтий по-латыни.**

Будь спокоен, я удовлетворю тебя не меньше, чем сочинитель Бугонии***.

(6) Во-первых, крупный рогатый скот в отношении возраста располагается по четырем ступеням: на первой—телята, на второй—

* *Παρέων λαόν*—излюбленный эпитет царей и вождей у Гомера; здесь шутовское приветствие. *Прим. ред.*

** Текст испорчен. *Прим. ред.*

*** «Рождение пчел»—заглавие одного сочинения Архелая, писателя III века до н. э. *Прим. ред.*

молодой скот, на третьей—взрослый, на четвертой—старый. На первой ступени мы отличаем телка и телушку, на второй бычка и телку, на третьей и на четвертой—быка и корову. Бесплодная корова называется яловой, носящая плод—стельной. Поэтому в календарях и есть дни, именуемые *hordicidi**; в эти дни приносят в жертву стельных коров. (7) Тот, кто хочет купить стадо крупного рогатого скота, должен прежде всего посмотреть, чтобы животные эти были в том возрасте, когда они еще полны сил и дают потомство, а не в том, когда уже стали бесплодны; чтобы они были хорошо сложены, с неповрежденными членами, продолговатые, крупные, с черноватыми рогами, широким лбом, большими и черными глазами, волосатыми ушами, узкими челюстями, приплюснутой мордой, не горбатые, с несколько покатою спиной, раздутыми ноздрями, черноватыми губами, толстым и длинным загривком, (8) с подгрудком, свисающим с шеи, большими ребрами, широкими плечами, хорошим крупом, с хвостом, доходящим до копыт, и метелкой из густого курчавящегося волоса, голенью скорее малыми и прямыми, с коленями, несколько выступающими и не соприкасающимися друг с другом, со ступнями не широкими и не выворачивающимися в разные стороны на ходу, с ровными одинаковыми копытами, половинки которых не расходятся в разные стороны, с кожей наощупь не твердой и не жесткой, масти лучше всего черной, потом красной, на третьем месте буланой и на четвертом белой: скот последнего цвета самый нежный, а первого самый выносливый. (9) Из двух средних мастей первая встречается чаще, чем следующая, и обе они чаще, чем черная и белая.

Кроме того, быков следует иметь хорошей породы: осмотри их с виду, посмотри, соответствует ли их потомство по внешности родителям; кроме того, важно, из каких местностей они происходят: в Италии хороши для работы, обычно, галльские быки, лигурийские, наоборот, лентяи. (10) Из чужеземных пород эпирская не только лучше во всей Греции, но и лучше итальянских. Однако в жертву приносят и для общественных молений сохраняют итальянских быков: говорят, что они выделяются своей величиной, и для культового обихода они, несомненно, заслуживают предпочтения за свою величавость, величину и масть. Последнее тем более, что белые быки в Италии не так часты, как во Фракии, у «Черного моря», где другой цвет редок. При покупке обьеженных волов сделку заключают в таких словах: (11) «клянешься ли ты, что эти волы здоровы?». При покупке необьеженных: «клянешься ли ты, что эти волы здоровы, происходят от здорового скота?». Несколько многословнее формула Манилия, которой придерживаются мясники, покупающие скот на убой: если покупают для жертвы, то, обычно, о здоровье животного не спрашивают. Пасты крупный рогатый скот лучше всего в рощах, где много зелени и кустарников: перезимовав зиму у моря, летом они уходят в лесистые горы. (12) Что касается размножения, то я, обычно, соблюдаю тут следующие правила. За месяц до случки коровам не следует напиваться и наедаться досыта, ибо считается, что худые легче зачинают. Быкам, наоборот, за два месяца до случки я даю отъедаться

* *Horda*—стельная корова. *Прим. ред.*

травой, мякиной и сеном и отделяю от коров. Держу я быков столько же, сколько Аттик; на семьдесят маток пару, одного годовалого, другого двухлетнего. Все это я проделываю по восходе созвездия, которое греки зовут Лирой, а мы Fides. (13) Потом опять выгоняю быков обратно в стадо. По тому, как бык спрыгивает с коровы, можно определить, зачала она бычка или телушку: если бычка, он сойдет направо, если телушку—налево. Почему так бывает, обратился он ко мне, знаете вы, читающие Аристотеля. Телку моложе двух лет слушать не годится; пусть она отелится трех лет, еще лучше, если четырех. Большинство коров телится до 10 лет, некоторые и дольше. Самое подходящее время для зачатия—дней сорок или немного больше с восхода Дельфина. Коровы, зачав в это время, телятся в самую мягкую пору года; они ходят стельными десять месяцев. (14) Я вычитал удивительный рассказ: если, вынув семенники у быка, тотчас же припустить, корова зачнет. Пасти стельных коров следует в местах, богатых зеленью и водой. Им нельзя стоять в тесноте, бодаться и бегать. А так как летом их обычно беспокоят оводы и какие-то крохотные насекомые, которые устраиваются у них под хвостами, то, чтобы они не беспокоились, некоторые держат их взаперти. Им следует подстилать в стойла древесную листву или чего-либо другого, чтобы им мягче было отдыхать. Летом их гоняют на водопой дважды, зимой один раз. (15) Когда они начали телиться, для них около хлебов следует сохранять нетронутым участок зеленого корма, который они смогут отведать, выйдя: они становятся привередливы. Позаботься, чтобы место, куда они укрываются, не было холодным, стужа и голод заставляют их худеть. (16) Вот как следует заботиться о кормах для крупного рогатого скота. Телят-сосунков не оставляют с матерями на ночь: они их затопчут. Их следует пригонять к коровам утром и когда они вернулись с пастбища. Когда телята подросли, к маткам следует притти на помощь, задавая им в ясли зеленого корма. У них так же, как и во всех хлевах, пол надобно выстилать камнем или чем другим, чтобы не портились копыта. С осеннего равноденствия телята пасутся вместе с матерями. (17) Холостить их не следует раньше двухлетнего возраста, потому что, если сделать иначе, животные с трудом оправляются. Те же, которых холостят позже, оказываются неподатливыми и ни к чему негодными. Так же как и в других стадах, следует производить среди коров отбор и выбрасывать бракованную часть стада, потому что они только занимают место тех, которые могут принести приплод. Если корова потеряла теленка, к ней следует подпускать тех гелят, которым матери не дают достаточно молока. Полугодовальным гелятам задают пшеничных отрубей, ячной муки и нежной травы и стараются поить их утром и вечером. (18) Относительно здоровья их имею много наставлений: я стараюсь, чтобы мой скотник чаще почитывал выписки из сочинения Магона, касающиеся этого вопроса. Быков и коров следует держать в таком количестве, чтобы на шестьдесят зоров приходился один годовалый бык и другой двухлетний. Некоторые держат больше или меньше. У Аттика на семьдесят маток два быка. Число голов в стаде одно у одних, другое у других; некоторые считают стадо в сто штук нормой, например, у Аттика в стаде сто двадцать голов, так же как у Луциена.

Он кончил. Муррий, который, пока Вакций говорил, вернулся с Луциеном, сказал: я самое лучшее расскажу об ослах; я ведь из Реаты, а реатинские ослы и самые хорошие и самые крупные. Я здесь развеял ослят от этой породы и продавал их иногда самим аркадцам. (2) Итак, если человек хочет составить хорошее ослиное стадо, то он должен, во-первых, брать самцов и самок в цветущем возрасте, чтобы те и другие могли как можно дольше давать потомство, крепких, безупречных по всем статьям, с крупным туловищем, хорошей породы, из тех мест, откуда ослы всего лучше. Жители Пелопоннеса соблюдают это последнее правило, покупая ослов преимущественно в Аркадии, а италийцы в Реатинской области. Ведь если лучшие мурены водятся в Сицилии, а стерлядь около Родоса, это не значит, что рыбы эти неизменно во всех морях будут одинаковы. (3) Ослов два вида: дикие ослы, которые зовутся онаграми и стада которых во множестве имеются во Фригии и Ликаонии, и другие, ручные как все ослы в Италии. Онагр годится в качестве производителя: из дикого он легко становится ручным, а став ручным, никогда не возвращается в дикое состояние. Так как дети бывают похожи на родителей, то и самца и самку выбирают достойных. На торгу они переходят к другому хозяину, как и прочие животные, путем купли и передачи; о здоровье и о штрафе за них принято заранее осведомляться. (4) Кормить их лучше всего полбой и ячменными отрубями. Случают их до солнцестояния, чтобы выжеребка приплась на то же время в следующем году: плод, зачатый ею, ослица возвращает на свет на двенадцатый месяц. Жеребым облегчают работу, потому что от нее терпит ущерб плод, а от этого ухудшается все племя. Самца не отпускают с работы: от перерыва в труде он становится хуже.

Относительно молодняка соблюдаются почти те же правила, которые существуют для лошадей. Ослят первый год не удаляют от матерей. На следующий год им позволяют оставаться с ними на ночь и свободно привязывают недоузками или чем другим, что есть. На третий год их начинают объезжать, приучая к тому делу, для которого хозяин хочет их употребить. (5) Остается сказать о числе их. Ослиное стадо составляют только, разумеется, из тех ослов, которые возят тяжести, так как остальных разбирают, кого на мельницу, кого в поле возить или даже пахать в местностях, где почва легка, как, например, в Кампании. Стада составляют купцы, например, те, которые из Брундизия или из Апулии на выючных осликах свозят к морю масло, вино, а также зерно и пр.

Тут заговорил Луциен: вступая, я открою заставу и выпущу лошадей, не только одних жеребцов, которых я держу, как Аттик, по одному на десять кобылиц. Кв. Модий Еквикул, сам храбрейший человек и сын военного, ставил кобылиц наравне с жеребцами. Те, кто хочет иметь табуны жеребцов и кобылиц, как имеют их некоторые в Пелопоннесе и Апулии, должны прежде всего обращать внимание

на возраст, о чем имеем следующие наставления. Смотри, не держи лошадей моложе трех и старше десяти лет. (2) Возраст у лошадей и почти у всех животных с неразделенными копытами (а также и у рогатого скота) узнается так: лошадь в 2,5 года теряет первый раз передние зубы: два верхних и столько же нижних. Когда ей начинает итти четвертый год, у нее таким же образом выпадают зубы рядом с теми, которые уже потеряны, и выпадает их столько же, и начинают расти так называемые коренные. (3) В начале пятого года они точно так же теряют два зуба. Выросшие вновь имеют углубления, которые по шестому году заполняются. По седьмому году, обычно, все зубы выросли и выполнились. Возраст лошадей старше этих лет нельзя определить; только если зубы выдаются вперед, ресницы побелели и под глазами впадины, то по этим признакам говорят, что лошади шестнадцать лет. (4) По внешнему виду лошадь должна быть умеренной величины: ей не подобает быть ни огромной, ни крохотной; кобылицы должны иметь широкий круп и живот. Жеребцов, которых ты хочешь иметь для случки, следует выбирать крупных, красивых, у которых все части тела пропорциональны. (5) Уже по жеребенку можно заключить, какова будет лошадь: у него должна быть небольшая голова, отчетливо очерченные члены, черные глаза, неузкие ноздри, прижатые уши, густая, темная грива, с курчавящимися довольно тонкими волосами, разметанная по правой стороне шеи, широкая и полная грудь, широкие плечи, небольшой живот, бедра сужающиеся книзу, широкие лопатки, спина, как бы делящаяся пополам, или, по крайней мере, не выгибающаяся, пышный курчавящийся хвост, прямые ровные голени, более выпуклые с внутренней стороны, круглые, небольшие колени, твердые копыта. По всему телу должны итти жилы, которые можно увидеть глазом; такую лошадь, если она заболела, легко вылечить. (6) Весьма важна порода, видов лошадей много. Поэтому породистых лошадей называют по странам: в Греции таковыми будут фессалийские, названные по Фессалии, в Италии—апулийские по Апулии, розейские по Розее. Признаки будущей хорошей лошади: она состязается на пастбище с товарищами по стаду в беге или в чем другом, в чем она сильнее; если табуну надо переправиться через реку, она идет впереди и не оглядывается на других. Покупка лошадей совершается так же, как покупка волов и ослов; переход от одного хозяина к другому происходит одинаковым путем при покупке, как предписано записями Манилия.

(7) Лошадей следует преимущественно кормить на лугу травой, а в стойлах, у яслей сухим сеном; ожеребившимся кобылам прибавляют к этому ячменя и дважды в день дают пить. Начинать случать животных следует с весеннего равноденствия и до солнцестояния, чтобы выжеребка происходила в благоприятное время: жеребята, говорят, рождаются в десятый день двенадцатого месяца. Родившиеся после этого времени выходят с недостатками и не годятся. (8) Производить случку, когда пришло это время года, следует дважды в день: утром и вечером, с помощью человека, который производит случку. Он привязывает кобылу, и случка с его помощью происходит скорее, жеребцы, волнуемые страстью, не извергают напрасно семени. Кобылицы сами дают знать, что пора прекратить случку: они начинают

отбиваться. Если им противно соединение, то делают так: сердцевину морского лука растирают с водой до густоты меда; этим составом мажут половые части кобылицы, когда у нее бывает месячное истечение, а затем им же мажут ноздри жеребца. (9) Одно происшествие, хотя и невероятное, следует запечатлеть в памяти. Одного жеребца нельзя было заставить покрыть его мать; конюх, обмотав его голову, заставил его соединиться с матерью; когда у спрыгнувшего он развязал глаза, жеребец бросился на него и закусал до смерти. (10) Когда кобылицы зачали, надобно следить, чтобы они не работали слишком много и не стояли в холодном месте, потому что стужа особенно вредна жеребям. В конюшне следует защитить землю от сырости, держать окна и двери закрытыми и пропустить между отдельными животными от яслей длинные жерди, которые разделяли бы их и мешали бы биться друг с другом. Жеребой кобыле нельзя ни переедать, ни быть голодной. (11) Те, кто производят случку через год, говорят, что это делает кобылиц долговечнее, а жеребят лучше; как нивы, бессменно засеваемые, истощаются, так и животные, которые ежегодно приносят потомство. Через десять дней после рождения жеребят вместе с матками выгоняют на пастбище, чтобы навоз не обжег их нежных копыт. Когда им исполнится пять месяцев, им, по возвращении в конюшню, выдают ячной муки, молотой с отрубями, или что-либо другое, что они едят с охотой. (12) Годовалым жеребятam следует давать ячмень и отруби до тех пор, пока они сосут молоко. Отлучать от матерей их нельзя, пока им не исполнится двух лет. Пока они еще стоят с ними, их следует иногда выводить, чтобы, оставшись одни, они не испытывали страха; по той же причине около них следует вешать уздечки: пусть жеребята привыкают их видеть и слышать их бряцание. (13) Когда они уже привыкли подходить к рукам, им на спину следует иногда, раза два-три, положить плашмя, животом, мальчика, потом посадить его. Это следует делать уже с трехлетним жеребенком: в это время он особенно растет и становится мускулистым. Некоторые говорят, что молодую лошадь можно выезжать полугодовалую; лучше, когда ей исполнится три года; с этого времени ей обычно начинают давать farrago—очистительное средство, для лошадей чрезвычайно необходимое. Давать его следует в течение десяти дней, причем нельзя позволять отведывать никакой другой пищи. (14) С одиннадцатого дня и по четырнадцатый надо давать ячменя, ежедневно его немножко надбавляя; меры, которую ты даешь в четвертый день, держись во все следующие десять. С этого времени лошадь в меру упражняют; когда она вспотеет, ее натирают оливковым маслом. Если будет холодно, то в конюшне разводят огонь. (15) Так как одни лошади годятся для военной службы, другие для извоза, третьи как производители, четвертые для бега, то их приходится и расценивать и содержать по-разному. Человек, опытный в военном деле, выбирает одних лошадей и по-одному их кормит и учит; цирковой наездник и возница—по-другому; иначе будет поступать тот, кто хочет получить ездовых лошадей, которые ходили бы под седлом и вповозке, чем тот, кто обезджает их для военных целей: на войне желательно иметь горячих лошадей; для путешествия, наоборот, предпочтительнее спокойные. Из-за этой разницы и вошло в обычай холо-

стить коней. Если вынуть семенники, они становятся смиреннее, потому что у них нет семени. Их называют меринами, как холощеных кабанов зовут боровами, а петухов—каплунами. (16) Что касается лечения лошадей, то существует множество признаков, по которым распознают их болезни, и способов, которыми их лечат. Все это коневод должен иметь у себя в записях. Отсюда ветеринарные врачи в Греции носят преимущественно название «конских лекарей» (ἵπκιάτρον).

8

Во время этого разговора пришел от Мената отпущенник, который сказал, что олады готовы и все для жертвоприношения устроено: если угодно, можно и приносить самим жертвы за себя. Я не позволю уйти вам, сказал я, прежде чем вы не разыграете передо мной третьего действия: о мулах, собаках и пастухах.—Речь о них коротка, сказал Муррий; мулы, а также лошаки происходят от двух разных пород, причем одна искусственно скрещивается с другой: у них нет своего исконного рода. От кобылицы и осла происходит мул, от жеребца и ослицы—лошак. (2) Оба они полезны, но ни один из них не дает потомства. Маленького осленка, недавно родившегося, подпускают к кобылице, на молоке которой он вырастает крупнее, потому что кобылье молоко считается более питательным, чем ослиное. Кроме того, его выращивают на мякине, сене и ячмене. Корм этот предлагается также и приемной матери, чтобы кобылица могла нести свою службу, кормя осленка молоком. Выращенного таким образом осла можно припускать с трех лет: кобылицы его не прогонят, так как он усвоил себе лошадиные повадки. (3) Если начать припускать его в меньшем возрасте, то и сам он скорее состарится, и потомство от него будет хуже. У кого нет осла, вскормленного кобылицей, но кто хочет иметь осла-производителя, то выбирают самого крупного и красивого, какого только могут, и при этом хорошей породы. В старину такой считалась аркадская, а мы удостоверились на опыте, что реатинская—реатинцы продавали производителей по тридцати и по сорока тысяч сестерциев. Мы покупаем ослов так же, как лошадей, договариваемся при покупке и действуем при вручении так же, как было говорено по поводу лошадей. (4) Кормим ослов мы преимущественно сеном и ячменем, перед случкой более сытно, чтобы влить в них больше сил. Припускаем в то же время, как и лошадей; заботимся, чтобы случку осла с кобылицей производил конюх. Когда кобылица ожеребится мулом самцом или самкой, мы кормим и выращиваем их. (5) Если они родились в болотистых и топких местах, то копыта у них мягкие; если же их выгонять в летнее время в горы, как это делают в реатинской области, то они приобретают очень твердые копыта. Обзаведясь стадом мулов, надо принимать во внимание их возраст и вид; первое—имея в виду извозную работу, которую они должны выносить, второе—удовольствие, которое они доставляют глазу своей внешностью. Все повозки по дорогам везут они, запряженные парой. (6) Ты, реатинец, обратился он ко мне, подтвердишь мои слова,—разве что ты завел у себя табуны кобылиц

и распродал табуны мулов. Лошаком называется помесь жеребца и ослицы; он меньше мула, обычно красноватой масти, с ушами, как у лошади, гривой и хвостом, похожими на ослиные. Он, как и лошадь, остается в материнском чреве двенадцать месяцев. Их росят и кормят так же, как жеребят, и определяют их возраст тоже по зубам.

9

Из животных остается сказать только о собаках, заметил Атик, и это скорее всего наше дело—дело овцеводов. Собака является стражем того скота, который нуждается в ней, как в спутнике для защиты, а к такому скоту принадлежат прежде всего овцы, а затем козы. Этих животных, обычно, хватает волк, а на защиту от него и встает собака. В свином стаде есть кому постоять за себя. Это делают и боровы, и кабаны, и свиньи-матки. Все они недалеко ушли от дикого вепря, который в лесу часто убивает клыками собак. О крупном скоте что и говорить. (2) Я знаю табун мулов, который, когда к нему на пастбище подошел волк, сам построился в круг и залягал его до смерти; знаю, что волы обычно становятся, обратившись к врагу и прижавшись друг к другу задами, и легко прогоняют рогами волков. А так как собак есть два вида: одни охотничьи, которые имеют дело с дикими лесными животными, и другие,—которых заводят для охраны и которые имеют дело с пастухом, то я и расскажу об этом животном, деля мой рассказ, в соответствии с изложенным планом, на 9 частей.

(3) Во-первых, надо заводить собак, годных по возрасту, так как щенки и старые псы не в силах защитить ни себя, ни овец и нередко сами становятся добычей диких зверей. Видом они должны быть красивы, крупны, с черными или сероватыми глазами, одинаковыми ноздрями, черноватыми или яркорыжими губами, причем верхние не слишком коротки, а нижние не свисают, с короткой нижней челюстью, откуда справа и слева несколько выдается по паре зубов, причем верхние должны быть скорее прямыми, чем торчащими в сторону, (4) а те, которые прикрыты губами,—острыми. Голова у них должна быть большая, уши большие и висячие, загривок и шея толстые; пространство между суставами большое, голени прямые и, скорее, вывернутые наружу, чем внутрь; лапы большие и широкие, выворачивающиеся на ходу, пальцы отделяющиеся, ногти твердые и кривые, подушечки не такие твердые, как будто они сделаны из рога, а мягкие и словно набухшие; живот поджарый, спина не кривая и не торчащая, хвост толстый, голос низкий, пасть большая, масть лучше всего белая—ее легче различить в сумерках; общий вид—как у льва. (5) Кроме того, у сук должно быть большое вымя, с ровными сосками. Смотри, чтобы собаки были хорошей породы. По местностям они зовутся лаконскими, эпирскими, саллентинскими. Смотри, не покупай собак от охотников или мясников: одни ленивы бегать за стадом, другие, увидев зайца или оленя, побегут, скорее, за ним, чем за овцами. Лучше собака, купленная у пастухов и привыкшая ходить за овцами, и стеречь их, или такая, у которой не образовалось еще никаких привычек. Собака вообще легко привыкает и крепче привязывается к па-

стухам, чем к скоту. (6) Публий Ауфидий Понтиан Амистерний купил на границе Умбрии стадо овец; со стадом этим переходили к нему и собаки, а пастухи должны были вывести овец к метопонтинским угольям и городу Гераклею. Оттуда провозжатые вернулись домой, а несколько дней спустя, собаки, соскучившись по людям, своей охотой, несмотря на расстояние во много дней пути, добывая себе пищу в поле, вернулись в Умбрию к пастухам, хотя ни один из них не действовал по совету Сазерны из его «Сельского хозяйства»: «кто хочет, чтобы собака шла за ним, пусть бросит им сваренную жабу». Весьма важно, чтобы собаки происходили из одной семьи: родственники лучше всего защищают друг друга. (7) Теперь следующая часть о покупке. Собака становится собственностью другого человека, когда первый хозяин передал ее второму. Относительно здоровья и штрафа задаются те же вопросы, что и при покупке скота, за вычетом того, что следует. Одни приторговывают каждую собаку в отдельности, другие стовариваются, чтобы щенята шли вместе с матерью или чтобы пара щенят считалась за одного взрослого пса, как пара ягнят считается за овцу. В большинстве же случаев берут всех собак, которые привыкли быть вместе.

(8) Корм, который ест собака, ближе к людскому, чем к овечьему. Она питается людскими кушаньями и костями, а не травой и листьями. Заботливо постарайся обеспечить их пищей. Если им не дают есть, то голод ведет их на поиски еды и уводит от овец; (9) некоторые думают даже, что дело может пойти так далеко, что они нарушат старинную пословицу или даже осуществляют в действительности миф об Актеоне и направят свои зубы на хозяина. (10) Им нужно давать ячный хлеб, но давай его не иначе, как накрошив в молоко: привыкнув к такой пище, они не скоро бросят скот. Нельзя позволять им питаться мясом палой овцы: вкус его заставит их позабыть всякую выдержку. Им дают также похлебку из костей и эти самые кости, разбитые на куски. От костей зубы у них становятся крепче, а пасть шире, потому что ее сильно приходится разевать. Вкус мозга горячит их. Еду они привыкают получать днем на пастбище и вечером на стоянке. (11) Переходим к размножению: началом случки считают начало весны: тогда про собак говорится, что они *satulire*, т. е. дают знать, что они хотят спариться. После случки в это время сука ощенится около летнего солнцестояния: она ходит щенной три месяца. Щенной суке следует давать лучше ячный, чем пшеничный хлеб: он для нее питательнее и от него больше молока. (12) Как только щенки родились, сейчас же следует, если их много, выбрать тех, которых хочешь оставить, и забросить остальных. Чем меньше оставишь, тем лучше сука их выкормит, благодаря обилию молока. Им подстилают мякины или еще чего-нибудь, чтобы они лучше росли в мягком логове. Щенки начинают смотреть двадцати дней. Два первые месяца после рождения их не отнимают от матери, а постепенно от нее отучают. Растят их, собирая всех в одно место, и натравливают друг на друга, что делает их горячее, и не позволяют выбиваться из сил, от чего делаются они ленивее. (13) Чтобы приучить их к привязи, на них надевают сначала легкую привязь: если они пытаются ее перегрызть, то, чтобы отучить от этого и отпугнуть, их бьют. В дождливые дни

логово следует застилать листьями или травой по двум причинам: чтобы они не обмазались и не перемерзли. (14) Некоторые холостят собак, думая, что тогда они не бросят стада; некоторые этого не делают, считая, что собаки тогда менее ретивы. Некоторые настаивают на воде тертые грецкие орехи и мажут этим уши и между пальцами, потому что без этой мази мухи, вши и блохи разъедают эти места. (15) Чтобы дикие звери не нанесли собакам ран, на них надевают ошейники, которые называются *melium*; это кусок крепкой кожи, утыканной гвоздями со шляпками; между шляпками вшивается мягкая шкура, чтобы твердое железо не повредило им шею; если волк или какой-нибудь другой зверь ранит себя об эти гвозди, все остальные собаки, и без такого ошейника, будут уже в безопасности. (16) Количество собак, которыми обзаводятся, определяют, обычно, в зависимости от количества скота; считается достаточным, если за каждым пастухом идет собака. Число их определяется по-разному: в местностях, где много диких зверей, собак должно быть больше, как и бывает у пастухов, которые сопровождают стадо на зимние и летние пастбища по уединенным и заросшим лесом горным тропам. Для стада, которое остается дома, в имении достаточно двух собак: суки и кобеля. Тогда они оказываются старательнее: присутствие одного делает другого энергичнее, а если один заболевает, то стадо все же не останется без собаки.

10

Он оглядел нас, не пропустил ли чего. Это молчание, заметил я, вызывает на сцену другого. Нам еще осталось в этом действии поговорить, сколько надо иметь пастухов и каких.

Для крупного скота людей постарше, сказал Коссиний, а для мелкого, пожалуй, и ребят. Те и другие, проводя жизнь в путешествиях по горным пастбищам, оказываются крепче тех рабов, которые живут в имении и ежедневно возвращаются в усадьбу; на пастбищах в горах можно увидеть молодежь, но и она вооружена; в имении скот пасут не только мальчики, но и девочки. (2) Пастухи должны проводить на пастбище целый день и пасти скот все, сообщая, ночевать же, наоборот, каждый при своем стаде. Все они состоят под начальством старшего пастуха; ему надлежит быть и старше возрастом и опытнее остальных, ибо остальные спокойнее повинуются человеку, который превосходит их и летами и знанием.

(3) Однако летами он не должен превосходить других настолько, чтобы от старости не выдерживать работы. И старики, и дети с трудом переносят трудности горных дорог и суровые горные крутизны, а все это приходится терпеть тем, кто сопровождает стада, особенно же пастухам крупного рогатого скота и козопасам: и козы, и крупный скот любят пастись на скалах и по лесам. В пастухи надо выбирать людей крепких и быстрых, подвижных, ловких, которые не только смогут сопровождать скот, но и защитить его от диких зверей и разбойников; могут взвалить тяжести на выюжных животных, могут бегать и метать дротик. (4) Не всякое племя способно ходить за скотом, например, ни Бастул, ни Турдул для этого не годятся, а Галлы

весьма хороши: лучше всего смотрят они за лошадьми, мулами и ослами. (5) Еда днем должна у них быть отдельно, при каждом стаде; вечером едят сообща все, кто состоит под началом одного старшего. Старший пастух должен позаботиться о том, чтобы с собой было взято все, что необходимо и скоту и пастухам, главным образом, вещи, нужные людям для жизни и скоту для лечения. В их распоряжении имеются выючный скот, кобылицы или другие животные, которые могут везти тяжести на спине.

(6) Что касается размножения пастухов, то для тех, которые постоянно пребывают в имении, это дело простое: в усадьбе у них есть рабыня-подруга, и больше пастушья любовь ничего не ищет. С теми же, кто пасет скот в горах и лесных местностях и укрывается от дождя не в усадьбе, а в наспах построенных хижинах, многие считали полезным посылать вместе женщин, которые сопровождали бы стада, готовили пастухам еду и крепче привязывали бы их к стаду.

(7) Эти женщины должны быть крепкими и не безобразными; во многих местностях они не уступают в работе мужчинам, как это можно видеть повсюду в Иллирии. Они могут и пасти скот, и принести дрова к очагу, и сварить пищу, и устеречь утварь в хижине.

(8) О выращивании молодого поколения я скажу, что их и рожают и вскармливают одни и те же женщины. Тут он посмотрел на меня. Я ведь слышал, как ты рассказал, что, приехав в Либурию, ты видел тамошних женщин-матерей с грудными ребятами на руках, одним или двумя, и с вязкой дров. По сравнению с ними наши родильницы, которые по несколько дней лежат на постели под пологом, кажутся жалкими и презренными. (9) Разумеется, ответил я, но этого мало; в Иллирии беременная женщина, когда ей приходит время родить, часто только недалеко отходит от места, где она работает и, разрешившись от бремени, приносит ребенка, которого, можно подумать, она не родила, а нашла. Обычай их разрешает девушкам (как они их зовут), часто лет двадцати, до свадьбы сходиться с кем угодно, бродить без провожатых и иметь детей. (10) Обо всем, что касается здоровья людей и скота, и о болезнях, которые поддаются лечению без врача, должны иметься записи у старшего пастуха. Безграмотный на эту должность не годится: он никак не сможет вести правильно счета по скотоводному делу для хозяина. Число пастухов одни назначают по более узкой, другие по более свободной норме. Я назначаю одного пастуха на восемьдесят грубошерстных овец, Атик—на сто. (11) При больших овечьих стадах, а у некоторых они бывают тысячные, легче можно убавить общее число людей, чем при малых, таких, как у Аттика и у меня. Мое стадо семисотенное, у тебя, кажется, восьмисотенное; десятая часть, как и у меня, бараны. К табуну в пятьдесят кобылиц приставляется два человека; каждый из них имеет по обьеженной кобылице в этих местах, где обычно лошадей загоняют в стойла, что часто делается и в Апулии и в Лукании.

Мы сделали, что обещали,—сказал он,—идем.—Да,—заметил я, вы доскажете еще, как было заранее уговорено, об особом доходе,

получаемом от скота: о молоке и о шерсти. Из всего, что мы употребляем в пищу, молоко самая питательная жидкость, и именно овечье, затем козье. Наиболее слабящими свойствами отличается кобылье, затем ослиное, затем коровье, затем козье. (2) Но молоко бывает разное, смотря по пастбищу, природе скотины и отелу. Питательно молоко от скота, который кормили ячменем, соломой и вообще сухой и твердой пищей; слабительные свойства оно имеет, если скот ест зеленый корм, и особенно травы, которые сами по себе оказывают на организм наш послабляющее действие. Молоко от здоровых и еще нестарых животных лучше. Что же касается доения и отела, то самым лучшим молоком будет то, которое не стояло слишком долго и которое не надоили сейчас же после отела. (3) Самые питательные сыры приготавливаются из молока коровьего, но они труднее перевариваются. На втором месте стоят овечьи, меньше всего питательности в козьих, которые, однако, организм легче всего и извергает. Разница будет и в том, мягок ли и свеж сыр или сух и стар: мягкий более питателен и скорее переваривается, старый и сухой—наоборот. (4) Сыр начинают делать с весеннего восхода Плеяд и пока они видны летом. Молоко для приготвления сыра доят по весне утром, а в остальное время года—в полдень. Впрочем из-за разницы в месте и пастбище здесь не все бывает одинаково. На два конгия молока кладут, чтобы оно створожилось, сычуг, величиной в маслину, лучше заячий или козий, чем ягнячий. Некоторые вместо сычуга берут млечный сок из веток фигового дерева и уксус, некоторые сыпят другие вещества, которые у греков зовутся *ἀπὸν* или *δάκρυον*.

(5)—Не стану отрицать, сказал я, что поэтому пастухи и посадили у часовни богини Румины фиговое дерево. Там они обычно и приносят жертвы молоком вместо вина и сосунков.

Раньше вымя (*mamma*) называлось *gumis*; от этого слова и сейчас ягнята называются *subgumi*; название «молочных» дано от молока. (6) Соль для сыров лучше брать каменную, чем морскую.

Что касается стрижки овец, то я, раньше чем начать ее, смотрю, нет ли на овцах парши или нарывов, чтобы, если понадобится, вылечить их сначала, а потом стричь. Время стрижки приходится между весенним равноденствием и летним солнцестоянием, когда овцы начинают потеть: от этого пота только что остриженная шерсть называется *sucida*. (7) Как только овец остригли, их в тот же день смазывают вином и оливковым маслом, некоторые с подбавкой белого воска и свиного сала. Если овца ходит обычно в попоне, то шкуру, которая служит ей попоной, смазывают изнутри тем же составом, а затем вновь закрывают ею овцу. Если овца при стрижке получила рану, то это место смазывают жидкой смолой. Грубошерстных овец стригут перед уборкой ячменя, в иных местах перед сенокосом. (8) Некоторые стригут их дважды в год: так, в восточной Испании стрижка производится через шесть месяцев, затрачивается двойное количество работы в расчете получить больше шерсти,—с той же целью некоторые косят луга дважды. Старательные хозяева стригут овец, подстлав под них подстилки, чтобы не пропало ни клочка шерсти. (9) День для стрижки выбирают ясный, и стригут овец от четвертого до десятого часа: остриженная на солнцепеке шерсть от пота мягче, тяжеловеснее

и лучше цветом. Снятую и увязанную в форму шара шерсть одни называют *vellera*, другие *velamina*; по этому слову можно считать, что сначала придумали вырывать шерсть, а не стричь ее. Те, кто и сейчас вырывают шерсть, три дня до этого держат овец впроголодь: когда они ослабнут, волос удаляется менее болезненно, и корень его не так крепко держится. (10) Брадобреи, говорят, вообще появились в Италии в 453 г., считая от основания Рима, из Сицилии. Так написано и выставлено на виду у всех в Ардее; вывез их Публий Тициний Мена. Что раньше их не было, на это указывают древние статуи, большинство которых имеет длинные волосы и бороду. (11) Тут вступился Коссиний: как овца дает шерсть для одежды, так коза поставляет волос для морского дела, военных машин и мешков с инструментами. Некоторые народы одеваются в их шкуры, например, гетулы и сарды. В старину ими пользовались и в Греции: в трагедиях старики по этой шкуре зовутся *diptheriae*, и в комедии в нее одеты те, кто хозийничает и живет в деревне: у Цецилия, например, в *Hurobolimaus* юноша, у Теренция в *Neautontimorumenos* старик. (12) В большей части Фригии коз стригут: у них длинный волос. Из него делают особые ковры и другие подобные вещи. А так как стрижке этой начало положено в Киликии, то имя киликов этим коврам и присвоено.

Никто не возразил, и Коссинию не пришлось отречься от своих слов. В эту минуту отпущенник Витула, шедший из садов в город, завернул к нам: «Меня послали к тебе,—сказал он,—я шел домой просить тебя, чтобы ты не сокращал праздника и скорее шел». Итак, мы разошлись: мы со Скрофой пошли в сады к Витулу, друг Турраний, а другие—одни домой, одни—к Менату.

КОЛУМЕЛЛА

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

L. JUNIUS MODERATUS COLUMELLA

DE RE RUSTICA

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожаев неравномерности. Некоторые даже как бы смягчают эти жалобы ссылкой на определенный закон; земля, по их мнению, усталая и истощенная роскошными урожаями старых времен, не в силах с прежней щедростью доставлять людям пропитание. (2) Я уверен, Сильвин, что эти причины далеко отстоят от истины. Нечестиво думать, что природа, которую отец мира наделил вечным плодородием, постигнута, как некой болезнью, бесплодием, и разумный человек не поверит, что земля, получившая в удел божественную и вечную юность и именуемая всеобщей матерью, потому что она и рождает все и будет рождать и впредь, состарилась, будто человек. (3) Я думаю поэтому, что дело не в небесном гневе, а скорее в нашей собственной вине. Мы отдаем сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом. И я не могу достаточно надивиться тому, что люди, желающие выучиться говорить, выбирают оратора, красноречию которого и подражают; занимающиеся измерениями и вычислениями берут уроки у учителя любимой науки; изучающие танцы и музыке тщательно выбирают человека, который поставит им голос и научит пению, а также учителя танцев. (4) Желая строиться, люди ссылают плотников и архитекторов, вверяя морю суда—опытных кормчих, собираясь воевать—опытных оружейников и воинов. Не будем перебирать всего по отдельности; каждый подбирает себе опытного руководителя в том деле, которым он хочет заниматься, и, наконец, из числа мудрецов приглашают наставника, образующего душу в правилах добродетели,—и только сельскому хозяйству, которое, несомненно, стоит ближе всего к мудрости и находится с ней как бы в кровном родстве, никто не учит и никто не учится. (5) Про школы риторов и, как я сказал, геометров и музыкантов и, что еще удивительнее, про мастерские презреннейших пороков, где занимаются тем, как лакомее приготовить пищу и роскошнее подавать на стол, как убирать голову и завивать волосы, до сих пор я не только слышал,

я их сам видел. Но я не знаю ни ученых, которые публично объявили бы курс сельскохозяйственных наук, ни их учеников. (6) И однако, если бы в государстве никто не преподавал тех наук, которые мы упоминали выше, государство могло бы процветать, как это и было в старину. Города были и будут впредь счастливы без актерского искусства, а также и без адвокатов; без земледельцев же люди, разумеется, не могут ни существовать, ни питаться. (7) Тем более уподобляется чуду происходящее: дело, столь необходимое для нас, столь полезное для нашей жизни, до сих пор еще так далеко от совершенства. Единственный совершенно чистый способ обогатиться и оставить наследство оказывается в пренебрежении. Все остальное не имеет ничего общего со справедливостью и прямо враждебно ей. Сочтем ли мы более праведной добычу, полученную на военной службе, которая ничего не дает без чужой крови и горя. (8) Желаннее ли морская война в кольце врагов или рискованная торговля. Разорвав законы природы, человек, существо сухопутное, качается на волнах по воле гневных ветров и моря и вечным странником скитается, как птица, по далеким берегам незнакомых земель. Почтеннее ли ростовщичество, ненавистное даже для тех, кому оно, видимо, помогает. (9) Не лучше, разумеется, и то «собачье» (как его называли в старину) ремесло: облаять любого богача, выступить против невинных и защитить виноватого. Предкам нашим отвратителен был этот разбой, мы же допускаем его в городе и на самом форуме. Считать ли честнее погоню за патроном, которому лжет продажный клиент, порхающий кругом вельможных порогов и по звукам, доносящимся из дому, гадающий о том, как спал его властелин. Рабы ведь не устаивают его ответом на вопрос, что делается внутри. (10) Думать ли, что счастливее человек, которого гонит привратник в цепях и который часто далеко за полночь валяется у суровых дверей и, обесчестив себя жалким прислуживанием, покупает почет магистратур, расточив предварительно отцовское наследство; за эту честь платят подарками, а не бескорыстной службой. И если добропорядочному человеку надо бежать этого и всего с этим схожего, то остается, как я сказал, единственный чистый и благородный способ увеличить свое состояние—сельское хозяйство. (11) Если им займутся люди несведущие, лишь бы они, по старинному обыкновению, сами были владельцами своих имений, то хозяйство потерпит меньше убытку: хозяйское старание во многом уравновесит ущерб от невежества. К тому же люди, которых что-нибудь близко касается, не пожелают слыть всю жизнь невеждами в своем деле и тем ревностнее и основательнее изучат сельское хозяйство. (12) Теперь мы пренебрегаем самостоятельным ведением хозяйства у себя в имениях и не придаем никакого значения тому, чтобы поставить виликом человека опытного, а если уж и несведущего, то очень энергичного, который скоро ознакомится с тем, что ему неизвестно. Обычно, если богатый человек покупает имение, то он отправляет туда из толпы своих слуг самого старого и слабого, тогда как такое дело требует не только знаний, но и молодости и физической крепости для несения работ. Человек среднего достатка приказывает сделаться управляющим любому поденщику, который совершенно не знает того дела, которым он будет распоряжаться, (13) потому что он

уже не в силах уплачивать свой ежедневный оброк и не может приносить дохода.

Замечая это и часто вновь и вновь раздумывая над тем, с каким безобразным единодушием заброшено и забыто сельское хозяйство, я начинаю бояться, нет ли в нем чего-нибудь позорного и некоторым образом постыдного для благородного человека или чего-нибудь бесчестного.

Но множество сочинений убеждает меня, что в старину у нас занятие сельским хозяйством было делом славным. Квинкций Цинциннат, освободитель консула и войска, попавших в засаду, был призван к диктатуре от плуга и затем, сложив знаки своего звания, которые он, победитель, отдал поспешнее, чем принял, как полководец, вернулся к тем же самым волам, на четыре югера дедовской усадьбы. (14) Фабриций и Курий Дентат, один—прогнавший из пределов Италии Пирра, другой—усмиритель сабинян, получив на завоеванной земле по семи югеров, которыми наделили всех подушно, возделывали их столь же усердно, сколь доблестно отвоевывали их с оружием в руках. Не буду перечислять всех по отдельности, это несвоевременно; но когда я вижу, что и столько других достопамятных вождей римского народа были неизменно исполнены двойного стремления: защищать и возделывать земли, доставшиеся от предков или завоеванные, я понимаю, что нам, при нашей роскоши и изнеженности, не нравится этот старинный и мужественный уклад жизни. (15) Все мы, хозяева, как жаловался Варрон еще во времена наших дедов, оставив серп и плуг, пробрались в город и предпочитаем работать руками в цирках и театрах, а не на полях и не в виноградниках. Мы не помним себя от изумления перед позами женоподобных мужчин, потому что своими женственными движениями они представляют пол, в котором природа отказала мужчине, и обманывают глаз зрителя. (16) После этого, чтобы явиться на пирушку в полной готовности, мы латуком выгоняем ежедневное несварение желудка и возбуждаем жажду, потяя и прожариваясь.

Ночи мы проводим в пьянстве и разгуле, дни в игре или во сне и сами считаем себя счастливыми от того, что «не видим ни солнечного восхода, ни заката». (17) Здоровье наше вполне соответствует этой бездеятельности в жизни. У юношей тело настолько рыхло и вяло, что кажется смерти нечего в нем изменить. Боже мой. Подлинные потомки Ромула, все время упражнясь в охоте и в полевых работах, отличались крепким здоровьем и силой. Они легко переносили, когда это было нужно, трудности войны, будучи закалены в мирном труде, и всегда предпочитали сельское население городскому. Как в усадьбе дворовая челядь считалась ленивее рабов, которые работают в поле, так и те, кто без дела сидел в тени городских стен, казались бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал поля и распоряжался работами земледельцев. (18) Торговые сборища по девятым дням были, конечно, установлены для того, чтобы люди занимались городскими делами только по девятым дням, а во все остальные управлялись по сельскому хозяйству. В те времена, как я уже говорил, главари государства жили по деревням, и когда требовалось собрать государственное совещание, их приглашали в сенат

из усадеб. Поэтому те, кто созывал их, и назывались виаторами. (19) Пока сохранялись эти обычаи, древние Сабиняне, Квириды и предки римлян своим упорным трудом над землей добывались того, что с полей, по которым враг прошелся с мечом и огнем, собирали хлеба больше, чем мы, которым длительный мир дал возможность расширить наше хозяйство. (20) Оказывается, что «в этом Лациуме и земле Сатурна», где боги научили своих детей добывать земные плоды, мы теперь, чтобы не голодать, сдаем подряды на подвозку хлеба из заморских провинций и прячем у себя виноград с Киклад, из Бетики и Галлии. Не удивительно, когда в обществе составилось и утвердилось ставшее ходячим мнение о том, что сельское хозяйство дело грязное и что оно является занятием, для которого не нужно ни учения, ни руководства. (21) Я же, рассматривая этот предмет во всем его объеме, как некое огромное тело, или перебирая, как по отдельным суставам, мельчайшие его части, всегда испытываю страх, что смерть застигнет меня раньше, чем я смогу постичь целиком всю науку о сельском хозяйстве. (22) Человек, который пожелал бы объявить себя достигшим в ней совершенства, должен глубоко проникнуть в сущность явлений и хорошо ознакомиться со странами света, чтобы знать, что к какой местности подходит и что нет. Он должен держать в памяти дни восхода и захода звезд, чтобы не начать работ, когда грозят ливни и ветры, и не потратить труда зря. (23) Он должен следить за особенностями погоды в текущем году, потому что она не всегда одинакова, как по расписанию. Лето и зима не приходят из года в год в одинаковом облике, весна не всегда бывает дождливой, а осень сырой, и предугадать все это не думаю, чтобы было можно без просвещенного ума и отменного образования. Уже немногие могут разобратся во всем разнообразии почв и в их свойствах, которые отказывают нам в одном и сулят другое. (24) Кому когда-либо удалось охватить целиком все отделы этой науки: понимать практику сева и пахоты, знать разные виды разнообразнейших земель (некоторые вводят в заблуждение своим цветом, некоторые своими качествами; в одних странах хороша черная земля, которая зовется *pulla*, как в Кампании; в других лучше мажущаяся и жирная; в некоторых, как, например, в Африке и в Нумидии, рыхлые пески превосходят своим плодородием самые сильные почвы, а в Азии и в Мизии наибольшие урожаи дает плотная и вязкая земля). (25) И при этом быть осведомленным в том, чего не растет на холме, чего на равнине, чего на участке возделанном, чего на лесистом, чего на сыром и травянистом, чего на сухом и засоренном. Кто, к этому же, понимает и в том, как сажать бесчисленные сорта лоз и деревьев и ходить за ними, как покупать и досматривать скот, ибо мы включаем животноводство в состав сельского хозяйства, хотя пастушья наука и стоит особо от земледельческой. (26) И само животноводство не представляет собой чего-либо единого: для лошадей нужно одно, для крупного рогатого скота другое, а для овец третье. Возьмем одних овец: тарентинские требуют много ухода, чем грубошерстные, так же как и козы, причем за комолатыми и редкошерстными козами смотрят иначе, чем за рогатыми и лохматыми, какие водятся в Киликии. Пастухи, которые ходят один за свиньями, а другой за поросятами, заняты разным делом, и им отводят разные

пастбища. Голые и густошерстные свиньи требуют различного климата, различного воспитания и ухода. (27) Оставим скот (в животноводство входит частью разведение домашней птицы и пчеловодство),—найдется ли человек столь прилежный, чтобы, сверх всего перечисленного, знать еще все виды прививок, обрезок, применять на практике различнейшие способы ухода за плодами и овощами, уделять заботы стольким видам смоковниц и роз. Большинство пренебрегает даже более важными делами, хотя только что перечисленное нами стало для многих источником немалых доходов. (28) Луга, ивняки, заросли дрока и камыша требуют внимания, правда, малого, но все-таки внимания.

Перечислив так много и столь разнообразных предметов, я не скрываю от себя, что могу отпугнуть от участия в работе по сельскому хозяйству человека, которого хочу видеть таким хозяином, какового я описываю. Ученики приостановят свои занятия, отчаявшись и устранившись этой разнообразной и обширной науки. Не веря в успех, они не пожелают пробовать. (29) И однако, как совершенно правильно заметил Цицерон в «Ораторе», людям, которые хотят запечатлеть в памяти человечества то полезное, что они нашли, взвесили и проверили, не следует останавливаться ни перед чем. Если у нас нет такой силы, как исключительный ум, или такого орудия, как превосходное образование, то это не значит, что мы немедленно же должны скатываться к безделью и лени. Будем упорно преследовать то, на что разумно было надеяться. Стремясь достигнуть вершины здания, сочтем за честь оказаться и на половине пути. (30) Разве латинские музы, приняв в свое святилище одних Акция и Вергилия, не уделили священных мест и второстепенным поэтам и тем, которые далеко отстоят и от второстепенных? Разве Брута или Целия и Поллиона с Мессалой и Кальвом отпугнули от занятия красноречием молнии, которые метал Цицерон? Да и сам Цицерон не замолчал, уstraшенный громами Демосфена и Платона. Отец красноречия, божественный Меонийский поэт, не остановил широким потоком своего велеречия работы потомства. (31) И мы видим, как в течение целого ряда веков мастера менее славные, восхищаясь Протогеном, Апеллесом и Паразием, не прекращали своих работ. Следующему поколению, Бриаксу, Лисиппу, Праксителю и Поликлету, потрясенным красотой Фидеевой Паллады и Зевса Олимпийского, не было тошно попробовать, что они могут сделать и до каких пределов дойти. Во всякой науке выпадает на долю удивление и почет тем людям, которые достигли вершины, тем же, кто стоит ниже,—заслуженная хвала. (32) К этому можно добавить, что человек, которого мы хотим сделать образцовым хозяином, будет им, если постигнет природу вещей с пронизательностью Демокрита или Пифагора, так же прозорливо будет определять движение светил и ветров, как Метон или Эвдокс, усвоит науку животноводства так, как Хирон и Меламп, и станет возделывать землю так же искусно, как Триптолем или Аристей. Но достигнет он многого, если и по опытности сравняется с нашими Тремеллиями, Сазернами и Столонами. (33) С сельским хозяйством можно управлять без тонкостей, но оно не терпит и глупости. Мнение большинства, что оно представляет собой легчайшее занятие

и не требует никакого ума, очень далеко от истины. Теперь нечего говорить о нем в общем: все части его будут изложены в нескольких предназначенных для того томах. Я переберу эти части по порядку, предварительно сказав о том, что непосредственно относится, по-моему, к вопросам общим.

1

Тот, кто посвятит себя занятиям сельским хозяйством, должен прежде всего обладать следующими качествами: знанием дела, возможностью расходовать средства и желанием действовать. Только у того, как говорит Тремеллий, имение будет превосходно обработано, кто и умеет, и может, и хочет его обработать. Недостаточно знать или хотеть, если нет требуемых на работу денег; (2) стремление действовать и тратиться не принесут, в свою очередь, никакой пользы без наличия знаний. Знать, что следует делать, это самое главное в каждом деле, а особенно в сельском хозяйстве, где охота и возможность действовать, при отсутствии знаний, часто приносит хозяину большой ущерб, так как бестолково выполненная работа только переводит зря деньги. (3) Поэтому хороший хозяин, озабоченный тем, чтобы в хозяйстве своем идти верным путем к обогащению, всячески постарается в каждом деле спрашивать совета у самых сведущих хозяев-современников, а также будет старательно рыться в старинных книжках и взвешивать, что думал каждый из этих авторов, чему он учил и все ли, написанное стариками, находится в соответствии с современной культурой или тут есть некоторые разногласия. (4) Я знаю, что много замечательных писателей было убеждено в климатических изменениях, происходящих в течение долгого периода. Гиппарх, самый сведущий учитель астрономии, говорил, что настанет время, когда мировые полюсы сдвинутся с места, и такой заслуживающий уважения сельскохозяйственный писатель, как Сазерна, видимо, поверил ему. (5) В оставленной им по сельскому хозяйству книге он понимает это изменение климата таким образом, что местности, в которых раньше из-за длительной и жестокой зимы нельзя было вырастить ни одного виноградного или масличного побега, теперь, с потеплением и исчезновением прежних холодов, будут засыпаны оливками и виноградом. Верно это или ошибочно, пусть об этом рассуждают в своих книгах астрологи. (6) Кроме того, хозяин должен ознакомиться с руководствами по сельскому хозяйству, написанными в большом количестве пунийскими писателями из Африки. Наши хозяева громко утверждают, что многие из их советов неверны. Тремеллий, например, жалуется на это, но в качестве оправдания приводит то обстоятельство, что в Италии и в Африке климат и почва различны и поэтому одинаковые урожаи невозможны. Разногласия современных сельскохозяйственных взглядов с учением старых писателей не должны отпугивать ученика от чтения. У стариков найдется гораздо больше того, что нам придется признать, чем того, что надо будет отвергнуть.

(7) Есть также целый ряд греческих писателей, писавших о сельском хозяйстве. Первый из них, немало сделавший для нашей науки,—

это знаменитый поэт Гесиод, беотиец. Еще больше способствовали ее развитию люди, возросшие у истоков мудрости: Демокрит из Аберы. Ксенофонт, ученик Сократа, тарентинец. Архит, Аристотель и Теофраст, один—основатель, другой—ученик перипатетической школы. (8) С великим старанием занимались этим делом и сицилийцы Гиерон и Эпихарм, ученики которого Филометор и Аттал. Афины породили множество писателей, из которых лучшими были Херей, Аристандр, Амфилох, Эвфроний, Хрест—Эвфроний не уроженец Амфиополиса, как думают многие (был превосходный сельскохозяйственный писатель и из этого города), а уроженец Аттики.

(9) На островах прилежно занимались этим делом. Свидетелями тому Эпиген с Родоса, Агафокл с Хиоса, Эвагон и Анаксипол с Фасоса, Диодор и Менандр, земляки известного Бианта, одного из семи мудрецов, сделали главной областью своих занятий науку сельскохозяйственную. От них не отставали милетцы Бакхий и Мнасея, кимеец Антигон, пергаменец Аполлоний, колофонец Дион и маронит Гегесий. (10) Диофан Вифинский сократил Дионисия Утического, переводчика Магона, растекшегося на много томов, до шести книг извлечений, и другие, менее известные, отечества которых мы не знаем, тоже сделали свой взнос в нашу науку. Это Андриотон, Эсхрион, Аристомен, Афинагор, Кратет, Дад, Дионисий, Эвфитон, Эвфорион. (11) Не меньше доверия заслуживают Лисимах и Эвбул, Менестрат и Плентифан, Перс и Теофил, внесшие долю каждый по своим силам. (12) Чтобы одарить, наконец, науку о земледелии правами римского гражданства (с этими писателями она была до сих пор гречанкой по происхождению), вспомним Катона Цензора, который впервые выучил ее говорить по-латыни, затем двух Сазерн, отца и сына, которые старательно обогатили ее знаниями, наконец, Тремеллия Скрофу, сделавшего ее красноречивой, и Марка Теренция Варрона, придавшего ей окончательный лоск. Затем пришел Вергилий, выучивший ее владеть стихом. (13) Не преминем, наконец, вспомнить и Юлия Гигина, бывшего как бы дядькой сельскохозяйственной науки; отнесемся к нему со всяческим уважением, как к отцу ее Магону Карфагенянину, чей замечательный двадцативосьмитомник был переведен на латинский язык по постановлению сената. (14) Не меньшей похвалы заслужили и наши современники Корнелий Цельз и Юлий Аттик. Корнелий охватил всю науку в пяти томах, Аттик издал книгу об одной отрасли сельского хозяйства—о виноградных лозах. Подобное же руководство по виноградарству в двух томах, написанное изящно и со знанием дела, оставил потомству Юлий Грецин, бывший, в известном смысле, учеником Аттика.

(15) Вот их, Публий Сильвин, и созови на совет, прежде чем ты возьмешься за сельское хозяйство. Не рассчитывай, однако, что с их слов ты усвоишь всю науку целиком. Такие произведения учат, но не делают мастерами. (16) Главную роль играют опыт и практика, и нет ни одной научной области, где не учились бы на ошибках. Неудача ошибочного плана заставляет избегать старых промахов, а учение освещает ученику правильный путь. (17) Поэтому мы обещаем только помочь нашими советами, а не преподавать науку в ее

законченном совершенстве. Человек не овладеет сразу сельскохозяйственной наукой по прочтении этих работ: он должен захотеть им следовать и иметь для этого возможность. Мы обещаем поэтому людям занимающимся как бы костыли, которые принесут пользу не сами по себе, а в соединении с другими. (18) Но ни эта помощь, ни усердный труд и опытность вилика, ни возможность и желание тратиться не имеют такого значения, как одно присутствие самого хозяина. Если он не будет часто появляться во время работ, то все остановится, как в войске, когда нет полководца. Думая, что это, главным образом, и имел в виду Магон Пуниец, начавший свою работу с такого предисловия: «Купивший имение пусть продает дом, чтобы не предпочитать городского жилья сельскому. Человек, которому городское обиталище более по сердцу, не нуждается в деревенском имении». (19) Я не изменял бы этого совета, если бы его можно было соблюсти по нынешним временам. Но теперь большинство из нас оказывается часто отозванным и еще чаще надолго задержанным погоней за магистратурами, и поэтому я и считаю самым удобным подгородное имение, куда даже занятой человек легко сможет ежедневно наезжать после занятий на форуме. (20) Люди, покупающие отдаленные имения (не говоря уже о заморских), еще при жизни как бы уступают свое имущество наследникам и, что еще хуже, рабам. На дальнем расстоянии от хозяина они портятся и после совершенных проступков, поджидая себе смену, думают больше о грабеже, чем о работах по хозяйству.

2

Итак, я считаю, что имение следует покупать по соседству с городом, чтобы хозяин мог часто бывать в нем, а еще чаще, чем бывать, посылать извещение о своем прибытии. Под этим страхом и вилик и вместе с ним все рабы будут ходить в страхе и не распустиятся. Как только представится случай, хозяин должен пожить в деревне, причем жизнь эта не должна быть ленивой и праздною. Рачительному хозяину подобает во всякое время года по несколько раз обойти каждую полосу в своем имении, чтобы по листве деревьев, по травам или по уже поспевшим плодам иметь возможность здраво судить о свойствах почвы и знать, что может хорошо на ней расти. (2) Есть старинное катоновское изречение, что имение, где хозяин не сам учит тому, что следует делать, а слушается вилика, идет прахом. Поэтому, еще предки наши завещали владельцу земли или тому, кто собирается покупать ее, приложить все старания и узнать, какие места пользуются особой славой в округе, чтобы либо купить стоящее имение, либо избавиться от никчемного. (3) Если судьба улыбнется нам, то мы получим имение там, где климат здоров, а земля плодородна и представляет собой частью равнину, а частью холмы, полого спускающиеся либо к востоку, либо к югу и представляющие собой одни—поля, а другие—лесистые и суровые пространства.

Оно будет неподалеку от моря или судоходной реки, чтобы можно было вывозить урожай и ввозить то, что куплено. Над равниной, распределенной между лугами, нивами, зарослями ивы и тростника, будут возвышаться постройки. (4) На одних холмах не будет ни

деревца, и мы отведем их под посевы, которые, впрочем, лучше идут на равнинах, в меру сухих и жирных, чем на крутизнах. Поэтому даже высокие места, отведенные под хлеба, должны образовывать плоское пространство, спускаться совсем полого и вообще как можно больше напоминать равнину. Другие же холмы оденутся оливами, виноградными лозами и растениями, которые впоследствии пойдут для них на podporки.

Пусть они доставляют нам дерево и камень, если необходимость заставит нас строить, а скоту пастбище и дают начало ручьям, сбегаящим на луга, огороды и заросли ивы, а также ключам, бьющим в усадьбе. (5) Пусть будут у нас стада крупного скота и других животных, пасущихся в чащах и на обработанных пространствах. Но имение, которое расположено таким образом, трудно найти, и редко кому оно достается на долю. Ближе всего к нему то, которое имеет большую часть перечисленных выше свойств; сносно то, в котором их не вовсе мало.

3

Порций Катон считал, что при осмотре имения надо обращать особое внимание на два пункта: здоровый климат и плодородную почву; если одно из этих качеств отсутствует, а человек, тем не менее, хочет там хозяйничать, то он тронулся в уме, и его следует отдать родне под опеку. (2) Ни один здравомыслящий человек не должен тратиться на обработку бесплодной почвы; с другой стороны, хозяин не добьется дохода с самого плодородного и тучного поля, если он находится в зараженной местности. Там, где приходится вести счета со смертью, не только получение урожая, но и жизнь работников стоит под вопросом, — точнее сказать: смерть там вернее наживы. (3) К этим двум основным пунктам он прибавлял еще другие, заслуживающие не менее пристального рассмотрения, а именно: пути сообщения, воду и соседа. Удобная дорога приносит имению большую пользу; во-первых, она обеспечивает самое важное: присутствие хозяина, который будет ездить охотнее, не боясь дорожных беспокойств; во-вторых, ввоз и вывоз необходимых предметов. Это обстоятельство поднимает цену на собранный уже урожай и уменьшает расходы на предметы ввоза, потому, что их дешевле довести в такое место, куда доставка не составляет труда. (4) Кроме того, если ты едешь на нанятых лошадях — а это выгоднее, чем держать своих, — то некоторое значение имеет и дешевизна проезда, а также и то, что рабы, сопровождающие господина, легко совершат этот путь пешком. Важность хорошей воды настолько ясна всем, что тут нечего и разговаривать. (5) Кто усомнится, что вода, без которой никто из нас, будь он здоров или болен, не протянет и дня, должна быть совершенно безукоризненной? Относительно соседа нельзя сказать ничего определенного, потому что смерть и разные другие причины сменяют нам одного другим. Поэтому некоторые пренебрегают мнением Катона и очень ошибаются. Мудрец, конечно, будет спокойно переносить случайные удары судьбы, но создавать себе несчастье собственными руками может только сумасшедший, а это именно и делает тот, кто на собственные деньги

приобретает себе в соседи негодяя, несмотря на то, что с раннего детства, если он только родился от свободных родителей, мог бы слышать:

«Был бы сосед человек, так и вол у тебя не пропал бы». (6) Это можно сказать не только о воле, но и обо всем нашем имуществе, и тут дело доходило до того, что многие предпочли лишиться домашнего очага и бежали с насиженных мест из-за обид, чинимых соседями. Мы считаем, что целые племена бросали родную землю и отправлялись куда глаза глядят (я имею в виду ахейцев, иберов, албанцев, также сиколов, и коснемся начал и нашей истории—пеласгов, абригенов и аркадцев) именно потому, что они не в силах были переносить злых соседей. (7) Не буду говорить только о бедствиях общественных; и в отдельных областях Греции и здесь, в Гесперии, сохранилось воспоминание о людях, соседство с которыми было ужасно для отдельных лиц. Автолика вряд ли можно было терпеть как смежника, и он, проживая на Авентинской горе, едва ли доставлял много радости своим палатинским соседям. Я предпочитаю вспоминать о прошедшем, а не о настоящем, чтобы не называть собственного соседа, который не дает стоять на моей стороне ни одному дереву поразвесистее, не оставляет в покое ни питомника, ни подпор, к которым подвязываются лозы, и не позволяет ни на минуту отвести глаз от пасущегося скота. Насколько я могу судить, Марк Порций был прав, считая, что от такой язвы надо бежать, и с самого начала убеждая будущего сельского хозяина не располагаться с ней рядом добровольно.

(8) Мы к прочим советам прибавим тот, который один из семи мудрецов возвестил на вечные времена грядущим поколениям: «должно соблюдать меру в вещах». Эти слова следует помнить как завет не только тем, кто занят какими-нибудь делами, но и тем, кто собирается обзавестись именем: пусть не стремится покупать земли больше, чем это по средствам. Сюда именно относится прекрасная мысль нашего поэта:

Восхваляй обширные пашни,
Над невеликой трудись.

(9) Будучи человеком образованнейшим, он, насколько я могу судить, вычеканил в этих стихах это из древности идущее правило; еще у пунийцев, народа весьма проникательного, говорилось: «именно должно быть слабее хозяина», потому что, если с ним придется вступить в борьбу и оно окажется сильнее, то хозяину придется плохо. Несомненно, что огромное худо возделанное пространство дает меньше, чем маленький превосходно обработанный участок. (10) Поэтому те семь лициниевых югеров, которыми после изгнания царей народный трибун наделил всех подушно, и приносили в старину больше дохода, чем мы получаем сейчас от наших обширнейших нив. Маний Курий Дентат, о котором мы недавно вспоминали; счастливо вел войну и одержал огромную победу; когда народ за его исключительную доблесть предложил ему в качестве награды пятьдесят югеров земли, он счел, что для триумфатора и бывшего консула этого

слишком много, и, отказавшись от общественного дара, удовлетворился обычным плебейским участком. (11) Затем, когда после наших побед и избиения врагов остались огромные земельные пространства, для сенатора было все же зазорным владеть больше, чем пятьюстами югеров, и Лициний был осужден по собственному же закону, потому что в безмерной страсти к приобретению преступил ту норму земле-владения, которую установил, будучи народным трибуном. Его осудили не столько потому, что захват такого пространства казался актом высокомерия, сколько потому, что позорным для римского гражданина считалось новое обыкновение нахватать сверх средств земли, брошенной бежавшим врагом, и затем ее забросить. (12) В приобретении земель, как и во всяком деле, должна быть тоже мера. Иметь в своем владении следует столько, сколько нужно, чтобы производить впечатление людей, которые купили землю для того, чтобы стать ее господами, а не взвалить бремя на себя самих и вырвать у других возможность пользоваться этой землей. Так делают, обычно, вельможи, владеющие целыми странами, которых они не могут даже обойти, и которые оставляют на вытаптывание стадам и опустошение диким зверям или держат там обязанных им граждан и рабов-колоников. Мэру эту укажут каждому его желание и его средства. Недостаточно ведь, как я уже сказал раньше, одного желания владеть землей, если не можешь ее обработать.

4

Следующим пойдет наставление Цезона, которым, говорят, пользовался также и Марк Катон: имение, которое ты хочешь купить, надо почаще осматривать. При первом осмотре оно не обнаружит своих скрытых недостатков и достоинств, которые легче выявятся при повторных посещениях. От предков наших получили мы как бы программу этого осмотра для имения с тучной и плодородной почвой. О качествах ее мы скажем в своем месте, когда речь пойдет о видах земель. (2) Вообще же я хочу засвидетельствовать и почаще провозглашать одно правило. Помнится, оно было высказано еще в первую Пуническую войну знаменитым полководцем Регулом: не следует приобретать имения как в самой урожайной местности, если она не здорова, так и в бесплодной, хотя бы она была совершенно здоровой. Мысль Аттилия для хозяев-современников его была весьма авторитетна, будучи внушена опытом: история говорит, что у него самого было хозяйство в Пупинской области, и зараженной и бесплодной одновременно. (3) Поэтому разумный человек не станет покупать землю в любом месте, поддавшись на соблазн плодородия или красивого местоположения. Несомненно, однако, что энергичный хозяин, сумеет сделать доходным и приносящим пользу всякий участок, какой бы он ни купил или получил; дело в том, что предки наши оставили нам много средств против вредного климата, с помощью которых можно смягчить его губительное и болезнетворное влияние, а на плохой земле знание и усердие хозяина смогут победить ее бесплодие.

(4) Мы будем держаться следующего правила, если поверим поэту, чьи слова истинны, как голос божества:

«Ветры вызнать и нрав различной надо погоды,
Дедовский также прием и обычай местности данной,
Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет».

Не довольствуясь, однако, авторитетом старых хозяев и наших современников, сделаемся примером сами для себя и попробуем производить новые опыты. (5) Это выходит иногда, правда, в отдельных случаях, убыточно, но в общем оказывается все-таки выгодным, потому что всякая полоска принесет доход, если владелец после многочисленных проб добьется того, чтобы выращивать на ней как раз то, что пойдет там всего лучше. При таком способе ведения хозяйства даже плодороднейшие поля приносят больше пользы. Поэтому никогда не следует забрасывать опытов во всем их многообразии, и особенно смело надо действовать на хорошей земле, так как здесь ни труды, ни расходы не пропадут зря.

(6) В такой же мере, как качества имения и способы его обработки, важно и то, как построить усадьбу и как ее выгоднее распланировать. Воспоминания о множестве ошибок, наделанных в этом направлении, сохранились и до сих пор. Лукулл и Сцевола, например, оба люди замечательные, выстроили усадьбы, один — большую, а другой — меньшую, чем это требовалось размерами имения, — то и другое одинаково наносит ущерб хозяйству. (7) Постройка более обширных помещений обойдется не только дороже, но и ремонт их потребует больше расходов; если же они окажутся меньше, чем это требуется помещьем, то урожай пропадет зря. И зерно, и фрукты, и овощи легко портятся, если вовсе нет крытых помещений, куда их можно было бы внести, или же они неудобны и тесны. (8) Хозяин должен уstraиваться, смотря по своим средствам, но как можно лучше, чтобы охотнее приезжать в деревню и жить там с большим удовольствием. А если его сопровождает супруга, существо более слабое и по своему полу и по своей духовной организации, то, конечно, ее придется завоевывать удобствами и приятным местоположением, чтобы она терпеливее оставалась с мужем. Итак, пусть сельский хозяин строится со вкусом, но не увлекается одной стройкой и занимает под нее столько пространства, чтобы, как говорит Катон, «усадьба была по имению, а имение по усадьбе». Изложим теперь, каково должно быть ее местоположение вообще.

(9) Какое бы здание мы ни начинали строить, оно должно возводиться не только в здоровой местности, но и в самой здоровой части этой местности. Зараженный воздух, струящийся вокруг нас, заключает в себе причины наших телесных недугов. Есть местности где летом не так жарко, но зато невыносимо студено в зимние холода, как, например, в Беотии, в Фивах; есть другие, где зимою тепло, но летом стоит жестокий зной, как, например, в Халкиде евбейской. (10) Будем искать поэтому места с ровной температурой; она держится, обычно, на середине холмов, где воздух, сжатый морозами, не застывает инеем и не накаляется от летней жары и где круглый год не свирепствует буря, вызываемая, как это бывает на горных высотах,

самым незначительным ветром или дождем. Середина холма представляет собой самое лучшее местоположение, причем сама она должна образовывать некоторый бугор, чтобы дожди, потоком свергающиеся с вершин, не подрывали у построек их фундамента.

5

В самую усадьбу или поближе к ней надо провести ключевую, воду; дрова и пастбище должны находиться по соседству. Если проточной воды нет, надо вырыть по соседству колодец, не глубокий, с водою не горькой и не соленой. (2) Если хорошей колодезной воды не найти, а на ключевую надежда плоха, то для людей делают большие цистерны, а для скота бассейны. Дождевая вода для здоровья очень хороша, но совсем превосходной она считается в том случае, если отводится в закрытую цистерну по глиняным трубам. Рядом с ней стоит источник, который, беря начало в горах, стремглав свергается со скал, как, например, в Гавране, в Кампании. На третьем месте стоит вода из колодца, вырытого на холме или, по крайней мере, не на самом дне долины (3). Хуже всего вода болотная, лениво струящаяся и зараженная, потому что она неизменно застаивается в болоте. Эта самая вода, вредная по своей природе, в зимнее время, однако, становится лучше от действия дождей; отсюда ясно, что дождевая вода которая может обезвреживать отравленную влагу, является сама наиболее здоровой. Эту воду мы называли самой лучшей для питья. (4) Летний же зной умеряется и большая приятность месту придается бьющими ключами, которые, по-моему, если это только допускается местоположением, надо обязательно провести в усадьбу, каковы бы они ни были, лишь бы с пресной водой. Если река находится от холмов на далеком расстоянии, а местность настолько здорова и берег реки так поднят, что усадьбу можно ставить прямо над ней, то все-таки следует сделать так, чтобы река приплась скорее за строениями, чем перед ними, и чтобы постройки лицевой стороной своей были обращены к самым благодатным ветрам, дующим в этой области, а не к губительным. Дело в том, что над большинством рек летом стоит завеса жаркого, а зимой холодного тумана, и если ее не разносит сильным дыханием ветра, то и животные и люди начинают болеть. (5) В местностях здоровых, как я говорил, самое лучшее—обращать усадьбу на восток или на юг, а в нездоровых—на север. Хорошо, если она смотрит прямо на море, когда оно бьется и обдаёт ее брызгами волн. Надо только строить ее не прямо на самом берегу, а в небольшом от него отдалении. (6) Лучше даже отойти от моря подальше, чем остаться вблизи от него, потому, что вредные испарения держатся как раз в средней полосе. По близости от построек не должно быть болота и рядом не должно проходить военного тракта: от болота в жары поднимаются вредные испарения и заводятся зловредные жалящие насекомые, которые облепляют нас густыми тучами. Когда зима пройдет и болото подсохнет, из него выползают страшные водяные змеи, напившиеся ядом в тине и гниющих отбросах и вызывающие непонятные заболевания, причину которых не в силах выяснить и врачи. Мало того, в течение круглого года ржавчина и сырость портят сельскохозяйственные орудия, утварь и хлеб, не ссыпанный и ссыпанный.

(7) При соседстве военного тракта хозяйство терпит ущерб от опустошений, которые наносятся прохожими, и от постоянных приемов заезжающих гостей. Таких неудобств, по-моему, надо избегать и строить поэтому усадьбу не при дороге, но и не вдали от нее, на возвышении, с фасадом, обращенным на равноденственный восток (8). При таком положении холодные ветры будут умеряться жаркими, и наоборот. Чем больше наклонено к востоку мест, на которых расположены постройки, тем свободнее обвеивает их летним ветром, и тем менее страшны для них зимние бури. С восходом солнца оно сейчас же может оттаять: иней с него сходит. Зараженным считается место, укрытое от солнца и теплых ветров; если им нет доступа, то никакие силы не смогут высушить и уничтожить ночной изморози и всякой ржавчины и грязи, там осевшей. А все это грозит опасностью и людям, и рабочему скоту, и растениям, и плодам. (9) Хозяин, желающий строиться на скате, должен всегда начинать снизу, потому что, если фундамент будет вестись с места более низкого, то он не только легко выдержит то, что ляжет на него сверху, но и будет служить подпорой и основанием для тех надстроек, которые, если усадьбу захочется расширить, могут быть прибавлены к верхнему этажу. Дело в том, что части здания, выведенные снизу, стойко выдерживают тяжесть позднейших надстроек. (10) Если же фундамент будет заложен в верхней части холма и на него ляжет предназначавшаяся тяжесть, то все, что затем ты будешь пристраивать снизу, будет давать трещины и расползаться. Когда к старому зданию пристраивается новое, оно как бы в борьбе отходит от воздвигающейся громады, старая постройка нависнет над отошедшей, и все здание, постепенно увлекаемое собственной тяжестью, рушится. Следует избегать этой ошибки с самого же начала, с закладки фундамента.

6

Части усадьбы по своим размерам и по своему числу должны быть соразмерны со всей усадьбой в целом. Она делится на три части: господскую, черную и службы. Господская половина, в свою очередь, распадается на зимнюю и летнюю: зимние спальни смотрят на зимний восток, а столовые — на равноденственный запад. (2) Летние же спальни смотрят на равноденственный юг, а столовые — на зимний восток. Бани обращены к летнему западу, чтобы солнце освещало их с полудня и до самого вечера. Галереи для прогулок лежат на равноденственный юг, чтобы зимой солнце в них было как можно больше, а летом как можно меньше. (3) На черной половине устраивается большая и высокая кухня, чтобы стропилам не грозил пожар и чтобы рабы могли круглый год с удобством для себя проводить там время. Помещения для рабов, которые ходят на свободе, лучше всего делать на равноденственный юг; для закованных, если их много, устраивают вполне здоровый подвал (*ergastulum*); он освещается узкими окошечками, настолько поднятыми от земли, что дотянуться до них рукой невозможно. (4) Для скотины делаются сараи, в которых она не будет страдать ни от холода, ни от зноя; у рабочих волов должно быть два хлева — зимний и летний; для прочих животных, которых принято держать в самой усадьбе, устраиваются частью крытые помещения, частью открытые,

огороженные высокими стенами загоны: в первых они проводят зиму; в других отдыхают летом, не боясь свирепости диких зверей. (5) Шпирокые стойла устраивают таким образом, чтобы туда не могла попасть никакая сырость, а образовавшиеся лужи стекали бы как можно скорее и не портили в стенах фундамента, а у животных копыт. (6) Хлевы для волов должны быть шириной в десять, а самое меньшее, в девять футов; при таких размерах скот может свободно улежаться, а скотник обойти весь хлев кругом. Если следует поднимать настолько, чтобы вол или какое-нибудь вьючное животное могли есть стоя без всяких неудобств для себя. Вилик должен жить возле ворот, чтобы наблюдать за входящими и выходящими, (7) а прокуратор—над воротами по тем же самым причинам и потому, что вилик должен быть у него всегда на глазах. В непосредственной близости к ним обоим стоит сарай, куда сносится весь сельский инвентарь; в этом сарае должно быть одно отделение, которое запирается и куда складывают все железные орудия. (8) Помещения для пастухов и пахарей расположены возле хлевов, чтобы им удобнее было выходить досматривать своей скот. Все рабы должны жить как можно ближе друг от друга, чтобы вилик, обходя различные части усадьбы, в своем усердии не разрывался во все стороны и чтобы каждый был свидетелем старательности и лености другого. (9) Службы включают в себя: погреб для масла, давяльную, винный погреб, помещение для варки дефрута*, сеновал, склады для мякины, кладовые для вина и амбары. Жидкости, как, например, вино и масло, назначенные на продажу, хранятся в первом этаже; все сухое, как, например, хлеб, сено, листья, мякина и прочие корма, складывается на высоких настилах. (10) В хлебные амбары входят, как я говорил, по лестницам; проветриваются они через небольшое окошечко, выходящее на север. С этой стороны идет больше всего холоду и меньше всего сырости—это обеспечивает сохранность ссыпанному хлебу. (11) В этом же расчете устраиваются в первом этаже кладовые для вина, причем они должны быть подальше от бань, печи, навозной кучи и вообще всех нечистых и зловонных мест, так же как и от цистерн и источников, от которых тянет сыростью, портящей вино. (12) Я знаю, что самым лучшим помещением для хлеба некоторые считают сводчатый амбар с земляным полом, который, прежде чем залить, перекапывают и, смочив свежим, несоленым оливковым отстоем, убивают трамбовками. (13) Когда он просохнет, его заливают затиркой из битого кирпича, разведенного не на воде, а на оливковом отстое, с примесью известки и песку, изо всех сил убивают колотушками и затем разглаживают. Во всех местах соединения стен друг с другом и полом их как бы скалывают черепицами, потому что раз в этих местах здания дали трещины, то туда забираются и устраивают свои норы животные, живущие под землей. Кроме того, хлебные амбары переделают закромами, чтобы складывать каждое зерно отдельно. (14) Стены смазываются глиной, замешанной с оливковым отстоем, к которой, вместо мякины, подмешаны сухие листья дикой маслины, а если их нет, то и садовой. Когда эта обмазка на стенах высохнет, их опять обрызгивают олив-

* Дефрут (*defrutum*)—уваренный до $\frac{1}{3}$ виноградный сок (Колумелла. XII, 20,2 и 21,1; по Плинию, XIV, 80,—до $\frac{1}{2}$). *Прим. ред.*

ковым отстоем и, когда он высохнет, вносят хлеб. (15) Считается, что таким образом он лучше всего будет предохранен от хлебного червя и подобных ему вредителей, которые быстро начинают уничтожать зерно, если оно не было ссыпано со всеми мерами предосторожности. Но в этих, только что описанных нами амбарах, самое прочное зерно начинает плесневеть и портиться, если только усадьба не стоит на очень сухом месте. При отсутствии всякого амбара можешь хранить зерно в земле, как это делается в некоторых провинциях за морем, где земля, вырытая наподобие колодца, — эти ямы зовутся сирами — принимает обратно ею же выращенный хлеб. (16) В наших краях, однако, с их обилием сырости, мы рекомендуем амбары на столбах и то устройство стен и полов, которое было описано выше, потому что, как я уже говорил, пол и стены, одетые в такую броню, не дадут появиться хлебному червю. Если этот вредитель завелся, то, по мнению многих, его распространению можно положить предел, проведя в амбаре изъеденное зерно и тем как бы остудив его. (17) Утверждение это, однако, совершенно ложно: этим червя не прогонишь, а заставишь его расплодиться по всем хлебным кучам. Если же их оставить нетронутыми, то испорченным окажется только верхний слой, потому что хлебный червяк не заводится глубже, чем на ладонь. Гораздо выгоднее, конечно, подвергать опасности одно испорченное зерно, чем всю кучу. Если понадобится, можно легко снять все, что испорчено, и брать нетронутые зерно снизу. Советы эти, хотя и не относящиеся к нашей теме, приведены, по моему мнению, вполне своевременно. (18) В давяльне и, главное, в помещениях для масла должно быть жарко, потому что всякая жидкость от тепла скорее распускается, а от большого холода застывает. Если масло, которое течет тонкой струйкой, застыло, то оно прогоркнет. Тепло, однако, требуется естественное, даваемое местоположением и климатом: разводить огонь нельзя, потому что от дыма и копоти вкус масла портится. Поэтому давяльня должна быть освещается солнцем с юга, чтобы не надо было ни огня, ни фонарей в то время, когда дают масло. (19) Помещение, где делается дефрут, не должно быть узким или темным, чтобы человек, который варит сапу, мог свободно по нему двигаться. Коптильню, где за неимением старого леса наскоро сушится только что срубленный, можно устроить на черной половине усадьбы, рядом с людской баней. Хорошо иметь такую баню, где рабы мылись бы, но только по праздничным дням: (20) частое пользование баней не содействует физической крепости. Винные кладовые хорошо ставить над такими местами, откуда, обычно, идет дым, потому что вина каким-то образом оказываются преждевременно готовыми от дыма и скорее старятся. Поэтому надо сделать и другой чердак, куда их можно было бы убрать, чтобы их слишком не прокурило.

О положении усадьбы и расположении ее частей сказано достаточно. (21) Возле усадьбы должно находиться следующее: хлебная печь и мельница такой величины, какая потребуется числом будущих колоннов*; самое меньшее два бассейна: один — для гусей и скота; другой, — в котором мы будем мочить люпин, прутья вяза, ветки

* Колон (colonus) — в данном случае мелкий арендатор-земледелец.
Прим. ред.

и вообще все, что понадобится. Навозных ям должно быть две: в одну складывают свежий навоз, который там и остается целый год; из другой вывозят старый. Обе делаются на манер бассейнов, со слегка покатым дном, которое заливается затиркой, чтобы не пропускало жижи. (22) Чрезвычайно важно, чтобы она не высохла и навоз не потерял своих сил. Его усердно поливают, чтобы семена сорных трав или колючих растений, застрявшие между соломой или мякиной, погибли и, будучи вывезены в поле, не заглушили посева травой. Опытные хозяева, поэтому, весь навоз, вычищенный из овчарен и других хлевов, прикрывают ветками, тем самым не давая солнечным лучам иссушить и сжечь его. (23) Ток, если это возможно, надо расположить таким образом, чтобы он был на глазах у хозяина или, по крайней мере, у прокуратора. Лучше всего вымостить его: хлеб тогда скорее вымолачивается, потому что земля не поддается под ударами копыт и трибул*, а ток после веяния оказывается более чистым, без камешков и комочков земли, которые всегда есть на земляном току во время молотбы. (24) Рядом с током надо ставить повесть—и в Италии обязательно из-за непостоянного климата,—чтобы при внезапно разразившемся ливне, было куда снести и спрятать полуобмолоченный хлеб. За морем, в некоторых странах, где летом дождя не бывает, она излишня. Плодовый сад и огород следует огородить и расположить поблизости и в той стороне, куда стекает вся навозная жижа со двора, вода из бань и оливковый отстой. Все это служит пищей и удобрением для овощей и деревьев.

* См. алфавитный указатель. *Прим. ред.*

«Об обработке полей я сказал», как говорит самый выдающийся поэт; ничто ведь не мешает нам, Сильвин, раз мы собираемся говорить о том же самом, начать нашу работу под счастливым знаком знаменитой поэмы.

Сейчас пойдут наставления о том, как ухаживать за деревьями; это, пожалуй, главный отдел в науке о сельском хозяйстве.

Виды деревьев различны и многообразны (как говорит тот же автор):

...немало таких, которые люди не нудят,
Сами по воле своей растут.

Много и таких, которые вырастают, будучи насажены нашими руками. (2) Те деревья, которые появляются без помощи человека, лесные и дикие, дают плоды и семена каждое в соответствии со своей природой; те, к которым приложен труд, скорее изукрасятся съедобными плодами. Итак, скажем сначала о тех деревьях, которые доставляют нам пищу; их можно разбить на три группы: дело в том, что из саженца вырастает либо дерево, например, олива (*olea*); либо куст, например, полевая пальма (*palma campestris**); либо нечто третье, что я, собственно говоря, не назвал бы ни деревом, ни кустом,—это виноградная лоза (*vitis*).

(3) Ее мы по справедливости поставим впереди остальных древесных насаждений—не только за сладостный вкус ее плодов, но и за ту легкость, с которой она поддается культуре почти во всех странах и во всяком климате, кроме очень холодного или очень знойного. Она приносит такие же урожаи на равнинах, как и на холмах, и на плотной почве не меньше, чем на рыхлой, на легкой так же часто, как на тучной и тощей, на сухой и пропитанной влагой. (4) Она—единственное растение, которое превосходно переносит резкий климат, будь он холодным, знойным и бурным. Большое значение, однако, имеет то обстоятельство, какого сорта и каких свойств лозу ты думаешь

* *Chamerops humilis* L. *Прим. ред.*

возделывать в соответствии с данным местоположением, так как уход за ней не одинаков при всяком климате и на всякой почве. Не одинаковы и сорта этого растения; сказать же, какой из всех самый лучший, трудно, ибо опыт учит нас тому, что для каждой местности есть свой, более или менее подходящий сорт. (5) Умный хозяин будет считать испытанным сортом для равнин такой, который без вреда для себя переносит туманы и заморозки; для холмов—такой, который не страдает от засух и ветров. На участке с жирной и мощной почвой он посадит слабую лозу, не отличающуюся от природы чрезмерным плодородием; на тощем—урожайную; на плотной земле—могучую, зеленеющую множеством листьев; на рыхлой и хорошей—с редкими побегами. Он знает, что на сыром месте хорошо сажать лозы не с нежными, крупными ягодами, а с твердокожими, мелкими и густо сидящими в грозди; на сухом же разводит сорта, обладающие противоположными качествами. (6) Кроме того, владелец каждого места твердо запомнит, что еще большее значение имеет климат и его свойства: холод или жара, сухость или обильные росы, частый град и ветры или покой и безветрие, ясность воздуха или туманы. (7) Он приспособится к холодной или туманной местности, сажая виноград двух сортов: или скороспелый, который будет готов раньше, чем наступит зима, или же виноград с прочными и твердыми ягодами, который отцветает в период туманов и затем делается мягким и вкусным от заморозков и инея, как другие сорта от жаров. Ветренному и бурному климату он спокойно доверит те же выносливые сорта с твердыми ягодами; жаркому, наоборот, доверит виноград более нежный и урожайный; для сухого предназначит лозы, которые гниют от дождя и постоянных рос; для сырого—те, которые страдают от засух; для мест, где часто выпадает град,—лозы с твердыми и широкими листьями, которые смогут лучше защитить ягоды. Местность с ясным и спокойным климатом примет всякую лозу; лучше всего, однако, для нее та, с которой скоро осыпаются гроздья или ягоды. (8) Если бы можно было выбрать для виноградника место и климат по желанию, то, как совершенно верно считает Цельз, самой лучшей окажется почва не слишком плотная и не рыхлая, но приближающаяся скорее к последней; не скудная и не очень хорошая, но ближе стоящая к плодородной; не равнина и не крутизна, а такое место, которое приближалось бы к плоской возвышенности; не сухое и не пропитанное сыростью, а в меру влажное, без ключей, которые бьют в глубине или на поверхности земли, но с влагой в непосредственном соседстве с корнями, (9) причем влага эта не должна быть ни горькой, ни соленой, чтобы не портить вкуса вина и не останавливать роста растений, как бы налетом грязной ржавчины, если только верить Вергилию, который говорит:

Почва соленая есть, она называется «горькой».

Нехороша для хлебов (она не смягчается вспашкой),

Качество лозы теряют на ней: плоды же—названья.

Климат винограднику нужен не холодный, как я уже сказал, но и не знойный; жаркий, однако, ему полезнее, чем холодный; ливни наносят ему ущерба больше, чем засуха; он больше любит сухую почву, чем залитую дождями; ему приятно легкое веяние мягкого ветра;

бури для него губительны. Вот какие почвы и какой климат заслуживают наибольшего одобрения.

2

Виноград сажают или для еды или для вина. Разбивать виноградник с сортами для еды стоит только в том случае, если именно находится так близко от города, что выгоднее продавать торговцам виноград свежим, как продают фрукты. В этом случае лучше всего сорта скороспелые и твердокожие, затем пурпурный виноград, «коровье вымя» (*bumasti*), «пальчики» (*dactyli*), а также родосский, ливийский и красный. (2) Засаживать виноградник следует такими сортами, которые могут зарекомендовать себя не только приятным вкусом, но также и видом; таков виноград венечный (*stephanita*), трехфутовик (*tripedanea*), унциевый (*unciaria*), айвовый (*cydonita*), а также такими, гроздья которых можно сохранять на зиму, сложив их в какую-нибудь посудину, как, например, *venuscula*, и нумизианский, пригодность которого в этом отношении была недавно испытана.

(3) Но где мы озабочены получить вино, там выбирается лоза, которая богата и плодами и побегами: первое обеспечит доход хозяину, а второе—долговечность растению. (4) Превосходной она окажется в том случае, если не будет слишком быстро покрываться зеленью, рано отцветет и не слишком поздно созреет; если она не поддается ни заморозкам, ни туманам, ни захвату («*carbunculus*») не начнет гнить от дождей и не погибнет от засухи. (5) Такую именно нам и следует выбирать, хотя бы она отличалась и средним плодоношением; пусть только она относится к лозам, вино от которых обладает благородным вкусом и высоко ценится. Из таких лоз, дающих вино низкосортное и дешевое, выгодно сажать самые плодоносные, чтобы обильным урожаем увеличить доход. (6) Почти повсеместно виноградники в долинах дают больше вина, но вино с холмов вкуснее; виноградники на холмах в умеренном климате дадут больший урожай, если они обращены на север; благороднее будет вино с южных склонов. (7) Несомненно, что некоторые лозы обладают свойством давать вино то лучшего, то худшего качества, в зависимости от местоположения. Говорят, что только одни аминейские лозы, где бы они ни росли (за исключением очень холодных мест), даже вырождаясь, дают вино, которое, если его сравнивать с вином от аминейских же, но хороших лоз, может быть более или менее хорошим на вкус, но неизменно превосходит все остальные. (8) Лозы эти, хотя и одноименные, имеют не один вид. Нам известны две их породы, из которых более мелкая отцветает скорее и лучше; ее хорошо сажать возле деревьев, но можно подвязывать и к искусственным подпоркам; в первом случае она требует жирной земли, во втором—средней. Она значительно превосходит более крупный сорт, потому что лучше переносит и ливни и ветры. (9) Крупный сорт аминейской лозы скорее гибнет в цвету и особенно в том случае, когда он посажен не возле деревьев; поэтому он и не годится для виноградников, в которых лозы подвязывают к подпоркам и перекладинам; да и там, где лозу пускают виться по деревьям, он пойдет только на очень жирной и сырой земле; на средней у него не будет сил, а на плохой и вовсе. Отличают этот сорт по многочисленным

раскидистым побегам, крупным листьям, большим гроздьям и ягодам. Междоузлия на нем реже; по щедрости урожая он уступает аминейской мелкой лозе, по вкусу вина остается непревзойденным. Это вот оба сорта аминейских лоз.

(10) Есть и две других родственных лозы, называемых близнецами (*gemellae*), потому что на них растут двойные гроздья. Вино от них более терпкое, но зато может стоять годами. Более мелкий сорт общеизвестен: в Кампании знаменитые холмы Везувия и Соррентинские одеты им. Он благоденствует под теплым веянием фавония и чахнет от австра; (11) в остальных частях Италии его лучше сажать возле деревьев, хотя в местностях вышеназванных наилучшей опорой для его побегов и плодов служат поперечные перекладины. Гроздь на нем двойная—это единственная разница с мелкоягодной аминейской лозой, как и у крупноягодного «близнеца» с крупноягодной аминейской. Мелкий сорт, однако, лучше крупного тем, что даже на средней земле он урожайнее; другой сорт, как уже сказано, удастся только на очень жирной земле. (12) Некоторые больше всего хвалят опушенную аминейскую лозу, которой название это присвоено не потому, что из всех аминейских лоз она единственная покрыта беловатым пушком, но потому, что на ней его особенно много. Вино от нее, несомненно, хорошее, но более слабое, чем от всех вышеназванных лоз. Она пускает частые побеги и из-за густоты их часто плохо цветет, а когда виноград поспевает, то он по той же причине начинает быстро гнить. (13) Кроме приведенного нами числа аминейских лоз, имеется еще одиноко стоящий сорт аминейской лозы, похожий при первом взгляде на побеги и ствол на крупноягодного «близнеца». Вкусом вина, однако, хотя и очень благородного, он несколько ниже, но заслуживает предпочтения по своим собственным достоинствам: он плодороднее, на нем бывает больше цвета, гроздья у него густо сидящие, беловатого цвета, ягоды более налитые. Он хорошо растет и на слабой почве и даже числится среди плодороднейших лоз.

(14) Номентанские лозы по благородным качествам своего вина следуют сейчас же за аминейскими лозами, а по плодородию своему стоят даже впереди их; они бывают часто усеяны виноградом, и виноград этот превосходно созревает. Более плодоносная из этих лоз—мелкая, с менее изрезанным листом и не такой красной древесиной, как у аминейских лоз; за этот цвет они называются «красенькими» (*rubellianae*); зовут их также и «осадочными» (*faecinae*), потому что вино от них дает больше осадка, чем все остальные. (15) Этот недостаток уравнивают они обилием гроздей, которые красуются на них и в том случае, если лоза подвязана к перекладине, а особенно, если она посажена возле дерева. Они стойко переносят ветры, ливни, быстро отцветают и поэтому быстрее созревают; они терпеливы ко всяким невзгодам, кроме зноя; так как ягоды у них мелкие и твердокожие, то от жары они сморщиваются. Больше всего они любят жирную землю, потому что только она может сделать их гроздья, мелкие и редкие от природы, несколько обильнее.

(16) Почву и климат холодные и сырые превосходно выносят евгенийские лозы, пока они растут на Албанском холме; с переменной места они изменяются так же, как и аллобругские лозы, вино от

которых меняет свой приятный вкус с переменой места. (17) Большими преимуществами зарекомендовали себя и три сорта «пчелиных» (*apiariae*) лоз; все они плодоносны и могут хорошо расти и возле деревьев и поднимаясь по искусственным подпоркам. Вино, однако, лучше от того сорта, листья которого ничем не покрыты; у двух других они опушены, и хотя листья и побеги у них одинаковы с виду, но вина от них различны по качеству: вино от одной начинает портиться от старости позже, чем вино от другой. (18) На жирной почве они очень урожайны; плодоносны и на средней; виноград на них скороспелый, поэтому для холодных мест лозы эти самые подходящие. Вино они дают сладкое, но плохо действующее на голову, нервы и сердце; если гроздья не собрать во-время, они пропадают от дождя и ветров и оказываются добычей пчел, по имени которых они прозваны, из-за опустошений, производимых этими насекомыми. Вот и все самые знаменитые лозы, дающие ценное вино.

(19) Можно, впрочем, рекомендовать также за их высокую урожайность лозы, дающие вина второсортные: такова битурита, такова царская лоза (*basilica*), мелкий сорт которой в Испании зовут *sosolubis*. Обе они гораздо больше, чем все остальные лозы этой группы, приближаются к лозам первосортным: вино от них не портится от старости и приобретает с годами некоторые хорошие качества. (20) Сами же эти лозы превосходят плодородием все, мною перечисленные, так же как и выносливостью: стойко выдерживают они бури и ливни, дают много сока и не слабеют на тощей почве. Холода они выдерживают лучше, чем сырость, сырость легче, чем засухи, хотя не чахнут и от зноя.

(21) За ними идут *visula* и мелкая белянка (*minor argitis*), которые хорошо чувствуют себя на средней земле; на жирной они гибнут от переизбытка сил, на тощей вырастают тонкими и не дают винограда; больше любят ползти по подпоркам, чем по деревьям, хотя белянка остается плодородной и на высотах, избывая крупными побегами и гроздьями. (22) *Visula* больше подходит для низеньких шпалер; она выгоняет короткие побеги и широкие листья, которые размерами своими превосходно защищают ягоды от града; если, однако, их не собрать сразу же, как только они поспели, они опадают; от сырости они начинают гнить раньше, чем попасть в давящую.

(23) Есть и виноград переливчатого цвета (*helvolae*), который некоторые называют пестрым, не пурпуровый и не черный, названный так, если не ошибаюсь, от того цвета, который именуется *helvus*; черноватый лучше, потому что он дает больше вина, но вино из более светлого ценнее и вкуснее; у обоих сортов окраска ягод не отличается ровностью; оба дают через год то больше, то меньше белого виноградного сока; лучше растут возле деревьев, но хорошо оплетают и искусственные подставки; на средней земле они плодородны, так же как и мелкая и крупная преция (*pretia*), последние, однако, стоят впереди по причине благородных свойств своего вина; они зеленеют густыми побегами и быстро созревают.

(24) Альбуельская лоза, как говорит Цельз, лучше на холме, чем на равнине; возле дерева, чем около подпорки; на вершине его, чем внизу; она богата и частыми побегами и гроздьями.

Что касается греческих лоз, как, например, мареотийской, фасоской, *psithia* и *sophortia*, то вкус их вина приятен, но в наших местах они дают его меньше, потому что гроздья на них сидят редко, а ягоды мелкие. Черная инертикула (*inerticula*), впрочем, которую некоторые греки называют «трезвой», может, пожалуй, быть отнесена ко второй группе лоз, потому что она дает хорошее и безвредное вино, за которое она и получила свое имя: считается, что в нем нет сил, которые могли бы вызвать нервное возбуждение; впрочем, оно не безвкусно. (25) На третьей ступени Цельз поместил те лозы, которые зарекомендовали себя одним плодородием: таковы три гельвенацийских лозы, два крупных сорта которой никоим образом не могут считаться равными мелкому с его высококачественным, в изобилии даваемым виноградным соком. Одна из этих лоз, которую жители Галлии называют *emapsum*, дает вино среднего качества, а другой сорт, именуемый «длинным», а также «скупым», — совсем низкосортное, причем в количестве вовсе не таком большом, на какое можно было первоначально надеяться, судя по числу гроздей. (26) Самый мелкий и самый хороший сорт очень легко отличить по форме листа: он у него круглее, чем у всех остальных. Сорт этот заслуживает похвалы и потому, что он превосходно переносит засухи, и потому, что выдерживает холода, пока они не сопровождаются ливнями, потому что в некоторых местах от этой лозы сохраняются вина старого разлива, потому что она единственная, которая своим плодородием заставляет одобрително отнестись к самым тощим землям.

(27) *Spionia dapsilis* богаче виноградным соком, чем гроздьями, причем размер этих гроздьев больше, чем их число. Этим же отличаются и лозы: масличная (*oleagina*), мургентинская (*murgentina*), помпейанская (*Pompeiana*), нумизиянская (*numisiana*) (*Venucula*, *scirpula* тоже, *sticula*), фрегелланская черная (*Fregellana nigra*), *merica*, ретийская (*rhaetica*) *argelasa*, крупная, самая плодоносная из всех известных нам лоз, ошибочно принимаемая многими за белянку (*argitis*). (28) Что касается лоз, ставших мне недавно известными, а именно: беседковой (*pergularia*), *irtiola* и *foreola*, то мне было бы трудно с уверенностью сказать, к какому разряду следует их отнести. Я знаю, правда, что они достаточно плодородны, но не могу судить о достоинстве даваемого ими вина. Мы узнали также об одной ранней лозе, бывшей до этих пор у нас неизвестной и прозываемой в обиходе у греков «змейкой» (*dracontion*). По плодородию и приятному вкусу ее можно сравнивать с *argelasa*, царской и битурнградской лозами; по благородным качествам вина — с аминейской.

(29) Кроме того, существует много сортов лоз, которых мы в точности не можем ни перечислить, ни назвать. Как говорит поэт:

Чисел не хватит...

Ибо желать их узнать — все то же, что в море Либийском
Весь исчислить песок, Зефиром со дна возмущенный.

(30) Дело в том, что все страны, а в странах этих почти каждый отдельный округ имеют свои собственные виноградные сорта, которые и обозначаются собственными местными названиями. Некоторые лозы вместе с местом меняют и имя; некоторые от перемены места,

Катон и др.

как мы уже говорили выше, настолько утрачивают свои основные **качества**, что становится невозможно их узнать. Не буду говорить **обо** всем огромном мире, — тут у нас, в самой Италии, соседние племена разногласят в названиях лоз и дают им разные имена. (31) Поэтому **умный** учитель не станет задерживать своих учеников в погоне за подобного рода номенклатурой, овладеть которой они все равно не смогут. Он даст одно общее указание, которое сделано было и Цельзом, а до него еще Марком Катонем, а именно: сажать следует только те сорта винограда, о которых идет добрая слава, оставлять в винограднике следует только те, которые испытаны на опыте.

В таком месте, которое многочисленными преимуществами своими расположит нас к разведению благородных лоз, мы будем, по совету Юлия Грецина, выбирать самый лучший сорт; там, где не будет ничего или очень мало такого, что побуждало бы к этому, предпочтем скорее лозы с обильным плодоношением, которые по ценам на свой виноград стоят, правда, ниже, но в смысле доходности берут верх, благодаря изобилию плодов. (32) Впрочем, по этому поводу я скоро выскажу свое сокровенное мнение, хотя и сам я еще недавно пришел к нему. Дело в том, что я ставлю своей задачей научить, как устраивать такие виноградники, которые давали бы одновременно и щедрый урожай и драгоценное вино.

3.

Теперь, прежде чем говорить о посадке лоз, я считаю нелишним заложить как бы фундамент для будущего рассуждения, а именно — взвесить и рассмотреть вопрос, обогащает ли виноградарство хозяина. Излишне, пожалуй, давать советы относительно разведения виноградников, пока с нами не согласились по основному пункту, а именно, следует ли их вообще иметь. В этом как раз большинство сильно сомневается: многие боятся и избегают виноградного хозяйства и считают более желательным иметь луга и пастбища или лес, что идет на сруб; что касается виноградника, в котором лозы выются по деревьям, то относительно его между сельскохозяйственными писателями шла немалая война. (2) Отрицательно относился к этой отрасли сельского хозяйства Сазерна, Скрофа же очень ее одобрял; эти мнения мы оценим в своем месте. Пока же прежде всего следует научить людей, заинтересованных в сельском хозяйстве, тому, что виноградники могут давать богатейший доход. Я не буду даже говорить о древнем плодородии земли, когда, по словам Марка Катона, а за ним и Теренция Варрона, один югер виноградника давал по шестисот урн вина, — Варрон в первой книге своего сочинения о сельском хозяйстве настойчиво заверяет в этом. Такие урожаи были обычны не для какой-нибудь одной области: они бывали и в Фавентинском округе и в Галльском (теперь он относится к Пицену). (3) Но и сейчас в наше время громкой славой пользуется Номентанская область, и особенно имение Сенеки, человека выдающегося ума и знаний. Известно, что в поместьях его каждый югер виноградника давал, обычно, по восьми мехов вина. Чудом может показаться случай в наших черетанских имениях, когда у тебя на одной лозе оказалось больше двух тысяч

гроздей, а у меня восемьдесят лоз, привитых в течение двух лет, принесли полных семь мехов вина. Так что виноградник в первый же свой урожай дал с югера по сто амфор, между тем считается, что если луга, пастбища и леса принесут дохода по сто сестерций с югера, то это самое большее, чего от них может ожидать хозяин. (4) Чтобы хлеба в большей части Италии давали когда-нибудь урожай сам-четыре, это едва ли можно припомнить.

Почему же виноградники так обесславлены? Не они, конечно, виноваты в этом, а люди, замечает Грецин. Во-первых, никто не приглашает старания к тому, чтобы проверить качество саженцев, и от этого большинство засаживает виноградники самыми скверными сортами; затем, за молодыми лозами смотрят так, что прежде чем окрепнуть и подняться, они начинают чахнуть, а если случайно им удастся войти в силу, то уход за ними небрежен. (5) Начнем сначала: считается совершенно неважным, какое место засадить виноградником, — больше того, под него отводят самый худший участок, как будто единственной подходящей землей для виноградной лозы оказывается та, на которой не может расти ничего другого. Люди не понимают системы посадки, а если и понимают, то не придерживаются ее на практике; редко заготавливают «приданое», т. е. все материалы и орудия, нужные в винограднике, а подобные упущения заставляют всегда попусту тратить рабочие дни и опустошают хозяйский кошелек. (6) Что касается урожая, то большинство гонится за тем, чтобы он был как можно больше в текущем году и не думает о будущем. Люди, действительно, как будто живут только один сегодняшний день и так распоряжаются лозами, отягчают их таким количеством побегов, что, очевидно, мысль о будущем у них совершенно отсутствует. Во всех своих прегрешениях или, по крайней мере, в большинстве из них они готовы обвинить кого угодно, но только не себя, и жалуются, что им не приносят урожая виноградники, которые они погубили своей скупостью, невежеством или небрежностью.

(7) Пусть хозяин, который сочетает в себе знания и старательность, получит с каждого югера не сорок или, по крайней мере, тридцать амфор, как я считаю, а двадцать, по расчету Грецина, берущего минимум, и тогда своим доходом он легко превзойдет всех, кто носится со своим сеном и овощами. И Грецин тут не ошибается: как хороший счетовод, он, проведя подсчет, видит, что эта отрасль сельского хозяйства особенно выгодна.

(8) Пусть виноградники требуют очень больших расходов. Однако на семь югеров не понадобится больше одного виноградаря. Обычно считается, что его можно приобрести за гроши, купив на публичных торгах любого негодяя. Я расхожусь с мнением большинства и считаю, что прежде всего должен быть превосходный виноградарь. Пусть он стоит восемь тысяч сестерций — сумма, в которую обойдется сам участок в семь югеров лозы вместе со всем, что для них требуется, т. е. с кольями и прутьями для обвязки, обойдется, я считаю, в две тысячи на каждый югер; в общем расход равняется 29 000 сестерций. (9) Накинем сюда 3 480 сестерций, которые можно было бы получить с этого капитала, поместив его по 6% на двухлетний срок, в течение которого виноградники как бы переживают

период детства и не дают плода. Капитала с процентами выходит всего 32 480 сестерций. Если хозяин, как ростовщик кредитору, одолжит такую сумму виноградику с расчетом на вечную выплату 6%, то его годовой доход должен равняться 1 950 сестерциям. При этом расчете, однако, оказывается, что доход с семи югеров, если верить Грецину, превосходит проценты, доставляемые 32 480 сестерциями. В самом деле, пусть в винограднике будут самые плохие сорта. (10) При хорошем уходе, однако, каждый югер даст, во всяком случае, по одному меху вина; при самых дешевых ценах на вино мех продается по 300 сестерций; семь мехов дадут, следовательно, 2 100 сестерций—эта сумма уже превосходит шестипроцентный прирост с капитала. (11) Приведенный нами расчет повторяет цифры Грецина. Но мы считаем, что виноградник, югер которого дает меньше трех мехов, следует выкорчевать. Кроме того, мы до сих пор при наших расчетах не принимали во внимание чубуков, которые добывают из виноградника. Если дело происходит не в провинции, а в Италии, то доход с них покрывает всю сумму, истраченную на покупку земли. (12) Никто не усумнится в этом, если просмотрит расчеты Юлия Аттика и мои. Я рассаживаю на югере виноградника между рядами двадцать тысяч чубуков; он сажает на четыре тысячи меньше. Допустим, что он прав; все равно, не окажется ни одного, даже самого плохого места, доход с которого не превысил бы вложенных в него денег. (13) Пускай шесть тысяч саженцев погибнут от небрежного ухода; оставшиеся десять покупатель купит охотно и с прибылью для себя за три тысячи сестерций. Сумма эта на одну треть превысит те две тысячи, в которые, как мы говорили обходится один югер виноградника. Я, правда, дошел до того в своем уходе за саженцами, что сельские хозяева с удовольствием платят мне по шестисот сестерций за тысячу их. (14) Этого, правда, вряд ли сумеет добиться еще кто-нибудь; вряд ли кто-нибудь поверит, что я получаю со своего именища столько вина, как это тебе известно, Сильвин. Поэтому я и поставил среднюю и обычную цену на саженцы, чтобы разногласия были невозможны и чтобы я мог скорее перетянуть на свою сторону тех, кто по невежеству боится заниматься виноградниками. Доход с посадок и надежда на будущие урожаи должны побуждать нас к тому, чтобы мы разводили их.

Итак, мы доказали, что сажать виноградники стоит; расскажем, как их устраивать.

4.

Хозяин, который хочет развести виноградник, должен прежде всего помнить, что он ни на кого не может положиться так, как на себя, и что ему не следует покупать саженцев. Пусть он посадит у себя чубуки самых лучших сортов и устроит питомник, который даст ему потом возможность одеть имение виноградниками. Саженцы, привезенные из различных далеких мест, осваиваются на нашей земле хуже, чем местные: словно чужестранцы, боятся они перемены места и климата. (2) Кроме того, нельзя поручиться, что они принадлежат к наилучшим породам: неизвестно, ведь, вывел ли виногра-

дарь эти саженцы после тщательного испытания и проверки. Поэтому отнюдь нельзя считать долгим двухлетний срок, в течение которого обнаружатся свойства саженцев, потому что, как я уже говорил, чрезвычайно важно насадить лозы избранных сортов.

(3) Затем следует вспомнить о тщательном выборе места под виноградник; определив, где ему быть, следует с величайшим тщанием произвести плантаж; закончив его, с неменьшей старательностью посадить лозы, после посадки ухаживать за ними, не покладая рук. В этом все дело, и от этого зависит, плохо или хорошо поступил хозяин, вложив свои деньги в землю, а не поместив их под проценты.

Разберем теперь по порядку каждый из перечисленных мною пунктов.

5

Питомник нельзя устраивать на почве бесплодной или сырой. Лучше, однако, разбить его на богатой соками и средней земле, чем на жирной, хотя почти все писатели отводят под него самое лучшее место. Думаю, что хозяин от этого не получит никакой выгоды: растения, посаженные в хорошую землю, правда, скоро примутся и вытянутся, но когда они пустят корни и будут пересажены на худшее место, они станут усыхать и не смогут расти. (2) Умный хозяин будет пересаживать с худшей земли на лучшую, а не с лучшей на худшую. Поэтому самое лучшее при выборе места остановиться на средней земле, так как она стоит на границе между плохой и хорошей. Если впоследствии необходимость принудит нас пересадить взрослые растения на почву бесплодную, то они не почувствуют большой разницы, будучи перенесены со средней земли на плохую; если придется засаживать хороший участок, то они гораздо скорее войдут в силу. (3) Устраивать же питомник на совсем плохой земле неразумно—большая часть саженцев погибнет, а оставшиеся не скоро окажутся годными для пересадки. Больше всего подходит для питомника среднее по своим качествам, в меру сухое поле; его надо сначала перекопать на глубину в две лопаты, т. е. перевернуть землю на 2½ фута; это глубина плантажа, а затем, через промежутки в три фута, предназначенными для саженцев рядами, которые тянутся на протяжении 240 футов, рассадить чубуки—в каждом ряду по 80 штук. При такой посадке на весь югер пойдет 3 200 черенков. Посадке предшествует выбор и испытание черенков: как я уже неоднократно замечал, основой виноградного хозяйства является посадка самых лучших сортов.

6

Выбор надо производить двояким образом: если лоза, с которой берут черенки, плодородна, то этого еще мало. Тут надо руководствоваться соображениями более тонкими и брать черенки с тех частей ствола, которые особенно урожайны и одарены производительной силой. (2) Плодородной же лоза, побег которой мы хотим вырастить, должна считаться не только потому, что на ней много гроздий: это может случиться по причине ее большего объема и густоты побегов. Не назвал бы я плодородной и такую лозу, у которой на каждой

веточке виднеется по одной кисти. Но если с каждого побега свисает большое количество их; если отдельные почки разворачиваются в ряд побегов с плодами; если, наконец, твердая древесина выгоняет веточку с несколькими ягодами; если лоза отягощена плодами вторичных побегов, то в плодородии ее нельзя сомневаться, и ее надо предназначить для получения черенков. (3) Черенком называется молоденький побег, выросший на прошлогодней ветке; название свое он получил по сходству, так как на месте среза от старой ветви у него имеется идущий в обе стороны выступ, сообщающий ему вид молоточка*. Я считаю, что во всякое время, когда производится обрезка, надо брать чубуки с плодоноснейших лоз и аккуратно сажать их в умеренно влажном, не сыром месте, оставив три-четыре глазка над землей. Сначала, однако, надо обратить внимание, не осыпаются ли цветы с той лозы, откуда мы берем чубук; немедленно ли растут на ней ягоды, не созревают ли они очень рано или слишком поздно; в первом случае их уничтожают птицы, во втором они гибнут от зимних бурь. (4) Определить качества лозы нельзя по урожаю одного года: лоза, по природе своей бесплодная, может оказаться один раз усыпанной плодами по причине ли урожайного года или по каким-нибудь иным. Сомневаться в ее плодородии нельзя только в том случае, когда доверие к ней будет основываться как бы на выслуге многих лет. Испытание ее не должно, однако, продолжаться более четырех лет: благородные свойства растения вполне обнаруживаются за тот период, в течение которого солнце возвращается в ту же самую часть зодиака, с которой оно начало свое движение. Это круговое движение в 1461 сутки люди, изучающие небесные явления, называют *апохатасталис*.

7

Я убежден, Сильвин, что ты уже спрашиваешь про себя, к какому сорту относится эта плодоносная лоза, столь подробно описываемая нами. Тебя интересует, не имеем ли мы в виду какую-нибудь из тех, которые теперь обычно считаются самыми урожайными; большинством превозносятся битурискская, очень многими спония, некоторыми царская лоза, а некоторыми *арселаса*. (2) И мы не скажем об этих сортах плохого слова: они дают очень много вина. Но мы поставили своей задачей научить разведению таких лоз, которые дадут винограда не меньше, чем вышеназванные сорта, и вино высокого качества, вроде того, которое дается аминейскими лозами или, во всяком случае, близкое к нему по вкусу. Я знаю, что почти все хозяева держатся мнения, противоположного нашему; уже с давних пор господствует убеждение относительно природного и как бы врожденного бесплодия аминейских лоз. (3) Нам приходится поэтому подкреплять множеством примеров наше положение, почерпнутое из глубин естества. Оно было отвергнуто сельскими хозяевами по лени и неразумию; мрак невежества, царивший вокруг, мешал пробиться свету истины. Поэтому своевременным будет обратиться нам к тому, что, повидимому, может рассеять это всеобщее заблуждение.

* Черенок—по-лат. *malleolus*—молоточек. *Прим. ред.*

8

Если мы пожелаем взглянуть острым умственным взором в природу явлений, Публий Сильвин, то мы обнаружим, что природа подчинила растения, людей и прочих животных одному и тому же закону размножения. В этом отношении она не наделила одни страны и народы особыми преимуществами в такой степени, чтобы отказать в них целиком другим. Некоторым племенам, как, например, египтянам и африканцам, она посылает многочисленное потомство: рождение двоен там явление обычное. Но она пожелала, чтобы и в Италии были женщины, отличавшиеся исключительной плодовитостью, как две сестры из семьи Курпациев в городе Альбе, родившие тройни (2). Украшением Германии она сделала войско, состоящее из солдат-великанов, но и другие племена она не лишила вовсе людей высокого роста. Цицерон свидетельствует, что был римский гражданин Невий Поллион, превосходивший на целый фут самых высоких людей, а недавно мы сами могли видеть среди участников цирковых игр пудея более рослого, чем самый высокий германец.

(3) Перехожу к животным. Мевания отличается крупным рогатым скотом, а Лигурия мелким, но и в Мевании можно иногда увидеть низкорослого, а в Лигурии выдающегося по своим размерам быка. Чудесами Индии являются ее огромные животные, но можно ли отрицать, что и у нас в Италии рождаются такие же громадины? Мы видели слонов, родившихся в стенах нашего города.

Возвращаюсь к растениям. (4) Говорят, что Мизия и Ливия полны хлебом, но и в Апулии с Кампанией нет недостатка в роскошных нивах. Тмол и Корик прославлены шафраном, а Иудея и Аравия драгоценными благовонными растениями, но они есть и в нашей стране. В Риме во многих местах мы видим зеленеющую корицу и растения, дающие ладан; видим сады, цветущие миррой и шафраном. (5) Примеры эти убедительнейше свидетельствуют о том, что Италия с полной готовностью идет навстречу хозяину, и если он приложит к этому усилия, то она выучится выращивать растения чуть ли не со всех концов земли. Тем менее можно сомневаться относительно того растения, которое составляет ее особенность и является местным уроженцем. Нет сомнения, что лозы Массика, Суррента, из Албанской и Цекубской областей превосходят все существующие в мире лозы благородными свойствами своего вина.

9

Можно, пожалуй, пожелать для них плодовитости, и здесь на помощь приходит виноградарь со своим заботливым уходом. Если, как я только что говорил, природа, наша всеобщая мать, в своем великом благожелательстве щедро наделила отдельные народы и страны особыми дарами, то это не значит, что она целиком лишила этих благ все остальные. Зачем сомневаться, сохраняет ли этот закон свою силу и для лозы? Допустим, что она пожелала сделать некоторые сорта их особенно плодородными, например, битуригскую или царскую; это не значит, что аминейскую она создала настолько бесплодной, чтобы из многотысячного количества аминейских лоз не нашлось

хотя бы нескольких плодородных, подобно тому как среди италийцев оказались же эти две сестры из города Альбы. (2) Это и правдоподобно, и истинность этого доказана моим собственным опытом, так как в Ардеатской области, где я был владельцем в течение целого ряда лет, и в Карсеоланской, и в Албанской у меня были именно такие аминейские лозы, очень немногочисленные, правда, но настолько плодородные, что каждая из них давала, будучи подвязана к поперечным перекладинам, по три урны, а на шпалерах—по десяти амфор. (3) Такое плодородие в аминейских лозах не должно казаться невероятным: могли Теренций Варрон, а до него еще Катон утверждать, что в старину виноградарь получал у себя с каждого югера шестьсот урн, не отличаясь аминейские лозы, которые, в большинстве случаев, только и были известны в старину, плодородием? Нельзя же предполагать, что тогда сажали у себя в виноградниках битуригские или царские лозы, с которыми мы познакомились совсем недавно и которые были вывезены из отдаленных стран. И поныне считается, что самые старые лозы—это аминейские. (4) Если у кого-нибудь окажутся такие лозы, какие недавно были у меня и о каких я упоминал, то, проверив их на урожае нескольких лет, он сможет отметить их, чтобы взять самые плодоносные чубуки, и таким образом сможет сделать свой виноградник и плодоносным и дающим вино превосходного качества. Нельзя сомневаться, разумеется, что природа пожелала установить сходство между матерью и ее потомством; поэтому пастух в «Буколиках» и говорит:

Знал я, что так на собак похожи щенки, и козлята
На матерей.

(5) Поэтому любители священных состязаний внимательно подбирают и выращивают жеребят от самых рысистых квадриг* и в надежде на будущие победы выводят и дальше лошадей благородной породы. Мы рассуждаем таким же образом и, в надежде на щедрый сбор винограда, как от олимпийских кобылиц, отбираем потомство от самых плодовых аминейских лоз. Медленный ход этого процесса не должен никого отпугивать, так как для испытания молодого растения требуется время. (6) После того как плодородие лозы признано, ее широко распространяют путем прививок. Ты, Публий Сильвин, можешь выступить здесь главным свидетелем, потому что ты прекрасно помнишь, как я в течение двух лет путем прививки с одной ранней лозы, бывшей у тебя в Церетанском имении, создал два югера прекрасного виноградника. (7) А какое количество лоз можно, по-твоему, привить за такое время черенками с двух югеров, если сами эти два югера пошли от одной лозы? Поэтому, как я уже говорил, если мы пожелаем приложить труд и старание, то мы указанным способом легко вырастим виноградник с аминейскими лозами столь же плодоносными, как битуригские или царские. Весьма важно, чтобы при пересадке растений мы поместили их в такой же самый климат, на такое же самое место и в такой же самый виноградник, потому что, попав в неподходящее место или климат, а также будучи перенесены на шпа-

* Квадрига—четверка лошадей в упряжи; колесница, запряженная четверкой лошадей. *Прим. ред.*

леры с лозы, вьющейся по деревьям, они обычно вырождаются. (8) Итак, будем переносить их из холодной местности в холодную, из жаркой в такую же, со шпалер на шпалеры. Аминейская лоза, впрочем, скорее вынесет переход из холодного климата в жаркий, чем из жаркого в холодный, так как все лозы, а эти в особенности, по самой природе своей больше любят тепло, чем холод. (9) Много значит и качество почвы: пересаживать надо с земли бесплодной или средней на лучшую; растение, привыкшее к жирной почве, ни в коем случае не выживет на бесплодной, если его только часто не удобрять.

Вот общие советы относительно выбора черенка, а теперь еще один, особо важный,—его надо выбирать не только с самой плодоносной лозы, но также с самой урожайной части ее.

10

Из верхушек тех веток, которые называются головой лозы и представляют собой самые верхние и вытянутые побеги, не развиваются самые плодовые саженцы, как это утверждали старые писатели. Сельские хозяева и тут ошибаются. Заблуждение их вызвано первым впечатлением, получаемым от того количества гроздий, которое, обычно, видишь на самом верхнем побеге. Нельзя этим обманываться: это вызвано не природной плодовитостью данной ветки, а ее удобным положением. Дело в том, что все питательные соки, даваемые землей, проходят по всем частям ствола, пока не достигнут, наконец, верхушки. (2) Благодаря естественному вдыханию, вся пища растения, как бы некий воздух, поднимается по сердцевине, как по сифону, который у механиков зовется *diabetes*, вплоть до вершины; достигнув ее, она останавливается, и тут начинается ее поглощение. Поэтому пышное разрастание побегов наблюдается у лозы или на верхушке или внизу ствола, по соседству с корнями. (3) Но эти последние, бесплодные, пробивающиеся из твердой древесины, отличаются крепостью по двум причинам: потому, что на них нет плодов, и потому, что для них питанием служат нетронутые и свежие соки, получаемые непосредственно из земли: первые (развивающиеся из вершины)—сильные и плодоносные, потому что они развиваются на нежных частях лозы, и пища, которая, как я сказал выше, доходит до них, доходит вся целиком. Меньше всего получают ее средние части, потому что питательные соки только проходят здесь, перехватываемые с одной стороны и притягиваемые с другой. (4) Поэтому верхние ветви и не должны считаться плодоносными, хотя бы на них и было очень много плодов: обилие соков, собирающихся в этом месте, вынуждает их к плодоношению. Плодоносен тот побег, который находится на середине лозы, в месте неудобном, и, несмотря на это, полон сил и многочисленными плодами доказывает свою щедрость. Такой побег, будучи пересажен, реже вырождается, так как ему взамен худшего дается в удел лучшее место: пересаживают ли его на вскопанную землю, прививают ли к стволу,—все равно, он получит теперь питание, более обильное, чем раньше, когда он рос в скудости. (5) Итак, почтем за правило брать черенки с тех мест лозы, которые у сельских хозяев называются «плечами», при этом, как мы уже заметили раньше, только те, на которых уже были

плоды. Если они бесплодны, то мы считаем, что одно происхождение их от самой лучшей части лозы не сможет ничем способствовать плодоносности черенка. (6) Поэтому мнение тех сельских хозяев, которые считают, что количество гроздей, бывших на побеге, не имеет никакого значения и что нужно только брать его с плодоносной лозы и не с ветки, выросшей из твердого ствола—такой побег называют *rampinagium*,—совершенно превратно. Мнение это, порожденное невежеством тех, кому поручен выбор чубуков, сделало виноградники сначала малоурожайными, а потом и вовсе бесплодными. В самом деле, какой хозяин учил виноградаря, отбирающего чубуки, тому, о чем я только что говорил? И так прошел целый ряд лет. Больше того, найдется ли кто-нибудь, кто не поручал бы этой работы самому бестолковому рабу, такому, который ничего другого делать не в силах? Это обыкновенно приводило к тому, что дело громадной важности оказывалось в руках людей вовсе бестолковых; к этой работе приспособливают, как я сказал, самого немощного и бесполезного, не могущего нести никакой другой работы человека. (7) Он же, в свою очередь, если у него и есть кой-какие сведения относительно выбора чубуков, ими не пользуется и скрывает их по своей немощности. Чтобы набрать то число, которое ему заказано приказчиком, он работает невнимательно и недобросовестно; у него одна задача—выполнить свой урок, и единственное, что он получил от своего начальства в качестве руководства, которое он должен затвердить и которому должен следовать,—это приказ не трогать веток, пробившихся прямо из ствола, а все остальное брать на черенки отовсюду. (8) Мы же, руководствуясь сначала разумом, а теперь также и долголетним опытом, выбираем и считаем плодоносными только те черенки, которые дали плод и находятся в плодоносной части лозы.

Сильная и пышная, но бесплодная ветка на таком месте, где не бывает плодов, обманывает своим видом и на самом деле не обладает вовсе производительной силой. (9) Разум убеждает нас, что это истина, в которой нельзя сомневаться, если только части растений, подобно членам нашего тела, исполняющим каждый свою обязанность, тоже несут каждая свою работу. Мы видим человека, одушевленного душой, которая является как бы возницей, управляющим его членами; ему даны чувства, с помощью которых он различает то, что познается осязанием, носом, ушами и глазами; ноги у него сделаны для ходьбы, руки для схватывания; одним словом, без ненужных подробностей в перечислении по порядку всех несомых нашими органами обязанностей, уши не могут служить службы глаз, а глаза—ушей; (10) способность воспроизведения не дана рукам или ступням. То, что творец мира пожелал оставить неизвестным для людей, он скрыл в брюшной полости. Предвечный мастер, одаренный божественным разумом, смешал священное начало духа с земным в скрытых тайниках человеческого тела и создал таким образом эту одушевленную машину.

(11) В согласии с этим законом были созданы животные и растения и образованы лозы с их породами. Мать и соиздательница опустила сначала в землю, как своего рода фундамент, их корни, чтобы они стояли на них, как на ногах; сверху на них она поставила

ствол, играющий роль человеческого корпуса с его ростом и осанкой; распростерла ветви, как руки, и заставила появиться в роли пальцев побеги. Одни из них она наградила плодами, другие только одела листвой, которая должна прикрывать и защищать плоды. (12) Следовательно, если мы, как сказано выше, выберем не те части, которые оделены производительной силой и отягощены завязью и плодами, а те, которые служат для них покровом и защитой и лишены плодов, то труды наши пойдут на создание тени, а не урожая. (13) В чем же дело? Почему побег, вышедший не из твердой древесины, а из нежной ветви, отвергается нами, если на нем нет плодов, как и впредь бесплодный? Наше предыдущее рассуждение заставило нас признать, что каждая часть тела несет свою обязанность, которая, разумеется, ей и подходит; следовательно, и у чубука, выросшего на подобающем месте, есть плодovitость, хотя бы он пока и не давал плодов. (14) Не стану отрицать, что я настаивал на этом доказательстве еще сильнее, однако выдвигал я то положение, что ветка с плодоносной части лозы, которая не приносит плодов, не обладает плодovitостью. Одна мысль не противоречит другой: раз есть люди, которые не могут произвести потомства, хотя у них все члены налицо, то, очевидно, нет ничего невероятного и в том, что ветка, выросшая в таком месте, которое обладает производительными силами, но не приносящая плодов, не будет приносить их и в будущем. (15) Вернемся к способу выражения, принятому у сельских хозяев: побеги, которые ничего не приносят, называются у них скопцами. Они бы не называли их так, не будь у них подозрения в том, что они не в состоянии давать плод. Самое это название подсказало мне мысль не брать чубуков даже с хорошей части лозы, если на них нет плодов, хотя я и знаю, что они не поражены абсолютным бесплодием. Я признаю, что даже ветви, пробившиеся прямо из ствола, приобретают через год плодovitость, и поэтому их тоже подрезают, чтобы они могли дать плод. (16) Но мы считаем, что плоды эти производит не столько наш подрезанный побег, сколько материнская лоза: он находится на родном растении, по природе своей плодovитом, он получает свою долю в его питании и, выросши, словно на лоне у кормилицы, постепенно выучивается давать плоды. Но если, не дождавшись, пока он войдет в возраст, преждевременно срезать его и посадить в землю или привить к лозе, то у него, как у ребенка, который неспособен к соитию, не говоря уже о зачатии, совсем исчезнет или, по крайней мере, уменьшится производительная сила. (17) Поэтому я и думаю, что при выборе саженцев надо обращать особенное внимание на то, чтобы брать с плодоносной части лозы те ветви, которые принесенными плодами обещают плодovitость и в дальнейшем. Не будем довольствоваться, однако, отдельными гроздьями; отдадим преимущество тем побегам, которые покрыты бесчисленными ягодами. Разве мы не хвалим овчара, разводящего потомство от той овцы, которая ягнится двойнями, или козопаса, оставляющего расти приплод от тех коз, которые зарекомендовали себя рождением троен. Очевидно, он надеется, что плодovitость родителей сохраняется в детях. (18) Будем с лозами придерживаться той же самой системы, тем более что нам известно, что иногда вследствие врожденной склонности ухудшаться самые тщательно провер-

ные растения вырождаются. Поэт втолковывает нам это, как людям, глухим к голосу истины, словами:

Видел, что давний отбор, испытанный всячески тицаньем,
Перерождается все ж, коль людская рука ежегодно
Самых крупных опять не выберет. Волею рока
Так ухудшается все и обратно, пятась, несется.

Надо считать, что слова эти относятся не только к семенам бобовых, но и ко всему, с чем приходится иметь дело сельскому хозяину. (19) После долговременного наблюдения мы установили, и установили прочно, что побег, приносящий четыре кисти, будучи срезан и посажен в землю, понижается в плодovitости, характеризовавшей его на материнской лозе, настолько, что приносит иногда на одну, а порой на две кисти меньше. (20) Насколько же, по-нашему, ослабнет эта плодovitость в тех побегах, которые, будучи на материнской лозе, давали по две или даже по одной грозди, если даже самые плодovитые побеги часто бояться пересадки? Охотно признаю, что я являюсь тут скорее истолкователем, чем основоположником. Да не подумает кто-нибудь, что наши предки лишаются заслуженной похвалы. Несомненно, они думали то же самое, хотя об этом нигде и не написано, кроме приведенных нами стихов Вергилия, причем в них говорится только о семенах бобовых (21). Но почему же они отвергали веточку, выросшую из ствола, или стрелку (*sagitta*), срезанную даже с плодovосного побега, ими же самими одобренного, если, по их мнению, место, откуда берутся черенки, не имело никакого значения? Именно потому, что они не сомневались в том, что производительная сила свойственна определенным, если можно так сказать, органам; они вполне основательно осудили ветку из ствола и стрелку, как негодные для посадки. Раз это так, то несомненно, что еще с большим неодобрением относились они к той ветке, которая, выросши на месте плодovосном, сама не приносила плодов (22). Если они считали, что стрелка, т. е. верхушка чубука, заслуживает порицания, хотя является частью плодovосного побега, то, само собою разумеется, насколько отрицательнее должны они были относиться к побегу, выросшему на самой лучшей части лозы и бесплодному! Они не могли думать (это абсурдно), что, будучи срезан со ствола, пересажен и лишен материнской пищи, побег на материнской лозе, никуда негодный, окажется вдруг плодovосным. Все эти мысли изложены, может быть, пространнее, чем того требовала сама истина, и однако менее подробно, чем нужно для опровержения застарелых сельскохозяйственных предрассудков.

Теперь возвращаюсь к намеченному плану моего рассуждения. За выбором чубука следует плантаж; только предварительно надо решить вопрос о качестве почвы, — не подлежит сомнению, что она играет огромную роль и в обилии плодов и в их качестве. Прежде чем исследовать почву, напомним, что первым требованием при выборе ее является, если возможно, отведение нови, а не такого места, где

росли хлеба или деревья. (2) Относительно виноградников, запущенных и состарившихся, все писатели согласны между собой, что они менее всего подходят для вторичного засаживания. Нижний слой почвы как бы опутан здесь сетью, образованной множеством корней: в нем еще держится ядовитая гниль от старых растений, как бы отравляющая землю и обессиливающая ее. (3) Поэтому следует выбирать преимущественно лесной участок, который, если он даже весь зарос кустарником или деревьями, можно легко расчистить, так как лесные деревья не гонят корней далеко вглубь, а пускают их во все стороны по поверхности. Их разрубают, извлекают из земли, вырывают граблями незначительное количество тех, которые еще остаются в нижнем слое почвы, и сгребают их кучами, чтобы вызвать в них брожение. Если нови нет, то самым лучшим местом будет нива, на которой не растет деревьев; за неимением ее, под виноградник отводится поле с кое-где растущими по нему деревьями или оливковая роща, лучше, однако, старая, где никогда не было лоз. (4) Самым худшим местом, как я уже сказал, будет старый виноградник; если его приходится засаживать, то в нем надо прежде всего выкорчевывать все старые лозы; затем удобрить всю землю сухим навозом, а за неимением его, чем-нибудь другим, и при этом самым свежим, затем перекопать, тщательно собрать на поверхности все вырытые корни и сжечь их, после чего густо укрыть землю или старым навозом—от него не заводится сорняков—или землей, нарытой между кустарниками. (5) А если мы имеем перед собой чистую новь, свободную от деревьев, то прежде чем приступить к плантажу, посмотрим, годится ли эта земля под посадки или нет: это очень легко узнать по тем диким растениям, которые на ней растут. Нет земли, настолько лишенной деревьев, чтобы на ней не росло хоть чего-нибудь вроде диких груш, слив или, по крайней мере, ежевики, которая представляет собой колючий кустарник, но растет пышно, сильно и бывает усыпана ягодами. (6) Если мы видим, что растения эти не в наростах и не усыхают, если кора у них блестящая и гладкая, сами они высоко поднимаются вверх и покрыты плодами, то это значит, что земля для посадок годна. Это общее наблюдение. Следует обратить еще особое внимание на то, что имеет специальное значение как раз для виноградников (я говорил об этом уже раньше): легка ли земля для обработки и в меру ли она рыхла, вроде той, которая называется *pulla*. Такая земля не единственно, но больше всего подходит для виноградников. (7) Какой, даже посредственный, хозяин не знает, что самый твердый туф или углеизвестковая земля если их измелчить и извлечь наверх, не превращаются под действием дождя, мороза и в равной мере летнего зноя в рыхлую мягкую массу, которая доставляет прохладу корням лозы летом и удерживает в себе питательные соки,—обстоятельства, весьма способствующие питанию молодого растения? По той же причине хваля рыхлый гравий, в котором много камешков и небольших камней, если только они смешаны с жирной землей, каменистая и тощая земля решительно отвергается. (8) Для виноградников, по моему мнению, хорош даже гранит, покрытый сверху небольшим земляным слоем: он прохладен, не пропускает влаги, и на нем корни не страдают от жажды даже при восходе созвездия Пса. Гигин, следуя Тремеллию, утверждает, что для вино-

градников больше всего подходят места у подошвы гор, куда сносит всю землю, смытую с вершин, а также долины с наносами от разливов и наводнений. Я не стал бы противоречить. (9) Глинистая земля считается полезной для виноградников; в чистом виде глина, которой пользуются гончары, и которую некоторые зовут *argilla*, им очень вредна, так же как и бесплодный песок и вообще все, что, по словам Юлия Аттика, заставляет молодую лозу усыхать, т. е. почва серая, соленая, горькая, постоянно жаждущая и пересохшая. Черный и красный песок, смешанный с плодородной землей, в старину хвалили; виноградники на углеизвестковой земле, по словам стариков, становились бесплодными, если их не удобряли. (10) Красная глина, как говорит тот же Атик, тяжела, и корни принимаются в ней с трудом. Но если лоза идет на ней, она будет ее питать. Работать на этой глине, правда, трудно, потому что ее нельзя вскопать ни сырой—она пристает к лопате, ни очень сухой—она чрезмерно тверда.

12

Чтобы не теряться среди бесконечного числа почвенных видов, своевременно будет вспомнить список, составленный Юлием Грецином, в соответствии с которым и отбираются почвы, пригодные для виноградника. Грецин говорит таким образом. Земля может быть жаркой или холодной, сырой или сухой, рыхлой или плотной, легкой или тяжелой, жирной или тощей. Лоза не терпит очень горячей, обжигающей почвы, так же как и очень студеной, в которой ее корни, окоченелые и неподвижные от слишком большого холода, не могут расти. Они начинают пробиваться только под влиянием тепла. Избыток влаги заставляет гнить посаженные растения. (2) Слишком большая сухость, в свою очередь, лишает растения естественного питания и либо совсем губит их либо заставляет усыхать и покрываться наростами. Очень плотная почва не впитывает дождевой влаги, с трудом пропускает воздух, очень легко трескается и образует щели, через которые солнце попадает прямо на корни; такая земля, словно закрываясь, сжимается и, сдавливая посаженные растения, удушает их. (3) Слишком рыхлая пропускает дождевую воду, как сквозь воронку, и от солнца и ветра она пересыхает до самой глубины и теряет силы. С тяжелой землей никакой культуре не справиться; на легкой ничего почти не идет; очень жирная и плодородная страдает от изобилия питательных соков, тощая и слабая—от их отсутствия. По его словам, требуется, чтобы эти столь разные качества находились в состоянии равновесия, которое желательно и для нашего тела: здоровье заключается в определенном и как бы проверенном сочетании горячего и холодного, сырого и сухого, плотного и рыхлого. (4) Он говорит, однако, что в земле, предназначенной для виноградников, это равновесие не должно быть полным, а с уклоном в одну сторону—пусть теплоты в земле будет больше, чем холода, сухости больше, чем сырости, рыхлости больше, чем плотности, и так со всеми качествами, которые должен принять во внимание хозяин будущего виноградника. (5) Благотворное воздействие почвы сильно повышается, по-моему, от климата; о том, в какую сторону света должен быть обращен виноградник, спорят с давних

пор. Сазерна больше всего хвалил восток, затем юг и, наконец, запад, Тремеллий Скрофа считал, что лучше всего сажать виноградники на юг, Вергилий настойчиво отвергал запад.

«Также пускай на закат у тебя не глядит виноградник». Демокрит и Магон хвалили север и считали, что виноградники, обращенные в эту сторону, дадут урожай особенно обильный, хотя вино из этого виноградника и не будет первосортным. (6) Нам кажется, что самое лучшее—дать совет общего характера: в местностях холодных виноградники следует обращать на юг; в теплых—на восток, если только там нет опустошительных южных и юго-восточных ветров, как на приморской полосе в Бетике. Если же восточная сторона обращена прямо к ним, то лучше повернуть виноградники в сторону северо-восточного или западного ветра. В жарких провинциях, как и в Египте и в Нумидии, их можно обращать только на север.*

Разобрав тщательно все эти вопросы, перейдем к плантажу.

13

Рассказать о нем следует будущим хозяевам как италийцам, так и провинциалам: в отдаленных и глухих областях этим способом перекапывания и разрыхления земли почти не пользуются, а сажают лозу, обычно, в ямы или в борозды. (2) Там, где принято сажать лозы в яму, делается так: вырывается яма такой ширины, как берет лопата, длиной в три фута и глубиной в два; по обеим сторонам ее, у краев, укладывают чубуки и, согнув, выводят их над противоположным краем ямы так, чтобы над землей приходилось два глазка. Затем яму засыпают землей и заравнивают ее. Такие ямы копают в одну линию, одна за другой, оставляя между ними на протяжении всего ряда полосы нетронутой земли в те же три фута. (3) Затем, оставив столько пространства, сколько нужно, в зависимости от того, как принято возделывать виноградник,—плугом или мотыгой,—переходят к следующему ряду. Если виноградник вскапывается только ручным способом, то между рядами следует оставлять, самое меньшее, пять футов и самое большее—семь; если его вспахивают, то самое меньшее пространство будет в семь футов; десяти вполне достаточно. (4) Некоторые рассаживают лозы на каждые десяти футов, квинкунксом*, чтобы землю можно было, как пар, пахать вдоль и поперек. Такое расположение виноградника выгодно для хозяина только на очень плодородной почве, где лоза сильно разрастается. Хозяин, который боится расходов на плантаж, но хочет все же произвести у себя нечто, напоминающее его, прокопает канавы в шесть футов шириной, оставив с обеих сторон нетронутым равное пространство, и выберет из них землю на три фута в глубину. По краям канав он рассадит лозы или чубуки. (5) Люди поскупее делают канаву глубиной в два и три четверти фута, а шириной—в пять; оставив невоскопанным промежутки в три раза больший, они переходят к следующей канаве. Покрыв ими все предназначенное для виноградника место, они сажают по краям канав саженцы или только что срезанные молодые побеги, а между

* См. алфавитный указатель. Прим. ред.

рядами их помещают еще множество чубуков и, когда они окрепнут, отводят и их побеги в поперечные каналы, выкопанные на оставленных пространствах нетронутой земли. Таким образом, виноградник покрывается рядами лоз, отстоящих друг от друга на равном расстоянии. Такой способ посадки можно принять или отвергнуть, смотря по характеру и достоинствам каждой местности.

(6) Расскажем теперь о том, как производится плантаж. Прежде всего на участке, предназначенном для виноградника, будет ли то лес или сад, надо выкорчевать и убрать все деревья и кусты, чтобы они не задерживали вскапывающего землю, не валились всей своей тяжестью на уже вскопанную землю и чтобы ее не топтали те, кто будет выносить ветки и стволы. (7) Весьма важно, чтобы земля после плантажа пребывала в состоянии разрыхленности, не нарушаемой, если возможно, даже шагами человека, чтобы, равномерно вскопанная, она мягко поддавалась под напором корней молодого растения, в какую бы сторону они ни расползались, и не задерживала бы их роста своей твердостью. Она должна, словно нежная кормилица, принять их в свое лоно, пропустить и распределить между ними питающую их дождевую воду и всячески содействовать росту новой лозы.

(8) Землю на равнине следует вскапывать на два с половиной фута, а на холме и на три; очень крутой холм следует перекопать на глубину даже в три фута; так как земля скатывается сверху вниз, то выкопанной земли почти не останется в том количестве, которое нужно, если значительно не поднять, по сравнению с ровным местом, краев канавы. И в глубоких долинах нехорошо сажать лозы на глубину меньше, чем в два фута; лучше не садить их вовсе, чем втыкать по поверхности. Только в том случае, если, как под Равенной, сейчас же лопата встретит болотную воду, мы не будем копать глубже, чем на полтора фута. (9) Первое правило для этой работы—не углублять канаву постепенно, как это делает большинство современных хозяев, и таким образом подходить до незначительной глубины плантажа в два или три приема. (10) Надо сразу же по правильно установленному прибору вести непрерывную канаву; стороны делать прямыми, вырытую землю набрасывать за собой и копать канаву сразу же на ту глубину, которая заказана. Шнур надо равномерно передвигать по всему пространству; следует добиться, чтобы ширина канавы внизу равнялась ширине ее наверху. Тут нужен опытный и зоркий подрядчик, который распорядился бы устройством стен канавы, выемкой земли, перекапыванием всех нетронутых мест (в предыдущей книге, рассказывая о пахоте, я убеждал нигде не оставлять огрехов и не прикрывать неспаханых мест поверху комыми земли). (11) Для производства этой работы предки наши придумали некий прибор, состоящий из планки, на которой укреплялась линейка соответственного глубине канавы размера, достигавшая, следовательно, от низа до ее краев. Этот измерительный прибор зовется в деревнях «чаплей». Ему, однако, нельзя верить, так как показания его будут весьма различны, в зависимости от того, держишь ли ты его прямо или наклонно. Поэтому мы добавили к этому прибору некоторые части, с помощью которых все жалобы и ссоры спорящих сторон могут быть улажены. (12) Мы скрепили крест-накрест, в виде греческой буквы X, две линейки

той же ширины, что и канава, которую мы собираемся прокапывать. Посередине, в том месте, где эти линейки соприкасаются, мы укрепили старинную «цаплю» так, что она стоит как бы на основании и перпендикулярно к нему. Над этим основанием, представляющим собой поперечную планку, мы подвесили плотничий отвес. При таком устройстве инструмент этот, будучи опущен в канаву, разрешает спор хозяина и подрядчика по справедливости. (13) Линейки, скрепленные, как мы сказали, наподобие греческой буквы, вымеряют дно в канаве и устанавливают его уровень, определяемый по самому положению прибора. Отвес, укрепленный над вышеупомянутой планкой, показывает, спускается ли дно книзу или поднимается выше; подрядчик не может попасть впросак. Таким образом, работа, измеренная и выверенная, движется вперед, как на паровом поле; прибор, продвигаясь, занимает столько места, сколько вырытая канава должна иметь в длину и ширину. Такой способ подготовки земли всего лучше.

14

Следующей работой будет посадка виноградной лозы, которую своевременно производить либо весной либо осенью. В дождливом и холодном климате, на ровном участке с жирной землей, на плоской и болотистой равнине сажать лозу лучше весной; там же, где воздух сух и горяч, земля на равнинах тоща и выжжена, а холмы обрывисты и бесплодны, — лучше осенью. Срок весенней посадки длится почти сорок дней, от февральских ид до равноденствия, осенней — от октябрьских ид и до декабрьских календ.

(2) Сажать лозу можно двумя способами: чубуком и саженцами, пустившими корни. Виноградари пользуются обоими этими способами; в провинциях больше сажают чубуками, так как не занимаются питомниками и не имеют обыкновения выводить саженцы. Итальянские виноградари в большинстве своем по справедливости отвергли эту практику, так как саженцы имеют много преимуществ: (3) они не так гибнут; они крепче и поэтому лучше переносят жару, холод и вообще всякую непогоду; быстрее вырастают, а следовательно, скорее начинают приносить плоды и чаще могут быть пересаживаемы — это несомненно. Чубук, впрочем, можно сразу же, вместо саженца, сажать в рыхлую и легкую землю; вообще же ему нужна, как и лозе, почва плотная и тяжелая.

15

Лозы сажают на земле, предварительно очищенной и забороненной, после производства плантажа. На тощей земле между рядами оставляется пространство в пять футов, на средней — в шесть; на жирной следует оставлять промежутки в семь футов, чтобы больше было простора для разрастающихся многочисленных и длинных побегов. Разметка виноградника, засаживаемого квинкунксом, производится самым простым способом: на веревке, на том расстоянии, которое определено для промежутков между рядами, нашивают пурпурные или какие-нибудь другие, бросающиеся в глаза лоскуты;

ее натягивают с этими отметками в винограднике и возле каждого лоскута втыкают камышинку: (2) таким образом ряды отбиваются через правильные промежутки. После того как это сделано, за дело берется землекоп и роет от одной камышинки до другой ямы, оставляя с обеих сторон нетронутые пространства, не меньше, чем в два с половиной фута на равнине, на склонах в два и три четверти фута, а на крутизнах даже в три фута. Вырыв ямы такой величины, опускают туда саженцы, причем действуют следующим образом; по середине ямы укладывают ряд саженцев, обращая их в противоположные стороны, с противоположных краев ямы приподнимают их верхушки к камышинкам. (3) На обязанности садовника лежит доставка саженцев из питомника совсем незадолго до посадки, если возможно, то в самый момент ее. Он вынет саженцы со всей осторожностью, чтобы их не обломать, обрежет их начисто, как старую лозу, оставив один единственный, самый крепкий побег, уничтожит все узлы и шрамы. Если при выемке пострадают корни (чего надо особенно остерегаться), то он обрежет их и, согнув саженец, уложит его таким образом, чтобы корни двух лоз не переплетались между собой: избежать этого очень легко, уложив по самому дну канавы вдоль ее сторон небольшие камни, из которых каждый не превосходит пяти фунтов. Считается, что эти камни защищают корни лозы от зимней сырости и от летнего зноя. (4) Об этом говорит Магон, и Вергилий следом за ним так учит уходу за саженцами:

«Пористых камней еще наложи иль раковин с грязью»,

и немного дальше:

«Между хозяев

Есть и такие, что камнем иль грузом плиты обширной

Сверху их жмут, такова от стремительных ливней защита,

Или от знойного Пса, от которого в трещинах поле».

(5) Этот же писатель-пуниец утверждает, что виноградные выжимки вместе с навозом вызывают в саженцах прилив сил и заставляют их пускать новые корешки, в зимнее время с его сыростью и холодом смесь эта вносит в яму нужную теплоту, а летом доставляет растению питание и влагу. Если земля, в которую сажают лозу, кажется бесплодной, то, по его мнению, в яму следует насыпать жирной земли, привезенной хотя бы издалека. Выгодно ли это делать, об этом мы будем судить, смотря по ценам на съестные припасы и на рабочих.

16

Земля после плантажа годится для посадки, если она слегка сыровата; лучше, однако, опустить саженец в сухую, чем в раскисшую землю. Когда лоза поднимется над ямой и образует несколько междоузлий, ее срезают, оставив над землей только два глазка, а яму засыпают. Заровняв весь виноградник, приступают к посадке чубуков между лозами. Достаточно будет посадить их в один ряд по середине того свободного пространства, которое лежит между рядами лоз. (2) В этом случае они и сами пойдут лучше, и для ухода за растением в рядах останется больше простора. Чубуки будут размещены

в линию по ряду с саженцами. Здесь они играют вспомогательную роль и в случае гибели какой-нибудь лозы заменяют ее. На пространстве в 1 фут можно посадить 5 чубуков. Фут этот отмеривается от середины того свободного пространства, которое пролегает между рядами. Делается это для того, чтобы чубуки эти стояли на равном расстоянии от обеих сторон. (3) Юлий Аттик считает, что для такой посадки вполне достаточно шестнадцати тысяч чубуков. Мы сажаем их на четыре тысячи больше, потому что значительная часть их погибает от небрежного ухода и тем самым ряды уцелевших растений называются прореженными.

17

Писатели немало спорят между собою о том, как сажать чубуки. Некоторые считали, что для посадки годится вся ветка целиком, в том самом виде, в каком она была взята с материнской лозы; ее делили на части с таким расчетом, чтобы на каждую часть приходилось по пяти-шести глазков, и сажали множество таких отрезков. Я отношусь отрицательно к такому способу и согласен больше с теми писателями, которые утверждают, что верхушка ветки не может приносить плодов, и признавали только ту часть ветки, которая примыкала к старому стволу. Стрелку они вообще отвергали. (2) Стрелкой зовется в деревнях крайняя часть побега—потому ли, что она удаляется от материнской лозы и как бы уносится, устремляясь прочь, или же потому, что своим заостренным концом напоминает именно стрелку. (3) Опытные хозяева утверждали, что ее нельзя сажать, но не сообщили нам причин, которые заставили их так думать, видимо, потому, что для людей опытных в сельском хозяйстве они были ясны и сами собой бросались в глаза. Дело в том, что плоды на всякой плодоносной ветви не растут дольше пятого или шестого глазка. На остальной ее части, как бы она длинна ни была, винограда нет вовсе, или же он растет крохотными гроздьями. Поэтому верхушка по справедливости была осуждена в старину за свое бесплодие. Тогда же имели обыкновение сажать чубуки с костыльками. Опытом дошли до осуждения такого способа посадки. (4) Кусок старой древесины, будучи посажен в землю, быстро начинал гнить от сырости и губил находящиеся с ним рядом нежные, едва начинавшие пробиваться корешки. Юлий Аттик и Корнелий Цельз, наши знаменитые писатели-современники, стали вслед за Сазернами, отцом и сыном, отрезать в том месте, откуда пробивается новая ветка, все, что было можно, от старого ствола.

18;

Но Юлий Аттик советует сажать чубук, предварительно перевернув его и согнув ему верхушку, чтобы его легче было захватить с помощью *pastinum*. Так называются у хозяев двузубые вилы, которыми сажают чубуки: почему старики и говорили о перекопанном винограднике, что он *repastinata*; название это, в сущности, относилось только к месту, на котором выкорчевали старый виноградник и сейчас же посадили новый. Теперь мы, по незнанию старинной

речи, зовем *repastinata* всякую землю, которая готовится для посадки лоз. Но вернемся к нашему вопросу. (2) Что касается меня, то я считаю способ Юлия Аттика, при котором у чубука сгибают верхушку, вредным. Можно привести не одну причину, которая заставит нас отказаться от такого способа: во-первых, всякое растение, будучи до посадки повреждено и надломано, растет хуже, чем то, которое посажено в полной целости и сохранности; во-вторых, растение, перевернутое и посаженное в согнутом виде, будет противиться выемке, когда придет ее пора; оно держится за землю, словно крючком, и ломается раньше, чем его удастся извлечь: оказывается, что ветка в той части своей, которая была при посадке изогнута, остается поврежденной и хрупкой; поэтому при выемке в земле остается большая часть корней. (3) Не буду на этом долго задерживаться; есть еще одно обстоятельство, гораздо более опасное, и о котором умолчать я не могу. Недавно, говоря о верхушке побега, о так называемой стрелке, я указывал, что виноград растет на смежной со старым побегом части ветки, не заходя за пределы пятого или шестого глазка. (4) Хозяин, который сворачивает чубук, губит как раз плодородную часть его: на сгибе оказывается три или четыре глазка; еще два или три оказываются глубоко опущенными в землю и пускают не ветки, а корни. Таким образом, выходит, что при посадке чубука мы делаем как раз то, чего избегали при посадке стрелы. Если мы хотим сажать чубук согнутым, то приходится делать его длиннее, и не подлежит сомнению, что у него на поверхности останутся как раз те бесплодные глазки, которые находятся возле верхушки и из которых разовьется множество бесплодных или малоплодовитых побегов, называемых у деревенских жителей *gasetarii*.

(5) Что следует отсюда? Громадное значение того обстоятельства, что чубук, будучи посажен в землю, принимается именно со стороны среза и раны на нем быстро зарубцовываются. В противном случае в лозу по обнаженной сердцевине ее, как по трубке, проникает слишком много влаги; ствол становится дуплистым, и в нем находят себе пристанище муравьи и другие насекомые, от которых в стволе заводится гниль. Как раз это и происходит с изогнутыми саженцами: при выемке они ломаются внизу и их сажают с открытой сердцевинной, куда проникают вода и названные выше насекомые, в результате чего лоза скоро гибнет. (6) Поэтому чубук лучше всего сажать прямо; при посадке двузубыми вилами нижний конец его легко захватывается и погружается в землю; посаженное таким образом растение скорее принимается. Оно пускает корни с того конца, с которого оно срезано. Разросшись, они совершенно закрывают зарубцевавшуюся рану, да и рана эта, обращенная вниз, не так доступна для влаги, как открытая рана наверху чубука, через которую, как через воронку, проникает в сердцевину всякий дождь.

Нельзя точно установить, какой длины должен быть чубук. Если глазки расположены по нем часто, его следует делать короче; если редко, то длиннее. Во всяком случае, он не должен быть длин-

нее фута и короче трех четвертей его. Слишком короткий страдает вблизи земной поверхности от зноя; длинный чубук, будучи глубоко посажен, с трудом вынимается. Правила эти даются для ровного места: по скатам холмов можно сажать чубуки в один фут с ладонью. (2) В долине и на сырых равнинах мы сажаем даже «трехглазковые» чубуки, т. е. такие, которые немного короче трех четвертей, но. во всяком случае, длиннее полуфута. Называются они «трехглазковыми» не потому, что на них вообще только три глазка: они полны их около места среза. Но за вычетом их, у них остается только три глазка, расположенных каждый на одном из трех узлов чубука.

Кроме того, я должен еще предупредить виноградаря, чтобы он при посадке лоз—чубуками ли или отводками—остерегался слишком большого ветра и солнца, которые иссушат его растения. Защитой от того и другого может служить натянутый плащ или любое плотное покрывало. (3) Лучше, разумеется, выбрать для посадки день совершенно безветренный или с легким ветерком; от солнца закрыться легко.

Прежде чем положить конец этой книге, скажем о том, о чем мы еще ничего не говорили, а именно, следует ли иметь у себя в винограднике лозы разных сортов, особо и отдельно рассаженных, или же сажать их все вместе и попеременно.

Разберем сначала первый вопрос.

20

Разумный хозяин будет, конечно, сажать лозы того сорта, который он считает наилучшим и который он не станет смешивать ни с каким иным. Число этих лоз он будет неизменно увеличивать. Но и предусмотрительный хозяин будет заводить у себя лозы разных сортов. Погода никогда не бывает настолько мягкой и равномерной, чтобы хоть чем-нибудь не повредить какому-нибудь сорту винограда: то она суха, и тогда плохо приходится лозам, которым полезна сырость; то она дождлива, и тогда страдают те, которые любят засуху; то холодна, с инеями, которых боится виноград, не выносящий ржавчины (*uredo*); то очень жарка, и тогда плохо лозам, не выдерживающим зноя. (2) Не буду перечислять в отдельности всего того ущерба, который погода может нанести винограднику: всегда найдется что-нибудь, что вредит винограднику. Поэтому, если у нас посажена лоза только одного сорта, а случится как раз то, что для нее губительно, то мы лишимся всего урожая; хозяину, у которого в винограднике нет других сортов, неоткуда ждать помощи. (3) В винограднике же, составленном из разных сортов, что-нибудь уцелеет и принесет плод. Побуждать нас к посадке целого ряда сортов должна, однако, и не эта причина; ту породу, которую мы считаем наилучшей, посадим в наивозможно большем для нас количестве, второе место отведем тому сорту, который стоит в непосредственной близости к первому, затем посадим лозы третьего и четвертого сорта, а тогда уже и удовлетворимся ими, как бы четверкой отменных атлетов; располагая четырьмя или, самое большее, пятью сортами, можно спокойно ожидать решения судьбы.

(4) Что касается второго поставленного нами вопроса, то я не сомневаюсь, что лозы следует распределять и рассаживать по сортам, отводя для каждого из них свой участок, отделенный от других, тропинками и дорожками, идущими с востока на запад. Добиться этого от своих людей я не мог, и никто из хозяев, признавших всю справедливость этого совета, не осуществил его до меня на практике. Дело в том, что из всех сельских работ это самая трудная, требующая предельного внимания при сборе отводков и их классификации. Здесь нужна и большая ловкость и большая опытность. И все же, по словам божественного Платона, красота заставляет нас стремиться к тому, чего достичь по слабости нашей человеческой природы мы не можем.

(5) В данном же случае, если впереди у нас еще целая жизнь и мы обладаем знаниями, волей и возможностью действовать, то мы без труда добьемся того, чего хотим, хотя для того, чтобы разобраться в большом числе лоз, требуется упорная работа в течение долгого ряда лет. Дело в том, что не во всякое время можно определить свойство лозы: некоторые лозы, не различимые из-за схожей окраски, одинакового ствола или побегов, выявляют свою природу только тогда, когда виноград созреет, а листья станут совсем крупными. Я не стал бы утверждать, что нужное при этом внимание может быть проявлено кем-нибудь, кроме самого хозяина. (6) Только беспечный человек поручит это дело виллику или даже виноградарю. Даже такое простое дело, как вывести из виноградаря черный виноград, удалось только самому незначительному числу хозяев. А уж заметить цвет грозди может даже тот, кто ничего не понимает.

21

В моем распоряжении имеется единственный способ добиться скорейшего осуществления намеченной нами цели. В старых виноградниках будем прививать черенками каждого отдельного сорта лозы на особом, только для них отведенном участке. Я не сомневаюсь, что в таком случае по прошествии нескольких лет мы получим от привитых лоз тысячи чубуков и рассадим их тогда по отдельности—каждый сорт в своей стороне. (2) Поступать таким образом нас побудят многочисленные соображения о пользе этого приема. Во-первых (начну с менее важного), в жизни вообще, не только в сельском хозяйстве, но и во всякой отрасли, умному человеку доставит гораздо больше удовольствия порядок, заключающийся в распределении по родам, чем хаос беспорядочно разбросанных и как бы сваленных в одну кучу предметов. (3) Даже человек, совершенно чуждый деревенской жизни, придя на участок, засаженный в порядке, будет изумлен и с величайшим наслаждением будет созерцать щедроты природы. С одной стороны, он увидит битуритские лозы, увешанные плодами, с другой—не уступающие им по плодovitости *helvolae*; здесь будет *argelasa*, тут встретятся *spionia* и царская лоза. Благословенная мать-земля из года в год в вечной смене урожая щедро поит людей, припадающих к ее груди, виноградным соком. Осень шествует по винограднику, отягченная по милости Либера разноцветными плодами.

Виноград белый, желтый, красный, отливающий пурпуром, висит на ветвях. (4) Зрелище это доставляет огромное удовольствие, но пользы здесь еще больше. Чем лучше в имении, тем охотнее явится в него хозяин. Слова, сказанные поэтом о божестве: «Взор свой почтенный куда божество не направит»—могут быть применены и к хозяину: чем чаще смотрит куда-нибудь хозяйский глаз, тем больше бывает там урожая. Но не стану останавливаться на этом—это относится и к лозам, посаженным без разбора; займемся тем, на что сейчас следует обратить особенное внимание.

(5) Лозы различных сортов отцветают не вместе и созревают не одновременно; поэтому хозяину, у которого в винограднике лозы рассажены не по сортам, придется терпеть одно из двух неудобств,—либо он снимет поздний виноград вместе с ранним, отчего вино скоро закиснет; либо же, поджидая, когда созреет поздний виноград, он потеряет ранний, который в большинстве случаев объедят птицы или обобьет дождь и ветры. (6) Если же он захочет собрать урожай с каждого сорта отдельно, то это значит, прежде всего, отдать себя на волю сборщиков винограда. Приставить к каждому из них надсмотрщика, который следил бы за ними и не давал рвать зеленых ягод вместе со зрелыми,—дело невозможное. Время поспевания разных сортов винограда может совпадать, и тогда окажется, что вино лучшего сорта испорчено худшим. Смешанное вместе, оно не может стоять долго. Хозяин будет вынужден торопиться с продажей, а между тем, если бы он мог отложить ее до следующего года или, по крайней мере, до лета, он получил бы цену большую.

(7) Главное удобство распределения лоз по сортам заключается в том, что виноградарю легче обрезать лозу, как она того требует, когда он знает, каким сортом засажен участок, который он режет. Соблюсти это правило в смешанных виноградниках трудно, потому что в большей части своей обрезка производится в такое время года, когда на лозе листья еще не развернулись. Вместе с тем весьма важно, обрежешь ли ты, в зависимости от природы каждой лозы, большее или меньшее количество ветвей ипустишь ли ее в рост, оставив длинные ветки, или сдержишь этот рост, коротко ее постригши.

(8) Мало того, большое значение имеет и то, в какую сторону света обращен какой сорт. Не все лозы любят зной, так же как и холод. Каждый отличается своими особенностями: одни лозы хорошо идут на южной стороне и портятся от холода; другие предпочитают быть обращенными на север, так как чахнут от зноя. Некоторые любят умеренное тепло с восточной и западной стороны. (9) Все эти различия в местоположении может соблюсти человек, который сажит лозы по сортам—каждый сорт на своем участке. Немалую пользу получит он от того, что сбор урожая при этих условиях потребует и меньше труда и меньше расхода. Поспевший виноград снимут во-время; уборка еще зеленых гроздей будет отложена без всякого ущерба. (10) Не будут торопиться только что поспевший виноград убирать одновременно с уже перезревшим и не заставят набирать рабочих по какой угодно цене. Большим преимуществом является и то обстоятельство, что можно не смешивать одни сорта винограда с другими и разлить по отдельности действительно чистое вино,

будь то от битуригской лозы, будь то от царской или от *spionia*. При такой разливке, когда ни к одному вину не примешивается ничего постороннего и мешающего его длительной сохранности, вина получаются превосходные. Через 15 лет или даже позже нельзя обнаружить в них никакого постороннего привкуса, так как каждое вино обладает свойством делаться лучше от старости. (11) Поэтому мы и решили доказать, что рассадка лоз по сортам—дело полезнейшее. Если ее нельзя произвести, то на втором месте можно поставить такой способ рассаживания лоз, когда разносортные лозы сажаются вместе только в том случае, если виноград на них одинакового вкуса и одновременно поспевает. Если тебя интересует плодовый сад, ты можешь с той стороны винограда, которая обращена на север (чтобы не было слишком большой тени от взрослых деревьев), по крайним рядам рассадить отводки смоковниц, груш и яблок. Через два года ты их привьешь, а если они хороших пород, то просто пересадишь. Достаточно о посадке виноградника. Остается самая главная часть, об уходе за ним, о котором мы подробно расскажем в следующей книге.

ПЛИНИЙ

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

*

C. PLINIUS SECUNDUS

NATURALIS HISTORIA

*

I. (1) О природе деревьев, произрастающих на суше и море самостоятельно, мы сказали; остаются те, которые скорее создаются искусством и человеческими ухищрениями, а не рождаются. И тут прежде всего приходится удивляться, что та описанная выше скудость, предмет нераздельного обладания диких зверей, с которыми человек вел борьбу за опавшие плоды, а за висящие на деревьях и с птицами, — сменилась столь изысканной роскошью, более всего, полагаю я, по знаменитому почину Л. Красса и Гн. Домития Аэнобарба. (2) Красс был одним из первых ораторов римлян. Дом его был великолепен, но еще несколько лучше, там же на Палатии, был дом Кв. Катула, который вместе с Г. Марием разбил кимвров; самым же красивым в то время, по общему мнению, был находившийся на Виминальском холме дом римского всадника Г. Аквиллия, еще больше прославившегося этим домом, чем своим знанием гражданского права (тогда как Крассу его дом ставили в упрек). (3) Происходя из знатнейших родов, оба они в 662 году от основания города, по истечении сроков их консульств, были назначены цензорами, что повело ко многим раздорам вследствие несходства их нравов. Сразу же Гн. Домитий, будучи по природе несдержан, а к тому же разгоряченный неприязнью, которую соперничество делает особенно острой, обрушился на то, что цензор живет в такой роскоши, настойчиво предлагая Крассу за его дом шесть миллионов сестерциев. (4) Красс, со своей всегдашней находчивостью и изящным остроумием, изъявил согласие уступить за эту цену весь дом, кроме шести деревьев. Когда же Домитий сказал, что без этих деревьев он не даст за дом и одного динария, Красс ответил: «Так кто же, скажи пожалуйста, Домитий, подает дурной пример и заслуживает замечания, будучи сам цензором, я ли, мирно живя в доме, который достался мне по наследству, или ты, оценивая шесть деревьев в шесть миллионов сестерциев?» (5) Это были лотосы*, прелестные густотой широко раскинувшихся ветвей; в дни нашей молодости ими гордился владелец дома Цецина Ларг, из знати; а существовали они — раз уж мы говорили

* Древние называли лотосом несколько различных трав и деревьев. *Прим. ред.*

и о длительности жизни деревьев—до пожаров принцепса Нерона и оставались бы зелеными и молодыми, если бы этот принцепс не ускорил смерть и деревьям.

(6) Но пусть никто не думает, что в остальном дом Красса был прост и негодующему Домитию, кроме деревьев, не к чему было прицепиться: в атрии этого дома Красс поставил шесть колонн гиметского мрамора, привезенных им в свое эдильство для украшения сцены, тогда как в общественных зданиях мраморных колонн еще совсем не было. Так нова эта роскошь и столько блеска тогда придавали домам деревья, что без них Домитий даже не дал цены, предложенной из враждебных побуждений.

(7) От деревьев были и прозвания у древних: Фрондицием был назван воин, который прославился подвигами в борьбе с Ганнибалом и переплывал Вольтурн, покрыв голову ветвями, покрытыми листьями (*frondes*). Род Лициниев получил прозвание Столонов. Так называются лишние побеги деревьев, и открытие того, что их полезно срезать, дало имя первому Столону. Древние законы заботились о деревьях, и в двенадцати таблицах предусмотрено, что тот, кто срубит чужие деревья, должен заплатить за каждое по двадцати пяти ассов штрафа. Хочется спросить, поверили бы те, кто и плодовые деревья расценивал в такую сумму, что деревья, о которых мы сейчас говорили, будут продаваться по названной нами цене. (8) Не меньше приходится удивляться и плодовым деревьям, из которых многие в пригородных поместьях дают ежегодно плодов на две тысячи сестерциев, так что одно дерево приносит больший доход, чем у древних целое поместье. Ради этого и выдумали прививки и помеси деревьев, чтобы для бедных и плоды не росли.

(9) Теперь мы скажем, каким образом скорее всего можно получить от них такой доход. Мы намерены дать правильный и наиболее совершенный способ возделывания и потому будем касаться не общезвестного и установившегося, а спорного и сомнительного, в чем чаще всего допускаются ошибки в жизни. Мы не хотим щеголять обстоятельностью там, где она неуместна. Прежде всего мы скажем о том, что имеет значение для всех вообще пород деревьев,—о погоде и почве.

(10) Больше всего деревья любят аквилон* и с той стороны, откуда он дует, бывают гуще, пышнее и крепче древесиной. Тут многие ошибаются; дело в том, что не следует в виноградниках ставить ограждения против этого ветра, а надо сохранять их только с северной стороны. Более того, своевременно наступающие холода весьма способствуют укреплению деревьев, которые тогда превосходно развиваются, а в противном случае, если их ласкают австры**, истощаются, и особенно в пору цветения.

(11) Действительно, если сразу после того, как деревья отцвели, выпадут дожди, то все плоды пропадают; а миндаль и груши теряют свои зародыши даже и тогда, если вообще будет облачно и подует австр. Около восхождения Плеяд дожди крайне неблагоприятны для виноградной лозы и маслины, у которых тогда брачное время. Это

* Aquilo—северо-восточный ветер.

** Auster—южный ветер.

и есть те решающие четыре дня для маслины—этот промежуток, когда дует австр, сопровождающийся облачностью и сыростью, о чем мы уже сказали. Злаки также хуже вызревают в дни австра, но зато скорее. (12) Вредны те холода, которые приходят с северными ветрами или несвоевременно. Аквилон же в зимнее время очень полезен для всех посевов. Само собой понятно, почему тогда нужно желать дождей: деревья, истощенные плодоношением и притом ослабленные листопадом, естественным образом, испытывают жестокий голод, а дождь для них пища. (13) Поэтому на основании опыта считают менее всего полезным, чтобы зима была теплая: в этом случае у деревьев за родами немедленно следует зачатие, то-есть почкообразование, а затем новое истощающее цветение. А если так будет несколько лет подряд, то даже и сами деревья умирают, и тут ни для кого не может быть сомнения, что они гибнут от голода. Поэтому тот, кто сказал, что нужно желать ясных зим, не сообразовал своих пожеланий с деревьями; (14) и дожди и солнцестояние не приносят пользы виноградникам; а сказать, что за пыльной зимой следует богатая жатва,—это плод игры воображения.

Вообще же и деревьям и злакам одинаково полезно, чтобы снег лежал подольше. Причина не в том только, что он запирает, удерживает и отводит назад, на пользу злакам и корням, дыхание земли, уходящее с испарениями, но и в том, что он постепенно доставляет влагу, притом же чистую и самую легкую: ведь снег—это пена небесных вод. (15) Таким образом, даваемая им влага не та, которая все затопляет и размывает: она каплет, в меру жажды, словно из материнского сосца, и все питает, не наводняя. Тогда же и земля бродит и, полная соков, не истощенная сосущими ее посевами, когда приходит время ей открыться, улыбается теплым дням. При этом особенно утучняются хлеба, если не говорить о тех странах, где постоянно горячий воздух, как, например, в Египте: здесь непрерывность тепла и самая привычка к нему дают то же самое, что в других странах правильность чередования; ведь повсюду полезнее всего, если вовсе отсутствует то, что может повредить. В большей части стран преждевременно вытянувшиеся побеги, вызванные к этому мягкостью погоды, бывают погублены наступающими вслед затем холодами. (16) Поэтому поздние зимы вредны также и лесным деревьям, которые даже больше страдают, угнетенные собственной тенью и лишённые врачебной помощи, потому что нет возможности в лесу одеть нежные растения, обернув их соломой. (17) Итак, подходящее время для увлажнения—это, во-первых, зимние дожди, затем—выпадающие перед образованием почек; третья пора—это, когда деревья выводят плоды, и не сразу, а после того, как плоды уже окрепнут. Для тех деревьев, которые дольше растут свои плоды и нуждаются в более длительном питании, полезна и поздняя влага; таковы виноградные лозы, маслины, гранаты. Однако каждый род деревьев по-своему нуждается в этих поздних дождях, потому что созревание происходит у одних в одно время, у других в другое. Поэтому приходится наблюдать, что от одних и тех же дождей иные деревья получают ущерб, иные пользу—даже принадлежащие к одной породе. Так, например, груши зимние требуют дождя в один день, скороспе-

лые—в другой; так что, хотя для всех одинаково нужны зимние дожди, но до появления почек.

(18) Те же причины, которые делают аквилон более полезным, чем австр, заставляют предпочесть внутренние участки прибрежным—они по большей части холодные—и гористые—ровным, и ночные дожди—дневным. Посевы больше пользуются влагой, если солнце не уносит ее сразу.

(19) Связан с этим и вопрос о расположении виноградников: в какую сторону горизонта они должны смотреть. Вергилий осудил посадки на запад, но некоторые предпочитают это расположение на восток. У многих я встречал мнение о преимуществах юга; не думаю, чтобы в этом вопросе можно было дать какие-нибудь постоянные указания.

Искусство садовода должно сообразоваться в каждом случае с природой почвы, с характером местности, со свойствами климата. (20) В Африке расположение виноградника на юг и бесполезно для лоз и нездорово для хозяина, потому что эта страна сама лежит в южном поясе; здесь лучше всего соразмерит почву с небом тот, кто высадит лозы на запад или на север. Раз Вергилий отвергает запад, то, повидимому, он не допускает и мысли о севере. Между тем, известно, что в доальпийской Италии большей частью именно так расположенные виноградники оказываются наиболее плодовитыми. (21) Большое значение имеют и ветры. В Нарбонской провинции, в Лигурии и в части Этрурии считают ошибочным высаживать против цирция* и благоразумным—допускать этот ветер со стороны. Действительно, он там умеряет летний жар, но часто дует с такой силой, что сносит крыши.

(22) Некоторые подчиняют небо земле, так что у них насаждения, делаемые в сухих местах, смотрят на восток и на север, а во влажных—на юг. Заимствуют соображения и от свойств самих лоз, сажая в холодных местах скороспелые, чтобы созревание предупредило холод; те плоды и лозы, которые не любят росы,—к востоку, чтобы солнце сразу ее уносило; те, которые любят росу,—к западу или даже к северу, чтобы они дольше ею пользовались. (23) Другие, следуя, в сущности, указанию самой природы, советуют сажать лозы и деревья против аквилона. Демокрит думает, что тогда плоды становятся и более ароматными.

О направлении аквилона и остальных ветров мы сказали во второй книге, а в следующей скажем еще о некоторых небесных явлениях. Во всяком случае, явным подтверждением благотворности аквилона представляется то, что даже у деревьев, смотрящих на юг, всегда листья опадают раньше. Подобные же обстоятельства надо учитывать и в приморских странах. (24) В некоторых местах ветры с моря вредны, в большинстве же случаев они питают растение. Для некоторых насаждений благотворно, когда море виднеется вдали, но не приносит пользы близость соленого дыхания. То же самое и по отношению к рекам и прудам. Они иногда обжигают туманами, иногда приносят прохладу растениям, страдающим от жары. Мы уже ска-

* Circius—северо-западный ветер. *Прим. ред.*

зали, какие растения радуются тени и даже холоду. Итак, лучше всего довериться опыту.

(25) После неба следует вопрос о земле, едва ли более легкий, потому что большей частью не одна и та же почва подходит для деревьев и злаков—и чернозем, какой встречается в Кампании, не всегда бывает вполне благоприятен для винограда, и почва, испускающая тонкие туманы, и красная земля, которую многие хвалят. Меловую почву в области Альбы Помпейской и глину предпочитают для винограда всем другим, хотя это и жирные почвы, что в этом случае нежелательно. С другой стороны, белый песок в области Тицина, черный песок во многих местах, также и красный, даже в смеси с жирной землей, неплодородны. (26) Часто и основания для суждения бывают обманчивы. Не всегда почва, на которой красуются высокие деревья, бывает хороша и для других растений. Например: какое дерево выше пихты? А какое другое может выжить в том же месте? Не всегда и пышные луга служат признаком жирной почвы. Какие луга вызывают больше похвал, чем германские? Не сразу под тонким покровом дерна лежит песок. (27) Не всегда влажна земля, на которой высокие травы; точно так же и не обязательно жирна, клянусь Геркулесом, земля, пристающая к пальцам: это доказывает глина. Никакая земля, будучи брошена обратно в выкопанную яму, не заполняет ее, так что определить ее плотность или рыхлость этим способом нельзя; и на железо всякая наводит ржавчину. Не бывает также земли чрезмерно тяжелой или, наоборот, не достигающей правильного веса. Действительно, какой вес можно подразумевать под правильным весом земли? Не всегда и речные наносы можно одобрить, потому что некоторые растения быстро старятся от воды; (28) даже и та наносная почва, которую все хвалят, не оказывается полезной в течение долгого времени, кроме как для ивы. Среди признаков качества почвы—толщина соломы; на знаменитом Леборинском поле в Кампании она такова, что этой соломой пользуются вместо дров. Но такая почва повсюду трудна для обработки и своими достоинствами чуть ли не больше утомляет земледельца, чем могла бы утомить своими недостатками. (29) Так называемую углеизвестковую землю, повидимому, тоже можно улучшить, приложив к этому заботу. Мягкий туф даже рекомендуется авторами. Вергилий допускает для винограда и землю, растящую папоротник. Многие растения лучше доверить соленой земле, где они в большей безопасности от вреда, приносимого рождающимися в них животными. Холмы не остаются обнаженными после возделывания, если их умело вскопать; так и равнины не всегда получают меньше солнца и ветра, чем это требуется, а некоторые лозы, как мы уже сказали, питаются ином и туманом.

Во всех вещах есть нечто глубоко скрытое, во что каждый должен проникнуть своим умом. (30) Разве не бывает часто, что меняется то, что давно признано и установлено? В Фессалии, около Ларисы, после осушки озера местность стала холоднее и вывелись маслины, которые там были раньше; точно так же город Эн увидел гибель своих виноградников, которые замерзли после того, как Гебер стал протекать ближе, а около Филипп искусственная осушка

местности изменила условия погоды. На Сиракузской равнине пришлый земледелец, удалив камни с поля, терял свой урожай в грязи, пока не положил камни обратно. В Сирии проводят плугом слабую борозду, лишь слегка нажимая на сошник, потому что ниже лежит каменистая подпочва, которая летом сжигает семена. (31) В некоторых местах наблюдаются одинаковые последствия и от необычного жара и от холодов. Фракия родит злаки благодаря морозам, Африка и Египет—благодаря жаре. На принадлежащем родосцам острове Халкии есть настоящее плодородное место, что, сжав и убрав посеянный в обычное время ячмень, его там сразу же сеют снова и собирают жатву вместе с остальными злаками. В области Венафра маслины превосходно растут на песчаной почве, в Бетике—на очень жирной. Пупинский виноград вызревает на камне, цекубские лозы мокнут в Понтийских болотах. Столь велико разнообразие и различия условий и почвы!

(32) Цезарь Вописк, выступая с речью перед цензорами, назвал выменем Италии розейские равнины, на которых оставленная жердь на следующий день оказывается скрытой в траве; но они считаются хорошими только для пастбищ. Однако природа не пожелала лишить нас возможности учиться, и даже там, где она не сделала явными достоинства, она сделала опознаваемыми недостатки.

Поэтому мы прежде всего скажем о пороках.

(33) Горькую землю узнают по черной и выродившейся траве, холодную—по криво растущей, влажную—также по некрасивой растительности; на-глаз узнают сурик и глину, которые очень трудно поддаются обработке, нагружая заступ и лемех огромными глыбами—хотя то, что неблагоприятно для работы, не должно быть неблагоприятным и для урожая; точно так же узнают и почву противоположных качеств—подзолистую и белый песок. А бесплодная твердая корка легко обнаруживается с первого удара заступом. (34) Катон со свойственной ему сжатостью так определяет недостатки земли: на гнилую землю берегись загнать и телегу и скотину: Что такое надо понимать под этим названием, внушающее ему столь сильный страх, что он чуть ли не запрещает оставить следы на этой почве? Обратимся к гнилости дерева, и мы найдем, что те пороки, которые он так преследует, присущи земле сухой, растрескавшейся, корявой, седой, изъеденной, ноздреватой. (35) Одним словом он обозначил больше, чем мог бы выразить любым избытком красноречия. Действительно, смысл этих недостатков тот, что мы имеем дело с какой-то состарившейся землей—если не по возрасту, которого ей вообще нельзя приписывать, то по свойствам—и потому бесплодной и бесильной во всех отношениях. (36) Тот же Катон считает наилучшим земельный участок, простирающийся равниной к югу от подножья гор, каково расположение всей Италии, а наилучшей почвой нежную, так называемую черную (pulla); она, по его словам, и будет самой подходящей для обработки и посевов. Нужно только понять, что нежной земля названа с удивительной многозначительностью, и в этом слове мы найдем все, чего нужно желать: (37) земля умеренного плодородия, земля мягкая и легко обрабатываемая, не мокрая и не сухая, земля, блистающая вслед плугу, такая, какую вычеканил

бог на щите, как об этом рассказывает источник мудрости Гомер, добавляя, что она удивительным образом чернеет, хотя сделана из золота; земля, на которую, когда она только что вспахана, набрасываются ядные птицы, сопровождающие плуг, и вороны, клюющие самые следы пахари. Приведем здесь также одно изысканное изречение, несомненно, относящееся к делу. (38) Цицерон, второй светоч наук, сказал: «Лучше те мази, которые отзываются землей, чем те, которые шафраном» (он предпочел здесь выражение «отзываются», а не «пахнут»). Конечно, это так; лучшей землей будет та, которая отзывается благовонными мазями. (39) Если же нас спросят, каков тот запах земли, которого нужно искать, то мы скажем, что он бывает и при неспаханной земле, перед заходом солнца, в том месте, где опускаются оконечности радуги, и тогда, когда земля после длительной засухи увлажнена дождем. Тогда она испускает это свое божественное дыхание, зарожденное солнцем, ни с чем несравнимое по сладости. Такой же запах должен быть от вспаханной земли; кто его найдет, не будет обманут, и запах дает лучшую оценку земли. Такой запах бывает после вырубки старого леса, от нови, которую все единогласно хвалят. (40) При возделывании злаков та же самая земля, как это понятно, окажется плодороднее всякий раз, когда ей дать отдых от обработки. Для виноградников это невозможно; и тем более внимательно нужно выбирать землю, чтобы не оправдалось мнение тех, кто считают почву Италии уже истощившейся. (41) Легкость обработки для некоторых почв зависит и от погоды, и иногда плодородие почвы имеет ту невыгодную сторону, что она после дождя становится вязкой и ее нельзя пахать. Напротив того, в Бизации, в Африке, мы видели, как поле, приносящее урожай сам-полтораста, вспахать которое в сухую погоду не могут никакие быки, после дождей пахнет слабый ослик, причем с другой стороны запряжки лемех тянет старуха. Улучшать же землю землей, как это советуют некоторые, насыпая на тощую жирной или на влажную и чрезмерно жирную тощей и сухой,—это сумасбродство. На что может надеяться тот, кто обрабатывает такую землю?

(42) Другой способ изобрели Британния и Галлия—удобрять землю землей же, именно тем родом ее, который называется мергелем. Думают, что он насыщен плодородием; это некий жир земли, как бы железа в теле, в которых собрались жировые ядра.

Греки не оставили без внимания и этого—да и чего они не испробовали? Они пользуются в Мегаре белой глиной, которую называют левкаргилон, но только для влажной и холодной земли. (43) О той же, обогащающей Галлию и Британнию, уместно сказать подробнее.

Раньше было известно два вида, но с недавнего времени, при развившейся изобретательности, стало применяться их больше. Бывает мергель белый, рыжий, сизый, глинистый, туфовый, песчаный. Природа его двоякожесткая или жирная; испытывается то и другое рукой. Применение также двоякое—как удобрение только для злаков или также и для пастбищ. (44) Злаки питают туфовый и белый; если он найден среди источников, то обладает бесконечным плодородием, но наощупь он жесткий; если его набросать слишком много, то он сжигает почву. Следующий вид—рыжий, носящий название асау-

pumarga, в котором камень перемежается с тонкой песчаной землей. Камень разбивают на самом поле, и в первые годы бывает трудно жать из-за камней; зато вследствие легкости этого мергеля его привоз обходится вдвое дешевле, чем прочих видов. Его рассыпают не густо; считается нужным смешивать его с солью. Оба эти вида, будучи раз примешаны к земле, увеличивают урожайность злаков и трав в течение пятидесяти лет.

(45) Из тех видов, которые жирны наощупь, важнейший—белая земля. Она бывает нескольких родов; самая едкая—та, о которой мы сказали выше. Другой род белой земли—мел, применяемый для чистки серебра.

Добывается она из глубины, из колодцев, уходящих вниз, по большей части, на сто футов; устье у них узкое, а внутрь жила расширяется, как в рудниках. Пользуются ею более всего в Британии. Она действует в течение восьмидесяти лет, и нет примера, чтобы земледелец дважды в жизни удобрял ею один и тот же участок.

(46) Третий род белой земли называется *glisomarga*. Это мел валяльщиков, смешанный с жирной землей, более плодородный для трав, чем для злаков, так что, собрав жатву, на нем до следующего посева получают богатейший покос. Пока же эта земля под злаками, она не ростит никаких других трав. Действует тридцать лет. В количестве, превосходящем правильную меру, ухудшает почву наподобие сизинийской земли. Сизую землю Галлия на своем языке называет *eglesorala*. Она добывается глыбами, наподобие камня, но от солнца и мороза рассыпается, образуя тончайшие пластинки. Эта одинаково плодородна для злаков и трав. (47) Песчаной пользуются, если другой нет, но на заболоченных участках—и при наличии другой. Убийи, насколько мы знаем,—единственное племя, которое, обрабатывая плодороднейшие поля, удобряет их тем, что накладывает сверху слой, толщиной в фут, любой земли, выкопанной с глубины не менее трех футов. Но это приносит пользу не более десяти лет. Эдуи и Пиктоны сделали свои поля весьма плодородными при помощи извести, которая оказывается чрезвычайно полезной также и для маслин и винограда. (48) Всякий мергель нужно рассыпать на вспаханной почве, чтобы его целебное действие было воспринято. Он требует также некоторого количества навоза, будучи вначале слишком жестким и плохо проникающим в травы; иначе, каков бы он ни был, он своей новизной вредит почве; да и с примесью он не увеличивает урожая в первый год. Важно и то, для какой почвы он предназначен. Сухой предпочтителен для влажной, для сухой—жирный; для смешанной подходит любой из двух родов—мел или сизая земля.

(49) Транспаданцы так ценят удобрение золой, что предпочитают ее навозу и потому сжигают навоз выючных животных, который наиболее легок. Однако нельзя пользоваться одинаково тем и другим для удобрения одного и того же поля; и зола непригодна для виноградников и для некоторых злаков, как мы еще скажем. Иные считают, что и пыль питает виноград, посыпают пылью вызревающие гроздья и подбрасывают ее к корням лоз и деревьев. Несомненно, что в Нарбонской провинции цирций именно так ускоряет созре-

вание винограда, и пыль там приносит больше пользы, чем солнце. (50) Есть много разновидностей навоза, и применение его дело древнее. Уже у Гомера представлен царственный старец, собственноручно удобряющий так поле. Согласно преданию, уважавание в Греции изобрел царь Авгий, а Геркулес распространил в Италии, которая, однако, присудила бессмертие за это изобретение своему царю Стеркуту, сыну Фавна. М. Варрон отдает первенство помету дроздов из птичников, который он превозносит также и как корм для коров и свиней, утверждая, что ни от какой другой пищи они не жиреют быстрее. Можно высоко ставить наши нравы, если у наших предков были такие птичники, что их было достаточно для уваживания полей. (51) Колумелла считает первым по качеству помет из голубятников, следующим—из курятников, а помет плавающих птиц осуждает. Другие авторы единогласно указывают для этой цели, прежде всего, извергнутые остатки человеческой пищи. Некоторые из них предпочитают мочу, в которой вымачивалась шерсть в дубильных мастерских, другие просто, с добавкой воды, и притом в большем количестве, чем то, которое подливали к вину, потому что приходится смягчать больше вредных свойств, когда к собственной ядовитости вина присоединилось еще то, что добавлено человеком. Так в этом состязании доходят до того, что человеческая пища, в свою очередь, служит для питания земли. (52) Далее хвалят свиные нечистоты; один только Колумелла их осуждает. Иные предпочитают помет любого четвероногого, питающегося ракитником, иные—голубиный. Далее идет козий навоз, потом овечий, затем коровий, наконец, выюнных животных.

(53) Такие разновидности различали древние. Вместе с тем, я не нахожу указаний на пользование свежим навозом: и здесь старение приносит пользу. В некоторых провинциях, богатых скотом, нашли лучшим просевать старый навоз через решето наподобие муки; действие времени изменяет его запах и вид даже в сторону некоторой приятности. Недавно нашли, что маслины особенно любят золу из печей для обжигания извести. (54) Варрон добавляет к имеющимся указаниям, что конский навоз, являющийся самым легким, питает посевы, а луга—более тяжелый, получающийся при ячменном корме и порождающий много трав.

Некоторые также предпочитают навоз выюнных животных коровьему и овечьим козьему, а ослиный всем остальным, потому что ослы медленнее всех животных жуют. Однако практика свидетельствует против того и другого. Но все одинаково признают, что нет ничего полезнее, как запахать плугом или закрыть лопатой посевы люпина, раньше чем он даст бобы, или накидывать вязанки из него к корням деревьев и лоз. Полагают даже, что там, где нет скота, можно удобрять соломою или также папоротником.

(55) Катон: Из чего готовить навоз—подстилочная солома, люпин, мякина, бобовая солома, листья дуба и падуба. Из посевов выпалывай бузник и болиголов, а из ивняка высокую траву и тростник и подстилай их овцам, а также гнилые листья. Если виноградник худ, сожги срезанные побеги и там же их запаши. Он же: Когда задумаешь сеять хлеб, выпаси там овец.

(56) Он говорит, что некоторые посевы и сами питают землю. Пашню уваживают такие злаки: люпин, боб, вика. И наоборот: нут—потому что его выдергивают и потому что он солен,—ячмень, пажитник, чечевица—все эти растения сжигают почву, и также все остальные, которые выдергиваются. Остерегайся бросать косточки плодов на пахотную землю. Вергилий полагает, что лен, овес и мак также сжигают почву.

(57) Навозные кучи советуют помещать под открытым небом во впадинах, где собирается влага, покрывая их соломой, чтобы они не высушались на солнце, и втыкая посредине дубовый кол, чтобы там не зародились змеи. Очень важно раскидывать навоз по земле, когда дует фавоний и в новолуние. Многие ошибочно понимают это так, что нужно делать это только в феврале месяце, когда начинается фавоний, между тем, как большая часть посевов требует этого в другие месяцы. В какое бы время ни пришлось раскидывать навоз, надо позаботиться о том, чтобы это происходило при ветре от равноденственного заката и при убывающей луне или в новолуние. Удобряющее действие навоза удивительным образом усиливается при соблюдении этого.

(58) Поговорив достаточно подробно об условиях неба и земли, скажем теперь о тех деревьях, которые произрастают, благодаря заботе и искусству человека. Различных родов их почти столько же, сколько производит природа; так хорошо мы воздали ей благодарность. Их разводят или семенами, или саженцами, или побегами, или отводками, или черенками, или прививкой, или срезая ствол дерева. Но я удивляюсь тому, что Трог поверил, будто вавилоняне сажают листья пальм и так выращивают деревья. Некоторые деревья разводятся несколькими способами, некоторые всеми.

(59) Большинству этих способов нас научила сама природа, и прежде всего—сажанию семян, тем, что, упав на землю и будучи ею воспринято, семя оживает. Но некоторые деревья иначе и не вырастают, как, например, каштаны, грецкие орехи, если не считать тех, что предназначены на сруб*. Семенами же, хотя и не такими, можно разводить и те деревья, которые допускают другие способы, например, виноград, яблони и груши: у них семенем является косточка, а не самый плод, как у названных выше. И мушмула также может расти из семени. Но все они в этом случае медленно растут и вырождаются, так что приходится их восстанавливать прививкой; иногда даже и каштаны.

(60) У некоторых деревьев, наоборот, природа такова, что они не вырождаются, каким бы способом их ни разводить; таковы кипарисы, пальмы, лавры: и лавр разводится различными способами. Различные виды его мы перечислили. Из них августа, и ягодный лавр, и тин разводятся одинаковым образом. Собирают в январе месяце ягоды, высушенные дуящим в это время аквилонем, и рассыпают их, чтобы они не перегрелись, лежа кучей. (61) После этого некоторые, подготовив их навозом к высаживанию, поливают мочой,

* Речь идет о *silva caedua*—выражение, встречающееся у Катона, I, 7, Варрона, I, 23, 6; 37, 1, и Колумеллы, III, 3, 1, и означающее, по Brehaut (I. c., p. 4 и 9), деревья, листва которых срезывается на корм скоту. *Прим. ред.*

другие, положив в корзину, топчут их ногами в проточной воде, пока не удалят кожуру; иначе она вредит своей сыростью и задерживает прорастание. Сажают их в марте, по двадцати, приблизительно, штук вместе, в ямку, глубиной в ладонь. Эти же виды лавра разводятся и побегами: триумфальный лавр—только черенками. (62) Все виды мирта в Кампании разводят ягодами, в Риме—побегами. Тарентинский мирт, как утверждает Демокрит, можно сажать и другим способом: самые крупные ягоды слегка растолочь, так, чтобы не раздавить зерен...

* растерев, намазать этим веревочку** и так сажать. Получится заросль, густая, как стена, от которой можно брать отводки. Для получения изгороди так же сажают и терновник, образуя веревочку его ягодами. Кусты же лавра и мирта, в случае надобности, можно пересаживать, начиная с трехлетнего возраста.

(63) Из тех растений, которые разводят семенами, Магон особенно распространяется об орехах. Миндаль он советует сажать на участке мягкой глины, обращенном на юг; любит, по его словам, это дерево и твердую горячую землю, а на жирной или влажной умирает или становится бесплодным; миндалины для посадки надо выбирать наиболее заостренные и от молодого дерева; размачивать их в течение трех дней в навозной жиже или за день до посадки в воде, подслащенной медом; втыкать в землю острием так, чтобы острое ребро смотрело к аквилону; сажать по три вместе, располагая их треугольником на расстоянии ладони одну от другой; поливать каждые десять дней, пока не подрастут. (64) Грецкие орехи кладут в землю так, чтобы они лежали на своем шве; семена пинии сажают по семи вместе в продырявленные горшки или так же, как лавры, разводимые ягодами. Лимонные деревья выращиваются из зерен или побегов, рябиновые из семян, или саженцев, или отводков; но те—в жарких местах, а рябиновые—в холодных и влажных.

(65) Природа показала и питомники для рассады: у многих деревьев от корней подымается густая поросль, обреченная на то, чтобы быть убитой породившей ее матерью, тень которой угнетает эту беспорядочную толпу. Так бывает у лавров, гранатовых деревьев, платанов, вишен, слив. Лишь у немногих деревьев ветви падают потомство, например, у вязов и пальм. Но такое потомство вырастает только у тех деревьев, корни которых, любя солнце и дождь, распространяются в верхнем слое земли. (66) Принято не сразу сажать эти побеги в предназначенные для них места, а предварительно поручить их кормилице, давая им подрасти в питомниках, чтобы потом снова переселиться. Такой переход удивительно смягчает даже лесные породы, потому ли, что природа деревьев, так же как и человеческая, жадна к новизне и странствиям, или потому, что, покидая свое место, деревья оставляют там ядовитый сок, и рассада, оторванная от ее корней, умелым обращением приручается, как дикое животное.

(67) Нечто подобное показала природа и в других явлениях, когда оторванные от деревьев ветви продолжали жить. При этом их

* Пробел в оригинале. *Прим. ред.*

** *Restis*—веревка, у Плиния в другом месте (XX, 51) соединено со словом *alium*—лук, и означает, очевидно, не «веревочку», а зелень лука—*restis alii*. *Прим. ред.*

отрывают вместе с комлем, так что они уносят в своих волокнах и некоторую часть материнского тела. Этим способом сажают гранаты, лесной орешник (*corulus*), яблони, рябину, мушмулу, ясень, фи́ги и, прежде всего, виноград. Айва, посаженная таким образом, вырождается. (68) Отсюда же был найден и способ посадки отрезанных побегов. Сначала это делалось с бузиной, айвой и ежевикой для получения изгородей, а затем было применено и в целях возделывания, например, для тополя, ольхи и ивы, которую можно сажать, даже повернув побег верхушкой вниз. Эти деревья сразу высаживают туда, где их хотят иметь. Все же прежде, чем перейти к другому, надо сказать об уходе за питомниками.

(69) Для них важно выбрать особенную почву, потому что часто желательно, чтобы кормилица была добрее матери. Итак, это должна быть почва сухая, но не лишенная соков, обработанная двойным заступом*, гостеприимная к пришельцам и как можно более сходная с той землей, в которую их надо будет пересадить; но прежде всего — очищенная от камней и защищенная от доступа куриного племени; она должна иметь как можно меньше скважин, чтобы солнце, проникая в них, не сожгло корешки. (70) Сажать надо с промежутками в полтора фута, потому что, если саженцы будут соприкасаться, то, помимо других пороков, они становятся и червивыми; надо чаще полоть и вырывать травы, а также подчищать и самые подрастающие деревца, приучая их к ножу. (71) Катон советует также ставить решетки на рогатинах, высотой в человеческий рост, для защиты от солнца, а для защиты от холодов — покрывать их соломой. Так выращиваются из семян, говорит он, груши и яблоки, так пинии из орешков, так кипарисы, тоже выводимые из семян. При этом зерна бывают чрезвычайно малы, так что иные едва можно разглядеть. (72) Нельзя умолчать об этом чуде природы, что из такого малого зерна рождаются деревья, в то время как зерно пшеницы и ячменя, не говоря уже о бобе, настолько больше. Что сходного со своим происхождением имеют семена яблонь и груш? И из таких-то зачатков рождаются деревья, презирующие топор, рычаги, не сгибающиеся под огромными грузами, мачты для парусов, тараны для пробивания башен и стен!

Такова сила, такова мощь природы. Но все остальное превышает тем, что некоторые растения рождаются из слезы, как мы скажем в своем месте.

(73) Итак, собрав в указанные выше месяцы шишки женского кипариса — мужской, как мы сказали, не рождает, — их сушат на солнце; они лопаются, и из них высыпаются семена, которые очень любят муравьи; тут еще более удивительно то обстоятельство, что такая зверушка в своей пище уничтожает зародыш таких деревьев. Сажают их в апреле месяце, выровняв участок цилиндрами или катками, и сверху густо насыпают через решето земли на палец толщиной. При глубокой заделке всходы не могут подняться и сгибаются под землей. (74) Поэтому землю и приминают ногой. Понемногу поливают после захода солнца раз в три дня, чтобы равномерно поить семена, пока они не прорастут. Пересаживают через год, когда

* См. Катон, гл. 46. *Прим. ред.*

всходы достигнут роста в девять дюймов; для пересадки выжидают подходящей погоды—ясной и безветренной. Как это ни удивительно, но только в день пересадки опасно, если выпадет хоть сколько-нибудь дождя или подует ветер. В дальнейшем они вне опасности, но воды и впоследствии не любят. (75) Ююбу (*zizipha*) также сажают зерном в апреле месяце. Тубуры лучше прививать к лесной сливе, айве или калабрике—лесному терну, который превосходно воспринимает также тухае* и рябину.

Переносить, как это советуют некоторые, саженцы из одного питомника в другой, прежде чем высаживать их в свое место, я считаю слишком хлопотливым, хотя и утверждают, что от такого перенесения листья становятся больше. (76) Семя вязов собирают около мартовских календ, когда оно начинает темнеть, раньше чем деревья оденутся листьями. Затем, просушив его в тени в течение двух дней, густо высевают на вскопанный участок и покрывают сверху слоем измельченной и просеянной через решето земли, такой же толщины, как и для кипарисов. Если не помогут дожди, надо поливать. Через год деревца пересаживают из взшедшей на участке поросли в вязовые питомники, с промежутками в один фут во все стороны. (77) Атинские вязы лучше сажать осенью, потому что они, не имея семени, вырастаются из отводков. В пригородные виноградники пересаживают пятилетние деревья или, как предпочитают некоторые, деревья, достигшие двадцати футов. Дерево устанавливают в яму, называемую девятерной, трех футов в глубину, такой же или большей ширины, и обкладывают со всех сторон землей из окружающей почвы на три фута; в Кампании это называется *agula*. Промежутки берут, смотря по природе местности; на равнинах надо сажать реже. (78) Тополя и ясени, также выращиваемые из отводков, дают почки раньше, и поэтому их надо и высаживать раньше, то-есть после февральских ид. В расположении деревьев и лоз общераспространен и необходим пятиричный порядок (***) (квинтункс) не только потому что он создает желательные условия для движения воздуха, но и потому, что он наиболее приятен на вид, представляя стройно вытянувшиеся ряды, с какой бы стороны ни смотреть. Для тополей применяется тот же способ посадки семенами, что и для вязов, равно и тот же способ пересадки из питомников и лесов.

(79) Прежде всего, необходимо пересаживать в такую же или в лучшую землю; нельзя пересаживать из теплой и рано родящей местности в холодную и поздно родящую или наоборот; ямы выкапывают заранее, если возможно, настолько раньше, чтобы они успели покрыться густым дерном. (80) Магон советует делать это за год, чтобы ямы впитали солнце и дождь, или, если условия этого не допускают, развести в них огонь за два месяца, а посадку производить только после дождя; глубину их он определяет для глинистой и твердой почвы в три локтя во все стороны, на уклонах—на ладонь больше, и советует выкапывать их в форме трубы с суженным отверстием; а для черной земли—в два локтя с ладонью, при прямоугольных сторонах той же меры. Греческие авторы сходятся в том, что ямы должны

* *Cordia myxa* L. *Прим. ред.*

быть не глубже пяти полуфутов и не шире двух футов, но нигде не иметь глубину менее полутора футов. (81) Так как при влажной почве приходится дойти почти до воды, то Катон советует во влажных местах, выкопав ямы шириной в три фута у отверстия и в фут с ладонью внизу, глубиной в четыре фута, выстлать их камнем или, за неимением его, зелеными ивовыми жердями, если же и таковых не окажется—хворостом, таким образом, чтобы глубина убавилась на полуфута. Мы считаем нужным добавить, основываясь на указанных свойствах деревьев, что надо сажать глубже те деревья, которые любят пускать корни вровень с землей, каковы ясень, маслина: эти и им подобные надо сажать вглубь на четыре фута. Для прочих достаточно будет трех футов глубины. Нет вреда в обрезывании обнажившихся частей корня. «Срежь этот корень»,—сказал полководец Папирий Курсор, после того как приказал обнажить секиру, чтобы привести в страх пренестинского претора. (82) Некоторые предпочитают подкладывать черепки или круглые камешки, которые и задерживают и в меру пропускают влагу, тогда как плоские камни, по их мнению, непригодны для этого и заграживают землю от корня. Полюжив слой щебня, мы примирим то и другое мнение.

(83) Некоторые советуют пересаживать деревья не моложе двух и не старше трех лет, другие—когда окружность ствола в обхват заполняет руку. Катон—когда дерево станет толще пяти пальцев. Он не упустил бы сказать, если бы это имело значение, что на коре надо отмечать южную сторону неба, чтобы после пересадки дерево было обращено к тем же привычным направлениям и чтобы северные ветви не растрескивались, будучи подвержены южному солнцу, а южные не зябли от аквилонов. (84) Некоторые утверждают даже противоположное по отношению к виноградным лозам и смоковницам, изменяя их расположение на обратное: будто бы тогда листья становятся гуще и больше защищают плоды, которых меньше пропадает, а смоковничное дерево притом еще получает такой рост, что на него легче влезать. Многие особенно заботятся о том, чтобы срезать верхушку, и притом так, чтобы срез смотрел на юг, не понимая, что подвергают дерево опасности трещин от чрезмерного испарения. (85) Я предпочел бы чтобы этот срез смотрел на пятый или шестой час горизонта. Точно так же мало известно, что надо остерегаться засушить корни чрезмерным промедлением и что нельзя выкапывать деревья, когда дует ветер с севера и со всей части горизонта между севером и зимним восходом; во всяком случае, никак нельзя подставлять корни действию этих ветров, иначе они умирают, а земледелец и не догадывается о причине. (86) Катон считает вредными при пересадке все вообще ветры, а также и дождь. Кроме того, полезно оставить на корнях как можно больше той земли, в которой они жили, и целиком обвязать их вместе с дерном; Катон по той же причине дает совет, несомненно очень ценный, пересаживать в корзинках. Он считает достаточным выстлать дно ямы землей, взятой с поверхности. Некоторые говорят, что при подстилке из камня плоды на гранатовых деревьях не лопаются. Корни лучше укладывать согнутыми; самое же дерево необходимо помещать так, чтобы оно было по середине всей ямы. (87) Существует мнение,

что если смоковничное дерево посажено на морском луке—это особый род лука,—то скорее начинает приносить плоды, и притом не подверженные червивости; от того же порока свободны и остальные плоды при таком способе посадки. Для кого не очевидно, что нужно соблюдать большую осторожность в обращении с мелкими корешками, чтобы они имели вид вынутых, а не вырванных? Равным образом, мы опускаем и остальные указания, как, например, о том, чтобы примять землю вокруг корней, чему Катон придает первостепенную важность; он же предписывает рану на стволе обмазать навозом и перевязать листьями.

(88) Здесь уместно привести сведения, относящиеся к промежуткам между деревьями. Некоторые советуют сажать гранаты, мирты и лавры более густо, чем остальные деревья, но все же на расстоянии девяти футов одно от другого; несколько дальше—яблони, еще дальше груши и еще дальше—миндальные и фиговые деревья. Впрочем лучше всего сообразоваться с длиной ветвей и характером местности, а также с величиной тени каждого дерева—и это также надо учитывать. Тень не велика даже у больших деревьев, если их ветви образуют шар, например, у яблонь и груш; но она огромна у вишен и лавров.

(89) Но есть и некоторые особенности у тени различных деревьев: тень грецкого ореха тяжела и вредна как для головы человека, так и для окружающих это дерево растений. Убивает травы также и сосна; но оба эти дерева хорошо противостоят ветрам, а виноградники нуждаются в такой защите. Капель самая тяжелая бывает с дуба, каменного дуба и сосны, с кипариса совсем никакой, а тень этого дерева очень мала и собрана в себя. Тень смоковничных деревьев легка, хотя и широка, поэтому нечего возразить против посадки их в виноградниках. (90) Тень вязов мягка и даже питает те растения, на которые падает; Атик же считает и ее одной из наиболее тяжелых. Не сомневаюсь, что это так, если деревья раскинутся ветвями; но не думаю, чтобы была вредна тень от подстриженного вяза. Благоприятна и тень платана, хотя и густа: об этом убедительно свидетельствует трава, которая ни под каким другим деревом не покрывает почву более пышно. У тополя, листья которого играют, нет никакой тени, у ольхи плотная, но питающая растения. (91) Виноградная лоза довольствуется сама собой: ее лист подвижен и, постоянно трепеща, умеряет солнце тенью, а также служит защитой при сильном дожде. В общем все деревья, имеющие длинные черешки, дают легкую тень. Нельзя пренебрегать этим знанием или ставить его на последнее место, потому что для каждого растения тень или кормилица или мачеха. Что касается тени грецких орехов, сосен, пихт и елей, то она, несомненно, ядовита для всего, чего только коснется.

(92) Определение капли коротко: вредносна капля, падающая со всех деревьев, которые так защищены разросшейся листвой, что дождь не падает сквозь них. Таким образом, в этом вопросе имеет большое значение земля, на которой мы садим—насколько она питает каждое дерево. Холмы уже сами по себе требуют меньших промежутков. (93) В ветренных местах надо сажать чаще, но маслину с самыми большими промежутками: по мнению Катона, на расстоянии двадцати

пяти футов и до тридцати. Но это меняется, смотря по природе мест. В Бетике нет большего дерева, чем маслина, а в Африке, как передают,—ответственность остается на авторах,—многие деревья называются тысячефунтовыми, по весу масла, приносимого ими ежегодно. Поэтому Магон назначил для них промежуток в семьдесят пять футов со всех сторон, или, при тощей и твердой почве и в ветренном месте, самое меньшее—сорок пять футов. (94) Бетика собирает с маслин наиболее обильные урожаи. Все согласятся, что проявление постыдного невежества—подстригать взрослые деревья больше, чем это допустимо, ускоряя их старость, или как это обычно бывает, вырубать целые деревья, чем сам садовод свидетельствует о своей неопытности. Нет ничего хуже для земледельца, как сожаление о том, что сделано, так что лучше уже погрешить чрезмерно редкой посадкой.

(95) Некоторые деревья по природе растут медленно и прежде всего те, которые рождаются только из семян и отличаются долговечностью. Те же, которые быстро гибнут, быстро и растут, как, например, смоковничное и гранатное деревья, слива, яблоня, груша, мирт, ива; таким образом, они все же превосходят остальные доходностью. Действительно, они начинают приносить плоды в три года, а признаки этого показывают и раньше. Из них более позднее дерево груша, а самое скороспелое хенна и кустарник *pseudocypirus*: он сразу же цветет и приносит семена. При этом все деревья растут быстрее, если отрезать боковые побеги, направляя питательные соки в один ствол.

(96) Та же природа научила и делать отводки: побеги ежевики, сгибаясь вследствие своей тонкости и чрезвычайной длины, касаются верхушками земли и снова рождаются; они заполнили бы собою все, если бы этому не противостояла культура, так что прямо можно сказать, что человек создан для ухода за землей. Таким образом, дурное и ненавистное растение все же показало нам отводки и живые и корни. Такая же природа у плюща. Катон говорит, что отводками можно сажать, кроме виноградной лозы, также смоковничное дерево, маслину, гранатовое дерево, все виды яблонь, лавры, сливы, мирт, орешник абелланский и пренестинский, платан.

(97) Есть два вида отводков. Отгибают ветку от дерева в яму величиной в четыре фута по всем направлениям, через два года перерезают в сгибе, а через три года пересаживают отводок. Если предполагается переносить отводки на далекое расстояние, то удобнее всего сразу закапывать их в корзинках или гончарных горшках, чтобы в них и перенести. (98) Второй способ, более прихотливый: на самом дереве вызывают корни, пропуская ветви через горшки или корзинки, с набитой вокруг ветвей землей, и, получив при помощи этой уловки корни среди самих плодов и верхушек—ибо к самым верхушкам подводит их смелый ум, создающий новое дерево вдали от почвы,—по истечении того же двухлетнего срока, что и в предыдущем способе, отрезают отводок и сажают его вместе с корзинкой. Можжевельник (*sabina herba*) разводят отводками и побегами; говорят, что для него удивительно полезен винный осадок, а также толченый кирпич. Розмарин разводят теми же способами и ветками, так как ни у мож-

жевелиника, ни у розмарина нет семени; рододендрон—отводками и семенем.

(99) Прививке семенами также научила природа: бывает, что семена, второпях целиком проглоченные голодной птицей и размяченные теплотой желудка, выбрасываются вместе с плодотворящим снадобьем помета в мягкие ложа деревьев или часто заносятся ветром в какие-нибудь расщелины коры, после чего нам и приходится видеть вишню на иве, платан на лавре, лавр на вишне и разноцветные плоды, растущие вместе. Передают, что то же самое производит и галка, прячущая запасы семян в дуплах деревьев.

(100) Отсюда возникла прививка глазком: на дереве открывают глазок, вырезав кору при помощи трубки, сходной с сапожничьей, и закладывают туда семя*, снятое тою же трубкой с другого дерева. Такова была древнейшая прививка для смоковниц и яблонь. По способу Вергилия ищут впадину в узле приподнятой почкою коры и закладывают туда почку от другого дерева.

(101) Итак, всему, о чем говорилось до сих пор, нас научила сама природа, прививке же обычной—случай, второй и едва ли он не более усердный учитель, а именно следующим образом: заботливый земледелец, опоясывая свою хижину плетнем для того чтобы жерди меньше гнили, подложил под них подкладку из плюща (*hedera*). И вот они, захваченные живительным прикусом, из чужой жизни создали свою, и оказалось, что пень заменяет землю. Итак, снимают ровно поверхность пилой и сглаживают пенек серпом. (102) После этого можно действовать двояко: во-первых, прививать в промежуток между корой и древесиной. В древности боялись раскалывать ствол, но впоследствии, решившись проникнуть внутрь, стали прижимать привой к средней части ствола и к самой его сердцевине, причем прививали один привой, так как больше не помещалось в сердцевине. В дальнейшем искусство изошрилось до шести привоев, противопоставляя их смертности увеличение числа; при этом ствол осторожно раскалывается посредине и расщелину сдерживают тонким клином, пока не опустят в нее заостренный привой.

(103) Здесь надо многое учитывать: прежде всего, какое дерево выносит такое сочетание и с каким деревом. Затем, не одинаково и не в одних и тех же частях расположены соки у различных деревьев. У виноградных лоз и смоковничных деревьев средние части более сухие, и зачатие сосредоточено в верхней части; поэтому оттуда и берут привой. У маслин сок—в средней части, откуда и берут привой; верхушки же сухи. (104) Легче всего срastaются такие деревья, у которых одинакова природа коры и которые, вместе зацветая, объединены родством одновременности и общностью соков. Медленно идет дело, когда приходится бороться сухому с влажным, жесткой коре с мягкой. Далее, нужно наблюдать, чтобы расщеп не пришелся на узел—здесь негостеприимная жесткость отвергает пришельца,—чтобы он был в самой гладкой части и не был на много длиннее трех пальцев, не был косо направленным или зияющим. (105) Вергилий запрещает

* Слово «семя» (*semen*) употреблено здесь Плинием в расширенном смысле («посадочный материал»).

брать прививку от верхушки, и известно, что надо искать привой с тех верхних веток, которые смотрят на летний восход, притом от плодовых деревьев и от молодых побегов, если они не предназначаются для прививки к старому дереву, потому что в последнем случае они должны быть крепче.

Кроме того, надо чтобы привои обещали плод, то-есть полны были зародышами, которые принесли бы плод в этом году, во всяком случае имели не менее двух лет и были не тоньше мизинца. (106) Можно прививать и обратным концом, если требуется, чтобы при меньшей высоте они пошли выше. Прежде всего важно, чтобы, имея почки, они все же были гладкими: язвения или искривленность не благоприятствуют надеждам. Сердцевина прививаемого ростка должна соприкасаться с тем слоем материнского дерева, где древесина соединяется с корой: это лучше, чем располагать прививку снаружи вровень с корой. Заострение прививаемого ростка не должно обнажать сердцевину, но все же открывать ее тонкой трубочкой. Окончание должно сходиться пологим клином, не длиннее трех пальцев; этого очень легко достигнуть, размочив ее в воде перед обстругиванием. (107) Нельзя заострять на ветру; надо следить, чтобы кора не отставала от древесины ни здесь, ни там. Привой вставляется вплоть до его коры. Вставляя, надо остерегаться повредить его, чтобы кора не образовала складок. Поэтому нельзя прививать слезающиеся ростки,—не более, клянусь Геркулесом, чем сухие, потому что в первом случае от избытка влаги кора сдвигается, а во втором—вследствие недостатка жизненной силы не пропитывается соком и не срастается. (108) При этом также тщательно следят, чтобы прививка происходила при возрастающей луне и чтобы привой вставлялся обеими руками. Да и действительно, обе руки, действуя вместе, производят меньшее усилие, по необходимости умеряя друг друга. Привой, вдавленный сильнее, позднее начинает плодоносить и более долговечен; в противном случае—наоборот. Расщелина не должна слишком зиять и охватывать слишком свободно или, наоборот, недостаточно свободно, когда она выдавливает привой или, сжав, убивает его; (109) особенно надо остерегаться этого, имея дело со стволом быстро воспринимающего дерева. Для того чтобы расщелина остановилась посредине, некоторые, сделав на стволе ножом след расщелины, обвязывают ивовым прутом самый край и затем расщепляют клином: перевязка ограничивает свободу расщепления. (Некоторые растения после прививки в питомнике в тот же день пересаживают.) Если прививают к толстому стволу, то лучше помещать привой между корой и древесиной, раздвинув их, лучше всего, костяным клином, чтобы кора не лопнула. (110) У вишневых деревьев, перед тем как сделать расщелину, снимают луб. Это единственные деревья, допускающие прививку и после зимнего одиностояния. После снятия луба на них остается как бы пух, и если он попадет на росток, то вызывает его загнивание. Очень полезно, введя клин, стянуть расщелину перевязкой. Прививать лучше всего как можно ближе к земле, насколько это допускают свойства ствола и положение узлов. Выступать в длину привои должны не более, чем на шесть пальцев. (111) Катон советует смешать глину или мел с песком и коровьим пометом, растереть до полуоче-

ния вязкой массы и ею обмазывать внутри и кругом. Из его описания ясно видно, что в то время прививали не иначе, как между древесной и корой, и вставляли привой не дальше, как на два пальца. Прививать груши и яблони он советует весной или через пятьдесят дней после солнцестояния, а также после жатвы, (112) а маслины и смоковницы—только весной, в новолуние, притом после полудня и не при южном ветре. Странно, что он, не довольствуясь той защитой прививки, о которой уже сказано,—тем, что она прикрыта от дождя и холодов дерном и мягкими связками расколотых вдоль прутьев, сверх того, советует еще покрыть бычьим языком—это такой род травы—и обвязать, положив еще сверху соломы. Теперь считают вполне достаточным закрыть лубом и смесью глины с мякиной, причем росток выступает на два пальца. (113) Прививая весной, надо торопиться, потому что почки быстро развиваются; исключение составляет маслина, глазки которой рождаются очень медленно и у которой под корой очень мало соку (который вредит прививке в том случае, если его слишком много). Задерживать же прививку гранатовых и смоковничных деревьев, как и всех других сухих, не имеет никакого смысла. (114) Грушу можно прививать и в цвету и затянуть прививку даже до мая месяца. Если плодовые привои приходится далеко переносить, то лучше всего, как полагают, можно сберечь их сок, втыкая их в репу, а сохранять их между двумя черепичными желобками, поблизости от ручья или пруда, обложив с обеих сторон землей; ростки же виноградных лоз—в сухих ямах, закрыв их соломой и затем посыпав землей, так, чтобы они выступали верхушками.

(115) Катон прививает виноградную лозу тремя способами: во-первых, он советует, обрезав лозу, расщепить ее вдоль по сердцевине, вставить в нее привой, заостренные, как сказано выше, и соединить сердцевинны. По второму способу, если лозы соприкасаются между собой, то на обеих срезают наискось расположенные друг против друга стороны и, соединив сердцевинны, связывают. Третий способ—пробуравить насквозь лозу до сердцевинны, вставить привой, длиной в два фута, и, обвязав прививку и обмазав ее замазкой, покрыть землей, направляя привитые побеги вверх.

(116) В наше время введено улучшение, заключающееся в том, что пользуются галльским буравчиком, который сверлит, но не вызывает в дереве нагревания; ведь всякий ожог ослабляет; привой выбирают такой, который начинает пускать почки; от места прививки он должен иметь не более двух глазков; обвязывают...* прутьями вяза* (надрезают) острием с двух сторон, чтобы оттуда стекал слизистый сок, который чрезвычайно вреден виноградным лозам; затем, когда побеги вырастут на два фута, перевязка привоя надрезается, чтобы предоставить ему свободу расти в толщину. (117) Время для прививки лоз указано от осеннего равноденствия до начала зарождения почек. Культурные растения прививаются к корням лесных растений, по природе более сухим; если культурные растения привить к лесным, то они вырождаются до дикого состояния. Остальное зависит от погоды. Благоприятнее всего для прививок сухая погода;

* В тексте пропуск. *Прим. ред.*

против чрезмерной сухости есть средство: поставить рядом глиняные горшки, из которых понемногу сочится вода сквозь золу. Прививка глазком любит легкие росы.

(118) Прививку наложением (emplastratio) можно считать также возникшей из прививки глазком. Она больше всего подходит для толстой коры, какая бывает у смоковниц. При этом способе, обрезав все ветви, чтобы они не отвлекали соков, на самом гладком месте, там, где заметна особая живость, вынимают пластинку, так, чтобы нож не проник глубже коры, и прижимают такую же пластинку коры от другого дерева, вместе с соком ее почки, причем стык должен быть таким плотным, чтобы не оставалось места для рубца и сразу оказалось соединение, не пропускающее ни влаги, ни воздуха; тем не менее, лучше защитить его еще и обмазыванием и повязкой. (119) Любители новизны утверждают, что этот способ изобретен недавно, но он встречается уже и у древних греков и у Катона, который советует так прививать маслину и смоковничное дерево, определяя даже меру с обычной для него точностью: вырезать ножом кусочек коры длиной в четыре пальца и шириной в три, приложить, как сказано, и обмазать его этой замазкой, так же, как это делается для яблони. Некоторые для виноградных лоз присоединяют к этому способу расщепление, удаляя пластинку коры и делая прививку к плоскому боку. (120) Мы видели близ Тибуртинских водопадов дерево, привитое всеми этими способами и отягощенное всякого рода плодами—на одной ветви орехами, на другой ягодами, еще на других виноградом, грушами, винными ягодами, гранатами, разными родами яблок. Но оно было недолговечно. Не всего, однако, мы можем достигнуть искусственными способами: некоторые растения не могут родиться иначе, как самопроизвольно, и растут только в диких и пустынных местах. (121) Самым восприимчивым ко всяким прививкам считается платан, затем дуб (robur), но оба они портят вкус плодов. Некоторые прививаются всеми способами, как, например, смоковничные и гранатовые деревья. Виноградная лоза не принимает прививки наложением, как и все растения с тонкой, слабой и скважистой корой; прививки же глазком не принимают растения сухие или недостаточно сочные. Плодовитее всего прививка глазком, затем прививка наложением, но обе они весьма непрочны; то, что держится на одной коре, быстро отламывается даже от легкого ветерка. Прививка делает растение очень выносливым и более плодовитым, чем посадка.

(122) Нельзя не упомянуть об одном редкостном примере. Некий Кореллий, римский всадник родом из Агесте, привил под Неаполем каштан его же собственным привоем. Так получились каштан, известный под названием кореллианского, как один из лучших. После того Терей, вольноотпущенник Кореллия, снова привил так же кореллианский каштан. Между ними такая разница: тот плодовитее, но этот—терейский—лучше.

(123) Остальные способы разведения измыслил мудрый случай, который научил сажать отломанные ветки тем, что забитые в землю колья пустили корни. Так сажают многие деревья, и прежде всего, смоковничное, которое родится и всеми другими способами, кроме отводков, но лучше всего, если, заострив более крупную ветку напо-

любие кола, глубоко забить ее, оставив над поверхностью земли лишь небольшую верхушку, да и ее прикрыв песком. Веткой сажают гранаты, расширив предварительно проход для них при помощи кола, а также и мирт; ветки во всех этих случаях берут длиной в три фута, толщиной поменьше, чем в руку; кору тщательно сохраняют, конец заостряют.

(124) Мирт сажают и черенками, тутовое дерево—только черенками, так как прививать его к вязу не позволяет опасность удара молнии. Поэтому теперь надо сказать о сажении черенками. При этом, прежде всего, надо соблюдать, чтобы черенки были от плодовых деревьев, чтобы они были не кривые, не бугристые и не раздвоенные, не тоньше охвата ладонью, не короче фута, чтобы кора не была повреждена; сажать нужно всегда срезом, то-есть тем концом, который был ближе к корню, вниз; почки нужно обкладывать землей, пока саженец не войдет в силу.

(125) Те правила, которые Катон считал необходимыми при уходе за маслинами, мы лучше всего преподадим его собственными словами: «Черенки маслины, которые будешь сажать в яму, делай трехфутowymi и внимательно следи, чтобы не пострадал луб, когда будешь рубить или резать. Те, которые будешь сажать в питомнике, делай футowymi. Их сажай так: место должно быть обработанное двойным заступом и достаточно рыхлое. Когда будешь втыкать черенок, притопчи отводок ногой. Если мало войдет в землю, вгони молотом или колотушкой; берегись повредить кору, когда будешь вгонять. Колом заранее не подготавливай места, куда погружать черенок; так он будет лучше жить. Когда саженцам три года, они уже готовы для размножения тогда, когда луб начнет меняться. (126) Если будешь сажать в ямы или в борозды, сажай по три черенка вместе и наклони их в разные стороны. Над землей они должны выдаваться не больше, чем на четыре пальца; или сажай глазки. Маслину надо вынимать осторожно и так, чтобы осталось как можно больше корней, покрытых землей; когда хорошо закроешь корни, надо хорошо утоптать, чтобы не повредило что-нибудь. Если кто спросит, какое время подходит для посадки маслины,—при тощей почве—во время посева, при тучной почве—весной.

(127) Маслины начинай подстригать за пятнадцать дней до весеннего равноденствия. С этого дня можно подстригать в течение пятидесяти дней. Подстригай их так: если место очень плодородное; то сними все сухое и все, что надломит ветер; если место неплодородное, то срезай больше и хорошо пропаши, и удали узлы и облегчи сучья. Вокруг маслин осенью прокопай и прибавь навозу. Кто будет слишком часто и слишком глубоко перемешивать землю под маслинами, тот вырвет самые тонкие корешки. Если плохо вспахивать, корни уйдут вверх, сделаются слишком толстыми, и от этого силы маслины уйдут в корни».

(128) Какие породы маслин в какого рода земле он советует сажать и в какую сторону обращать масличные сады,—это мы сказали там, где говорилось о маслинах. Магон дал совет сажать их на холмах, на сухой и глинистой почве между осенним равноденствием и зимним солнцестоянием, а на жирной, влажной или орошаемой

почве—от времени жатвы до зимнего солнцестояния. Это предписание, как надо понимать, относится к Африке. В Италии в настоящее время их сажают преимущественно весной. Но если даже предпочтут сажать их и осенью, то есть всего четыре дня, в течение которых сажать вредно,—от сорокового дня после равноденствия до захода Плеяд*. (129) Особенность Африки та, что здесь прививают их к дикой маслине своего рода вечной прививкой: когда дерево состарится, отводят ближайший к месту усыновления побег, и таким образом из него же возникает другое, молодое дерево, и так же снова, сколько раз это понадобится, так что одни и те же масличные сады существуют веками. Прививают же к дикой маслине побегом и глазком.

(130) Нехорошо сажать маслину в то место, откуда выкопан дуб, потому что на корне дуба водятся черви, так называемые рауки (гаусае), которые переходят на маслину. Установлено, что полезнее не обкуривать черенков и не сушить их перед посадкой. Найдено также, что хорошо бывает раз в два года, между весенним равноденствием и восходом Плеяд, подстригать старый масличный сад и расчищать мох, ежегодно после солнцестояния окапывать деревья, делая ямы в два локтя шириной и в один фут глубиной, унавоживать через два года на третий.

• (131) Тот же Магон советует сажать миндальные деревья от захода Арктура до зимнего солнцестояния, груши не все в одно время, потому что они и цветут не все в одно время, но продолговатые и круглые от захода Плеяд до зимнего солнцестояния, а остальные роды среди зимы, после захода Стрелы, притом так, чтобы они смотрели на восток или на север; лавр от захода Орла до захода Стрелы. С этим же связаны и общие соображения о времени посадки и прививки. Большей частью предписывают производить их весной и осенью. (132). Есть и другое время—около восхода Пса, но оно известно лишь немногим, потому что оказывается не для всех мест одинаково выгодным; мы все же не должны умолчать о нем, так как исследуем свойства не какой-либо определенной области, а всей природы. (133) В области Кирены сажают во время пассатных ветров, также и в Греции, маслину—особенно в Лаконике. Тогда же остров Коос сажает и виноградные лозы, а остальные греки не колеблются производить окулировку и прививку, но не сажают деревьев. Здесь очень много значит природа мест; так, в Египте сажают в любом месяце, а везде, где летом идут дожди, как, например, в Индии и Эфиопии, там, по необходимости, деревья сажают после дождей, осенью. (134) И вот, точно так же есть три поры зарождения почек—весна и восходы Пса и Арктура. Действительно, не только животным свойственна охота к совокуплению, но гораздо более сильна страсть земли и всех растений, и своевременно воспользоваться ею очень важно для зачатия; особенно же важно это для прививки, так как здесь бывает обоюдное стремление сойтись (135). Те, кто предпочитают весну, сочетают растения тотчас после равноденствия, утверждая, что тогда ростки дадут плод и коре легче соединиться в плодоносном объятии. Те, кто предпочитают осень, делают это начиная с восхода Арктура,

* Vergiliae—латинское название Плеяд. *Прим. ред.*

потому что тогда растения сразу некоторым образом укореняются и встречают весну подготовленными, не затратив сразу сил на зарождение почек. Некоторые деревья, однако, повсюду имеют твердо установленное время года для посадки и прививки, как, например, вишни и миндаль—около зимнего солнцестояния. В большинстве случаев лучшим судьей в этом будет характер местности. Так, в холодных и влажных местах надо сажать весной, в сухих и жарких—осенью.

(136) В общем же, в условиях Италии сроки распределяются следующим образом: для тутового дерева от февральских ид до равноденствия, для груши—осень с тем, чтобы предупредить зимнее солнцестояние на пятнадцать дней, не менее; для летних яблонь и айвы, а также для рябины и сливы—после середины зимы до февральских ид, для греческих стручков и персиков—осенью до зимнего солнцестояния, для орехов, грецких орехов, пинии, авелланских орехов, миндаля и каштана—от мартовских календ до ид того же месяца, для ивы и дрока—около мартовских календ. Дрок сажают, как мы сказали, семенами в сухих местах, а иву побегом во влажных.

(137) Есть еще и новый способ прививки,—чтобы не пропустить сознательно ничего из того, что я где-либо нашел,—изобретенный Колумеллой, как он сам утверждает; этим способом сочетаются даже различные между собой и несклонные к общению природы деревья, как, например, смоковничное дерево и маслины. Он велит посадить смоковничное дерево рядом с маслиной, не далее, чем на таком расстоянии, чтобы его могла коснуться издали наиболее гибкая и податливая ветка маслины, и заранее непрестанно укрощать эту ветку, приучая ее к сгибанию. (138) Затем, когда смоковничное дерево войдет в силу, что бывает в возрасте трех и уже, во всяком случае, пяти лет, срезать его верхушку и, обрезав также ветку маслины и обстругав, как было сказано, конец воткнуть в ствол смоковничного дерева и привязать, чтобы она не вырвалась вследствие своего изгиба. Таким образом, путем некоторой помеси между способами отводков и прививки, эта ветка произрастает, оставаясь общей двум матерям, а на четвертый год ее отрезают, и она уже целиком принадлежит усыновляющему дереву. Этот способ еще не получил общего распространения и мне, по крайней мере, недостаточно хорошо знаком.

(139) Между прочим, те же изложенные выше соображения о жарких и холодных, влажных и сухих местах научили и копанию ям. Во влажных местах их невыгодно делать большими и глубокими; напротив того, это необходимо в жарком и сухом месте, чтобы в ямах собиралось и удерживалось как можно больше воды. Таков же и способ ухода за старыми деревьями. В знойных местах летом окучивают корни и закрывают их, чтобы их не опалил жар солнца (140). В остальных местах их окапывают, давая доступ воздуху, зимою же посредством окучивания защищают от холода, тогда как в предыдущем случае, напротив, зимой открывают, изыскивая влагу для жаждущих корней. Окапывать надо везде на три фута по окружности, но этого не делают на лугах, потому что здесь любовь к солнцу и влаге заставляет корни распространяться в верхнем слое почвы.

Ограничимся тем, что сказано вообще о деревьях, сажаемых и прививаемых ради плодов.

(141) Остается сказать о тех, которые сажают ради других деревьев, главным образом, виноградной лозы, и древесина которых идет на порубку.

Первое место здесь занимают ивы, которые сажают во влажном месте, причем, однако, яму копают в два с половиной фута; сажают полторафутовым побегом или жердью, которая лучше, если будет потолще. (142) В промежутках должно быть по шести футов. В возрасте трех лет деревья подрезают на высоте двух футов от земли, чтобы они пошли вширь и можно было их подстригать без уступов. Чем ива ближе к земле, тем она плодovitее. Ивы также советуют ежегодно окапывать в апреле месяце. Таково возделывание лозняковой ивы. (143) Жердяную сажают и прутом и побегом; яму копают такую же. Жерди от нее можно отрезать, примерно, на четвертый год. Они же в виде отводков заполняют место стареющих деревьев, причем отрезают их через год. Одного югера лозняковой ивы достаточно на двадцать пять югеров виноградника. Для той же цели сажают белый тополь; ямы копают в два фута, побег берут в полтора фута, сушат его два дня, промежутки оставляют в фут с ладонью, насыпают земли толщиной в два локтя.

(144) Тростник любит еще более водянистую почву, чем эти деревья. Сажают луковичу корня, которую некоторые называют глазком, в девятидюймовую яму, с промежутками в два с половиной фута; восстанавливается насаждение само из себя после того, как старый тростник вырван; это оказывается более полезным, чем срезать его, как делали раньше, потому что корни, переплетаясь между собой, убивают друга друга. (145) Время посадки—раньше, чем глазки тростника набухнут, то-есть до мартовских календ. Растет тростник вплоть до зимнего солнцестояния и перестает расти тогда, когда начинает затвердевать. Это признак своевременности его срезания. И тростник считают нужным прокапывать так же часто, как виноградные лозы. Сажают его и горизонтально, закопав неглубоко в землю, причем из каждого глазка пробивается особое растение. (146) Сажают и отводки в футовую борозду, причем две почки закапывают, а третий узел оставляют на уровне почвы, наклонив верхушку, чтобы на ней не собиралась роса. Срезают его при убывающей луне. Для виноградников тростник, высушенный в течение года, полезнее, чем зеленый.

(147) Каштан предпочитают всем остальным тычинам вследствие легкости обработки и длительной стойкости. Способностью давать ростки, будучи срубленным, он превосходит даже иву. Почву он любит легкую, но не песчаную, и особенно влажный супесок, или угольную землю (*carbunculus*), или также туфовую муку; место может быть сколь угодно тенистое или открытое к северу и холодное или, наконец, покатое. Он отказывается расти на хряще, красной земле, меле и на какой бы то ни было слишком плодородной земле. (148) Сажают его, как мы сказали, орехом, но из них прорастают только самые крупные и притом посаженные по пяти вместе. Землю под ним нужно разбивать с ноября месяца до февраля, когда каштаны сами

собой опадают с дерева и прорастают. Промежутки должны быть футовые, борозда повсюду в девять дюймов. Из этого рассадника их через два года пересаживают в другой, с двухфутовыми промежутками. (149) Применяются и отводки, с большей легкостью, чем у какого-либо дерева: обнажив корень, вытягивают все растение вдоль борозды, тогда одно растение рождается из верхушки, оставленной над землей, а другое от корня. Но, будучи пересажен, он не сразу умеет прижиться и года два боится новизны места; после того подымается. Поэтому предназначенные к порубке участки лучше пополнять орехами, чем саженцами. (150) Уход такой же, как и за предыдущими деревьями,—вскапывать и подстригать в течение следующего двухлетия. Впрочем, каштан сам о себе заботится, так как тень убивает лишние побеги. Срубают его на седьмом году. Тычин с одного югера достаточно для двадцати югеров виноградника, тем более что каждый ствол раскалывают пополам; они выстаивают дольше, чем до следующей порубки участка.

(151) Дуб (*aesculus*) растет так же, но срубают его на три года позднее. Он менее прихотлив и рождается на любой земле; сажают весной, жолудем, но непременно той же породы, в девятидюймовую яму, с промежутками в два фута. Обстригают понемногу четыре раза в год. Эти тычины совсем не гниют, и обрубленное дерево пускает много ростков.

Кроме тех деревьев, о которых мы сказали, идут на порубку ясень, лавр, персик, лещина, яблоня; но они медленнее растут и, будучи вбиты, едва выдерживают действие почвы, не говоря уже о влаге. Бузина, напротив, дает прочные жерди; сажают ее отводками, как тополь. Что касается кипариса, то о нем мы сказали достаточно.

(152) Рассказав предварительно о том, что является как бы снаряжением виноградников, остается особенно тщательно преподавать указания о природе самих виноградных лоз.

У побегов лоз и некоторых деревьев, имеющих внутри рыхлое строение, узлы между отдельными коленами перегораживают сердцевину. Самые трубки коротки, и чем ближе к вершине, тем более короткие члены оказываются по обе стороны от каждого узла. (153) Сердцевина, которую, может быть, следовало бы назвать жизненной душой, стремится вперед, заполняя всю длину до тех пор, пока узлы имеют полость и трубка проходима. Когда же они, становясь сплошными, отнимают проход, то отталкиваемая ими сердцевина вырывается в нижней своей части, близ предыдущего узла, причем почки всегда чередуются по обе стороны стебля, как это было сказано о тростнике (*harundo*) и феруле (*ferula*), правой почкой считается расположенная у нижнего сочленения, левой—у ближайшего и так далее. Эта почка на лозе называется проростком (*gemma*), когда она уже образовала шишечку, а до этого—на внутренней части глазком, а на самой вершине зародышем (*germen*). Так рождаются ветки, побеги, грозди, листья, усики, и удивительно, что родившиеся с правой стороны крепче.

(154) Эти узлы на побегах, когда производится посадка, надо разрезать посередине, так, чтобы не вытекла сердцевина. Для смоковничного дерева берут девятидюймовые побеги и, сделав в почве

отверстия при помощи колышков, сажают таким образом, чтобы конец, который был ближайшим к дереву, находился внизу и над землей выступали два глазка. Глазками же в собственном смысле называются те места на древесных побегах, откуда появляются почки. (155) Таким образом, иногда и в питомниках эти побеги приносят плоды в тот же год, в который принесли бы их, оставаясь на дереве: свое- временно посаженные, когда они зачали, они рожают зачатые зародыши в другом месте. Так посаженные смоковничные деревья легко пересаживать на третий год. Быстрота старения у этого дерева возмещается тем, что оно очень быстро подрастает.

(156) Способы посадки виноградных лоз более многочисленны. Прежде всего, у них идет на посадку только то, что бесполезно и снимается при подстригании. Обстригают же те побеги, которые последними принесли плоды. Раньше сажали черенок от твердого ствола, имеющий головки с обеих сторон, и поэтому он еще и теперь называется молоточком. Потом стали его отрывать вместе с комлем, как у смоковницы, и такой наиболее живуч. Прибавился еще и третий, более удобный вид—без комля; такие черенки называются стрелами, когда их сажают в изогнутом состоянии, и трехпочечными, когда они короткие и не изогнутые. При этом способе их получается несколько из одного побега. (157) Пампинарии* при посадке остаются бесплодными, и сажать нужно только плодовые. Если на побеге мало узлов, он считается неплодовитым; густо сидящие почки служат признаком плодородия. Некоторые велят сажать только те побеги, которые уже цвели. Сажать стрелы менее выгодно, так как то, что согнуто, легко ломается при переноске. Сажают их длиной в фут, не меньше, с пятью или шестью узлами. Меньше трех почек при таком размере не может быть. (158) Сажать лучше всего в тот же день, когда они срезаны; а если приходится сажать спустя долгий срок, то надо, как мы указывали, соблюдать предосторожность, чтобы они, лежа вне земли, не высохли на солнце и не ослабели от ветра или холода. Тем, которые долго находились в сухом месте, надо дать ожить, оставив их перед посадкой на несколько дней в воде.

(159) Почва под питомником и виноградником должна быть открытая для солнца и в значительной степени обработанная: надо произвести плантаж двойным заступом, глубиной в три фута. Землю набрасывают мотыгой так, чтобы она поднялась на четыре фута, а канава дошла до двух футов; выкопанное очищают и выравнивают, чтобы не оставалось грубых выступов, а все было точно, по мерке. Неровные грядки между канавами указывают на плохую обработку. Надо измерять и промежуточную часть, так называемую подушку. (160) Побеги сажают и в яму и в длинную борозду; сверху насыпают самой нежной земли. Но на тощей почве сажать бесполезно, если не положить внизу слой более жирной земли. Не менее двух почек должно быть закрыто, а следующая должна касаться земли; землю прижимают и уминают тем же колышком; в питомнике должно быть расстояние между саженцами по полтора фута в ширину и по полфута в длину; так посаженные чубуки на двадцать четвертом месяце сре-

* Pampinarius—побег, имеющий усики (по не имеющий плодов). *Прим. ред.*

зают у последнего сочленения, если не хотят его сохранить. Оттуда выступают глазки, с которыми отводок и пересаживают на тридцать шестом месяце.

(161) Есть и еще более сложный способ посадки виноградных лоз: крепко связывают четыре чубука в нижней части и, вставив их или в кость бычьей ноги или в глиняную трубку, закапывают так, чтобы две почки выступали. Таким образом они соединяются и быстро* пускают росток. Затем разбивают трубку, после чего корень, освободившись, входит в силу и виноградная кисть несет на себе ягоды всех составных частей своего тела. (162) По другому, недавно изобретенному способу, чубук раскалывают и, выскоблив сердцевину, связывают обе части стебля, причем стараются всячески щадить почки. Затем, чубук сажают в землю, смешанную с навозом, и когда он начнет давать стебли, их обрезают и часто вскапывают землю. Колумелла обещает, что ягоды такой лозы будут без косточек; между тем весьма удивительно, что и самые чубуки живут, когда из них вынута сердцевина.

(163) Нельзя умолчать о том, что и из побегов, лишенных сочленений, рождаются деревья. Так, самшит всходит из посаженных пяти или шести самых тонких побегов, связанных вместе. Раньше соблюдалось правило отламывать их от привитого самшита, так как считалось, что иначе они не будут жить. Опыт опроверг это.

(164) Изложив уход за питомником, надо дать сведения, касающиеся виноградных лоз. Их пять родов: или побеги расстилаются по земле, или ствол стоит сам, или с тычиной без перекладины, или лоза опирается на простую перекладину, или на четырехугольник из перекладин, принимая форму водоема. (165) Каково обращение с лозой, имеющей опору, такое же и с той, ствол которой стоит сам по себе, без поддержки: ведь это бывает только в случае нехватки тычин. При простой перекладине лоза вытягивается по прямой линии, и такое расположение называется «кантерий» (canterius). Такая лоза дает лучшее вино, потому что не затеняет сама себя, постоянно согревается солнцем и больше чувствует дуновение ветра, скорее освобождается от росы, а также более доступна подчистке, окапыванию и всякому вообще уходу; а главное, у нее меньше пустоцвета. (166) Перекладина делается из жерди, тростника, волоса или веревочки, как, например, в Испании и в Брундизии. Водоемная богаче вином; название она получила от водоемов для стока дождевой воды в домах. Она разветвляется по четырем перекладинам на столько же частей. Мы скажем теперь о способе ее посадки, который применим и ко всем родам, но для этого рода допускает некоторые разновидности. Сажают ее тремя способами: лучше всего во вскопанную землю, затем в борозду и, наконец, в яму.

(167) О вскапывании уже сказано; для борозды достаточна ширина лопаты, для ямы—по три фута во все стороны. Глубина в обоих случаях три фута; поэтому и лозу нужно сажать не меньшей длины, с тем, чтобы она еще выступала двумя почками. (168) Землю на дне ямы необходимо размягчить мелкими бороздками и смешать с навозом.

Покатые места требуют более глубокой ямы, притом с насыпью у ниже лежащего края. Продолговатые ямы, в которых могут поместиться друг против друга две лозы, называются лотками (*alvei*). Корень лозы должен находиться по середине ямы, но сама она должна иметь твердую опору, смотреть на равноденственный восход; первую тычинку она должна получить из тростника; (169) виноградник пересекается десятинной полосой шириной в восемнадцать футов, чтобы могли разъехаться встречные повозки, и другими поперечными полосами по десяти футов, проходящими по середине каждого югера, или, если виноградник большого размера.—кардинальной полосой такой же ширины, как и десятинная; кроме того, всегда устраиваются пятерные тропинки, т. е. такие, что у каждого пятого кола объединяется вместе по отдельному участку; в плотную землю можно сажать только после повторного вскапывания и только саженцы, в нежную и рыхлую—также и чубуки—в борозду или яму. (170) На холмах лучше проводить поперечные борозды, чем вскапывать почву, чтобы стекающая вода задерживалась в этих поперечинах; и при дождливом небе и при сухой почве чубуки сажают осенью, если только условия местности не заставят изменить это. Так, сухое и жаркое место требует посадки осенью, влажное и холодное—уже в конце весны. В сухой почве бесполезно сажать саженцы с корнем; нехорошо сажать и чубуки в сухом месте, разве только после дождя; в орошаемых же местах можно сажать и зеленеющую лозу, вплоть до солнцестояния, как это делают в Испании. Лучше всего, чтобы в день посадки ветра не было. Многие считают желательным австр, Катон отрицает это.

(171) Промежуток между каждым двумя лозами при средней почве должен быть в пять футов, самое меньшее—при плодородной почве—в четыре фута, самое большее—при тощей—в восемь; умбры и марсы оставляют промежутки до двадцати футов, чтобы вспахивать их—они называют их *porculeta*; в дождливой и туманной местности сажают реже, в сухой—чаще. (172) При этом усердие указало здесь путь бережливости: когда сажают лозы на вскопанной земле, то попутно устраивают питомник, размещая и саженцы на своих местах и чубуки, предназначенные к пересадке—между лозами и их рядами; этот способ дает на югере около шестнадцати тысяч саженцев. Это дает выгоду в размере двухгодового урожая, потому что на такой срок отстают посаженные растения от пересаженных.

(173) Саженец, помещенный в винограднике, через год обрезают до земли, чтобы выступал только один глазок, втыкают рядом тычинку и подсыпают навозу. Таким же образом обрезают его и на второй год; от этого он приобретает и развивает в себе силы, достаточные для несения груза. Иначе, если его не сдерживать таким воспитанием, он, преждевременно рождая, становится тонким и тощим и весь уходит в плод. Нет ничего, что росло бы с большей жадностью, чем виноградная лоза, и если не сберечь ее силы для рождения, то она вся превращается в плод.

(174) Лучшие подпорки те, о которых мы уже сказали,—или тычины из дуба (*robur*) и маслины, если же таковых нет, то колья из можжевельника, кипариса, раkitника, бузины. Жерди из деревьев осталь-

ных пород надо обрезать каждый год. Для перекладины лучше всего тростник, связанный пучками; он выдерживает пять лет. Когда короткие лозы соединяются между собой смежными побегами, наподобие каната (*funis*), то образованные таким образом арки называются *funeta*.

(175) Третий год жизни лозы дает быстро растущий и сильный побег, который со временем может стать лозой. Он подымается к перекладине. Некоторые при этом «ослепляют» его, удаляя глазки обратной стороной ножа, чтобы вызвать усиленный рост, но это вредное увечье. Полезнее приучить лозу рождать, и поэтому лучше срезать побеги только тогда, когда она дотянется до перекладины, и делать это, пока желательно, чтобы она набиралась силы. (176) Некоторые не ведают прикасаться к лозе в течение года после пересадки и не применять в уходе за ней ножа ранее, чем на шестидесятом месяце; а после этого обрезать, оставляя только три почки. Другие обрезают и в первый год, но оставляют каждый год по три или четыре новых узла с тем, чтобы на четвертый год лоза достигла перекладины. И то и другое задерживает плодоношение, а кроме того, дает искривленность и узловатость, как при карликовом росте. Лучше всего, чтобы материнская лоза была крепкой и поросль ее сильной. Не надежно то, что вырастает из рубцов в результате грубых ошибок неопытности; все, что имеет такой характер, рождено не самим материнским деревом, а его раной. (177) Пусть лоза сохраняет все свои силы, пока ей время укрепляться, и она вся целиком станет ежегодно покрываться плодами, когда им будет позволено рождаться. Природа ничего не рождает по частям. Лозу, которая вырастет достаточно крепкой, тотчас надо расположить на перекладине; если она будет еще не вполне крепка, обрезаю, приютить под самой перекладиной. (178) Вопрос решают ее силы, а не возраст. Было бы опрометчиво требовать чего-либо от лозы ранее, чем она достигнет толщины большого пальца. На следующий год можно будет отпустить, смотря по силам матери, одну или две ветви. Эти только ветви и надо воспитывать, если так заставит сделать слабость растения, еще один год, и только на третий год прибавить снова две. Больше же четырех никогда не следует оставлять; коротко говоря, снисходительность неуместна, и всегда надо сдерживать чрезмерное плодородие. Природа лозы такова, что рождать для нее важнее, чем жить. Все, что мы отнимаем от древесины, мы прибавим к плодам. Лоза предпочитает рождать побеги, а не плоды, потому что плоды вещь недолговечная. Таким образом, она склонна к губительному излишеству и не разрастается, а изводит себя.

(179) Даст указания и природа почвы. На тощей почве даже и сильную лозу нужно обрезыванием удерживать в пределах перекладины, чтобы все плодоношение происходило под ней. Должен оставаться самый маленький промежуток, чтобы лоза была готова коснуться перекладины и надеялась на это, но все же не держалась за нее и уж, во всяком случае, не лежала на ней и не раскидывалась прихотливо. Нужно соблюдать такую меру, чтобы лоза все же еще предпочтала бы расти, а не рождать.

(180) Каждый побег должен иметь под перекладиной две или три почки, из которых рождалась бы древесина; далее он должен

поникнуть вдоль перекладины и быть к ней привязанным, чтобы под-держиваться перекладиной, а не висеть; вблизи третьей почки надо его привязать плотнее, потому что этим сдерживается натиск древесины и ниже перевязки гуще высыпают ростки. Привязывать верхушку не советуют. Природа здесь такова: пологая и привязанная часть дает плоды, особенно самый изгиб; то, что ниже, образует древесину, под действием, думаю я, духа и той сердцевины, о которой мы говорили. Древесина, выросшая таким образом, дает плоды на следующий год. (181) Итак, есть два рода побегов: тот, что выходит из твердого и обещает на ближайший год только древесину, называется листовным или, если он расположен выше рубца, плодоносящим; другой же, из годовалого побега, всегда бывает плодоносящим. Оставляют под перекладиной и так называемого сторожа—это молодой побег, не длиннее, чем с тремя почками, который даст древесину на следующий год, если лоза истощится чрезмерной пышностью и рядом с ним другой побег величиной с бородавку, который называется прыщиком (*furunculus*), на тот случай, если сторож обманет.

(182) Если заставить лозу приносить плоды ранее, чем на седьмой год после ее посадки отводком, то она вытягивается словно тростник и умирает. Нельзя одобрить и отпускания старой ветви в длину до четвертой тычины, что некоторые называют драконами, другие канатиками, устраивая так называемые мужские виноградники (*masculeta*). Когда лоза затвердела, тогда переводить ее хуже всего. (183) На пятый год загибают самые ветви и отпускают на каждой по одному ростку, затем на следующей, а предыдущую срезают. Всегда лучше оставлять сторожа, но он должен быть как можно ближе к стволу лозы и не длиннее, чем сказано; если побеги становятся слишком пышными, их загибают, чтобы лоза выпустила всего четыре ветви или две, если она имеет только одну перекладину.

(184) Если хотят, чтобы лоза росла самостоятельно, без тычины, то вначале она все же потребует хоть какой-нибудь поддержки, пока не научится стоять и подниматься прямо; остальной уход вначале тот же; при обрезании же нужно распределять «пальцы»* равными количествами отовсюду, чтобы плоды не перевешивали в какую-либо сторону; вместе с тем, такое расположение, равномерноотягощая, не позволит лозе выскочить вверх. Такую лозу рост, превышающий три фута, заставляет склоняться; для остальных допустим рост от пяти футов и больше, лишь бы он не превосходил обычного человеческого роста. (185) Тем лозам, которые стелются по земле, также выделяют небольшие клетки, выкапывая по сторонам ямки, чтобы блуждающие ветки, сталкиваясь между собой, не оказались в раздоре; большая часть стран и собирает таким образом с виноградников лежащую на земле жатву—ведь такое обыкновение преобладает и в Африке, и в Египте, и в Сирии, и во всей Азии, и во многих местностях Европы. (186) В этом случае лозу нужно удерживать у земли, чтобы корень питал ее таким же образом и столько же времени, как это требуется для лозы, имеющей подпорку: всегда нужно оставлять только пальцы, имеющие при плодородной почве

* Pollex, «большой палец»—короткая ветвь у виноградной лозы. *Прим. ред.*

по три почки, при более тощей—по две; лучше, чтобы они были многочисленны, чем длинные. То, что мы сказали о природе почвы, будет ощущаться тем сильнее, чем ближе будут грозди к земле.

(187) Очень полезно разделять различные породы и для каждой иметь особый участок, потому что смешение пород создает несходство не только в соке, но также и в вине, или же, если они и смешиваются, то необходимо соединять только такие породы, которые созревают одновременно. Более высокие перекладины подходят для более плодородного и ровного участка, а также для росистого и подверженного туманам, более низкие, наоборот, для тощего, сухого, жаркого и открытого ветрам. Перекладины к подпоркам следует привязывать как можно более тугим узлом, а лозу сдерживать слабым. Какие породы лоз, на какой почве и под каким небом надо сажать, об этом мы дали наставление, когда перечисляли виды лоз и вин.

(188) Об остальных правилах ухода мнения очень различны. Большинство советует в течение всего лета после каждой росы окапывать лозу, другие не велят делать это, когда на лозе почки, так как входящие люди, двигаясь по винограднику, задевают почки и обламывают их. По этой же причине надо держать вдали от виноградника скот, а особенно овец, которые легко могут повредить почки. Вредны также при подрастании гроздей грабли, и достаточно трижды в год вскапывать виноградник: от весеннего равноденствия до восхода Плеяд, при восходе Пса и во время почернения ягод. (189) Некоторые определяют сроки таким образом: для старых лоз произвести одно вскапывание от сбора урожая до зимнего солнцестояния (другие считают достаточным окапывание и унавоживание), затем после апрельских ид* до того, как лоза зачнет, то-есть до шестого дня перед майскими идами, затем перед началом цветения, далее, когда лоза отцветет и, наконец, когда виноград станет менять окраску. Опытные люди утверждают, что если вскапывать чаще, чем следует, то ягоды становятся настолько нежными, что лопаются. Если производят вскапывание, то это надо делать до жаркой поры; глину нельзя ни пропахивать, ни вскапывать; пыль, поднимающаяся при вскапывании, полезна против солнца и тумана.

(190) Весеннее пасынкование (*rampinatio*), по общему мнению, должно производиться в промежутке десяти дней, начиная с майских ид, во всяком случае, до начала цветения; пасынкуют ниже перекладины. О последующем пасынковании мнения расходятся; одни думают, что надо пасынковать, когда лоза отцветет, другие—ко времени самого созревания. Но решающими здесь будут указания Катона. Теперь же мы должны дать правила и относительно подстригания.

(191) К нему приступают тотчас после сбора винограда, пока благоприятствует теплое небо. Но при этом условии оно, в силу требований природы, никогда не должно происходить ранее восхода Орла, как мы об этом скажем в следующем томе, излагая учение о

* 13 апреля.

созвездиях, и даже при появлении фавония, потому что можно впасть и в противоположную ошибку, чрезмерно поторопившись. Если лозы с еще незажившими следами недавнего лечения будут уязвлены неким возвратом зимы, то, несомненно, их почки ослабеют от холода, раны раскроются и дурное воздействие неба выжжет глазки, вызывая истечение слез. Кто не знает, что от холода лозы становятся хрупкими? (192) Такое раннее подстригание—дело работников крупных поместий, а не законная торопливость природы. Чем раньше утром подстригаются лозы в подходящие для этого дни, тем больше они пустят древесины; чем позднее, тем более обильные дадут плоды. Поэтому следует сначала подстригать тощие, а крепкие последними; все срезы должны делаться наискось, чтобы легче стекал дождь, и быть обращены к земле; чтобы рубец был как можно меньше, нож должен быть отточенным и срез гладким; резать нужно всегда между двумя почками, чтобы на обрезанной части не было раненых глазков. (193) Подлежащей обрезанию считают черную часть, которую нужно удалять, пока не дойдем до здорового места, потому что из болезненного места не вырастет хороший побег. Если на тощей лозе совсем не будет хороших ветвей, то лучше всего ее срезать у самой земли и вызвать новые ростки; при обдергивании не надо удалять тех листьев, которые растут вместе с гроздьями: при этом лозы, за исключением молодых, теряют и ягоды. Считаются бесполезными листья, выросшие сбоку, а не от глазка; даже и гроздь, растущая из твердого стебля, жестка, так что ее можно снять только при помощи ножа. (194) Тычину некоторые считают более удобным ставить между двумя лозами; и, действительно, тогда легче окапывать, и это расположение лучше для лоз с одной перекладиной, если только сама перекладина крепка и не является препятствием ветренная местность. Для лоз, разделенных на четыре части, подпорка должна быть как можно ближе к поддерживаемому грузу; все же, чтобы окапывание не встречало препятствий, она должна отстоять на один фут, но не больше; окапывать советуют раньше, чем подстригать.

(195) Катон обо всем вообще уходе за лозами дает такие указания: лозу делай как можно более высокой и хорошо привязывай, только не слишком сжимай. Ухаживай за ней так: каждую лозу в посев окопай. Виноградник после подстригания вскопай, начни пропашивать, в обе стороны проведи непрерывные борозды. От молодых лоз отводки сажай как можно раньше, потом борони; старые обрезай как можно меньше; лучше, если понадобится, сбрось лозу на землю, а два года спустя срежь ее. Молодую лозу резать время наступит тогда, когда она войдет в силу. (196) Если в винограднике среди лоз появятся проплешины, проведи борозды и там посади новые побеги. Тени на бороздах не допускай; часто вскапывай. В старом винограднике, если он станет тощим, сей осіnum; растений, которые бы завязывали семена, не сей и вокруг лоз прибавь навозу, соломы, виноградных выжимок—чего-нибудь из этого. (197) Как только лоза зазеленеет, сделай пасынкование. Молодые лозы подвязывай во многих местах, чтобы стебель не сломался, а когда лоза уже перейдет на жердь, слегка привяжи ее нежные побеги и расправь

их, чтобы стояли правильно. Когда виноград зацветет, подвяжи лозы.

(198) Одна прививка лоз делается весной, другая—когда виноград цветет; последняя—наилучшая. Если захочешь старую лозу пересаживать в другое место, то это можно будет сделать только, если она нетолще руки. Сначала обрежь ее, оставь две почки, не больше. Хорошо выкопай ее с корнями и остерегайся поранить корни. Расположи ее в яме или борозде так, как она была раньше, засыпь и хорошо утопчи; и поставь ее, привяжи и согни тоже так, как она была раньше; часто вскапывай. *Oscum*, который он советует сеять в винограднике—это кормовая смесь, названная так древними потому, что она растет очень быстро*.

(199) Теперь опишем возделывание лоз, которые сажают возле деревьев (*arbustum*), способ, который резко осуждают Сазерны, отец и сын, но восхваляет Скрофа—эти старейшие, после Катона, авторитеты, и наиболее заслуживающие внимания; но и Скрофа допускает такую посадку только для Италии, где на протяжении столь долгого века считается, что только лозы, выющиеся по деревьям, могут производить знаменитые вина, и притом наилучшего качества, из верхних ветвей, а в наибольшем изобилии—из нижних. Такую выгоду дает высоко растущая лоза. (200) Этим определяется и выбор деревьев. Первое место среди всех занимает вяз, за исключением атинского, который обладает чрезмерно густой листвой. Затем черный тополь, желательный по той же причине—как не очень густолиственный. Большинство не отвергает и ясень и смоковничное дерево, а также маслину, если ее ветви не слишком тенисты. Об их посадке и культуре подробно говорилось. Не велят прикасаться к ним ножом ранее тридцати шестого месяца. Ветви оставляют через одну, подстригание производят через год, сочетают с лозами на шестой год. (201) В Транспаданской Италии засаживают виноградники, кроме названных выше деревьев, также кизилем, тополем, липой, кленом, манным ясенем, грабом, дубом, в Венеции—ивой, вследствие влажности почвы. При этом у вяза срезают средний ствол и распределяют ветви тремя ступенями, так что дерево почти никогда не бывает выше двадцати футов. Ярусы ветвей у них расходятся вширь, начиная с высоты в восемь футов, в равнинных и влажных местах—в двенадцать футов. (202) Разветвления деревьев должны смотреть на полуденное солнце, а самые ветви—подниматься из места разветвления наподобие пальцев; чтобы они не затеняли, надо обстригать у них тонкие побеги. Правильный промежуток между деревьями, если почва вспахивается,—по сорока футов спереди и сзади и по двадцати футов в стороны; если почва не вспахивается—последний промежуток сохраняется во всех направлениях. У каждого дерева часто воспитывают по десяти лоз; если же их меньше трех, то земледельца осуждают. (203) Сочетать с лозами посадку деревьев, если они еще не окрепли, вредно, так как их источник быстрый рост лоз. Сажать лозы нужно в трехфутовые ямы; отстоять друг от друга и от дерева они должны на один фут. Здесь совсем нет надобно-

* Греч. *ὄσος*—быстрый. *Прим. ред.*

сти в посадке чубуками и в обработке земли мотыгой и лопатой, потому что садовый способ возделывания имеет то особое преимущество, что произрастание на той же почве злаков полезно и для лоз, а сверх того, высота роста, сама себя защищая, позволяет обойтись без необходимых для обычного виноградаря расходов по ограждению от причиняемого животными ущерба стеной, изгородью или рвом.

(204) В садах применяется из описанных выше способов только посадка саженцами, а также отводками, и притом двоякая, мы бы сказали: лучше всего при помощи корзинок на самих ветвях, потому что это создает наибольшую безопасность от скота; или же лозу или ветку отгибают к земле рядом с ее собственным деревом или около ближайшего холостого. Часть, возвышающуюся над землей со стороны матери, советуют обрезать, чтобы на ней не было ростков. Землей покрывают не меньше четырех почек, чтобы отводок пустил корни, а снаружи, на верхушке оставляют две. (205) Лозы в саду сажают в борозды длиной в четыре фута, шириной в три и глубиной в два с половиной. Через год отводок надрезают до сердцевины, чтобы он понемногу привыкал к своим корням; стебель сверху обрезают до двух почек; на третий год отводок совсем отрезают и втыкают его глубже в землю, чтобы он не пророс в месте среза. Саженцы нужно брать сразу после сбора винограда.

(206) Недавно придумали сажать рядом с деревом дракона: так мы называем старую лозу, затвердевшую в течение многих лет. Отрезав как можно большую ветвь и соскоблив кору на трех четвертях ее длины, т. е. на такой части длины, на какую она покрывается землей—ее называют поэтому также скобленной,—ее втыкают в борозду, так что остальная часть поднимается прямо к дереву; это самый быстрый способ вырастить лозу. Если лоза или земля тощая, то принято срезать лозу как можно ближе к земле, пока не укрепится корень, а также не сажать ее покрытою росой или при северном ветре. Сами лозы должны смотреть на аквильон, а их ветви на полдень.

(207) Не надо торопиться с обрезкой молодой лозы; сначала надо собрать в круг древесные побеги; а обрезку начать только, когда лоза окрепнет; садовая лоза отстает в плодоношении от лозы, опирающейся на перекладину, приблизительно на год. Некоторые советуют совсем не обрезать, пока лоза ростом не сравняется с деревом. При первой обрезке срезают лозу на шесть футов от земли, оставив ниже один побег и побуждая его расти изгибанием ствола. После обрезки на нем должно оставаться три почки, не более. (208) Выросшие из них побеги в первый год располагаются на нижней ступени ветвей дерева и с каждым годом поднимаются до следующих ступеней; всегда оставляют по одному толстому побегу (*duramentum*) на каждой ступени и один росток (*emissarius*), который будет тянуться вверх, насколько окажется желательным. Из остальных же срезают при обрезке все побеги, которые только что принесли плоды, а новые распускают по ступеням ветвей дерева, нарезав для них со всех сторон подпорки. При нашем способе обрезки, лозы, как волосы, спускаются с ветвей дерева, так что и дерево и сами эти волосы бывают одеты ягодами; при сальском способе лоза протягивается побегами, переходящими с дерева на

дерево; на Эмилиевой дороге лозы обвиваются вокруг служащих им опорой атиниевых вязов, но избегают их листы.

(209) Некоторые, по неопытности, подвешивают лозу, привязывая ее к ветви дерева и этим удушением причиняя ей вред. Надо ее придерживать гибким прутом, а не стягивать; там, где есть нвы, предпочитают даже пользоваться именно этой более мягкой перевязью, сицилийцы—травой, которую называют *ampelodesmos**, а вся Греция—тростником, ситником и камышом. Кроме того, надо, освободив лозу на несколько дней от привязи, позволить ей расти на свободе; вытянуться без помехи и полежать на земле, на которую она в течение всего года только смотрела; (210) ведь как упряжным животным после ярма и собакам после бега приятно поваляться по земле, так приятно и лозам вытянуть члены; да и само дерево также радо освободиться от постоянного груза и как бы отдыхает; нет ничего среди творений природы, что не стремилось бы к неким праздничным промежуткам, по примеру дней и ночей. Поэтому считается непозволительным обрезать лозы тотчас после сбора винограда, когда они еще утомлены принесением плода. После обрезки их снова подвязывают, но в другом месте, потому что они, несомненно, чувствуют натруженность по окружности перевязки.

(211) Плети лоз при галльском способе возделывания протягивают навстречу другу другу и, соединив вместе, связывают по две с противоположных сторон, если между каждой парой расстояние в сорок футов, и по четыре, если в двадцать; там, где они слабы, их еще укрепляют прутьями, или же, если препятствует их недостаточная длина, их притягивают ко вдовствующему дереву при помощи крючка**. Переходящую лозу раньше обыкновенно обрезают в возрасте двух лет, так как, старея, она становится слишком тяжелой; но лучше дать ей время, чтобы сделать скобленную ветвь, если позволит ее толщина. Кроме того, полезно выращивать кряжи будущего дракона.

(212) Есть еще один способ, средний между описанным и способом отводков: лозу целиком сажают в землю и, расколов клиньями, делают из одной отводки сразу для нескольких борозд; так как отдельные из них слишком тонки, то их укрепляют подвязанными тычинами, а усики, выбегающие по сторонам, не срезают. Новарийский земледелец, не довольствуясь множеством переходящих лоз и обилием ветвей, заставляет лозы виться и вокруг установленных для этого подпорок; поэтому здесь, помимо недостатков почвы, и способ возделывания придает вину терпкость. (213) Другую ошибку совершают недалеко от города арицийцы, которые производят обрезку только раз в два года, не потому, чтобы это было полезно для лоз, а потому, что иначе, вследствие дешевизны вина, издержки превзошли бы доход. Среднего положения придерживаются в области Карсул, обрезаая только загнившие и начинающие засыхать части лозы и

* *Ἀμπέλως*—виноград, *δέσμος*—перевязь. *Прим. ред.*

** *Vidua arbor*—«вдовствующее дерево», т. е. такое, к которому не привязана виноградная лоза. *Прим. ред.*

оставляя прочие под виноград; таким образом, удалив излишний груз, заменяют всякое питание лозы тем, что редко причиняют ей раны; но если почва не очень жирная, то виноград от такого ухода дичает.

(214) Виноградники, где лозы подвязывают к деревьям, любят самую глубокую пропапку, хотя возделываемые в них злаки этого не требуют. Производить в них пасынкование не принято, и этим сберегается работа. Подстригаются деревья вместе с лозами, чтобы разредить густоту ветвей там, где они оказываются лишними и только отнимают пищу. Мы уже сказали, что нельзя срезам смотреть на север или на юг; лучше, если они не будут смотреть и на запад: такие раны тоже долго болят и с трудом излечиваются, страдая от чрезмерного холода или жара. У деревьев нет в этом такой свободы, как у лоз, вследствие определенности сторон, но зато легче укрывать раны и обрабатывать их куда угодно. На верхнем срезе деревьев надо делать как бы канавки, чтобы не застаивалась влага.

(215) Лозе надо дать опоры, по которым она могла бы подниматься, цепляясь за них, если они выше ее.

Утверждают, что шпалеры благородных лоз надо обрезать во время Квинкватр, и притом когда луна убывает, если хотят сохранить виноград; а те лозы, у которых обрезку делают в новолуние, не страдают ни от каких животных. По другой теории, их надо подстригать ночью при полной луне, когда она находится во Льве, Скорпионе, Стрельце, Тельце, а сажать их вообще при полной или, во всяком случае, возрастающей луне. В Италии достаточно десяти садовников на сто югеров виноградника.

(216) Рассмотрев подробно посадку и уход за деревьями, ибо о пальмах и раkitнике мы достаточно сказали, говоря о чужеземных деревьях,—чтобы ничего не пропустить, мы должны дать указания о прочих явлениях, весьма тесно связанных со всем этим. Дело в том, что и деревья страдают от болезней. Да и есть ли что-нибудь рожденное в свет, что было бы свободно от этих зол? Впрочем, говорят, что болезни лесных деревьев не опасны, и эти деревья боятся только града во время появления почек и цветения, а также могут пострадать от жара или холодного ветра, подувшего несвоевременно, потому что в должное время холода даже полезны, как мы уже говорили. (217) Но что же, разве не бывает, что и лозы гибнут от холода? Да, но это признак дурной почвы, потому что бывает только при холодной почве.

Таким образом, мы одобряем зимой холодное небо, но не холодную почву. При этом опасность от холода грозит не самым слабым деревьям, а самым большим: у них отсыхают концы верхушек, потому что перехваченная холодом влага не смогла дойти туда.

(218) Некоторые болезни общи всем деревьям, а некоторые свойственны лишь отдельным породам. Общая болезнь, червивость, болезни, зависящие от небесных явлений и боль в членах, от которой слабеют части; здесь и в именах сходство с бедствиями человека. Так, мы говорим об увечных стволах—туловищах, о выжженных глазках почек и о многом другом в том же роде. (219) И вот, деревья страдают и от голода и от несварения, что зависит от количества влаги, а иные и от тучности, как, например, все смолоносные, которые от чрезмерного

обилия смолы употребляются на факелы (taeda), а когда и корни начнут жиреть, то погибают, как и животные гибнут от избытка жира; иногда же болезнью охватываются отдельные породы, как и среди людей—то рабы, то народ, городской или деревенский.

(220) Червивеют одни больше, другие меньше, но так или иначе почти все, и птицы обнаруживают это по звуку коры, имеющей под собой полость. Между прочим, уже и черви стали считаться изысканным кушаньем, и особенное лакомство представляют собой более крупные, водящиеся на дубе—так называемые коссы; их даже откармливают, переводя их на мучное питание. (221) Из деревьев особенно подвержены этому груши, яблони, смоковницы, меньше—горькие и пахучие. Из тех, которые водятся на смоковницах, одни рождаются из самого дерева, других же рождает так называемый рогатик (segestes); но все они превращаются в рогатика; они издают звук слабого шипения. На рябиновое дерево также нападают рыжие волосатые червячки, и от этого оно умирает; мушмула в старости также подвержена этой болезни.

(222) Есть болезни, всецело зависящие от неба. Поэтому сюда же нужно отнести и град, и обугливание, и вред, причиняемый инеем; холодная роса, садясь на нежные растения, ободренные весенним теплом и решившиеся распуститься, опаливает наполненные молочным соком глазки почек, вызывая то, что в цветах называют «угольком» (carbunculus). Еще более вредно действие инея, потому что, раз выпав, он остается надолго и замораживает; не сгоняет его и ветер, потому что он бывает всегда при неподвижном и спокойном воздухе. Но основное болезненное явление—это сухой жар при восходе Пса, когда умирают прививки и молодые деревья, особенно смоковницы и маслины.

(223) Маслина, кроме червивости, которая поражает ее наравне со смоковницей, страдает и от нароста, который называют также грибом или чашкой. Это солнечный ожог. Катон говорит, что вреден также красный мох. Вредит большей частью лозам и маслинам также чрезмерное плодородие. Шелудивость (scabies)—общая болезнь всех деревьев; парша (impetigo) и заводящиеся при ней улитки—особая болезнь смоковниц, и притом не везде: некоторые заболевания присущи и определенным местам.

(224) Но у дерева, как и у человека, бывают болезни жил, и также двойного рода. Сила болезни бросается или на ноги, то-есть на корни, или на суставы, то-есть на тонкие ветви верхушек, дальше всего отходящие от тела, и они чернеют. У греков есть особые названия для обоих видов болезни. (225) Сначала общая боль, затем иссыхание и ломкость этих частей, наконец, тление и смерть. Это вызывается тем, что соки не доходят или не проникают, и особенно страдают от этого смоковницы. Дикая смоковница не подвержена ни одной из перечисленных нами болезней. Шелудивость происходит от застойной росы после восхода Плеяд; если же роса обильная, то она обливает дерево и стекает всей массой, а не раздражает его, вызывая шелудивость; но если пройдут чрезмерные дожди, то смоковница страдает уже по другой причине—от замокания корней.

(226) Кроме червивости и болезней от климата, лозы подвержены особой болезни суставов, вызываемой тремя причинами: во-первых,

силою бурь, уничтожающих почки, во-вторых, как это заметил Теофраст, срезами, обращенными вверх, в-третьих, неумелым уходом: все эти вредные воздействия сказываются на суставах. К болезням, вызванным климатическими явлениями, относятся и появление росы во время отцветания, или если ягоды, не успев вырасти, затвердевают, как мозоль. Болеют лозы и от холода, обжигаящего их глазки после обрезки. То же самое происходит и от несвоевременного жара, потому что все имеет свою меру и известный распорядок. (227) Бывают болезни и по вине возделывающих, когда лозы туго перетягиваются, как мы сказали выше, или когда при вскапывании земледелец нанес лозе грубый удар или при пропахивании по неосторожности вывернул корни лозы или ободрал ее тело. Бывают и своего рода ушибы от применения тупого ножа. Все эти причины ведут к тому, что лозы хуже переносят холод и жар, потому что через рану проникают извне всякого рода вредные воздействия. (228) Слабее всего сопротивляется яблоня, и особенно—сладкой породы. У некоторых деревьев слабость влечет за собой бесплодие, а не смерть, например, если снести вершину у сосны или пальмы, они становятся бесплодными, но не умирают. Иногда хворают и сами по себе плоды, помимо дерева, если в нужное время не было дождей или тепла или благоприятного ветра, или же, наоборот, было чрезмерное изобилие; тогда они опадают или портятся. Хуже всего, это когда отцветающую лозу или маслину побьет дождем, потому что он смывает и плоды.

(229) От той же причины рождаются и гусеницы, зловредные твари, которые пожирают листву, а иные и цветы маслин, например, в Милете, и оставляют обьединное дерево в обезображенном виде. Порождает это зло мягкая и влажная теплота. Оно только сменяется другим, если появившееся жаркое солнце прижжет гусениц. Есть и еще особая болезнь маслин и лоз, так называемая паутина, когда как бы нити опутывают плоды и изнуряют их. (230) Опалиют и некоторые ветры, более всего эти деревья, но также и другие. Червильность же поражает и сами по себе плоды некоторых деревьев—яблоки, груши, мушмулу, гранаты. У маслин последствия этого двояки: если черви заводятся под кожурой, то они уничтожают плод, тогда как если они грызут самую косточку, то плод увеличивается. Их зарождению препятствуют дожди, выпадающие после Арктура. Но если эти дожди сопровождаются южным ветром, то черви заводятся и в зрелых маслинах, которые тогда особенно легко опадают. (231) Это бывает больше в сырых местах, и такие маслины не годятся, даже если они не упали. Есть и породы мошек, вредные для некоторых плодов, например, для желудей, винных ягод. Рождаются они, повидимому, из находящейся под корой влаги, которая тогда сладка.

(232) Вот, приблизительно, в чем заключаются болезни деревьев.

Некоторые явления, связанные с определенным временем или местом, нельзя назвать болезнями в собственном смысле слова, потому что они сразу убивают; так, например, когда дерево поразит сухотка (*tabes*), или ожог, или ветер, свойственный какой-либо области, каков в Апулии атабул, на Эвбее—олимпиада. Если такой ветер подует около времени зимнего солнцестояния, то опалает холодом и иссушает, так что никакое солнце потом не может оживить деревья.

Этому бедствию подвержены деревья, растущие в долинах и по берегам рек, и особенно виноградная лоза, маслина, смоковница. (233) Если это произошло, то последствия сказываются сразу, во время появления почек; у маслины несколько позднее. Но для всех деревьев подает надежду на оживание,—если опадут листья. Напротив, те, о которых можно было бы подумать, что они выдержали, умирают. Нередко те самые листья, которые засохли, снова оживают. Другие деревья, в северных странах, например, в Понте и Фракии, страдают от холода или мороза, если он продолжается после зимнего солнцестояния сорок дней. Как там, так и в других местах, если тотчас же вслед за плодоношением наступят сильные заморозки, то они убивают уже в течение нескольких дней.

(234) Те болезни, которые происходят по вине человека...* Смола, масло, жир вредны, особенно для молодых деревьев. Снятие коры кольцом убивает дерево, за исключением пробкового дуба, которому это даже полезно: утолщаясь, кора сдавливает и удушает его. Не страдает от этого также и земляничное дерево (*andrachle*), если не повреждено одновременно и его тело. Впрочем и вишня, и липа, и лоза могут отдать свою кору, но не ближайшую к телу, которая необходима для жизни, а ту, которая сходит по мере того, как под ней нарождается другая. (235) Кора некоторых деревьев от природы изобилует трещинами, например, у платанов. У липы кора вторично вырастает почти полностью. И вот те деревья, кора которых подвергается зарубцеванию, лечат глиной и навозом, и это иногда бывает полезно, если не наступят слишком сильные холода или жары. Для некоторых деревьев, как, например, для различных пород дуба (*robora et quercus*), наступление смерти таким образом замедляется. Важно и время года. Так, если у пихты или сосны снять кору, когда солнце проходит созвездие Тельца или Близнецов, то дерево тотчас умирает; если же им нанести эту рану зимой, то они дольше могут терпеть ее. (236) Точно так же каменный дуб (*Ilex*) и другие породы дуба (*robur quercusque*). Если снять лишь немного коры, то названные деревья не испытывают никакого вреда; но более слабые деревья и растущие на тощей почве погибают и от снятия коры с одной только стороны. Подобным же образом действует и снятие верхушки для ели, кедра, кипариса—они погибают, если верхушка удалена или сожжена огнем; подобным же образом—и обглаживание дерева животными. (237) Например, маслина, согласно свидетельству Варрона, которое мы уже приводили, становится бесплодной даже, если коза ее только полизает. Некоторые деревья от повреждения животными умирают; некоторые только ухудшаются, как, например, миндаль, который из сладкого превращается в горький; а некоторые даже улучшаются, как, например, у хиосцев груша, называемая фокидской. (238) Мы уже сказали, каким деревьям полезно обезглавливание. Большая часть деревьев погибает и от раскалывания ствола, за исключением лозы, яблони, смоковницы, граната, а некоторые даже от простого поранения. Сосна, а также и все деревья, производящие смолу, презирают такие повреждения. Что деревья умирают, если у них отрезать кор-

* В тексте пропуск. *Прим. ред.*

ни, в этом нет ничего удивительного; большинство умирает даже при отрезании не всех корней, а только самых больших или жизненно необходимых среди них.

(239) Деревья могут убивать друг друга тенью или теснотой и отнимаемым питанием. Убивает и плющ, обвиваясь вокруг дерева; не приносит добра и омела, и растение, которое греки называют *halimos*, убивает ракитник. Природа некоторых растений такова, что они не убивают, но причиняют вред примесью своего запаха или сока; так, например, редька (*garphanus*) и лавр вредны для винограда. У винограда оказывается тонкое чутье: он удивительно воспринимает запахи и поэтому, оказываясь поблизости от них, отвергается и уклоняется, избегая враждебного запаха (240). Отсюда Андрокид нашел лекарство против опьянения, советуя жевать редьку. Не любит виноград также капуста и всех овощей, не любит и орешника, и если они находятся поблизости, становится хилым и болезненным. Но самые худшие яды для него—это селитра, квасцы, горячая морская вода и шелуха бобов или гороха.

(241) Среди болезней деревьев надо уделить место и уродствам. Мы встречали случаи, когда винные ягоды вырастали до появления листьев, виноградная лоза и гранатовое дерево приносили плоды на стволе, а не на побегах или ветвях, а на лозе вырастал виноград, но не было листьев; маслины также теряли листья, тогда как ягоды у них оставались. Бывают и единичные чудеса. Так, ожила целиком обожженная маслина; а в Беотии смоковничные деревья, объеденные саранчой, снова пустили почки. (242) Иногда деревья меняются в цвете и делаются из черных белыми, причем это не всегда знамение и бывает особенно с теми деревьями, которые вырастают из семян. Серебристый тополь также превращается в черный. Некоторые полагают, что рябина, попавши в более теплое место, становится бесплодной. Чудесным образом из сладких яблоки делаются кислыми и из кислых—сладкими, из диких смоковниц—садовыми и обратно; тяжелым знамением бывает, когда перемена происходит к худшему, из маслины садовой—в дикую, из белого винограда и смоковницы—в черные, или, как было в Лаодикее при нашествии Ксеркса, когда платан превратился в маслину. (243) Чтобы не уйти в бесконечное перечисление, укажем, что у греков книга Аристандра полна такими знамениями, а у нас есть сочинения Г. Эпидия, в которых встречаются даже заговорившие деревья. В Куманской области было тяжелое знамение перед гражданскими войнами Помпея Великого, когда дерево погрузилось в землю, так что выступало лишь несколько веток; в Сивиллиных книгах нашли, что предстоит взаимное истребление людей, и тем большее, чем ближе оно будет к городу. (244) Чудесным образом бывает и то, что деревья вырастают в несвойственных им местах, например, на головах статуй, на жертвенниках или на одних деревьях другие. Перед осадой Кизика на лавре выросла смоковница. Подобным же образом в Траллах выросла пальма на постаменте диктатора Цезаря ко времени его гражданских войн. Также и в Риме во время войны с Персеем пальма, выросшая на жертвеннике Юпитера на Капитолии, предвозвестила победу и триумфы. Она была свалена бурей, и на том же месте выросла смоковница в

цензорство М. Мессалы и Г. Кассия—время, с которого, по авторитетному свидетельству Пизона, начался упадок нравов. (245) Но самым выдающимся чудом из всех, о каких когда-либо слышали, нужно признать то, которое произошло в наш век, во время падения императора Нерона, в области марруцинов: оливковая роща одного из видных всадников Веттия Марцелла вся целиком перешла на другую сторону большой дороги, а с противоположной стороны на место оливковой рощи пришел участок пашни.

(246) Теперь, рассказав о болезнях деревьев, очевидно, нужно сообщить и средства против них. Одни из этих средств пригодны для лечения всех болезней, другие—только для некоторых. Общие средства—окапывание, мотыжение, дать корням воздуху или закрыть их, поливка—дать им пить или лишить питья, навоз для худосочных, обрезка для тех, которые надо облегчить, также выпускание сока—как бы некое кровопускание, обскабливание коры кругом, утончение лоз и укрощение побегов, натирание пемзой и как бы полировка почек, если от холода они высохнут и станут шершавыми. (247) Одни деревья любят это больше, другие меньше: так, кипарис проявляет отвращение и к воде, и к навозу, и к окапыванию, не любит подстригания и всех прочих средств; его даже убивает поливка, тогда как лозы она более всего питает. Смоковничное дерево само любит поливку, а его плоды от нее вянут. Миндальные деревья, если их окапывать, теряют цветы. (248) Привитые деревья также не следует окапывать, пока они не окрепнут и не начнут плодоносить. Большинство деревьев охотно переносит отрезание излишних и тяготящих их частей, как мы—обстригание ногтей и волос. Старые деревья можно срубить и целиком, и они снова вырастают из какого-нибудь побега, но не все, а только те, природа которых это выносит, как мы сказали.

(249) Поливка полезна в летнюю жару, но вредна зимой; осенью это бывает различно и зависит от природы почвы. Так, в Испании виноградар снимает урожай при затопленной почве, а в большей части стран приходится отводить даже осенние дождевые воды. Полезнее всего поливка около времени восхода Пса, но и тогда не слишком обильная, потому что, если она вызывает опьянение корней, то вредит им. Возраст дерева также определяет меру поливки: молодые меньше страдают от жажды. Больше всего нуждаются в поливке те деревья, которые к ней привыкли; выросшие в сухих местах, напротив, требуют только самой необходимой влаги. (250) Жесткость вина требует поливки виноградников в Сульмонской области Италии, в Фабианском округе, где поливают и поля. И удивительно, тамошняя вода убивает травы и питает злаки, так что поливка заменяет пропалывание. В этой же области зимой, особенно если лежит снег или если морозно, чтобы холод не опалил лоз, их орошают поливкой, так называемой отоплительной; такова замечательная природа реки, которая летом почти невыносимо холодна.

(251) Средства против уголька (*carbunculus*) и ржавчины (*robigo*) мы покажем в следующем томе. Пока скажем, что в числе средств *есть* и некое процарапывание (*scariphicatio*): когда иссохшая от болезни кора сжимается и чрезмерно сдавливает жизненные части дерева,

то прижимают обеими руками острое лезвие серпа и проводят непрерывно разрезы, как бы распуская кору. Признаком спасительности этой меры являются распиренные и заполненные изнутри телом дерева рубцы. (252) Во многом сходно лечение людей и деревьев тогда, когда и последним также просверливают кости. Миндаль делается из горького сладким, если, окопав ствол и просверлив его в нижней части, удалять вытекающую слизь. У вязов также отнимают излишний сок, просверливая их над землей до сердцевины в старости, или тогда, когда заметно, что они получают чрезмерное питание. (253) Выпускают сок также из набухшей коры смоковничных деревьев, делая легкие надрезы наискось. Это предотвращает опадение плодов. Если плодовые деревья дают почки, но не плодоносят, то, расколов корень, вкладывают туда камешек, и они становятся плодоносящими; то же самое для миндаля делают, применяя клин из дуба, для груш и рябины—из смолистого дерева и закрывая его золой и землей. (254) Полезно также делать круговые надрезы на корнях слишком пышных лоз и смоковниц и обкладывать эти надрезы золой. Винные ягоды будут поздними, если снимать первые молодые плоды, когда они станут больше боба: те, которые нарождаются после этого, созревают позднее. Те же деревья становятся крепче и плодovitее, если снять верхушку каждой ветки, когда они начинают зеленеть; что же касается капрификации*, то она ускоряет созревание.

(255) От нее рождаются мошки, как это видно по незрелым винным ягодам: когда мошки вылетели, то внутри не оказывается зерен, которые, очевидно, и превратились в мошек. У последних стремление выйти таково, что большинство вырывается, оставив или ногу или часть крыла. Есть и другого рода мошки, так называемые кентрины; леньюстью и злобностью они похожи на пчелиных трутней и приносят гибель настоящим, полезным мошкам: они убивают их и сами умирают вместе с ними. (256) Нападает на семена винной ягоды также и моль, средство против которой заключается в том, что в эту же яму закапывают побег масличного дерева, повернув его верхушкой вниз. Чрезвычайную плодovitость придает смоковницам красная земля, разведенная оливковым отстоем и подлитая вместе с навозом к корням деревьев, начинающих зеленеть. Из диких винных ягод лучшими считаются самые черные и растущие на каменистой почве, потому что у них больше всего зерен.

(257) Но прежде всего нужно позаботиться о том, чтобы средства лечения не привели к болезням, как это бывает при их чрезмерном или несвоевременном применении. Прореживать деревья полезно, но ежегодное избиение не приносит никакой пользы. Только виноградная лоза требует обрезки каждый год, а мирт, гранаты, маслины, как деревья, быстро разрастающиеся,—раз в два года. У остальных деревьев надо делать обрезку реже и ни в каком случае не осенью, да и подчищать также только весной. При подрезании надо остерегаться поранить жизненно необходимые части, каковыми являются все кроме излишних**.

* * Подвешивание на смоковничные ветки с мужскими соцветиями с диких смоковниц (*caprificus*). *Прим. ред.*

** Принимаем дополнение Mayhoff'a: *plaga ad vitalia fiat cavendum; vitalia sunt omnia quaecumque non supervacua.*

(258) Сходные правила и для унавоживания. Деревья любят его, но нужно остерегаться засыпать навоз во время солнечного жара, или незрелый, или более крепкий, чем это требуется. Свиной навоз сжигает виноградники, будучи применяем чаще, чем раз в пять лет, если только не разбавить его поливкой; также и кожевенные отбросы если не прилить к ним воды; также и чрезмерное унавоживание. Правильной мерой считается три модия на десять квадратных футов. Решающим обстоятельством здесь будет природа почвы.

(259) Голубиным и свиным навозом лечат также раны деревьев. Если гранаты родятся кислыми, то советуют, окопав корни, присыпать свиного навозу. В этот год гранаты будут винного вкуса, а на следующий год—сладкие. Другие думают, что надо поливать человеческой мочой, разведенной водой, четыре раза в год по одной амфоре, или обрызгивать концы ветвей винной настойкой *laser'a**; если гранаты лопаются на дереве, то закручивать их ножки, смоковницы вообще поливать оливковым отстоем, а прочие деревья, в случае болезни, подонками вина, или сеять вокруг их корней люпин (*lupinus*). (260) Полезна также для плодов поливка водяным отваром люпина. Если в день Вулканалий** будет гром, то винные ягоды опадают. Средство против этого—предварительно посыпать участок ячменной соломой. Вишни делает скороспелыми и заставляет созревать извесь, присыпанная к корням. Их, как и все плоды, лучше прореживать, чтобы оставшиеся были крупнее.

(261) Некоторые деревья, как, например, пальма и мастичное дерево, улучшаются от наказания или возбуждаются острыми веществами: для них служит питанием соленая вода. Свойствами соли, но смягченными, обладает и зола; поэтому ее подсыпают к смоковничным деревьям,—а также и руту—чтобы они не червивели и чтобы не гнили корни. Даже и к корням виноградных лоз советуют подливать соленую воду, если они будут слезиться; если же их плоды будут опадать, то залить золу уксусом и этим обмазать их; или намазать сандараком, если виноград гниет; если же лозы не приносят плодов, то поливать и намазывать их крепким уксусом, смешанным с золой, (262) а если плоды, не успев дозреть, засыхают, то, срезав лозы у корня, смочить рану и волокна крепким уксусом и старой мочой, покрыть жидкой массой, замешанной на этом, затем часто вскапывать. Если маслины не обещают хорошего урожая, то, обнажив их корни, подвергают их действию зимнего холода, и такое наказание приносит им пользу. Все это стоит в зависимости от погоды и климата и иногда требуется позднее, иногда скорее. Некоторым растениям даже огонь бывает полезен, например, тростнику; обгорев, он поднимается гуще и мягче. (263) Катон составляет и некие лекарства, соблюдая при этом определенную меру: он велит подливать к корням больших деревьев амфору, меньших—урну смеси из равных частей воды и оливкового отстоя, предварительно слегка окопав их, а для маслины, кроме того, настлав кругом соломы, также и для смоковницы; корни ее мотыжат, особенно весной: от этого перестанут опадать молодые винные ягоды,

* Смолистый сок растения, которое греки называли сильфий (*σιλφίον*).
Прим. ред.

** 23 августа. Прим. ред.

увеличится урожайность и дерево не будет подвержено шелудивости. (264) Подобным же образом, чтобы в винограднике не заводились гусеницы, надо уварить два конгия оливкового отстоя до густоты меда, потом, добавив третью часть смолы и четвертую часть серы, снова варить под открытым небом, потому что в закрытом помещении смесь может загореться. Этим надо мазать лозы у верхушек и под плечами; тогда не будет гусениц. Некоторые довольствуются тем, что, следя за направлением ветра, окуривают лозы дымом этой смеси в течение трех дней подряд. (265) Большинство приписывает моче не меньше полезных и питательных свойств, чем Катон оливковому отстою, только при том условии, чтобы разбавить ее равным количеством воды, потому что иначе она вредит. Некоторые говорят о так называемой волукре—гусенице, объедающей молодые виноградные ягоды. Чтобы предотвратить это, наточив ножи, вытирают их бобровой шкурой и затем делают обрезку, или намазывают их после обрезки медвежьей кровью. Чумой для деревьев являются также муравьи. (266) С ними борются тем, что обмазывают стволы красной землей и жидкой смолой, а кроме того, подвесив рядом рыбу, отвлекают муравьев в одно место, или намазывают корни люпином, растертым с маслом. Многие изводят и муравьев и кротов оливковым отстоем, а против гусениц и против гниения яблок советуют коснуться верхушек желчью зеленой ящерицы; особое же средство против гусениц состоит в том, чтобы каждое дерево обошла кругом женщина в месячной поре, босиком и неподпоясанная. (267) Затем также, чтобы предотвратить потраву листы каким-либо животным, окропляют листья разведенным коровьим пометом, повторяя это каждый раз, как пройдет дождь, потому что он смывает ядовитое снадобье. Человеческая выдумка доходит и до удивительных вещей: так, большинство верит, что град можно отвести заговором, слова которого я не решаюсь привести всерьез, хотя Катон сообщает заговор против вывихов, применяемый одновременно с лубками; он же разрешил рубить священные деревья и рощи после принесения жертвы и в той же книге указывает обряд и молитву этого жертвоприношения.

К Н И Г А В О С Е М Н А Д Ц А Т А Я

Следует описание природы злаков и овощей, а также цветов и прочего, что, помимо деревьев и кустарников, появляется из щедрой земли, причем уже обозрение одних лишь трав само по себе окажется огромным, если принимать во внимание их разнообразие, число, виды цветов, запахи и окраски, а также соки и действие тех из них, которые земля порождает на пользу или на удовольствие людям. Переходя к этой области, следует прежде всего заступиться за землю и притти на помощь ей—общей родительнице, хотя мы и выступали уже на ее защиту во вступлении к этому труду. (2) Но так как все же теперь мы, по самому свойству предмета, приступаем к суду над ней, как порождающей также и вредоносное, то скажем сразу: мы обрушиваемся на нее с обвинениями в наших собственных преступлениях и на нее сваливаем нашу вину. Она породила яды. Кто же, однако, открыл их, как не человек. Для птиц и зверей достаточно их остерегаться и избегать. И если слоны и зубры острят и выглаживают свои бивни о дерево, а носороги о скалу, вопреки же как об одно, так и другое точат кинжалы своих клыков, если, следовательно, животные умеют приготовляться к тому, чтобы наносить вред,—то кто же из них, за исключением человека, еще и напивается свое оружие ядом. (3) А мы и стрелы напиваем и самому железу сообщаем нечто еще более губительное; мы и реки отравляем, и самые стихии природы, и даже то, чем поддерживается существование, обращаем во вред живущему. И нельзя думать, что животным яды неизвестны; нами было указано*, что предпринимают они против нападения змей, что придумали для лечения после сражения с ними. Однако ни одно из них, кроме человека, не сражается чужим ядом. (4) Итак, признаем свою вину, мы, которые не довольствуемся тем, что рождается ядовитым; ведь насколько больше разных ядов сдела-

* Кн., VIII, 88, 96 и сл. *Прим. ред.*

но человеческими руками. Да разве не рождаются люди, которые стоят всякого яда. Дрожит, черный, как у змеи, язык, сжигает своим прикосновением гной души этих людей, все обвиняющих и, подобно зловещим птицам, отравляющих сумрак, которым они окружены, и спокойствие самых ночей воплем—единственной своей речью; как приносящие беду животные, они одним своим приближением препятствуют работе и человеческой деятельности. И не знают эти ненавистнические умы иного удовлетворения, кроме своей ненависти ко всему. (5) А между тем и в этом, несомненно, проявляется то же величие природы. Насколько больше порождает она добрых среди людей, как и среди плодов. Насколько богаче она, тем что приносит пользу и что идет в пищу. И потому, ценя ее создания и радуясь им, оставив этот человеческий бурьян сжигать себя собственным огнем, мы будем и впредь строить жизнь, и притом тем усерднее, чем важнее для нас самая наша работа, а не слава. Правда, речь идет здесь о деревне и о сельских обычаях, но о таких, которые служат основой жизни и пользовались величайшим уважением у наших предков.

(6) Прежде всего были учреждены Ромулом жрецы—молитвенники о полях, причем он объявил себя двенадцатым братом в числе их—сыновей своей кормилицы, Акки Ларенции, дав этой жреческой коллегии в качестве священнейшего отличительного значка венок из колосьев, перевязанных белой повязкой; это был первый у римлян венок, почесть же эта давалась пожизненно и сохранялась даже за изгнанниками и заключенными. (7) В то время надел в два югера достаточен был для римского гражданина, и никому не назначалось более значительных участков. Кто из рабов во времена незадолго до императора Нерона удовольствовался бы садиком таких размеров? Людям хочется иметь большего размера рыбные пруды... хорошо, если не кухни. Нума постановил совершать богослужение с приношением плодов и умилять богов крупою размолотым зерном с солью, а также, как сообщает Гемин, подсушивать на огне полбу, так как, просушенная, она здоровее для употребления в пищу,—он достиг этого тем, что определил считать зерно чистым для богослужения только в поджаренном виде. (8) Он же учредил и Форнакалии, праздник поджаривания полбы, равным образом посвященный Терминам, божествам полевой межи. Этих богов они чтили больше всех, Сейю же именовали от сеяния (a serendo), а Сегесту от посевов (a segetibus); изображения их мы видим в цирке,—тогда как третью под кровлей называть по имени недозволено; новых плодов и вина они даже не пробовали до тех пор, пока жрецы не освятят начатков...

(9) Югом (jugum) называлось пространство, которое можно запахать в день одной парой быков; актом (actus)—то, что могли без натуги пройти в один прием быки с плугом. Акт равнялся 120 футам, его удвоенная длина составляла одну сторону югера. Величайшим даром для полководцев и для доблестных граждан служило такое количество земли, которое награждаемый мог бы опахать в течение одного дня, а также квартарий или гемина полбы, подносимая ему народом. Такого же происхождения и первые наименования.

(10) Прозвище Пилумна произошло от того, кто первый изобрел пест для обрушивания зерна. Пизона—от самого обрушивания зерна а *pisendo** (*pisere*), Фабиев, Лентулов, Цицеронов—по названию тех растений, которые каждый из них сеял наилучшим образом. В роде Юниев называли Бубульком того, кто превосходно правил волами. Наконец, и в священнодействиях не было ничего более нерушимого, чем узы брака, заключавшегося в форме конфарреации, причем перед новобрачной несли полбяной пирог. (11) Плохая обработка поля навлекала цензорское порицание, и, как сообщает Катон, когда, восхваляя доброго мужа, называли его добрым земледельцем и добрым селянином, то считали это величайшей похвалой. Отсюда и зажиточными «локуплетами» (*locupletes*) называли имевших много места (*loci pleni*), т. е. земли. Самые деньги (*pecunia*) получили название от скота (*pecus*). И теперь еще в цензорских таблицах называется пастбищами (*paescua*) все то, от чего для народа поступает доход, потому что долгое время это был единственный источник поступлений. Пеня также назначалась не иначе, как в виде овец и быков, причем нельзя не упомянуть о снисходительности древних законов; ибо было предусмотрено, чтобы определяющий пеню назначил сперва овцу и лишь затем быка. Игры, справляющиеся в честь быков (*boves*), назывались Бубетиями (*Bubetii*).

(12) Царь Сервий чеканил первые деньги с изображением овец и быков. Тайно ночью стравить или скосить пашню считалось, согласно законам XII таблиц, для совершеннолетнего делом, достойным смертной казни; преступник, связанный, подвергался закланию в честь Цереры: это было строже, чем для изобличенного в смертоубийстве; а несовершеннолетний, в зависимости от решения претора, наказывался телесно или должен был уплатить нанесенный убыток в двойном размере. Из тех же источников возникло деление и отличие гражданства.

(13) Самыми почетными считались сельские трибы, состоявшие из землевладельцев; городские, перевод в которые считался позором, давали повод к порицанию за праздность. Потому и было их только четыре, называвшихся Субуранской, Палатинской, Коллинской, Эсквилинской по частям города, в которых проживали граждане. В девятые дни селяне посещали город, и потому в девятые дни не разрешалось устраивать народных собраний, чтобы не отвлекать сельских жителей (от их личных дел). (14) Для отдыха и сна служила солома. Наконец, самую славу в честь полбы (*adoreaum far*) называли *adorgia*. В самом деле, даже я удивляюсь значительности некоторых древних изречений; ибо в записях понтификов говорится: «День жертвоприношения собаки надлежит устанавливать до того времени, как колос выйдет из трубки, и не раньше, чем образуется трубка».

(15) И потому при этих нравах не только достаточно было хлеба; хотя ни одна из провинций не кормила Италию, но даже была невероятная дешевизна хлеба. Маний Марций, плебейский эдил, впервые стал раздавать народу зерно по ассу за модий. Одиннадцатый народный

* *Pisere*—бить, разбивать пестом, обталкивать. *Прим. ред.*

трибун Люций Минуций Авгурин, который изобличил Спурия Мела, в течение трех недель довел цену до одного асса, за что и была ему воздвигнута народом статуя за Тригеминскими воротами на собранные деньги. (16) Сей в свое эдилство предоставил народу зерно по цене за асс, за что и ему посвящены были статуи на Капитолии и Палатине, сам же он после смерти был отнесен на костер на плечах народа.

В год, когда Матерь богов прибыла в Рим, в то лето собрали, как передают, жатву более богатую, чем в течение предшествовавших десяти лет. (17) Марк Варрон свидетельствует, что когда Луций Метелл провел в триумфе множество слонов, продавались по одному ассу модий полбы, а также конгий вина, 30 фунтов сухих фиг, 10 фунтов масла и 12 фунтов мяса. И это изобилие шло не из латифундий отдельных владельцев, которые теснили бы соседей, так как и закон Лициния Столона ограничил их размер пятьюстами югеров, и сам он на основании своего же закона был осужден, когда, пользуясь сыном как подставным лицом, пытался овладеть большим. (18) Эта мера была установлена уже тогда, когда республика уклонялась в роскошь. Известна, по крайней мере, речь Мания Курия после его триумфов и присоединения огромных земель к государству: вредным надо считать гражданина, которому семи югеров недостаточно. А это была мера участка, отведенного для народа после изгнания царей. (19) В чем же была причина столь великого плодородия? Руками самих полководцев возделывались в то время поля, так что позволительно думать, земля ликовала о лаврами увенчанном плуге и пахаре-триумфаторе, потому ли, что посев они вели так же заботливо, как войны, разбивали участки с той же тщательностью, как и лагеря, или потому, что под почтенными руками все прозябает пышнее, так как и усерднее возделывается. (20) Оказание почести застигло Серрана за посевом, откуда и прозвание ему. Цинциннат вспахивал свои четыре югера на Ватикане—эти луга называются Квинтиевыми—когда гонец принес ему диктатуру, и даже был он, говорят, нагим; ему, исполненному медлительности, сказал гонец: Одень тело, дабы возвестил я тебе веления сената и народа римского. (21) Таковы были тогда и гонцы: самое название «виаторы» (viatores) было дано им потому, что часто приходилось им вызывать с полей вождей в сенат. А ныне те же поля возделывают скованные ноги, осужденные руки, клейменные лбы: не так же глуха земля, которую называют родительницей и окружают почтением, чтобы не против ее воли и не к ее негодованию происходило это, когда у тех (кто ее обрабатывает) отнята и самая честь. А мы удивляемся, что плоды работы поработенных узников не те же, что были у победоносных полководцев.

(22) Составить руководство по земледелию почиталось делом весьма важным и у народов чужеземных; этим занимались и цари: Гиерон, Филометор, Аттал, Архелай, и полководцы: Ксенофонт и пуниец Магон, которому сенат наш по взятии Карфагена оказал великую честь: библиотеки он роздал африканским царькам, и только двадцать восемь томов его сочинения постановил перевести на латинский язык, хотя имелось уже руководство, составленное Катонем.

(23) Работу решено было поручить людям, знающим пунический язык; всех превосходил в этом Децим Силан, происходивший из весьма знатного рода. Я начал этот труд перечислением мудрецов, превосходных поэтов и тех сочинений, кои составляли другие знаменитые люди и которым я следовал; при этом особо помянем Варрона, который на восемьдесят первом году жизни вздумал писать об этом предмете.

(24) Культура винограда началась у римлян гораздо позднее, и первоначально, в силу необходимости, они занимались только хлебопашеством, о котором сейчас мы и поведем речь—не так, как это вообще принято, а как мы делали и до сих пор: со всем тщанием исследуем и старое и новое, докапываясь до причин и закономерности явлений. Расскажем также о светилах и приведем верные знаки, которыми сопровождается на земле появление этих самых светил, ибо писатели, специально занимавшиеся до сих пор этим вопросом, писали, видимо, для кого угодно, но только не для сельских хозяев.

(25) Но раньше всего приведем целый ряд заповедей: ни в какой другой области жизни, кроме деревенской, их нет в таком множестве, и они не оказываются столь верными. Почему, в самом деле, не считать заповедями то, что исходит от самого верного и правдивого божества, от опыта?

(26) Начнем с Катона. Самые мужественные и самые смелые воины выходят из земледельцев, и они меньше всех помышляют о дурном.—Не горячись при покупке имения. Не щади труда в сельском хозяйстве, а при покупке тем паче. Плохая покупка никогда потом не дает покоя. Обзаводясь землей, приглядись прежде всего к воде, дороге, соседу.—Каждый из этих пунктов имеет обширные и бесспорные толкования. (27) Еще больше советует Катон обращать внимание на то, какой вид имеют непосредственные соседи. В хорошей местности, говорит, он, они имеют хороший вид. Атилий Регул, бывший дважды консулом в Пуническую войну, говаривал, что и в самом плодородном месте не следует покупать нездорового участка и в истощенном самого здорового. Цвет лица жителей не всегда есть признак здоровой местности: притерпевшиеся люди живут и в зачумленных местностях. Есть, конечно, местности здоровые в известное время года; однако же действительно хороши только те, которые здоровы круглый год. (28) Плох участок, с которым хозяин борется.

Катон советует прежде всего видеть ценность земли в ее собственном достоинстве, т. е. в указанном выше местоположении: вблизи должно находиться много рабочих, населенный город, вывоз судами или сухим путем; само имение должно быть хорошо застроено и возделано. В чем, как я вижу, большинство ошибается: они относят нерадивость прежнего хозяина к выгоде покупателя, а ведь ничего нет убыточнее заброшенного участка. И так Катон говорит: лучше покупать у хорошего хозяина; не должно опрометчиво презирать чужие порядки, а с имением так же, как с человеком,—немного в нем останется, если при всех доходах оно требует много расходов; (29) самой доходной статьей в имении Катон считает виноградник—и не без основания, так как больше всего он заботится о ра-

зумности расходов,—а затем хорошо орошенные огороды, не ошибаясь и в этом, если они находятся под городом. Про луг в старину говорили, он не требует услуг*, и тот же Катон на вопрос, какой доход будет самым верным, ответил «корми хорошо скот». А следующий источник: «корми довольно хорошо». (30) Самое важное при этом считать предпочтительным тот доход, который обеспечивается при наименьших затратах. Об этом судят в разных местностях по-разному, смотря по условиям местности. Та же мысль лежит в его словах, что хозяин должен стремиться побольше продавать; (31) засаживать участок смолоду без промедления, а строить только тогда, когда земля засажена, да и то не торопясь, а самое лучшее, как говорится в просторечии, пользуясь чужой глупостью, но так, чтобы содержать усадьбу не было обременительно. А кто хочет хорошо жить, тому надо почаще ходить в поле, и справедливо говорят, что больше пользы приносит хозяйский лоб, чем затылок.

(32) Хорошо такое соотношение между размерами, когда имение по усадьбе, а усадьба по имению, а не так, как это было совсем недавно у Луция Лукулла и Квинта Сцеволы, показавших в одно и то же время противоположные примеры: у Сцеволы усадьба не вмещала урожая, у Лукулла усадьбу не вмещало имение. За это был ему сделан выговор цензором, заметившим, что тут меньше приходится пахать, чем подметать. Дело это требует искусства. Гай Марий, бывший семь раз консулом, последним выстроил в Мизенской области виллу, и притом, опытный в разбивке лагерей, он сделал это так, что сам Сулла Счастливым называл всех остальных, по сравнению с ним, слепцами. (33) Не следует ставить усадьбу возле болота, ни около течения реки; впрочем, совершенно справедливы слова Гомера, что предрассветные ветры с реки всегда вообще нездоровы. В знойных местностях она должна быть обращена на север, в холодных—на юг, в умеренных—на равноденственный восток.

(34) Хотя и может показаться, что, рассуждая о наилучшем виде земли, мы и без того уже с избытком говорили о том, каковы признаки, по которым можно судить о достоинстве самого поля, тем не менее подкрепим все уже упомянутые признаки словами самого Катона: бузник (*ebulum*), терн (*prunus silvestris*), ежевика (*rubus*), полевой лук (*bulbus minutus*), клевер (*trifolium*), луговая трава, дуб (*quercus*), дикая груша и яблоня (*silvestris pirus malusque*) являются признаками хлебной почвы, также и черный и пепельный цвет земли. Всякая глина, кроме самой тощей, сжигает хлеб, также и песок, кроме самого мелкого, и все это оказывается более верным для холмистых местностей.

(35) В старину полагали, что прежде всего надо ограничивать размеры имения, считая, что лучше меньше сеять и лучше пахать; того же мнения, как я вижу, держался и Вергилий. Говоря по правде, латифундии погубили Италию, а также и провинции: половина Африки принадлежала шестерым владельцам к тому времени, когда им-

* В подлиннике игра слова: *prata* (луга)—*parata* (готовые).

ператор Нерон казнил этих последних. Гн. Помпей и тут не изменял своему величию: он никогда не торговал смежного имения. Купив имение, следует продавать городской дом: такова мысль Магона, суровая и не проистекающая из заботы о пользе государства. С этого вступления он начинает излагать свои наставления, так как желал, очевидно, постоянного пребывания хозяина в имении. (36) Далее следует позаботиться о том, чтобы приказчик был опытен, и тут учителем является Катон. Нам же довольно сказать, что приказчик должен быть близок сердцу хозяина, однако даже и не подозревая об этом. Всего хуже обрабатывать землю колодниками из своей рабской тюрьмы, как и вообще делать что-нибудь руками людей отчаявшихся. Безрассудным и, пожалуй, невероятным, если не вдуматься глубже, могло бы показаться одно утверждение старинных авторов: нет ничего убыточнее наилучшей обработки земли.

(37)* Люций Тарий Руф, из весьма низкого по рождению сословия, дослужившийся путем военных заслуг до консульства, и человек по-старинному бережливый, собрав щедротами божественного Августа около ста миллионов сестерциев, довел дело до того, что наследник отказался от наследства; деньги поглотила покупка земель в Пиценской области и на славу производившаяся обработка их. Так что же хотим ли мы полного упадка и голода? Нет, клянусь Геркулесом. Но пусть во всяком деле лучшим советчиком будет умеренность. (38) Хорошо обрабатывать землю необходимо, а превосходно — убыточно, если только селянин не обрабатывает ее сам с семейством или с теми, кого он и без того содержит. Хозяину бывает невыгодно собирать некоторые урожаи, если подсчитать расходы на работу, как невыгодно ухаживать за оливой небрежно, а за некоторыми землями тщательно, что, как говорят, бывает в Сицилии и на чем попадаются новые пришельцы.

(39) Итак, каким же образом целесообразнее всего возделывать землю? Выходит по известному изречению: «И плохо и хорошо». Однако справедливость требует выступить на защиту прадедов, которые в своих наставлениях предусматривали различные могущие встретиться в жизни положения, ибо говоря «плохо», они хотели, чтобы под этим подразумевались способы самые дешевые, и самой большой их заботой было наибольшее сокращение расходов. Дело в том, что этому учили люди, которые, будучи триумфаторами, считали преступным владеть серебряной посудой в десять фунтов, которые в случае смерти виллика требовали разрешения оставить поле славы и вернуться в свою деревню, у которых ведение хозяйства брало на себя государство и которые предводительствовали войском, в то время как сенат был у них в вилликах. (40) Отсюда и остальные поговорки: «никуда не годен хозяин, который покупает то, что он может получить из собственного имения; плох глава семьи, делающий днем то, что можно сделать ночью, кроме как в случае непогоды; хуже тот, кто в будние дни будет делать то, что он должен делать в праздники; но хуже всех тот, кто будет в ясный день работать скорее в помещении, чем в поле». (41) Не могу удержаться, чтобы не привести одного примера из старинных времен, из которого

можно усмотреть, что тогда было в обычае вести тяжбы даже об обработке земли перед народом, а также и то, как было принято вести защиту у тогдашних людей. Когда Гай Фурий Кресим по освобождении из рабства стал получать с довольно маленького клочка урожай гораздо обильнее тех, которые получала вся округа с громадных участков, то ему начали сильно завидовать и говорить, будто он колдовством переманивает к себе жатву с чужого поля. (42) В виду этого в день, назначенный для разбирательства, боясь, как бы Спурий Альбин, бывший тогда курульным эдилом, не осудил его, он принес на форум в тот момент, когда трибы должны были идти на голосование, весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих здоровенных рабов, выхолощенных, хорошо одетых, как говорит Пизон, с железными орудиями превосходной работы, с тяжеловесными кирками, увесистыми лемехами и сытыми волами, а затем сказал: (43) «Вот мое колдовство, квириды, но я не могу показать вам или привести на форум мои ранние вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот». Его оправдали единогласно. Нет сомнения, что земледелие основано на труде, а не на расходах, а поэтому предки наши и говорили, что самое полезное для поля—это хозяйский глаз.

(44) Остальные наставления, касающиеся отдельных культур, будут приведены своевременно. Пока не забудем упомянуть несколько общих правил, которые всегда могут пригодиться и прежде всего Катоновское, полное гуманности и весьма полезное: «Поступать так, чтобы тебя любили соседи». Он приводит причины, которые мы, со своей стороны, считаем несомненными для каждого. Он же в первую очередь предостерегает от того, чтобы рабам жилось плохо.—Все знают, что в хозяйстве ни с чем нельзя запаздывать, во-вторых, что все следует делать в свое время; в-третьих, что упущенного не воротить. Проклятия Катона «гнилой» земле были приведены подробно: он не уставал предостерегать от нее.—Дешевле всего стоит работа, которую может сделать осел. (45) Папоротник погибает за два года, если ему не дают выгонять листья. Самое действительное в этом случае средство—обивать палкой его ветки в пору пускания ростков: сок, вытекающий из самого растения, губит его корни. Говорят, что папоротник не отрастет, если его вырвать около времени солнцестояния, сбить тростником или выпахать плугом, на котором лежит тростник. (46) Подобным же образом советуют и тростник выпаживать плугом, на котором лежит папоротник. Поле, заросшее ситником, следует перекопать лопатой и в каменистой местности киркой. Заросли кустарника лучше всего уничтожить огнем. (47) Сырой участок лучше всего прорезать канавами и осушить; каналы в глинистой местности оставлять открытыми; если почва рыхлая, то укреплять их изгородями или же устраивать так, чтобы стороны их спускались полого; некоторые из них провести под землей, вывести их в более крупные и открытые и выстлать, если есть возможность, кремнем или гравием; устья канав с обеих сторон укрепить камнями и камнями же перекрыть. Демокрит указывает способ, как с корнем извести леса: «цветы люпина один день мочить в соку цикуты и поливать этим корни».

(48) Поле подготовлено; теперь пойдет речь о хлебных растениях и их свойствах. Имеется два главных вида их: злаки, как пшеница, ячмень, и бобовые, как бобы, нут. Разница слишком известна для того, чтобы стоило говорить о ней.

(49) Самых злаков тоже два вида, различных по времени посева: озимые, которые, будучи посеяны около захода Плеяд, прорастают в земле в течение зимы, как пшеница и ячмень, и яровые, которые сеются летом и до восхода Плеяд, как просо (*milium*) могар (*panicum*), кунжут (*sesama*), шалфей (*horminum*), ирио (*irio*)*, по крайней мере, «по итальянскому обычаю». В Греции, впрочем, и в Азии все сеется с захода Плеяд; в Италии кое-что и до и после и из этих растений некоторые еще и в третий раз, весной. (50) Некоторые называют просо (*milium*), могар (*panicum*), чечевицу (*lens*), нут (*cicer*), полбу (*alica*) весенними растениями, а пшеницу (*triticum*), ячмень (*hordeum*), бобы (*faba*) и репу (*gara*) осенними (*sementiva*). Некоторые сорта пшеницы сеются на корм скоту, например, *farrago*, так же как и бобовые, например, вика (*vicia*); для общего потребления и животных и людей сеется люпин. Все бобовые имеют по одному корню, кроме бобов; (51) он деревянистый и лишен разветвлений; глубже всех пускает его нут (*cicer*). Хлеба пускают множество корешков, не имеющих ответвлений. Ячмень (*hordeum*) прорастает на седьмой день после посева; бобовые—на четвертый, и, самое позднее, на седьмой; бобы (*faba*)—между пятнадцатым и двадцатым; бобовые в Египте—на третий день. У ячменя из одного конца зерна выходит корень, а из другого стебель, который зацветает первым из хлебов. Корень выгоняет более толстая часть зерна, цветок более тонкая; у остальных семян одна и та же часть выпускает и корень и цветок. Зимой хлеба стоят в зеленях; весенним временем озимые выгоняют соломинку, (52) просо (*milium*) и могар (*panicum*) коленчатый и полый стебель, а кунжут (*sesama*) прутиковидный (*ferulaceus*). (53) У всех культурных полевых растений зерна находятся или в колосьях, как у пшеницы и ячменя, и защищены от мелких животных оградой из остей, или заключены в стручки, как у бобовых, или в коробочки, как у кунжута (*sesama*) и мака (*paraver*). Только просо и могар целиком предоставлены даже малым птицам; зерно у них не защищено и находится только в пленке.

Могар (*panicum*) получил название от метелочки (*paniculus*). Он отличается медленно раскачивающейся верхушкой, стеблем, который, постепенно утончаясь, превращается почти в прутик, зернами, сидящими густой кучей на длиннейшей метелке, достигающей целого фута. Листья проса (*milium*), охватывая зерна, нагибаются и образуют бахромю. (54) Есть виды могоара, напоминающие форму грудей, с метелкой, разветвляющейся на мелкие метелочки и раздвоенную на верхушке. Различается он также и цветом; есть могар белый, черного цвета, темнокрасный и пурпуровый. Из проса во многих местах делают хлеб; из могоара редко. Но нет зерна более тяжеловесного и которое при варке более разбухало бы. Из модия получается 60 фунтов хлеба, а из трех секстариев зерна размоченного—модий

* Лекарственное растение. Прим. ред.

каши. (55) За последнее десятилетие из Индии в Италию ввезли просо черного цвета, с крупным зерном и стеблями, как у тростника. Оно вырастает до семи футов высоты, имеет очень длинные листья, называемые гривой, и урожайностью превосходит все злаки. Из одного зерна родится три сектария. Сеять его надо в сырых местах. (56) Одни злаки начинают завязывать колос на третьем колене, другие на четвертом, но сначала незаметным образом. Коленец (междоузлий) у пшеницы по четыре, у полбы (*far*) по шести, у ячменя по восьми. Колос же завязывается не раньше, чем образуется вышеуказанное число коленец; как только он подал первую весть о себе, дня через четыре, самое позднее—через пять, злаки начинают цвести и через столько же дней или немного позже отцветают, ячмень, самое позднее—через семь дней. Варрон говорит, что злаки готовы через четыре девятидневки и что на девятом месяце* их жнут.

Бобы первоначально идут в лист, а затем выпускают стебель, не разделенный на междоузлия. (57) Остальные бобовые многостебельны. Из них нут (*cicer*), *ervum* (французская чечевица) и чечевица (*lens*) ветвятся. У некоторых стручковых стебли расползаются по земле, если им не дать подпорок; если же такие подпорки есть, то горох (*pisum*) взбирается по ним; если их нет, он бывает хуже. Из бобовых одностебельны только бобы; один стебель и у люпина, но**... остальные ветвисты, с очень тонким стеблем, и у всех стебель полый. (58) Одни выгоняют листья от корня, другие от верхушки, как, например, пшеница и ячмень. Оба растения, как вообще все образующие солому, имеют на верхушке по одному листу, но у ячменя он шершав, а у остальных гладок. Напротив, бобы, нут (*cicer*) и горох (*pisum*) многолиственны. У злаков лист тростникообразен, у бобов округлый и у большей части бобовых тоже, и у горошка (*ervilia*) и гороха он продолговатее; у фасоли жилковат; у кунжута и ирио (*irio*) кровавого цвета. (59) Опадают листья только у люпина и мака. Бобовые цветут дольше, особенно *ervum* (французская чечевица) и нут (*cicer*), а дольше всех бобы: сорок дней. Так долго, впрочем, цветет не каждый стебель: один кончает цвести, другой начинает; поле зацветает не все сразу, как у злаков. И стручки они все завязывают в разное время, начиная снизу, в той же постепенности, как и цветы.

(60) Злаки, отцветши, наливаются и поспевают, обычно за сорок дней; тоже и бобы. Скорее всех поспевает нут: он готов через сорок дней после посева. Просо, могар, кунжут и вообще все яровые поспевают через сорок дней после цветения, причем почва и климат могут вносить большое разнообразие. В Египте ячмень убирают на шестой месяц после посева, а злаки на седьмой; в Элладѣ ячмень на седьмой месяц, а в Пелопоннесе на восьмой; злаки же даже позже. Зерна у злаков, имеющих соломину, сидят под волосяным покровом. У бобов и других бобовых стручки образуются, чередуясь с обеих сторон. Сила злаков—в их выносливости к холоду, сила стручковых—в их питательности.

* Речь идет об озимых. *Прим. ред.*

** Пропуск в подлиннике; текст испорчен. *Прим. ред.*

(61) У пшеницы много оболочек. Ячмень и аринка (arinsa) обнажены очень сильно, в особенности же овес. Стебель выше у пшеницы, чем у ячменя; ости же колючее у ячменя. На току вымолачивают пшеницу, siligo и ячмень. Так их и высевают очищенными, как и для помола, так как семена эти не просушиваются на огне. Наоборот, полбу, просо и могар можно вышелушить, только просушив. Поэтому их и сеют неочищенными, вместе с шелухой. И полбу для посева хранят вместе с кожурой и не подсушивают.

(62) Самое легкое из этих растений—ячмень—редко превышает весом 15 фунтов, а бобы—22*. Полба тяжелее, и еще того более пшеница. В Египте мука делается из олуга. Там это третий вид злака. Также и галлы дали свой особый род полбы, который зовется там брах, а у нас scandala, с зерном сверкающей белизны. Есть и другое отличие: он дает припеку почти на четыре фунта больше, чем другая мука. О том, что римский народ в течение трехсот лет из всех злаков пользовался только полбой, сообщает Веррий.

(63) Существует много сортов пшеницы, выведенных разными народами. Однако же ни один из них не сравнил бы я с итальянской по белизне и весу—ее главным отличительным качествам. Только с пшеницей из горных округов Италии можно сравнивать иноземную, среди которой первое место занимает беотийская, затем сицилийская, потом африканская. Третьей по весу была фракийская, сирийская и, наконец, египетская—по приговору атлетов, чей желудок, вместительный как у вьючных животных, определил указанную последовательность. В Греции одобряли и понтийскую пшеницу, которая не доходит в Италию. (64) Но из всех сортов зерна там предпочитали, принимая во внимание исключительную толщину стебля, drascontia strangia и селинутскую, так что под эти сорта отводили тучную почву. Пшеницу-скороспелку, самую легковесную, всего чаще пустую и с тончайшим стеблем, советовали сеять по сырым местам, так как она нуждается в обильном питании. (65) Так думали в царствование Александра Великого, когда Греция была славнейшей и могущественнейшей страной во всем мире, хотя, впрочем, почти за 145 лет до его смерти поэт Софокл в своей драме «Триптолем» превознес итальянскую пшеницу превыше всех в стихе, который дословно переводится так: «в счастливой Италии сеют белоснежную пшеницу». Хвала эта и по сей день принадлежит одной итальянской пшенице; тем более и мне странно, что у позднейших греческих писателей об этой пшенице нет ни одного упоминания.

(66) Переходя к сортам пшеницы, которые ввозятся в Рим, видим, что самой легкой будет галльская пшеница, а также ввозимая из Херсонеса, модий которой не превышает двадцати фунтов, если вешать очищенным зерном. На модий сардинской пшеницы набегает еще полфунта, а на модий александрийской столько же, да еще одна треть; таков же модий и сицилийской; пшеница из Беттики тянет целый лишний фунт, а африканская даже фунт и три четверти. В Транспаданской Италии модий полбы, как мне известно, весит двадцать пять фунтов, а около Клузия—и все двадцать

* Имеется в виду модий. *Прим. ред.*

шесть. (67) Существует определенный закон природы, согласно которому, каков бы ни был сорт пшеницы, в воинском хлебе всегда получается одна третья часть припеку на все зерно; лучшей же пшеницей является та, которая при замешивании поглощает конгий воды. Некоторые сорта пшеницы дают особенно большой припек сами по себе, как, например, балеарская, из модия которой выходит 35 фунтов хлеба; некоторые же при смешении по два сорта, как, например, кипрская и александрийская, модий которых в отдельности дает не более, чем каких-нибудь 20 фунтов. (68) Кипрская пшеница темного цвета, и хлеб из нее получается черный; к ней подмешивают белую александрийскую, причем тогда из модия выходит 25 фунтов хлеба. Фиванская дает на один фунт хлеба больше. Вредно ставить тесто на морской воде, как это делает большинство приморских жителей ради экономии соли. Между тем ничто так не предрасполагает организм к заболеванию. В Галлии и Испании загустевшей пеной с напитка, который гонят из зерна упомянутых сортов, пользуются как закваской, благодаря чему хлеб в этих областях легче, чем в остальных. (69) Стебли также бывают различны, причем более толстый у лучших сортов. Фракийская пшеница имеет многочисленные оболочки и является чрезвычайно подходящей для того края ввиду его жестоких морозов. По той же причине стали там пользоваться и яровой трехмесячной пшеницей, поскольку земля надолго остается под снегом; ее убирают, как и во всем остальном мире, приблизительно на третий месяц после посева. Эта пшеница известна по всем Альпам, и в холодных провинциях нет пшеницы более урожайной; кроме того, она одностебельна, не кустится ни при каких условиях и сеется исключительно на тощей земле. (70) Существует еще около Эна во Фракии двухмесячная пшеница, которая поспевает на сороковой день после посева, причем удивительно, что этот сорт пшеницы самый тяжелый из всех по весу и не дает отрубей. Она употребительна в Сицилии, Ахайе, а именно в гористых частях обеих стран, на Эвбее, возле Кариста. Колумелла ошибается, не признавая яровую пшеницу за особый род, когда именно она-то и является древнейшим родом. У греков она называется *setanion*.

Говорят, что в Бактрии зерна так крупны, что каждое из них равняется нашему колосу.

(71) Первым из всех злаков сеют ячмень. Мы укажем и дни посева для всех растений, описав сначала свойства каждого. В Индии существует ячмень культурный и дикий, из которого у индусов получается превосходный хлеб и крупа. Но больше всего любят они рис (*oryza*), и из него готовят отвар, который остальные люди делают из ячменя. У риса листья мясистые, похожие на порей (*porrum*), но более широкие, высотой в локоть; цветок пурпурный, корень круглый, как жемчужина*.

(72) Ячмень является самой древней пищей, что очевидно из афинского обычая, о котором рассказывает Менандр, и из прозвища гладиаторов «ячменщики». По той же причине греки предпочитают

* На ботанически неправильное описание риса указывают все комментаторы Плиния. *Прим. ред.*

ячную кашу. Обливают ячмень водой и сушат в течение одной ночи, на следующий день поджаривают, после чего дерут крупу между жерновами. (73) Некоторые, сильно подсушив ячмень на огне, опять слегка взбрызгивают его водою и просушивают, прежде чем молотъ. Другие, вышелушив из еще зеленых колосьев молодой ячмень, очищают его, влажным обталкивают в ступе, промывают в корзинах. Посушив на солнце, снова обталкивают и очищенный мелют. Однако, каким бы образом его ни приготавливали, на двадцать фунтов его кладут три фунта льняного семени, полфунта кориандра и ацетабул соли; все это, предварительно поджарив, подмешивают при помеле. (74) Если же крупу эту хотят сохранить подольше, то ее вместе с мучной пылью и с отрубями ссыпают в новые глиняные сосуды. В Италии ячмень поджаривают, не поливая его предварительно водою, и мелют в мелкую муку с прибавлением тех же снадобий, а также проса. Ячменный хлеб, употреблявшийся в старину, осужден самой жизнью; теперь его едят, пожалуй, одни животные.

Пить же ячменный отвар, чрезвычайно укрепляющий и здоровый, весьма советуют. (75) Гиппократ, один из прославленных знатоков медицины, посвятил восхвалению его целый том. Особенно хорош этот отвар в Утике. В Египте его делают из двурядного ячменя; ячмень, из которого его делают в Бетике и Африке, Турраний называет «голым» (неопущенным). Тот же автор считает, что *олуга* и *рис* (*оруза*)—это одно и то же. Способ приготовления отвара общеизвестен.

(76) Подобным же образом готовится крупа из пшеничных зерен, по крайней мере, в Кампании и в Египте, тогда как крахмал (*amylum*) делают из всякой пшеницы и из *siligo*, хотя лучший выходит из трехмесячной пшеницы. Изобретением его мы обязаны острову Хиосу; и теперь еще наилучший крахмал идет оттуда. Название свое он получил потому, что его приготавлиют без помощи мельницы. Но за крахмалом из трехмесячной пшеницы идет крахмал, приготовленный из пшеницы наименее тяжеловесной. Ее мочат в деревянных сосудах, заливая пресной водою так, чтобы вода покрыла зерна; воду эту меняют пять раз днем и лучше, если и ночью, чтобы размачивание было равномерно. (77) Размякшее зерно отцеживают, пока оно еще не закисло, через полотно или плетеную корзину и вываливают на черепицу, смазанную бродилом,—так оно и остается загустевать на солнце. После хиосского крахмала лучшим считается критский, а затем египетский. Крахмал считается хорошим, если он мягок, легок и свеж. У нас о нем говорил Катон.

(78) Ячменной мукой пользуются и как лекарством; действие его на выючных животных удивительно. Если ячмень высушить на огне, смолоть и катышки из этой муки отправлять собственной рукой в желудок животных, то у них прибывают силы и набираются мускулы. У некоторых ячменей колосья двурядные; у некоторых же в колосе больше рядов: вплоть до шести. Есть разница и в самом зерне: оно бывает длиннее и легче; короче и круглее; белее и чернее. Самая питательная каша получается из пурпурного ячменя. Хуже всех выдерживает непогоду белый ячмень. (79) Ячмень—самое нежное растение из всех злаков. Сеять его можно только на сухой

и рыхлой земле, и притом только на хорошей. Ячменная мякина—одна из лучших; с ячменной же соломой не сравнится никакая другая. Ячмень—самый надежный из всех злаков; его убирают раньше, чем ржавчина напад ает на пшеницу; умные хозяева и сеют пшеницу только для стола, а для кошелька, по их словам,—ячмень. (80) Он очень быстро всходит, и самый урожайный сорт его, который сеется около Испанского Карфагена, собирают в апреле. В том же месяце его сеют в Кельтиберии, и в один год он родится дважды. Как только он поспеет, его убирают со стремительной быстротой, поспешнее, чем все остальное, ибо солома у него ломкая и зерно находится в тончайшей шелухе. Говорят, что ячная каша вкуснее, если ячмень убрать, пока он еще не перезрел и не пересох.

(81) Сорта злаков не везде одни и те же, а где они одни и те же, они не всегда одинаково называются. Самым распространенным и важным сортом является полба (*far*), которая в старину называлась *adoreum*, *siligo*, *triticum*. Эти злаки—общее достояние большинства стран. Аринка (*arinca*), свойственна Галлии, хотя ее много и в Италии; для Египта, Сирии, Киликии, Азии и Греции обычны *zea*, *oryza* и *tiphe**.

(82) В Египте готовят тончайшую муку (*similago*) из местной пшеницы; ее отнюдь нельзя сравнить с итальянской. Народы, пользующиеся *zea*, не имеют *far*. Она также растет в Италии, преимущественно в Кампании, и называется «семенем» (*semen*). Под этим названием скрывается, как мы скоро объясним, нечто весьма значительное; из-за него Гомер называет ниву *ζείδιρος ἀρούρα*, а не потому что нива дарует жизнь, как полагают некоторые. Крахмал из *zea* делают также, только более грубый, чем предыдущий, в этом вся разница. (83) Из всего рода самой грубой и наиболее стойкой по отношению к зимним холодам является полба (*far*). Она может расти и в самых холодных, и плохо возделанных, и в знойных, и в засушливых местностях. Это первая пища древних обитателей Лация, чему бесспорным доказательством, как мы говорили, служит одаривание полбой. В самом деле, совершенно очевидно, что римляне долгое время жили полбяной кашей (*puls*), а не хлебом, (84) так как, с одной стороны, и сейчас употребляется слово *pulmentaria*, то, что едят с хлебом, а с другой—древний стихотворец Энний, изображая голод в осажденном городе, упоминает об отцах, которые вырывают клецки у плачущих детей. И поныне, справляя день рождения или богослужебные обряды, употребляют в качестве жертвенной полбяную кашу *puls*, которая, повидому, была так же неизвестна в Греции, как в Италии была неизвестна ячная каша (*palenta*).

(85) Нет семени более жадного, всасывающего больше соков, чем пшеничное (*triticum*). *Siligo* я, собственно, назвал бы пшеницей

* Точные определения разнообразных названий полб и пшениц в античности не установлены с бесспорностью в специальной литературе. В последнее время высказываются предположения, что римляне не знали *triticum spelta* и что различные названия—*ador*, *adoreum*, *arinca*, *far* и др.—относятся к *triticum dicoccum* или к другим видам рода *triticum*. *Tiphe*, повидому, однозернянка (*triticum monococcum*), *zea*—двузернянка, *siligo*, надо полагать,—сорт озимой пшеницы. *Прим. ред.*

из пшениц по белизне, и по высокому качеству, и по тяжеловесности. Она хороша для сырых областей, которые встречаются в Италии и Заальпийской Галлии, но и за Альпами она упорно держится только у Аллоброгов и Ремов, в остальных же местах она там перерождается в пшеницу (*triticum*) уже через два года. Средство против этого—сеять только самые полновесные зерна.

(86) Из *siligo* приготавливают самый лучший хлеб и самые лучшие кондитерские изделия. Смесь кампанской *siligo* с пизанской считается лучшей смесью в Италии. Кампанская красноватая цветом, а пизанская белее и тяжелее той, в которой подмешан мел. Из модия кампанской обрушенной (*castrata*) *siligo* нормально получается четыре сектария муки первого сорта, а из модия обыкновенной, не обрушенной (*sine castratura*),—пять сектариев; кроме того, полмодия (87) «цвета» (*flos*), четыре сектария столовой второсортной муки и столько же сектариев отрубей. Из пизанской же *siligo*—пять сектариев муки первого сорта, а всего остального, как и у той. Клузинская и арретинская дают муки первого сорта на один сектарий больше; всего остального поровну. А если бы было желательно получить самую тонкую муку (*pollen*), то из модия выйдет шестнадцать фунтов хлеба, три фунта грубой муки и полмодия отрубей. Зависит это от разницы помола. Дело в том, что зерно, смолотое сухим, муки дает больше; у обрызганного соленой водой получается более белая сердцевина, но зато отходит больше отрубей. Что слово *farina* (мука) произошло от *far* (полба), это ясно из самого названия. (88) Галльская *siligo* дает двадцать фунтов хлеба из одного модия муки, итальянская же на два-три фунта больше при выпечке тонких сортов хлеба, тогда как при выпечке обыкновенных сортов хлеба два фунта припека дает любая мука.

(89) *Similago* приготавливается из пшеницы, наилучшая из африканской. Из модия нормально получается полмодия *similago* и пять сектариев *pollen*: так называется тот сорт муки, который, будучи приготовлен из *siligo*, носит название «цвет» (*flos*),—его употребляют в литейных и при выработке папируса,—а кроме того, четыре сектария второсортной муки и столько же отрубей; хлеба же из модия *similago* получается 22 фунта, из модия *flos* 16. (90) Стоимость «цвета» (*flos*) при средних рыночных ценах 40 ассов за модий; *similago* на 8 ассов дороже; обрушенная *siligo* вдвое дороже. Есть еще разница: однажды...* просеянная дает 17 фунтов хлеба; дважды—18; трижды—19 и $\frac{1}{3}$ и 2 $\frac{1}{2}$ фунта второстепенного хлеба, столько же грубого и 6 сектариев отрубей. (91) *Siligo* никогда не поспевает равномерно, и нет другого растения, которое менее допускало бы проволочки при уборке вследствие своей нежности и того, что зерно осыпается, как только созреет. Зато она меньше остальных злаков подвергается опасности в тот период, когда соломина уже выброшена, так как колос у нее всегда стоит прямо и на нем не остается росы, от которой бывает ржавчина. (92) Вкуснейший хлеб—из аринки (*arinca*). Растет она гуще, чем полба, колос у нее крупнее, и она тяжелее весом. Модий зерна редко не тянет 16 фунтов. В Греции она

* Пропуск в подлиннике. Прим. ред.

с трудом обмолачивается, почему, как говорит Гомер, ее и дают вьючным животным. Это то самое растение, которое он называет *olyga*. В Египте же она не причиняет никаких затруднений и урожайна. (93) Полба лишена остей, также и *siligo*, за исключением так называемой лаконской. К ним можно прибавить еще *bromos* и *tragos*: два иноземные сорта, подобные вывезенному с востока рису. И сама *tiphe* относится к тому же роду, разновидностью которого в наших местах является рис. В Греции растет и *zea*, причем рассказывают, что она и *tiphe*, вырождаясь, превращаются в пшеницу, если их сеять дробленным зерном; это однако происходит не сразу, но на третий год.

(94) Нет растения плодороднее пшеницы. Природа наделила ее этим свойством, ибо пшеницей преимущественно питала она человека. В самом деле, модий на подходящей почве, например, в Африке, на равнине Бизакия, дает полтора ста модиев. Прокуратор божественного Августа послал ему из тех мест куст без малого в четыреста стеблей пшеницы, выросших из одного зерна, чему с трудом верится, но о чем сохранилась, однако, переписка. (95) Нерону также было послано триста шестьдесят колосьев, выросших из одного зерна. Урожай в сам-сто дают и Леонтинская равнина в Сицилии, и вся Бетика, и прежде всего Египет. Самые плодородные сорта пшеницы называются «ветвистой» и «стозерновкой». Действительно, был найден стебель ее, который один нес сотню зерен. (96) В качестве яровых растений упоминали мы кунжут, просо и могар. Кунжут (*sesama*) появился из Индии. Из него делают и масло; цвет у него белый. В Азии и Греции похожи на него *erysimum*, а растение, называемое у нас *ирио* (*irio*), было бы совершенно подобно ему, не будь оно слишком маслянистым. Его следует отнести скорее к лекарственным, чем к хлебным злакам. Теми же свойствами отличается и *hogminum* (шалфей) греков, только он похож на кумин (*суминум*); сеют его вместе с кунжутом. Ни кунжута, ни *ирио*, пока они зелены, не ест ни одно животное. (97) Не все злаки легко обтолочь. В Этрурии, например, колосья подсушенной полбы бьют пестом с железным наконечником в виде зазубренной трубы, с зубчатой звездой внутри; если бить их изо всех сил, то зерно дробится, но и железо ломается. Большая часть Италии обходится пестом без всяких приспособлений, а также колесами, которые вращает вода, и, кроме того, жерновами. Приведем советы Магона относительно самого способа размельчения зерна. (98) Пшеницу он велит сначала сильно облить водой, затем ободрать, а потом, высушив на солнце, толочь в ступе. Так же следует делать с ячменем, поливая двадцать секстариев его двумя секстариями воды. Чечевицу сначала подсушить, а затем полегоньку обтолочь вместе с шелухой или положить на двадцать секстариев кусок необожженного кирпича и полмодия песку; с горошком поступать так же, как и с чечевицей. Кунжут вымочить в горячей воде, рассыпать его, перетереть, опустить в холодную воду, чтобы отошла мякина, и снова рассыпать на солнце по полотну; если со всем этим не поспешить, то кунжут покрывается желтоватой плесенью. (99) Ободранная при обталкивании шелуха получает различное употребление. Если обталкивается один колос, то получается мякина (*acus*), которая идет для ювелирного дела; если хлеб молотят на току вместе

с соломой, то остается ухоботье (*ralea*), которое в большинстве стран идет на корм скоту. Обину с проса, могара и кунжута у нас называют *adpluda*, а в других местах—другими названиями. (100) Просо особенно любят в Кампании, где из него делают отличающуюся своей белизной кашу. Приготавливается из него и очень вкусный хлеб. Сарматские племена по преимуществу питаются этой кашей, а также сырой мукой, с подбавкой кобыльего молока или крови, выпущенной из жил на бедре у лошади. Эфиопы не знают никаких злаков, кроме проса и ячменя.

(101) Могар едят в Галлии, особенно в Аквитании, а также в бассейне Пада, с прибавкой бобов, без которых*..... Понтийские племена предпочитают могар всякой пище. Остальные яровые любят поливку даже более, чем дождь. Просо и могар не переносят воды, пока они выгоняют листья. Их советуют не сеять между виноградными лозами и фруктовыми деревьями, потому что они истощают землю.

(102) Просяной мукой пользуются в особенности как закваской: замешивают ее на виноградном соку сразу на год. Такая же закваска приготавливается из мелких, самых лучших отрубей самой пшеницы: три дня их вымачивают, замешивают на белом виноградном соку и затем сушат на солнце. При изготовлении хлеба лепешку такой закваски кипятят вместе с *similago* из *semen* и в таком виде замешивают с мукой. Считается, что по этому способу получается самый хороший хлеб. Греки установили, что на два полумодия муки достаточно восьми унций закваски. (103) Однако такую закваску можно готовить только во время уборки винограда, в любое же время можно сделать другую: замешивают ячменную муку на воде и сажают двухфунтовые куски теста в раскаленную печь или же пекут на глиняных сковородах в золе и углях, пока они не зарумянятся. После этого их закупоривают в какой-нибудь сосуд, пока они не закиснут. Закваску эту употребляют в разведенном виде. Ячменный хлеб заквашивали просто мукой из *egvum* (французская чечевица) или нута (*cicerula*): двух фунтов ее достаточно было на пять полумодиев. (104) Теперь делают закваску просто из муки, которую, раньше чем посолить, затирают, варят, как кашу, и оставляют, пока она не закиснет. Обычно ее даже не подогревают, а только ставят накануне. Всем известно, что кислота вызывает брожение, что люди, питающиеся квашеным хлебом, отличаются особенной крепостью и что в старину всякая тяжеловесная пшеница считалась особенно полезной для здоровья.

(105) Разбирать отдельные сорта самого хлеба представляется излишним: есть хлеб, получивший название по тому кушанью, с которым его едят, например, устричный; по способу, которую в него кладут, например, «артолаган»; по быстроте приготовления: «спешный», а также по способу выпечки: «печной», «формовой», «испеченный в клибанах». Так, недавно из Парфии привезли хлеб, который одни называют «водяным», потому что с помощью воды поднимают его до состояния легкой и воздушной пышности, а другие парфянским.

* Пропуск в подлиннике; текст испорчен. *Прим. ред.*

Высокое качество пшеничного хлеба зависит от хорошей муки и мелкого сита. Некоторые ставят тесто на молоке и яйцах, а замирившие нами племена, перенесли свои интересы на кондитерское искусство, даже на коровьем масле. (106) До сих пор сохранилась слава Пицена, где хлеб придумали делать из полбяной крупы. Ее вымачивают девять дней, а на десятый, замешав на изюмном соку, раскатывают тонкими листами и ставят в печь в горшках, которые там и лопаются. Есть такой хлеб можно, только размочив его, что и делают обычно в сычужном молоке.

(107) Пекарей в Риме не было до самой войны с Персеем, то-есть больше 580 лет с основания города. Квириты пекли хлеб сами; это было обычно делом женщин, как и сейчас еще и у большинства народов. Хлебопеков упоминает уже Плавт в своей комедии «Горшок», но ученые весьма спорят относительно принадлежности этого стиха самому Плавту. (108) Из слов Атея Капитона несомненно только, что в те времена хлеб для людей познатнее пекли обычно повара; хлебниками же назывались только те, кто молол полбу. Да и поваров не держали в числе прислуги, а приводили из в случае надобности с рынка.

В Галлии придумали делать сита из конского волоса, в Испании из полотна—редкие и густые, в Египте из папируса и ситника. (109) Но в первую очередь следует сказать и о способе приготовления полбяной крупы, наилучший и самый здоровый сорт которой, несомненно, составляет гордость Италии. Делают ее, без сомнения, и в Египте, но так, что о ней и говорить не стоит; в Италии же во многих местах, как, например, в Веронской и Пизанской областях, лучшую—в Кампании. Это равнина, лежащая у подножия богатых дождями гор, протяжением в сорок тысяч шагов и совершенно плоская. (110) Земля ее на поверхности, чтобы сразу сказать о свойствах почвы, представляет собой тонкую пыль, далее, в глубину, она пориста, как пемза, и впитывает влагу. Вред, приносимый горами, обратился во благо. Земля здесь пропускает частые дожди, процеживая их сквозь себя и при этом не обнаруживая склонности ни превратиться в грязь, ни быть размытой, предоставляя возможность очень несложной обработки. Полученную влагу она не отдает ни одному источнику, но, постепенно усваивая, удерживает в себе в виде питательного сока. Засевается она круглый год: раз могоаром, дважды полбою. (111) А весной отдохнувшие поля полны роз, которые благоуханнее садовых. Земля родит их до того неустанно, что существует поговорка: у Кампанцев больше душистого масла, чем у других простого. Но насколько Кампанская равнина превосходит все земли, настолько одна ее часть, называемая «Лебории», которые у греков зовутся Флегрейским полем, превосходит ее самое. Границу их с обеих сторон составляют консульские дороги, ведущие в Капую,—одна из ПUTEОЛ, а другая из Кум.

(112) Крупу готовят из той полбы, которую мы называли «семенем» (semen). Зерна ее обрушивают в деревянной ступе, чтобы не раздавить их о грубый камень, пестом, который, как известно, приводят в движение наказываемые рабы в цепях. В переднем конце этого песта есть железный наконечник. Ободрав с зерна кожуру,

его, уже очищенным, дробят с помощью тех же приспособлений. Таким образом получается три сорта полбяной крупы: самая мелкая, второсортная, и очень крупная, которая зовется *архасгета*. (113) Но в них нет еще их особой белизны, которая так выделяет их из всех остальных сортов и заставляет предпочитать даже александрийской. Затем, как ни странно, к ней подмешивают мелу, который впитывается в самое зерно и придает ему цвет и нежность. (114) Мел этот находится между Путеолами и Неаполем, на так называемом Левкогейском холме. Существует декрет божественного Августа которым он предписывает уплачивать ежегодно из собственной казны неаполитанцам по двадцать тысяч за этот холм и приводит причину заставившую при выведении колонии в Капую присоединить и его: кампанцы утверждали, что без этого мела они не могут готовить полбяной крупы. На нем же находят серу, и там же бьют ключи Аракса, вода которых делает острее зрение, укрепляет зубы и дает ранам исцеление.

(115) Поддельная алика (*alica*) делается преимущественно из полбы (*zea*), которая в Африке вырождается. Колосья у нее шире и чернее, а солома короче. Ее обрушивают вместе с песком, да и то едва отдирают кожицу, причем чистого зерна выходит вполовину меньше. Затем присыпают гипса, которого берут одну четвертую часть сравнительно с зерном и, когда он слипнется с ним, зерно просеивают через мучное решето. То, что осталось в решете, называется отборным—это самый крупный сорт; то, что прошло, просеивается сквозь сито и зовется вторым сортом; крупу же, которая таким же образом остается в третьем сите, самым чистом и пропускающем только песчинки, называют ситенкой. (116) Другой повсеместный способ подделывать полбяную крупу—это готовить ее из пшеницы; выбирают самые белые и крупные пшеничные зерна и, полуразварив их в горшках, усушивают на солнце до половинного веса; затем, слегка взбрызнув, дробят жерновами. Кисель из *zea* делается лучше, чем из пшеницы, хотя вообще—это только плохой сорт алики. Белизну ему сообщает, вместо мела, примесь сырого молока.

(117) Далее идет речь о свойствах бобовых, среди которых особым почетом пользуются бобы, из которых пробовали даже печь хлеб. Бобовая мука называется *lomentum*; примесью ее, как и вообще всякой муки из бобовых, особенно из кормовых, увеличивают вес рыночного хлеба. Многообразна польза бобов для четвероногих всякого рода, а также в особенности для человека. У многих народов их подмешивают в цельном и измельченном виде к пшенице, и особенно к *могару*. (118) Также и в старинных обрядах бобовая каша считалась священным достоянием богов. Будучи главной приправой в еде, дополнением к хлебу, бобы считались пищей, притупляющей мысль и вызывающей бессоницу, и отвергались пифагорейцами по этой причине, по мнению же других,—ввиду того что в бобах живут души умерших, почему во всяком случае их употребляют на поминках. (119) Варрон сообщает, что фламин не ест их и по указанной причине и потому, что на цветах у бобов находятся зловещие письмена. С бобами связан также и своеобразный религиозный обряд: существует обычай после посева приносить домой боб на счастье,

который так и называется «приносный» (*referiva*). Считается, чтонося его с собой по аукционам, получаешь прибыль. Несомненно также, что бобы являются единственным зерном, которое, будучи выгрызено, вновь вырастает по мере прибыли луны. В морской и вообще в соленой воде бобы не развариваются.

(120) Сеют их до захода Плеяд, первыми из всех стручковых, чтобы они успели созреть до наступления холодов. Вергилий советует сеять их весной, как это принято в Циркумпаданской Италии, но большинство предпочитает солому от озимых бобов стручкам яровых. Бобовые стручки и стебли составляют излюбленный корм скота. Бобы в цвету требуют воды; отцветшие нуждаются в ней очень мало. Почву, на которой посеяны, они удобряют не хуже навоза, а поэтому в Македонии и Фессалии, когда они зацветут, их запахивают.

(121) Дикie бобы (*faba silvestris*) водятся во многих местах: на островах северного океана, которые поэтому у нас и называются «Бобовыми» (*fabaria*), в Мавритании, где повсюду встречаются лесные бобы, правда, очень твердые и не поддающиеся варке. В Египте произрастают бобы с колючими стеблями; крокодилы, опасаясь повредить свои глаза, избегают этого растения. (122) Стебель его бывает длинной, самое большее, в четыре локтя, а толщиной в палец. Растение это, будь на нем узлы, походило бы на мягкий тростник; головка у него—как у мака, розового цвета; в ней находится не свыше тридцати бобов; листья большие, плод горький, даже с запахом, но корень составляет любимую пищу туземцев, и сырой и вареный всяческими способами. Он похож на корень тростника. Водится он и в Сирии, и в Киликии, и на озере у Тороны, в Халкидике.

(123) Из бобовых сеют осенью и весной чечевицу, а в Греции горох. Чечевица (*lens*) требует почвы скорее тощей, чем жирной, климата же обязательно сухого. В Египте есть два сорта ее: у одного зерна круглее и чернее, у другого они имеют тот своеобразный вид, который побудил дать название чечевицы различным предметам такой формы. Я встречал у различных писателей, что люди, питающиеся ею, приобретают душевное равновесие.

Горох (*pisum*) следует сеять на местах солнечных: он совершенно не выносит холода. Поэтому и в Италии и в более суровом климате его сеют только весной, в рыхлую, легкую землю.

(124) Особое свойство нута (*cicer*) в том, что он содержит в себе соли и потому выжигает почву; сеять его нельзя, не вымочив накануне. Есть несколько разновидностей, отличающихся величиной, цветом, формой, вкусом. Есть нут, похожий на баранью голову, называемый поэтому бараньим, белый и черный; есть и голубиный, который некоторые зовут венериним: белый, круглый, гладкий и мельче бараньего; он употребляется при ночных религиозных обрядах. А еще бывает *cicercula*—разновидность мелкого нута, неровного и угловатого, как горох, причем слаще всего тот, который больше всего похож на *ervum* (французская чечевица); черный и красный тверже белого.

(125) Стручки у нута круглые, у остальных же бобовых они продолговатые, причем ширина их соответствует форме зерен; у го-

роха они цилиндрические. Стручки фасоли едят вместе с самими зернами. Сеять ее можно на любой земле с октябрьских Ид и по ноябрьские Календы. С уборкой бобовых, когда они начали созревать, следует спешить, потому что зерна быстро отделяются от стручков и, падая, затериваются, как это бывает также с люпином.

Сперва, однако, следует сказать о репе (гара). (126) Наши писатели касались ее только мимоходом, греческие несколько подробнее, но они, однако, отнесли ее к огородным растениям, тогда как при правильной последовательности о ней следует говорить непосредственно после злаков или, во всяком случае, вслед за бобовыми, так как после них нет растения, которое было бы более употребительно, чем репа.

Она родится на потребу всем живым существам в большей степени, чем какое бы то ни было другое растение, и занимает, особенно в вареном виде, не последнее место среди того, чем кормят деревенскую птицу. (127) Животные любят и ее зелень, человеку же в соответственный сезон от молодых стеблей ее удовольствия не меньше, чем от молодых капустных ростков, а от пожелтевшей и увядшей в амбаре даже больше пользы, чем от молодой. Она сохраняется почти до нового урожая, как оставленная в земле на своем месте, так и высушенная после, и не дает людям голодать. В Транспаданской области она занимает третье место после вина и хлеба. (128) В выборе земли она неприхотлива, и сеять ее можно там, где не посеешь, пожалуй, ничего другого. Туманы, заморозки и холода оказывают на нее благотворное влияние и сообщают ей диковинные размеры: я сам видел репу больше, чем в сорок фунтов весу. Репа удачно и разнообразно употребляется в нашей кухне; она сохраняется до появления новой в горчице, под действием ее едкости, и бывает окрашена, кроме своего собственного, еще в шесть других цветов, даже и в пурпурный. Другие кушанья подкрашивать не полагается. (129) Греки вывели два основных ее сорта: мужской и женский, из одних и тех же семян особым способом посева: при густом посеве, а также на плохой земле вырастает мужская репа. Семя тем лучше, чем оно меньше. (130) Репа бывает тройкого вида: она либо раздается в ширину либо округляется в шар. Третий вид назван лесным: корень у нее стремится в длину и похож на редьку, листья угловаты и шершавые, сок острый. Выжатый незадолго до жатвы, он прочищает глаза и излечивает, с примесью женского молока, от слабости зрения. Считается, что репа от холода становится вкуснее и крупнее, а от тепла идет в ботву. Первое место принадлежит репе из Нурсинской области—фунт ее оценивается в сестерций, а когда ее мало, то в два; за ней следует альгидская репа, тогда как брюква самая лучшая из Аматерна. (131) Свойства последней почти те же, что и у обыкновенной репы: также любит холод. Сеют ее до мартовских Календ; на югер берут четыре секстария семян. Усердные хозяева советуют сеять брюкву после пятикратной вспашки, а репу после четырехкратной, и класть навоз и под ту и под другую. Репа, по их утверждению, идет лучше, если семена ее запахивать с мякиной. Сеять ее советуют, раздевшись до нага и с молитвой об урожае для себя и для соседей. (132) Срок для посева той и другой приходится между

праздниками двух божеств, Нептуна и Вулкана; согласно тонкому наблюдению, если их посеять в тот же день лунного месяца, в который прошлою зимой выпал первый снег, то урожай их будет на диво. Сеют их и весной в жарких и сырых местностях.

(133) Следующее место принадлежит люпину (*lupinus*), который одинаково полезен и для человека и для копытных животных. Для того чтобы он не осыпался и не ускользал от козцов, его следует убирать немедленно после дождя. Нет ни одного растения, которое по природе своей более удивительно чувствовало бы солнце и землю*. Во-первых, он ежедневно совершает кругооборот вместе с солнцем и даже при облачном небе показывает земледельцу, который час. Кроме того, трижды цветет. Любит землю, но не желает, чтобы его прикрывали землей. И только он один сеется по невспаханному полю. (134) Более всего ему подходят места песчаные и сухие и даже гравистые. Ухода не требует вовсе. Землю любит до такой степени, что даже брошенный в густо заросшую кустарником почву, среди листьев и колючек, добирается корнем до грунта. Мы говорили уже, что от посева его утолняются нивы и виноградники, а потому сам он до того не нуждается в навозе, что сам может заменять наилучший навоз. Это единственное растение, не требующее никаких расходов; даже к посеву его не приходится прилагать труда: (135) сеют его непосредственно с тока, и он не требует даже, чтобы его рассевали. Осыпается сам собой. Сеют его первым, убирают последним—то и другое, приблизительно, в сентябре, потому что, если с ним не поторопиться до холодов, то он пострадает от мороза. Помимо этого, он может безнаказанно лежать хотя бы даже совсем заброшенным, только бы его на первых порах не прибило дождями. Своей горечью он защищен от всех животных, но все-таки в большинстве случаев его неглубоко запахивают. Из более плотных почв он больше всего любит красную глину. Для удобрения ее его следует запахивать после появления третьего цветка; на песках—после второго. Только меловую или илистую почву он не выносит и на них не всходит. (136) Размоченный в горячей воде, идет в пищу и человеку, волю же, чтобы быть сытым и окрепнуть, достаточно получать ежедневно модий люпина; положенный на живот детям, может служить лекарством. Хранить его лучше всего в дыму, потому что в сыром месте черви, выгрызая зародыш, делают его бесплодным. Если зелень его стравлена на подножный корм, то единственно, что остается сделать, это сейчас же запахать его.

(137) И вика (*vicia*) утолняет землю, сама при этом также не утруждая хозяина. Посеяв после однократной вспашки, ее не окучивают, не унаваживают, а только лишь боронят. Сроков для ее посева три: около захода Арктура, чтобы в декабре ее можно было скормливать скоту. Тогда же лучше всего сеять ее на семена, ибо, стравленная, она приносит их столько же. Второй срок посева—в январе, последний—в марте; это тот, который дает больше всего травы. Сухость она любит больше всех культурных растений. (138) Не брезгует также тенистыми местами. Если вику убрать зрелой, то мякина от ее семян предпочтительнее всякой другой.

* Текст испорчен; принимаем конъюнктуру Майгофа. Прим. ред.

У лоз она оттягивает питательные соки, и они чахнут, если ее посеять в винограднике.

(139) И за *ervum* (французская чечевица) уход нетруден. Ее опалывают больше, чем вику, и она имеет лекарственную силу: божественный Август лечился ею, о чем упоминают его собственные письма. На пару волов достаточно посеять пять ее модиев. Говорят что, посеянная в марте, она вредна волам и что осенняя также вызывает насморк, а что посеянная ранней весной становится безвредной.

(140) И стручки, то-есть пажитник (*foenum graecum*), сеют, лишь поцарапав землю, в борозды не глубже, чем в четыре пальца, и чем хуже с ним обходятся, тем лучше он идет. Редко можно назвать что-нибудь, чему небрежность в уходе была бы полезна. Растение же, которое называется рожью (*secale*) и *farrago*, требует только бороньбы.

(141) Таврины у подошвы Альп называют рожь *asia*. Это наихудший хлеб и употребляется в пищу только с голода. Растение это урожайное, но с тонкой соломой мрачного черного цвета, замечательное своей тяжеловесностью. К нему подмешивают полбу, чтобы смягчить его горечь, но и в таком виде желудок с трудом ее выносит. Растет она на любой почве с урожаем сам-сто и сама служит удобрением.

(142) *Farrago* сеется очень густо из охвостья полбы, иногда с подмесью и вики. В Африке ее получают из ячменя. Все это кормовые растения, как и выродившееся бобовое, называемое мышиным горошком (*sgrassa*), настолько любимое голубями, что, говорят, их нельзя согнать с места, где они однажды им наелись.

(143) В старину был корм, который Катон называет *osimum* и которым останавливали у волов понос. Это были кормовые растения, скошенные зелеными и не успевшие завязать семян. Сура Мамиллий дает другое объяснение и рассказывает, что тогда было обыкновение смешивать десять модиев бобов, два вики, столько же *ervum* (французской чечевицы) и осенью засеивать этим югер поля, еще лучше, если с примесью греческого овса (*avena graeca*) с его неосыпающимся зерном. Все это называлось *osimum* и сеялось для волов. Варрон объясняет это название из-за его быстрого произрастания от греческого слова *ὠκείως*.

(144) Люцерна (*medica*) и для Греции растение чужеземное; она была ввезена мидийцами во время персидских войн, ведшихся Дарием. Однако подобный дар стоит того, чтобы упомянуть о нем в первую очередь, ибо одного посева хватает больше, чем на тридцать лет. Она похожа на клевер стеблями и листьями, коленчата. Чем выше по стеблю, тем мельче ее листья. Амфилох написал о ней и о ракичнике (*cytisus*) один том. (145) Землю, на которой ее сеют, обрабатывают осенью, очищая и выбирая камни, затем вспахав и заборонив, проходят плетенкой (*crates*), а потом еще во второй и третий раз, с промежутками в пять дней, и подбавляя навозу. Она требует сухого места, но богатого соками или орошаемого. После такой подготовки ее сеют в мае месяце, иначе может повредить иней. При этом необходимо густо заполнять все пространство семенами, тем самым исключая прорастание сорняков, для чего на юге достаточно трех модиев (146). Следует также остерегаться, чтобы ее не высушило солнце; поэтому она должна сейчас же прикрываться землей. Если земля будет сыра и травяниста, то люцерна заглушается и вытесняется луговыми

травами. Поэтому ее надо сейчас же освобождать от всех трав, достигших высоты в унцию*, притом лучше рукой, чем мотыгой. Косится она при начале цветения и столько раз, сколько раз вновь зацветает. Это происходит шесть раз в год и, самое меньшее, четыре. (147) Нельзя позволять ей итти в семена, потому что до трех лет она полезнее в виде зеленого корма. Весной ее следует выпалывать и освобождать от прочих трав и до трех лет выскребать скребками до земли. При таком способе остальные травы гибнут, а сама она вреда не терпит благодаря глубоко сидящим корням. Если трава заглушила ее, то единственное средство—повторно перепахивать землю, пока не будут истреблены корни других трав. (148) Не следует ею кормить животных досыта, чтобы не пришлось пускать кровь. И зеленая она полезнее. Высыхая, она становится деревянистой и, наконец, рассыпается пылью. О ракитнике, которому среди кормов отводится первое место, мы рассказали достаточно в отделе о кустарниках. А теперь разберем свойства всех злаков, коснувшись отчасти и их болезней.

(149) Первым бедствием для пшеницы является овес. И ячмень вырождается в овес настолько, что сам овес заступает место пшеницы; в самом деле, народы Германии сеют его и живут одной овсяной кашей. Опасность эта вызывается преимущественно влажностью почвы и климата. Вторая причина заключается в слабости семени, долго пролежавшего в земле, прежде чем взойти. (150) То же бывает и в том случае, если сеют прелым зерном. Обнаруживается это сразу же при появлении всходов, из чего явствует, что вся причина в корне. Есть и другие опасности, сходственные с первою: зерно, начавшее хорошо наливаться, но еще не созревшее и не успевшее окрепнуть, увядает под губительным дыханием ветра в колосе, чахлое и пустое, словно недоношенное. (151) Ветры вредят пшенице и ячменю в один из трех периодов: при цветении, сейчас же, как они отцветают, и при начале созревания. Тут они не дают зерну налиться, а в первых двух случаях мешают ему образоваться. Вредно и солнце, часто появляющееся из-за туч. Заводятся в корнях и мелкие червячки, когда вслед за посевом прошли дожди, а внезапная жара преградила выход влаге. (152) Червячки появляются и в зерне, когда колос после дождей охватило жаром. Есть маленький жучок, так называемая кантерида, объедающий хлеба. Все эти существа погибают при недостатке пищи. Оливковое масло, смола и свиной жир вредны семенам; остерегайся сеять соприкасавшиеся с ними. Дождь полезен, пока хлеб еще зеленеет; цветущей пшенице и ячменю он вреден; бобовым не вредит, кроме нута. Для зреющей пшеницы он губителен, а еще больше для ячменя. (153) Появляется и трава, белая, похожая на могар, покрывающая собой нивы и смертоносная для скота. Что касается плевела (*lolium*), якорцев (*tribulus*), чертополоха (*carduum*) и подмаренника, точно так же как и ежевики (*rubus*), то я отнес бы их скорее к болезням хлебов, чем к язвам самой земли. (154) Для хлебов и виногради-ников нет зла более губительного, чем ржавчина (*rubigo*); она падает с небес. Чаще всего бывает она в росистых узких лощинах, недоступных для ветра; места высокие и ветренные ее не знают. К бедствиям

* Uncia—мера веса (см. прилагаемую таблицу); здесь—как мера длины— $\frac{1}{12}$ фута. *Прим. ред.*

нив относится и пышный рост хлебов, когда они ложатся, отягченные урожаем. Общее бедствие для всех посевов—это гусеницы; они беспокоят даже нут, когда после дождя, смывшего с него соль, он становится слаще. (155) Есть трава, которая удушает нут и чечевицу, обвиваясь вокруг них; она зовется заразихой (*orobanche*); с пшеницей то же делает аега; с ячменем—трава (*festuca*), именуемая овсяницей, также *aegilops*; с чечевицей—секироподобная трава, которую греки по сходству и зовут *pelesinus*,—все они убивают, обвивая. Около Филипп траву, которая убивает бобы на жирной почве, зовут *atera-mum*, а ту, которая убивает их на тощей,—*teramum*; бывает это, когда мокрые бобы охватит ветром. Крохотное семя эры (*aera*) находится в колючей коже. Попад в хлеб, оно очень быстро вызывает головокружение; (156) рассказывают, что в Азии и Греции банщики, если хотят разогнать толпу, то бросают это семя на угли. Если зима была дождлива, то в чечевице (*erwum*—французская чечевица) заводится фаланга, существо из рода пауков. В вике появляются слизняки, а иногда из земли крохотные улитки, удивительным образом объедающие ее. Вот почти и все болезни.

(157) Средством от того, что вредит уже взшедшему хлебу, служат мотыга и зола, разбрасываемая при посеве. Болезни же семян и корни предупреждаются заранее принятыми мерами. Считается, что семена, предварительно облитые вином, меньше подвержены заболеваниям. Вергилий рекомендует обливать бобы содой и оливковым отстоем и обещает за это хороший рост. (158) Некоторые думают, что бобы пойдут особенно хорошо, если их три дня до посева вымачивать в воде с мочой; трижды окученные, они из модия цельного зерна дадут модий измельченного. Остальные семена не боятся червей, если их смешать с истолченным кипарисовым листом и сеять в новолуние. Многие советуют, во избавление проса от болезней, обнести вокруг поля еще до окучивания жабу и зарыть ее посередине в глиняной посуде. Тогда просу не повредят ни воробьи, ни черви; однако жабу надо вырыть еще до жатвы, иначе просо становится горьким. Думают, что от прикосновения лопатки крота семена становятся урожайными. (159) Демокрит рекомендует все семена перед посевом обрабатывать соком травы, которая растет по черепичным крышам и называется *aizoun* (живучка), другими же *aesum*, а по-латыни *sedium* или *digitillum*. Если же растение гибнет из-за собственной сладости и в корнях его угнездились черви, то, обычно, его поливают чистым оливковым отстоем без соли; затем окучивают, если посев уже начал идти в колос, и пропалывают, чтобы не заглушило травой. (160) Стаи скворцов и воробьев, этот бич проса и могоара, отгоняют, я знаю, травой, имя которой неизвестно: ее закапывают по четырем углам поля и—удивительное дело—ни одна птица вообще не залетает туда. Мышей отгоняют, обрызгивая семена разведенным пеплом ласки или кошки или водой, в которой они были сварены. Но даже хлеб отдает вонью от этих животных; поэтому считается более полезным окропить семена бычьей желчью. (161) Даже ржавчину, самый страшный бич хлебов, заставляют перейти с нивы на листья лавра, для чего по ниве втыкают лавровые ветви. Слишком пышный рост хлебов, по крайней мере, пока они еще в траве, останавливают зубы

скота; хлеба, даже по несколько раз вытравленные скотом, не испытывают никакого ущерба при образовании колоса. Вообще же известно, что стоит скосить хлеб хотя бы однажды, — и семя его вытягивается в длину, чахнет, становится пустым и при посеве не прорастает. В Вавилоне, однако, хлеба скашивают дважды и потом еще пускают скот, иначе все пойдет в листья (162). И то удивительная по своему плодородию почва возвращает урожай в сам-пятьдесят, а более усердным хозяевам в сам-сто. И уход за хлебом там нетруден: орошать их следует как можно дольше, разжижая очень жирную и плотную, щедрую землю. Ила не наносят ни Евфрат, ни Тигр, как это делает в Египте Нил, а земля не растит сорняков. Плодовитость же ее так велика, что поле на следующий год само собой оказывается засеянным семенами, которые втоптали в него при ходьбе. Такая разница почв побуждает расписать виды почв по видам хлебов.

(163) Итак, вот мнения Катона: на жирном, хорошем поле сеять пшеницу, а если там часто стоят туманы, то репу, редьку (*garbanus*), просо, могар. Холодное, очень сырое место следует обсеменять раньше, а жаркое после; на почве же глинистой, подзолистой или песчаной, если она не сырая, сеять люпин; на белой глине и на красной, богатой влагой, — полбу; на сухой, не травянистой и не затененной, — пшеницу; на сильной почве — бобы; (164) вику — там, где меньше всего сырости и травы; *siligo* и пшеницу — на открытом высоком месте, которое наиболее продолжительно обогревается солнцем, чечевицу (*lens*) — на почве каменистой и глинистой, но не травянистой; ячмень — на нови и на поле, которое можно не оставлять под паром; яровую пшеницу — там, где озимый посев не может доспеть и где почва по тучности своей может не лежать под паром. (165) Остроумна и следующая мысль: на более легкой почве следует сеять то, что не нуждается в обильных соках, например, ракитник и бобовые, кроме нута, которые не скашивают, а выдергивают из земли: они и названы *legumina* по способу уборки (*leguntur*); на тучной же почве — то, что требует больше пищи, например, капуста, пшеницу, *siligo*, лен. Таким образом, легкая почва отводится под ячмень — корням его требуется меньше питания — лучшая же и более плотная под пшеницу. (166) В сыром месте лучше сеять полбу, чем пшеницу; а там, где сырость умеренная, — пшеницу и ячмень. Пшеница с холмов крепче, но урожай ее на холмах меньше. Полба и *siligo* выносят и белую глину и сырые места.

Хлеба дали единственное знамение, какое я, по крайней мере, нашел. Оно случилось во время консульства Публия Элия и Гнея Корнелия в том году, когда был побежден Ганнибал: рассказывают, что тогда видели пшеницу, росшую на деревьях.

(167) Так как нами достаточно сказано о разных видах злаков и почв, то теперь скажем еще о способах пахоты, прежде всего упомянув о том, как легка эта работа в Египте. Нил, который там работает за земледельца, начинает разливаясь, как мы уже говорили, с первого новолуния после солнцестояния, сначала медленно, потом все стремительнее, и так все время, пока солнце стоит в знаке Льва. Когда оно переходит в знак Девы, разлив замедляется и в знаке Весов начинает спадать. (168) Если Нил не подымется выше двенад-

цати локтей, то наверное будет голод, как и в том случае, если он поднялся больше, чем на шестнадцать. Ибо он спадает тем медленнее, чем больше он разлился и задерживает посев. Обычно считалось, что к посеву там приступали с падением воды, а затем выгоняли свиней, чтобы они ногами втапывали семена в мокрую землю. Я тоже верю, что в старину так и делали, да и сейчас там работа стала немногим тяжелее. (169) Несомненно, однако, что семена, брошенные в ил, отложенный спавшей рекой, сейчас запахиваются. Делается это в начале ноября: прополка производится немногими хозяевами (она зовется *botanismo*); остальные не приходят на ниву иначе как с серпом, незадолго до апрельских Календ. Уборка же производится в мае; солома никогда не бывает в локоть, потому что подпочва представляет собою песок и зерно держится только в иле. Хлеба гораздо лучше в Фиваидском округе, так как сам Египет болотист. (170) Так же обрабатывают землю и возле Селевкии Вавилонской, только там урожая больше, так как, когда Евфрат и Тигр разливаются, то орошением руководит человек. В Сирии пашут неглубоко, тогда как в Италии во многих местах по восемь волов в одном плуге выбиваются из сил. Для всех сельскохозяйственных работ, а для этой в особенности, имеет силу правило: «что какая местность допускает».

(171) Виды плугов многочисленны: резаком зовется кривой нож, которым режут, прежде чем поднять ее, очень плотную землю, намечая этими надрезами линии будущих борозд, в которые при пахоте вопьется загнутый лемех. Другой вид плуга—это обычный плуг, состоящий из лесины с загнутым наподобие клюва концом. Третий—для легких, у которого лемех надет не на всю подошву, а представляет только маленькое острие на конце. (172) Он шире и острее у четвертого вида, заканчиваясь острием, как у меча, который одновременно и прорезает землю и подрезает своими острыми сторонами корни трав. Недавно в Ретии придумали к плугу прибавить пару колесиков; этот вид плуга называется *plaumoratum*. Лемех у него имеет форму лопаты. (173) С таким плугом сеют, только хорошо обработав землю, преимущественно новь. Широкий лемех переворачивает дерн. Сейчас же бросают семена и проходят по ним зубчатыми бородами. Посевы, произведенные таким образом, не нуждаются в окучивании, но пахать так можно только на двух-трех парах волов. Одной паре полагается вспахать за год сорок югеров легкой земли и тридцать трудной.

(174) При пахоте должно тщательно соблюдать заветы Катона: «Что значит хорошо возделывать землю?—Хорошо пахать.—А вот-вторых?—Пахать.—А в-третьих?—Унаваживать.—Не паши разными бороздами.—Паши во время». В более теплых местностях следует поднимать землю после зимнего солнцестояния, в более холодных—с весеннего равноденствия, и раньше в сухих округах, чем в сырых; раньше плотную почву, чем рыхлую; раньше тучную, чем тощую. (175) Там, где лето сухое и жаркое, а земля глинистая или бесплодная, полезно пахать между летним солнцестоянием и осенним равноденствием; где зноя не бывает, а дожди частые и земля жирная и травянистая, там—в самые жары. Глубокую и тяжелую почву хорошо

переворачивать даже зимой; сухую и лежащую очень тонким слоем— незадолго до посева.

(176) И тут есть свои законы: мокрой земли не трогай. Налегай на плуг изо всей силы. Прежде чем пахать, подними дерн. Это полезно потому, что если перевернуть дерн, то корни трав погибают. Некоторые советуют поднимать землю непременно с весеннего равноденствия. Поле, вспаханное однократно весной, называется по времени вспашки *vervactum*. Это одинаково необходимо и для пара. Пар—это поле, которое засеивается через год. (177) Волы, которые отправляются пахать, надо впрягать как можно теснее, чтобы они пахали с поднятыми головами: таким образом они меньше набивают себе шеи. Если они пахут между деревьями и лозами, то им надевают намордники, чтобы они не обрывали нежных побегов, а на рукоятку плуга вешают топорик, которым и перерубают корни: это лучше, чем вырывать их плугом и надсаживать волы. Борозду доводи до конца без передышки. (178) За день полагается поднять один югер на глубину в три четверти фута, а передвоить полтора, на легкой почве; на трудной же поднять полдюгера, а передвоить целый, ибо природа поставила нормы и труду животных. Всякая нива должна быть пропахана бороздами прямо и затем вкось. На холмах пахут только поперек склона, поворачивая лемех острием то вверх, то вниз. Работа здесь до такой степени лежит на человеке, что ему приходится иногда заменять собой вола. Действительно, горцы пахут без этого животного—мотыгами. (179) Пахарь, если он не сгибается над плугом, ведет кривую борозду. Отсюда понятие кривых ходов перенесено на форум. Да остерегаются их во всяком случае там, где их открыли. Лемех следует постоянно очищать лопаткой, находящейся на другом конце стрекала. Нельзя оставлять меж двух борозд орехов и громоздящихся глыб. Худо вспахано поле, если после посева его приходится боронить. Только то поле хорошо обработано, где не разберешь, в которую сторону шел лемех. Принято также, если место этого требует, вкладывать в более широкие борозды сточные трубы, по которым вода выводится в канаву.

(180) За повторной поперечной вспашкой следует, где это нужно, бороньба плетенкой или граблями. После посева ее производят вторично, где это принято, туго сплетенной плетенкой или доской, привязанной к плугу (это называется *lire*) и прикрывающей семена; если они остались неприкрытыми, то это *deliratio* в первоначальном своем значении.

(181) Полагают, что Вергилий, называя самой лучшей ту ниву, которая испытала дважды зной и дважды холод, рекомендует сеять после четырехкратной вспашки. Почву более плотную, которая обычна для Италии, лучше обсеменить после пятикратной вспашки, а в Этрурии и после девятикратной. Сеять же бобы и вику по невспаханной земле—это значит без ущерба для дела экономить труд.

(182) Нельзя обойти еще один способ вспашки, до которого дошли в Транспаданской Италии под гнетом войны. Салассы, опустошая поля у подножья Альп, отвели уже отросшего проса и могоара. Организм, естественно, не принимал этой пищи, и тогда они перепахали поле. И вот эти многократно увеличивающиеся жатвы научили

тому, что ныне называют *artrare* или, как, думаю, говорили тогда *aratrare*. Работа эта производится, как только образуется стебель, а все растение развернет два-три листа. Не умолчим также о недавнем примере, имевшем место три года тому назад в земле Треверов. (183) Жестокая зима побила посевы; в марте поля вновь засеяли, и урожай получился богатейший.

Теперь расскажем об остальных полевых работах, перебирая их по отдельным породам растений.

(184) *Siligo*, полбу (*far*), пшеницу (*triticum*), *semen* и ячмень (*hordeum*) борони, мотыжь и пропалывай в сроки, которые будут указаны. Для каждой из этих работ достаточно на югер по одному рабочему дню. Мотыжение выводит землю из мрачного зимнего оцепенения и открывает доступ новому весеннему солнцу. Мотыжа, должно остерегаться, чтобы не подрить хлебных корней. Пшеницу, *semen*, ячмень, бобы лучше мотыжить дважды. (185) Пропалывание, уничтожая вредные травы в то время, когда посев пошел в колено, дает свободу хлебным корням и создает различие между травяной зарослью и посевом. Из бобовых нут (*cicer*) требует того же, что и полба. Бобы не любят пропалывания. Так как люпин сам заглушает траву, то его только боронят. Просо (*milium*) и могар (*rapicum*) боронят и мотыжат только по разу и не пропалывают. Пажитник (*silicia*) и фасоль (*phasioli*) только боронят. (186) Бывают виды почв, плодородие которых заставляет прореживать посев, пока он еще зеленеет травой—делается это бороной с железными зубьями—а кроме того, выпускать на него скот. В вытравленных скотом всходах следует вновь возбудить жизнь мотыгой. В Бактрах же, Африке и в Кирене все это милостью климата оказывается лишним; там люди после посева возвращаются на ниву только для жатвы, ибо сухой воздух препятствует расти сорнякам, питая злаки только ночной росой. (187) Вергилий убеждает оставлять нивы через год под паром; если размеры имения это допускают, то, несомненно, это самое лучшее. Если же по условиям хозяйства это невозможно, то полбу следует сеять на том самом месте, с которого сняты люпин, вика, бобы и вообще те растения, которые удобряют почву. Главное, следует помнить, что некоторые растения, хотя бы в них самих и мало было проку, сеются ради других, как мы об этом говорили, чтобы не повторяться, в предыдущем томе. Самое же большое значение имеет характер каждой почвы.

(188) В Африке, среди песчаной пустыни, тянущейся между Сиртами и Большим Лептисом, находится город по имени Такапа, во владениях которого земля сказочно щедра, благодаря орошению. Почти на три тысячи шагов во все стороны разливается источник; хотя он и многоводен, однако вода его распределяется между жителями на определенное количество часов. Там под огромной пальмой (*palma*) растет маслина, под маслиной смоковница (*figus*), под смоковницей гранатовое дерево (*rupica*), под ним лоза; под лозами сеются хлеба, затем бобовые, потом овощи— и все это в один и тот же год, и все это произрастает одно под сенью другого. (189) Четыре квадратных локтя этой земли, обмеренные не вытянутыми, а сжатыми в кулак пальцами, продаются по четыре динария. Всего

замечательнее урожай винограда, снимаемого дважды в год с двукратно плодоносящей лозы. И каждый урожай погибал бы от избытка питательных соков, если бы разнообразные растения не истощали этого плодородия. А так там круглый год что-нибудь убирают, причем установлено, что способствуют такой урожайности отнюдь не люди. (190) Очень различается между собой и вода для поливки. В Нарбонской провинции есть знаменитый источник Орга. В нем растет трава, которую скот любит до того, что в поисках за ней окунает в воду целиком всю голову. И однако известно, что эти водяные растения получают питание только от дождевой воды. Итак, пусть каждый узнает свою землю и воду.

(191) В тех случаях, когда земля подобна той, которую мы называли «нежной» (*tenera*), можно, сняв ячмень, сеять просо; убрав его, репу, и сняв ее, опять ячмень или пшеницу—как в Кампании; перекопанная мотыгой, такая земля может вполне сойти за вспаханную. При другом чередовании там, где была полба (*adoneum*), земля должна отдыхать четыре зимних месяца и весной засеиваться бобами. До зимы пусть она не остается под паром. Чрезмерно жирная допускает такое чередование, при котором, сняв хлеба, на третий раз сеют бобовые. Более слабая земля остается под паром и на третий год. Некоторые предписывают сеять хлеба только на той земле, которая в прошлом году отдыхала.

(192) Первое место в этом отделе должно принадлежать вопросам удобрения, о котором мы говорили и в предыдущем томе. Одно во всяком случае известно всякому: сеять следует только на унавоженной земле, хотя и здесь есть особые правила для каждого отдельного случая. Просо, могар, репа и брюква сеются только на унавоженной земле. На унавоженной лучше сеять хлеба, чем ячмень. То же и относительно пара, хотя на нем советуют сеять бобы, как и на любой свежееудобренной земле. (193) Если хозяин собирается сеять что-либо осенью, он должен в сентябре месяце вывезти на поле кучи навоза—только непременно после дождя. Если он будет сеять весной, пусть он разложит навоз зимой. На каждом югере полагается разложить по восемнадцати возов; нельзя их разбрасывать до начала пахоты. Если этот способ удобрить поле упущен, то есть другой: после посева, перед окучиванием, рассей, как семя, помет из птичников, обращенный в порошок. (194) Для того, однако, чтобы определить полностью, каковы должны быть принимаемые здесь меры, укажем, что каждая штука мелкого скота должна давать в месяц по одному возу навоза, а каждая штука крупного—по десяти. Если же этого не получается, то, очевидно, хозяин плохо подстиляет скоту. Некоторые считают, что лучший способ удобрения—ставить скот прямо под открытым небом в загоне из сетей. Неудобренное поле вымирает; чрезмерно удобренное выгорает. Лучше удобрять его чаще, чем сверх меры. Чем горячее почва, тем меньше следует подбавлять навозу.

(195) Самые лучшие семена—однолетние, двухлетние—хуже, трехлетние—вовсе плохи; более старые бесплодны, ибо всякой производительной силе положен предел. На семена следует сохранять зерно, которое на току оказывается в самом низу: оно самое лучшее,

потому что самое тяжелое, и нет более целесообразного способа его отличить. Колосья с промежутками между зерен отбрасываются; самое лучшее зерно—это то, которое красновато и, будучи раскушено, оказывается того же самого цвета; хуже то, у которого внутри больше белого. Несомненно, что одна земля принимает больше семян, а другая меньше. (196) Отсюда и первая примета суеверных земледельцев: если земля жадно поглощает семя, они верят, что она изголодалась и съедает семена. В сырой местности целесообразно ускорять сев, чтобы семя не сгнило от дождя; в сухой—задерживать его до самых дождей, чтобы зерно долго пролежав, не прорастая, не потеряло всхожести. Точно так же при раннем севе надо густо рассевать семена, потому что они медленно прорастают, а при позднем—редко, потому что чрезмерная густота убивает. Сеять равномерно—это своего рода искусство. (197) Движение руки должно сообразоваться с шагом, который сеятель всегда делает с правой ноги. Некоторые при этом, очевидно, владеют секретом того, как это делается, потому что им всегда сопутствуют удача и хороший урожай. Не следует переносить семян из холодных мест в теплые и из мест раннего вызревания в места позднего урожая или наоборот, как в ошибочном увлечении приписывают некоторые.

(198) Высевать на югер средней земли полагается: пшеницы и *siligo* пять модиев, полбы или *semen* (мы называем так одно хлебное растение)—десять, ячменя—шесть, бобов—на одну пятую больше, чем пшеницы, вики—семь, нута и гороха—три, люпина—десять, чечевицы—три, но ее советуют сеять с сухим навозом, *ervum* (французской чечевицы)—шесть, пажитника (*silicia*)—шесть, фасоли (*passioli*)—четыре, кормовой смеси (*rabulum*)—двадцать, проса и *могара*—четыре секстария—на жирной земле больше, на легкой меньше. (199) Есть и другие основания для различия: на плотной, глинистой или топкой почве пшеницы и *siligo* сеют шесть модиев, на рыхлой, сухой и плодородной—четыре. От слабости почвы колос становится мелким и пустым, если только посев не редок; на тучных нивах из одного зерна выходит целый куст, и густые всходы вырастают из редких семян. (200) Итак, советуют брать от четырех до шести модиев и сеять, смотря по характеру почвы, на одну пятую больше или меньше; между насаждениями и на холмах сеют столько же, как на тощей земле. Сюда относится поговорка, которую надлежит строго соблюдать: «не грабь нивы». Аттий прибавляет к этому в «Праксидике», что сеять следует, пока луна стоит в знаке Овна, Близнецов, Льва, Весов и Водолея. Зороастр же говорит, что тогда, когда солнце пройдет двенадцать частей Скорпиона и луна будет в знаке Тельца. (201) За этим следует еще не затронутый нами и требующий величайшего внимания вопрос о сроках посева, в значительной части связанный с астрономией. Поэтому мы изложим сначала все, что думали по этому поводу другие. Геспод, первый человек, учивший земледелию, указывает единственный срок сева: после захода Плеяд. Он писал в Беотии, в Элладе, где, как мы уже говорили, так и сеют. (202) Внимательные наблюдатели согласны в том, что как птицы и четвероногие стремятся к воспроизведению, так и в земле есть некая воля к зачатию. Греки определяют это время тем, что тогда земля тепла и влажна.

Вергилий советует сеять пшеницу и полбу с захода Плеяд, ячмень— между осенним равноденствием и зимним солнцестоянием, а вику, фасоль и чечевицу—с заходом Волопаса. Из этого следует, что надо заметить определенные дни восхода и захода этих и других светил.

(203) Есть люди, которые советуют сеять и до захода Плеяд, по крайней мере, на сухой земле и в жарких провинциях: зерно, портящееся от сырости, будто бы сохраняется таким образом, а после первого же дождя в один день прорастает. Другие советуют сеять сейчас же с заходом Плеяд—дожди начинаются приблизительно с седьмого дня; некоторые в холодных местностях—с осеннего равноденствия, в жарких—позднее, чтобы всходы не слишком разрослись до наступления зимы.

(204) Все, однако, согласны с тем, что около зимнего солнцестояния нельзя сеять; доказательством этого служат озимые семена, которые прорастают на седьмой день, будучи посеяны до зимнего солнцестояния, и едва на сороковой, если их посеять после солнцестояния. Некоторые торопятся с посевом и заявляют, что ранний посев обманывает часто, а поздний всегда. Другие, наоборот, считают, что лучше сеять даже весной, только бы не плохой осенью, причем, если придется, то между первым дуновением фавония и весенним равноденствием.

(205) Некоторые, оставив астрономические тонкости, определяют сроки по временам года: весной сеют лен, овес и мак и, как это и по сейчас соблюдается в Транспаданской Италии, бобы до самых Квинкватр; *siligo*—в ноябре, полбу—в самом конце сентября, до октябрьских Ид. Некоторые сеют ее и после этого числа, вплоть до ноябрьских Календ. Таким образом, одни не обращают никакого внимания на явления природы, другие—чрезмерное, а отсюда и то мудрствование вслепую, которое обычно для деревенских людей, не искушенных ни в какой науке, а не только в астрономии.

(206) Однако следует признать, что тут все зависит, главным образом, от небесных явлений, почему Вергилий и советует заранее ознакомиться с ветрами и движениями светил и руководствоваться ими совершенно так же, как и мореплаватели. Дерзкая, безмерная надежда думать, что деревенское невежество может стать причастным божественных тайн неба, и все же следует попытаться ради великого усовершенствования жизни. Прежде, однако, следует подвергнуть рассмотрению трудности понимания звезд, испытанные даже сведущими людьми, чтобы потом мысль тем радостнее отвлекалась от небесных явлений, предугадывая события, которые не могли быть познаны заранее.

(207) Во-первых, почти не согласуется счет дней года и движение солнца, так как високосный год к 365 дням прибавляет набежавшие четверти суток. Таким образом, оказывается, что нельзя установить определенно срока восхода и захода светил. К этому присоединяется еще общепризнанная темнота предмета: действительно, предметы то предвещают бурю на много дней, что по-гречески называется *προφητεία*, то следуют за ней—это называется *ἐπιχειρήσειν*. Воздействие небесных явлений доходит до земли то скорее, то медленнее: обычно когда установится ясная погода, говорят, что «сеетили исполнилось».

(208) Мало того: все это верно для неподвижных, прикрепленных к небу светил, но тут вмешиваются еще движения звезд, также несущие, как мы показали, немалые последствия в виде дождей и града и нарушающие порядок, на который мы надеялись. Все это обманывает и не только нас—не будем думать, что мы тут одни,—но и остальных животных, более чутких к тому, от чего зависит их жизнь: птиц, прилетающих к нам на лето, губят затянувшиеся или ранние холода, а тех, которые прилетают на зиму, жары. (209) Поэтому Вергилий и учит наблюдать за движением планет, настоятельно советуя обращать внимание на прохождение холодной звезды Сатурна. Некоторые считают самым верным признаком наступления весны появление бабочек, как существ хрупких. Но в этом самом году, когда мы пишем это, замечено, что выводки их были уничтожены трехкратным возвращением холодов, а перелетные птицы, возвестившие о весне за шесть дней до февральских Календ, жестоко пострадали от лютой зимы. (210) Дело сомнительное, во-первых, искать у неба законов, а во-вторых, устанавливать их с помощью доказательств. Самые большие трудности вносит разница выпуклости небесной тверди и земного шара, вследствие которой одно и то же светило появляется у разных народов в разные времена; отсюда причина того, что одно и то же светило оказывает свое влияние в разных странах в разные дни. Трудности возрастают и по вине ученых, ведущих наблюдения в разных местах, а кроме того, из одних и тех же мест сообщающих разноречивые сведения. (211) Астрономических школ было три: халдейская, египетская и греческая. Диктатор Цезарь, определяя год в соответствии с движением солнца с помощью Созигена, искушенного в этой науке, прибавил к ним у нас еще четвертую. Впоследствии в системе этой была обнаружена ошибка, и ее исправили тем, что двенадцать лет подряд не вставляли ни одного добавочного дня, ибо год, который раньше обгонял движение светил, теперь начал отставать.

(212) И сам Созиген в трех своих работах, хотя он и знал больше остальных, но не переставал кое в чем сомневаться и исправлять сам себя, и другие ученые, которых мы упоминали в начале этого труда, писали об этом, но редко случалось, чтобы мысли одного совпадали с мыслями другого. Этот факт менее удивителен у тех, у которого извинением служит самое различие местопребывания. (213) Приведем, однако, для примера одно разногласие между теми авторами, которые, живя в одной стране, все же расходятся между собой; Гесиод—в самом деле, и под его именем имеются астрономические указания—говорит, что Плеяды начинают заходить по утрам, как только пройдет осеннее равноденствие, Фалес, что на 25-й день по равноденствия, Анаксимандр, что на 31-й, Эвктемон на 44-й и Евдокс на 48-й. (214) Мы же преимущественно следуем наблюдениям Цезаря, что целесообразно для Италии. Впрочем, приведем мнения и остальных, поскольку речь идет об истолковании явлений, случающихся не в одной стране, а в целом мире, группируя их не по авторам, что было бы многословно, а по местностям. Читателю следует только помнить, что ради краткости мы под именем Аттики будем подразумевать одновременно и Киклады, под именем Македонии—помимо

нее, также и Магнесию и Фракию, под Египтом—Финикию, (215) Кипр и Киликию, под Беотией—Локриду, Фокиду и вообще смежные земли, под Геллеспонтом—Херсонес и весь материк до Афонской горы, под Ионией—Азию и Азийские острова, под Пелопоннесом—Ахайю и страны, лежащие к западу. (216) Халдеи будут обозначать Ассирию и Вавилонию. Что Африка, Испания и Галлия будут обойдены молчанием, в этом нет ничего странного: дело в том, что там совершенно не производилось наблюдений никем, кто мог бы дать сведения о восходе светил. Последнее, однако, нетрудно установить и для этих стран с помощью разделения их на пояса, которые мы дали в шестой книге, и которое позволяет определять картину неба не только в целой стране, но даже в каждом отдельном городе. (217) И если в упомянутых выше странах определить выпуклость какого-либо пояса, соответствующего той или иной исследуемой стране, то оказывается, что восход светил во всех местах, где солнце бросает одинаковую тень, будет одновременным. Нужно отметить и то, что самая погода в четырехлетний промежуток имеет свою поворотную точку и возвращается без больших изменений, в зависимости от солнца; каждые же восемь лет испытывает нарастание, когда возвращается сотая луна.

(218) Наблюдения производились неизменно по трем разделам: наблюдали восход светил, их заход и смену времени года. Восход и заход можно понимать двояко: или речь идет о том, что звезды прячутся и перестают быть видимы с появлением солнца, или же появляются с его уходом, причем относительно того и другого существует более удачное выражение, а именно: говорят, что звезда не взошла, а вынырнула, и не зашла, а спряталась. (219) Можно понимать восход и заход по-другому—тогда дело касается дня, начиная с которого звезды становятся или перестают быть видимыми при солнечном восходе или закате, причем звезды называют утренними или вечерними, в зависимости от того, совпадает ли их появление с утренними или вечерними сумерками. Для того чтобы они стали заметны, надо, чтобы был промежуток, по меньшей мере, в три четверти часа до восхода или после захода солнца. Кроме того, некоторые светила дважды восходят и заходят. Все сказанное относится к тем звездам, которые мы называли неподвижными.

(220) Разделы годового круга устанавливаются соответственно четырем периодам года, зависящим от прибыли и убыли дня. Последний начинает прибывать с зимнего солнцестояния и по прошествии 90 дней и 3 часов сравнивается к весеннему равноденствию с ночью, а затем в течение 94 дней и 12 часов до летнего солнцестояния остается более долгим, чем ночь...* до осеннего равноденствия, и тогда ночь, сперва сравнившись с днем, затем в течение 88 дней и 3 часов становится преобладающей, вплоть до зимнего солнцестояния, причем часы при учете прибыли в дне имеются в виду не любые, а только равноденственные. (221) Все эти изменения протекают на восьми частях знаков Зодиака: зимнее солнцестояние бывает в знаке Козерога, примерно, в восьмой день до январских Календ, весеннее

* Пропуск в подлиннике. *Прим. ред.*

равноденствие—в знаке Овна; летнее солнцестояние—в знаке Рака, другое равноденствие—в знаке Весов. А самые эти дни редко обходятся без каких-нибудь примет, возвещающих бури. (222) В свой черед указанные точки разделяются отдельными промежутками времени, падая на середину всего числа дней. Действительно, на сорок шестой день между летним солнцестоянием и осенним равноденствием, с заходом Лиры начинается осень, на сорок четвертый между осенним равноденствием и зимним солнцестоянием, с утренним заходом Плеяд—зима; с фавония, начинающего дуть с сорок пятого дня между зимним солнцестоянием и равноденствием, начинается весна, а утренний заход Плеяд через сорок восемь дней после весеннего равноденствия—начало лета. (223) Мы начнем с посева хлебов, то-есть с утреннего захода Плеяд. Нечего запутывать этот порядок упоминанием малых светил и только увеличивать трудности, тем более что бурный Орион в эти самые дни отходит очень далеко.

(224) Многие передвигают время посева вперед и начинают сеять злаки с одиннадцатого дня после осеннего равноденствия, так как на целых девять дней после восхода Короны предсказывают почти наверное дожди; Ксенофонт советует сеять не раньше, чем божество пошлет знак. Цицерон толкует это в том смысле, что знаком является дождь; по-настоящему же сеять следует не раньше, чем опадут листья.

(225) Последнее происходит, по мнению некоторых, при самом заходе Плеяд, то-есть, как мы сказали, в третий день до ноябрьских Ид. Следят за этим созвездием также и продавцы платья, а заметить его на небе очень легко. И вот по заходе его гадают о зиме заинтересованные в том, чтобы расставить ловушки, алчные торгаши. Например, если закат в тумане, то это предвещает дождливую зиму, и тогда они набавляют цену на плащи; ясный заход предвещает суровую зиму и тогда они вздувают цену на остальную одежду.

(226) Земледелец же, неискушенный в астрономии, найдет тот же знак у себя в терновой чаще, когда, взглянув на свою землю, увидит опавшие листья. Так определяется благоприятная пора для сева: в одном месте она наступает позднее, в другом раньше. Это устанавливается в согласии с природой места и климата, и в этой закономерности самое замечательное то, что она бывает и общей для всего мира и особой в каждой отдельной местности.

(227) Этому может удивляться тот, кто забыл, что в самый день зимнего солнцестояния в коптильнях зацветает мята-блехогонка (*pulejum*). Настолько велико желание природы ничего не оставлять втайне. И для сева она подала знак листопадом. Это правильное истолкование его, приводящее доводы самой природы, ибо таким образом советует она устремить внимание на землю, обещает некоторую замену навоза, объявляет, что она сама прикроет землю и посевы от холода, и убеждает торопиться.

(228) Варрон советует руководствоваться этим наблюдением, по крайней мере, при посеве бобов. Другие советуют сеять их в полнолуние, а чечевицу—с двадцать пятого по тридцатый день лунного месяца; вику—в это же самое время; только тогда на ней не заведется

слизняков. Некоторые советуют сеять таким образом только на корма скоту, а на семена—весной. Есть и другое, еще более наглядное указание, дарованное природой в ее чудесном провидении. О нем скажем словами самого Цицерона:

Вечно зеленый лентиск, всегда отягченный плодами,
Из года в год он привык покрываться тройным урожаем,
Трижды давая плоды, три срока дает он для вспашки.

(229) Из них один будет одновременно сроком для сева и льна и мака. Катон пишет о маке таким образом: «Ветки и хворост, которые останутся у тебя от употребления, сожги на ниве. На месте же костра сей мак». Удивительное употребление имеет лесной мак: его варят в меду и лечат им горло; снотворной силой обладает также и огородный. Вот и все об озимом севе.

(230) Наконец, чтобы сразу же сделать беглый обзор всего сельского хозяйства, упоминаем и о том, что в то же время следует уваживать деревья, окапывать виноградники—на югер достаточно одного рабочего дня,—а где это позволит характер места, то и обрезать и те и другие, готовить земли двойным заступом под питомники, открывать сточные канавы, выводить воду с полей, мыть и прятать точила. (231) С наступлением ноябрьских Календ не подкладывая яиц под курицу, пока не минует день зимнего солнцестояния, а затем в течение всего лета по тем же самым числам подкладывая по тринадцать, зимой меньше, но однако не менее девяти. Демокрит считает, что предстоящая зима будет такова, каков был день солнцестояния и три смежных; то же относительно и летнего солнцестояния. Около зимнего солнцестояния, согласно большинству авторов, стоит в течение двух недель мягкая безветренная погода высиживания птенцов зимородками. Но и в этом и вообще во всех других случаях делать выводы о явлениях, связанных со светилami, следует по тому, осуществились ли эти явления, а не ждать на заранее намеченные дни обещанных с речительством бурь.

(232) В день зимнего солнцестояния не следует касаться лозы. Гигин советует отцеживать, а также разливать вина на седьмой день по прошествии его, особенно, если день этот совпадает с седьмым же днем лунного месяца; вишни же садить около зимнего солнцестояния. Волам следует подсыпать в это время желудей по модию на пару. Больше количество вредит их здоровью, и в какое бы время их ни давали, но если их давать менее, чем в течение тридцати дней подряд, то весной за это, говорят, расплачиваются паршой на скоте. Это же время мы отвели и для рубки леса. (233) Остальные работы должны производиться, главным образом, по ночам, так как в это время ночи значительно длиннее дня, а именно: плетут корзинки, плетенки, короба, нарезают факелы, готовят кольца. Днем полагается обтесать тридцать четырехгранных колеи и шестьдесят круглых, вечером, при огне—пять четырехгранных и десять круглых и столько же утром до света.

(234) Время между зимним солнцестоянием и фавонием отмечают, по Цезарю, благородные светила. В 3-й день до январских Календ утром заходит Пес, и в этот же день в Аттике и смежных с ней

областях вечером, как говорят, заходит Орел. Накануне январских Нон, по Цезарю, утром восходит Дельфин, а на следующий день, когда в Египте вечером заходит Стрела, восходит Лира. (235) Перед шестым днем до январских Ид, с вечерним заходом того же Дельфина, в Италии начинается ряд холодных дней, как и тогда, когда солнце переходит в знак Водолея, что случается, приблизительно, на 16-й день до февральских Календ. В 8-й день до Календ звезда на груди у Льва, названная Тубероном Царской, заходит утром, а накануне февральских Нон заходит вечером Лира. (236) В последние дни этого периода следует всюду, где это допускается погодой, перекапывать землю двойным заступом под розарии и виноградники—на югер достаточно семидесяти рабочих дней—очищать старые каналы или устраивать новые, до света при огне оттачивать железные орудия, прилаживать к ним рукоятки, починять разошедшиеся бочки, шить попоны для овец и вычесывать их самих.

(237) За время от фавония до весеннего равноденствия, по Цезарю, знаменательными являются: для трех дней, начиная с 14-го дня до мартовских Календ разные признаки, для 8-го дня до Календ появление ласточки и вечерний восход Арктура на следующий день, а также и в 3-й день до мартовских Нон. По наблюдениям Цезаря, это связано с восходом Рака, по наблюдениям большинства астрономов—с появлением Виноградаря. На 8-й день до Ид восходит Северная Рыба, а на следующий день Орион. В Аттике наблюдается появление Коршуна. Цезарь отметил роковые для него мартовские Иды заходом Скорпиона; 15-й день до апрельских Календ—появлением Коршуна в Италии, 12-й—утренним заходом Коня.

(238) Это самое оживленное и наиболее занятое время у сельских хозяев, и тут они больше всего и ошибаются. Дело в том, что призыв к работе раздается для них не в тот день, когда фавоний должен был бы начать дуть, а в тот, когда он задует на самом деле. Это надо соблюдать строжайшим образом; если быть внимательным, то отметить этот день можно совершенно точно. (239) Откуда дует этот ветер и с какой стороны он приходит,—мы говорили во второй книге и ниже скажем еще несколько подробнее. А пока, начиная с того дня, когда он задует, когда бы этот день ни пришелся, только не с 6-го дня февральских Ид, а раньше, если весна ранняя, или позже, если и после этого дня держится зима, да приступают земледельцы к бесчисленным работам. В первую очередь должны быть исполнены те, которые нельзя отложить. (240) Надо сеять яровые, обрезать лозы указанными нами способами, ухаживать за маслинами, сажать и прививать яблони, перекапывать виноградники, приводить в порядок уже имеющиеся питомники и закладывать новые, сажать и резать тростник, иву (*salix*) и дрок (*genista*), а также, как сказано, сажать вязы (*ulmus*), тополи (*populus*), и платаны (*platanus*).

(241) Одновременно следует выпалывать и мотыжить озимые, преимущественно полбу (*far*). Тут точный закон: когда у полбы появляется четыре перышка, а у бобов разворачивается не меньше трех листков, тогда поле не столько вскапывают, сколько прочищают легкой мотыгой; когда же оно зацветет, то его не трогают в течение,

по крайней мере, пятнадцати первых дней. Ячмень надо сеять только в сухую землю. Обрезку заканчивать к равноденствию. Югер виноградника работник обрежет за четыре дня; за день он подвигает лозы к пятнадцати деревьям. (242) В это же самое время идет работа в огородах и розариях; о том и другом порознь будет сказано в ближайших книгах, там же, где и о парках. В это время лучше всего копать ямы. Следуя, главным образом, Вергилию, поднимают для будущего сева землю, чтобы солнцем припекло ее глыбы. Лучше пахать в разгаре весны землю только среднего качества, потому что на жирной земле борозды сейчас же зарастут травой, а на плохой все соки будут иссушены и отняты от будущих посевов летним зноем. Такие земли лучше, конечно, пахать осенью. (243) Катон так определяет весенние работы: «делать ямы, рассаживать*... рассадники, сажать в жирных и сырых местностях вязы, смоковницы, яблони, маслины; по новолуниям унаваживать луга; луга, которые не орошаются, защищать от фавония и выпалывать, с корнем вырывая сорные травы, подрезать смоковницы, закладывать рассадники и приводить в порядок старые; все это, пока не начнут перекапываться виноградники. Он же: «во время цветения груши начинать вспашку тощей и песчаной почвы. Чем земля тяжелее и сырее, тем позже пахать ее». (244) Итак, для этой пахоты имеется два указания: первые плоды лентиска и цветение груши. Есть и третье: из луковичных цветущий морской лук (*scilla*) и из цветов нарцисс, который цветет тоже трижды: первые цветы подают знак для первой вспашки, следующие для второй, а третьи для самой последней. Другие растения дают указания для другого. (245) Следует очень остерегаться касаться плющом бобов в цвету: в это время это для них вредно и губельно. Некоторые растения, например, смоковница, дают указания сами для себя. Когда на верхушке у нее несколько листьев развернется наподобие ацетабула, тогда самое время сажать смоковницу.

(246) Весеннее равноденствие приходится, видимо, на 8-й день до апрельских Календ; на промежуток между ним и утренним восходом Плеяд приходится, по Цезарю, апрельские Календы. В 3-й день до апрельских Нон Плеяды скрываются вечером в Аттике, а на следующий день в Беотии; через девять же дней, по Цезарю,—и у Халдеев. В Египте начинают прятаться Орион и его меч. (247) По Цезарю, в 6-й день до Ид захождение Весов предвещает дождь. В 14-й день до майских Календ в Египте вечером заходят Свинки, грозное созвездие, приносящее бури на суше и море. Оно отмечает для Аттики 16-й день; для Цезаря, начиная с 15-го, четыре дня подряд являются знаменательными, для Ассирии—12-й день. Созвездие это обычно называется созвездием Парилий, ибо в 11-й день до майских Календ был основан Рим, и к этому дню устанавливается ясная погода, позволяющая делать наблюдения. Греки называли его Гиадами от дождей, мы же по сходству с греческим словом решив, что название это произведено от свиньи, в неведении своем назвали его Свинками. (248) У Цезаря отмечен и 8-й день до Календ. В 7-й в Египте

* Пропуск в тексте. *Прим. ред.*

восходят Козлята, в 6-й в Беотии и в Аттике вечером прячется Пес, а утром восходит Лира. В 5-й день до майских Календ в Ассирии совершенно скрывается Орион, а в 4-й—Пес. В 6-й день до майских Нон, по Цезарю, утром восходят Свинки, а в 8-й день до Ид приносящая дождь Коза. В Египте в этот самый день Пес прячется вечером. Таков, примерно, ход светил до 6-го дня майских Ид, когда восходят Плеяды.

(249) В этот промежуток времени в первые две недели хозяин должен наверстать все, что он должен был и не успел закончить до равноденствия. Пусть он знает, что отсюда возник обычай дразнить виноградарей, обрезывающих лозы, подражая голосу птицы, которая скоро исчезает и зовется кукушкой. Быть застигнутым ею с ножом в винограднике заслуженно считается позором и срамом, и поэтому хотя к проказам озорников* относятся одобрительно даже еще в начале весны, они, однако, являются очень плохими предзнаменованиями.

До такой степени ничтожнейшие явления в деревне истолковываются, как приметы, посылаемые самой природой.

(250) На исходе этого времени сеют просо и могар. Их полагаются сеять, когда ячмень поспел. И вот на том же самом поле, по сказанной благодати природы, как общая примета того, что ячмень поспел, а просо с могаром пора сеять, сияют вечером по полям светляки (*cicindela*): так зовут деревенские жители эти летающие звезды, греки же—лампиридами.

(251) Природа уже сделала Плеяды приметными на небе, собрав их в кучу, и однако, не довольствуясь ими, создала на земле другие, словно восклицая: «зачем тебе взирать на небо, земледelec?» «Зачем искать звезд, селянин? Уже короче ночи, смежающие сном твои усталые вежды. И вот рассыпаю я для тебя среди трав твои собственные звезды, вечером зажигаю их перед возвращающимися с работы и поражаю тебя этим чудом, чтобы ты не мог пройти мимо.

(252) Разве не видишь ты, как блеск, подобный огню, скрывается под покровом свернувшихся крыльев, как он несет с собой свет даже и ночью? Я дала тебе травы, указывающие часы, и чтобы не отвращал ты глаз своих от земли к солнцу, вместе с ним обращаются гелиотроп и люпин. К чему же все еще смотреть в высь и вопрошать небо. Вот тебе Плеяды у ног твоих». (253) Дни появления и жизни этих насекомых неопределенны, но несомненно, что они порождение этого светила. Поэтому, кто посеет яровые до них, сам оставит себя с пустыми руками. Пчелка, выползающая в это же время, указывает, что бобы зацвели, цветущие бобы ее и вызывают. Будет еще указание и на то, что холода кончились; когда увидишь, что шелковица (*morus*) распускается, то бояться холодов дольше нечего.

(254) Итак, вот работы: посадка масличных отводков, оскребание самых маслин, орошение лугов в первые дни равноденствия, когда трава пошла уже в стебель, запруживание воды, пасынкование виноградников, для чего свой закон—не раньше, чем тогда, когда

* Подражающих кукушке. *Прим. ред.*

пасынки достигнут четырех пальцев в длину—для пасынкования югера требуется один рабочий день,—передваивание нив. На мотыжение—двадцать дней. После равноденствия мотыжение считается вредным и для виноградников и для нив. И для мытья овец это как раз время.

(255) После восхода Плеяд отмечают, по Цезарю, следующий день—утренний заход Арктура, 3-й день до майских Ид—восход Лиры, 12-й день до июньских Календ—вечерний заход Козы, а в Аттике—Пса. В 11-й день до Календ, по Цезарю, начинает заходить меч Ориона, в 4-й день до июньских Нон, по Цезарю, а также и в Ассирии Орел восходит вечером, в 7-й день до Ид Арктур утром заходит в Италии, в 4-й день вечером восходит Дельфин. (256) В 17-й день до июльских Календ восходит меч Ориона; в Египте это случается четыре дня спустя. В 11-й день до Календ, по Цезарю, меч того же Ориона начинает заходить. В 8-й день до июльских Календ самый длинный день и самая короткая ночь в году знаменуют летнее солнцестояние. (257) За этот промежуток времени пасынкуют виноградники и стараются окопать их—старые один раз, а молодые дважды. Стригут овец, запахивают на удобрение люпин, поднимают землю, косят вику на корм, убирают и молотят бобы.

(258) Около июньских Календ косят луга. Говорят, что уход за лугами очень легок и требует от хозяина минимальных расходов. Оставлять под них следует землю плодородную, сырую или орошаемую, орошать дождевой водой или водой из общественных водоемов. Если растет сорная трава, то лучше всего вспахать все место, заборонить, прополоть, а перед бороньбой разбросать цветы из сена, выпавшие с сеновала или из яслей. В первый год не производить поливки и не выпускать скот до второй косовицы, чтобы он не вырывал травы и не вытоптал ее. (259) Луга стареют, и их надо восстанавливать: для этого по ним сеют бобы, или репу, или просо, на следующий год—хлеб, а на третий вновь перепаживают и оставляют в покое. Кроме того, всякий раз после сенокоса их еще обжигают, т. е. срезают то, что обошли косцы. Ибо самое вредное—оставлять траву, которая потом обсеменится. Самая лучшая луговая трава—это клевер (*trifolium*), затем пырей (*gramen*), а самая худшая—это трава с вредными стручками (*nimmulus*). Нехорош и хвощ (*equisaetum*), названный так по сходству с конской гривой. (260) Время для косовицы, когда хлеба начинают отцветать и входить в силу. Косить надо, пока трава не высохла. Катон говорит: «Не опаздывать с покосом, косить, пока не вызрели семена». Некоторые орошают луга накануне. Там, где луга не орошаются, лучше косить росистыми ночами. В некоторых частях Италии косят после жатвы. (261) Предкам нашим покос обходился дороже, так как они знали только заморские критские бруски, на которых нельзя было отточить косу без масла, поэтому косец и ходил с роговой бутылкой для масла, привязанной к колену. В Италии придумали бруски, которые поливают водой и которые имеют для железа силу напильника, но такие бруски сразу же приобретают зеленый цвет. Косы сами бывают двух сортов: итальянские, покорооче, с которыми можно управляться и в чащах кустарника; галльские латифундии

требуют больших*..., так как там траву косят по середине ее **высоты**, не захватывая ниже. (262) Итальянский косец косит одной **правой** рукой. Одному работнику полагается за день выкосить югер и навязать тысячу двести связок по четыре фунта в каждой. Скошенную траву следует переворачивать к солнцу и метать стога только тогда, когда она высохнет. Если этого не соблюдать со всей строгостью, то утром от стогов начнет подыматься как бы туман, затем они вспыхнут на солнце и сгорят. (263) Скошенные луга следует опять полить, чтобы осенью скосить сено, которое называется отавой. В Интерамнах, в Умбрии, косят четырежды в год даже те луга, которые не поливают, поливные же в большинстве мест косят трижды, и после этого зеленый корм с них дает не меньше пользы, чем сено. Забота о крупном скоте и разведение скота вычного подскажут каждому, что ему делать, причем наибольший доход дадут беговые лошади.

(264) Мы сказали, что солнцестояние падает на 8-й день до июльских Календ, когда солнце стоит в восьмом делении Рака. Это великий момент в году, великое событие в мире. Вплоть до этого дня, начиная с зимнего солнцестояния, дни увеличиваются, солнце, круто поднимавшееся на север, начинает склоняться к югу и вниз, увеличивая в течение последующих шести месяцев ночь и сокращая меру дня. (265) С этого числа начинается время спешной уборки и свозки одних хлебов за другими и приготовление к лютой и жестокой зиме. А природе подобало отметить этот поворот явственными знаменами. Она дала их прямо в руки сельским хозяевам и повелела листьям повернуться в этот день, чтобы свидетельствовать о том, что солнце пошло на убыль, при этом не листьям деревьев лесных и далеко растущих, к которым ищущему знака пришлось бы идти по бездорожью горных круч, а также и не городских деревьев, выращиваемых лишь в парках, хотя их случается видеть и в деревенской усадьбе. (266) Она повернула их на маслине, которая посажена тут же, на глазах, повернула на липе, употребляемой в тысяче случаев, повернула на серебристом тополе (*populus alba*), служащем опорой виноградным лозам. Мало того: «У тебя,—говорит она,—есть вяз, обвитый лозой; и его листья поверну я. На корм обрываешь или обрезаешь ты его листья, но взгляни на них—и судьбы звезд станут тебе ясны. Листья обращены к небу другой стороной, чем накануне. (267) Ты все подвязываешь ивняком—это самое низкое деревцо, и сам ты целой головой выше его. А я поверну и его листья. Зачем ты жалуешься, что ты деревенщина. Я не лишаю тебя понимания неба и знания небесных явлений. Я дам примету и для твоих ушей: прислушайся хотя бы к стону горлинок. Смотри, не воображай, что солнцестояние прошло, пока не увидишь горлинку на яйцах».

(268) Между летним солнцестоянием и заходом Лиры в 6-й день до июльских Календ восходит, по Цезарю, Орион, в 4-й же день до Нон в Ассирии—его пояс, а в Египте утром восходит бурный Прокион—звезда, которая у римлян не имеет имени, если только не отождествлять ее с Сириусом, который рисуют на звездных картах в виде маленького пса и который имеет, как мы скоро объясним, большое

* Пропуск в подлиннике; текст испорчен. *Прим. ред.*

отношение к зною. (269) В 4-й день до Нон у Халдеев утром заходит Корона, в Аттике в этот день Орион восходит целиком. Накануне июльских Ид Орион перестает восходить в Египте, в 16-й день до августовских Календ в Ассирии восходит Прокион, а три дня спустя почти всюду известная огромная звезда, которую мы зовем порождением Пса, солнце же к этому времени вступает в первое деление Льва. Происходит это на 23-й день после солнцестояния. (270) Это чувствуют моря и земли, также многие дикие животные, как мы указывали в своем месте. Звезду эту чтут не меньше, чем светила, распределенные между богачами; она воспламеняет солнце и является существенной причиной зноя. В 13-й день до Календ в Египте утром заходит Орел, и начинает дуть ветер—предвестник—этезий. Цезарь считал, что в Италии он чувствуется в 10-й день до Календ. (271) Орел утром заходит в Аттике, в 3-й день до Календ, по Цезарю, утром появляется Царская звезда, находящаяся на груди у Льва. В 8-й день до августовских Ид заходит до середины Арктур, в 3-й день до Ид Лира своим заходом знаменует начало осени, как это отметил Цезарь, тогда как в действительности это происходит в 6-й день до Ид.

(272) В этот же промежуток времени виноградные лозы подвергаются серьезной опасности под влиянием светила, имеющего решающее значение в жизни винограда; это светило мы называли Псом, и от него лозы, как говорят, обугливаются черными пятнами, словно обожженные горящим углем. С этим бедствием нельзя сравнивать ни града, ни бурь, ни всего того, что вызывает иногда дороговизну продовольствия. В самом деле, эти бедствия касаются отдельных полей, обугливание же—целых обширных областей, причем, однако, помочь этой беде было бы нетрудно, если бы люди не предпочитали клеветать на природу, вместо того чтобы помогать себе. (273) Рассказывают, что Демокрит, который первый понял и указал связь между небесными и земными явлениями—влиятельнейшие из его сограждан презирали эти его занятия,—предусмотрев по восходу Плеяд будущую дороговизну оливкового масла (каким образом, мы об этом уже говорили и объясним еще подробнее), к удивлению тех, кто знал, что ему дороже всего бедность и спокойствие в работе, скупили все масло в целой округе, пользуясь тем, что цены, в надежде на урожай, были очень снижены. (274) Когда же то, чего он ожидал, осуществилось, и деньги так и потекли к нему широким потоком, он вернул товар горько кающимся жадным владельцам и удовольствовался тем, что доказал, как легко было бы ему при желании разбогатеть. Впоследствии то же самое и таким же образом проделал в Афинах Секстий, один из римлян—поклонников мудрости. Вот какими средствами располагает наука. Я введу ее, насколько сумею, ясно и отчетливо в изучение сельского хозяйства.

(275) Большинство авторов говорит, что ржавчина на хлебе и черные пятна на винограде появляются от росы, высохшей на жарком солнце, но я считаю это частично неверным, полагая, что всякий ожог возникает только от холода, солнце тут не при чем. Для внимательного человека это очевидно. Во-первых, замечено, что случается это исключительно ночью и прежде, чем солнце начнет припекать, и что явление это зависит целиком от луны, поскольку это бедствие приходит не иначе, как в новолуние или полнолу-

ание, т. е. когда луна во всей силе. Ведь в обоих этих состояниях она «полна», как мы неоднократно говорили, но только в новолуние весь свет, полученный ею от солнца, отбрасывается на небо. Разница обоих состояний не велика, но очевидна. (276) В новолуние летом луна очень горяча, зимой студена. В полнолуние, наоборот, она дает летом ночи холодными, а зимой теплыми. Причина очевидна, но она не та, которую приводят Фабиан и греческие писатели. (277) Дело в том, что летом во время новолуния луне приходится вместе с солнцем идти по самой близкой к нам орбите и она накаляется от действия столь близкого жара, зимой в новолуние она отходит, ибо и солнце отходит. Летом в полнолуние она уходит прочь насупротив солнца, а зимой подходит к нам по летней орбите. Поэтому, будучи сама по себе богата влагой, она каждый раз, остывая, осыпает землю замерзающими осадками в бесконечном количестве.

(278) Прежде всего мы должны помнить, что есть два вида бедствий, зависящих от светил: во-первых, то, что мы называем непогодой, понимая под этим град, бури и прочее. Когда что-нибудь подобное случается, то говорят о непреодолимой силе. Они обусловлены, как мы уже не раз говорили, грозными светилами, каковы Арктур, Орион, Козлята. (279) Во-вторых, те, которые случаются при безоблачном небе в тиши ясных ночей и о которых никто не подозревает, пока они не произошли. Это бедствия всеобщие, совершенно отличные от первых; говоря о них, одни имеют в виду ржавчину, другие головню, третьи обугливание (*carbunculus*)—и все, разумеется, бесплодие. Об этих бедствиях мы и расскажем, так как до нас этого никто не делал, и сначала сообщим их причины.

(280) Их две, помимо влияния луны, и они действуют в немногих участках неба. В самом деле, Плеяды имеют особое отношение к урожаю: с их восходом начинается лето, а с заходом—зима, и в шестимесячный промежуток между тем и другим укладываются жатва, сбор винограда и созревание всех плодов. Кроме того, на небе есть так называемый Млечный путь, (281) легко находимый, если заметить два созвездия: Орла, в северной его части, и Пса—в южной; в своем месте мы говорили о них. Сам Млечный путь проходит через Стрельца и Близнецов, дважды пересекая равноденственную орбиту солнечного центра, причем точки пересечения занимают в одном месте Орел, в другом—Пес. (282) Поэтому воздействие обоих светил распространяется на все плодоносящие земли, ибо только в этих местах центры солнца и земли совпадают. Итак, если в дни этих светил оплодотворяющий молочный сок проходит сквозь чистый и мягкий воздух на землю, то всходы весело поднимаются, если же луна, как уже было сказано, окропит землю холодной росой, то подмесь горечи погубит потомство, как убивает его горечь в молоке. (283) Бедствие это ограничено пределами, которые ставятся для всякой широты одновременным действием обеих причин, поэтому оно не ощущается одинаково во всем мире, как и день. Мы сказали, что Орел восходит в Италии в 13-й день до январских Календ, и природа не позволяет иметь до того дня никаких определенных видов на урожай. Если же тут случится новолуние, то весь озимый и ранний урожай обязательно пострадает.

(284) Жизнь людей в древности была груба и чужда образования. И однако в их наблюдениях проявлялось, как мы увидим, не меньше проницательности, чем в наших рассуждениях. Они боялись за урожай в течение трех периодов, почему и установили дни, когда справлялись празднества Робигалий, Флоралий и Виналий.

(285) Нума постановил на одиннадцатом году своего царствования справлять Робигалии, которые сейчас празднуются в седьмой день до майских Календ, ибо приблизительно об эту пору ржавчина нападает на посевы. Варрон, в соответствии с воззрениями той поры, определил это время как момент, когда через 19 дней после весеннего равноденствия, за 4 дня до майских Календ, начинается, согласно наблюдениям в разных странах, закатываться Пес—созвездие и само по себе грозное, заходу которого предшествует, по необходимости, заход Сириуса.

(286) Поэтому в древности же, по оракулу Сивиллы, в 516 году от основания Рима установлен был за четыре дня до тех же Календ праздник Флоралий, дабы отцветание протекало благополучно. Варрон определяет этот день как тот, в который солнце проходит четырнадцатое деление Тельца.

Если на эти четыре дня придется полнолуние, то все, что будет в цвету, конечно, пострадает.

(287) Первые Виналии, справляемые раньше, за девять дней до майских Календ, по случаю отведывания вина, не имеют никакого отношения ни к урожаю, как и все названные нами выше, ни к лозам и маслинам, потому что, как мы объясняли, завязь на них начинает образовываться с восходом Плеяд, за шесть дней до майских Календ. Это еще другие четыре дня, в течение которых я боялся бы пятен от росы, ибо холодный Арктур, заходящий на следующий день, обжигает ею, а еще больше я боялся бы полнолуния. (288) В 4-й день до июньских Нон вечером опять восходит Орел,—это решающий день для лоз и маслин в цвету, если на него придется полнолуние. Такое же значение приписал бы и солнцестоянию в 8-й день до июльских Календ и восходу Пса через двадцать три дня после равноденствия, но только в случае новолуния, ибо установлено, что виноград осыпается и отвердевает по вине горячих испарений. Полнолуние, в свою очередь, действует вредно в 4-й день до июльских Нон, когда в Египте восходит Сириус, и, во всяком случае, в 16-й день до августовских Календ, когда он восходит в Италии, и также в 13-й день до августовских Календ, когда заходит Орел, и вплоть до десятого дня. Вторые Виналии, справляемые в 14-й день до сентябрьских Календ, к этому отношения не имеют. (289) Варрон определяет этот день началом утреннего захождения Лиры. Его хочет он считать началом осени, а праздник этот—установленным в отвращение бурь. В настоящее время днем захода Лиры считается 6-й день до августовских Ид.

(290) В этих пределах заключено время неурожая, зависящего от небесных светил. Я не стал бы отрицать, что это может меняться в зависимости от характера местности, холодной или знойной. Но мы удовольствуемся тем, что указали общий порядок; остальное будет установлено самим наблюдателем. В том же, что здесь действует одна из двух причин, а именно: полнолуние или новолуние, в этом никто не усомнится. (291) И тут приходится изумляться бла-

гости природы: оказывается, во-первых, что бедствие это из года в год случаться не может, вследствие установленного движения светила, в году оно приходится только на несколько ночей, причем легко узнать, на какие—нечего бояться все месяцы подряд,—оно распределено между месяцами в соответствии с их же законом, а именно летние месяцы безопасны, кроме двух дней, новолуния, зимние месяцы—кроме полнолуния. Страшны как раз самые короткие летние ночи, днем же бедствие это не имеет той силы. (292) Сроки эти очень легко постичь; муравей—ничтожнейшее животное, и тот в новолуние отдыхает, а в полнолуние трудится также по ночам; филин, когда Сириус взошел, не показывается с этого самого дня вплоть до захода его; иволга появляется в самый день солнцестояния. Луна в обеих фазах своих губительна только в ясные и совершенно безветренные ночи, ибо не выпадает роса ни при облаках, ни при ветре. Однако и тут мы не остались без помощи.

(293) Если ты испытываешь страх, то зажги по полям и виноградникам хворост, кучи мякины, костры из вырванной травы и кустов; дым в этом случае лекарство, а дым от мякины—помощь и от туманов, там, где туманы вредны. Некоторые советуют спалить в винограднике живьем трех раков, чтобы не вредила ржавчина, (294) другие—жарить на медленном огне под ветром сомятину, чтобы дым расходился по всему винограднику. Варрон пишет, что если при заходе Лиры, то-есть с наступлением осени, повесить в дар богам среди лоз изображение грозди, то вред от непогоды будет меньше. Архипий писал Сирийскому царю Антиоху, что если закопать по середине поля в новой глиняной посуде жабу, то непогоды не будут губительны.

(295) Сельские работы в этот промежуток: передвигать землю, окапывать деревья или, где это требуется жаркой местностью, мотыжить их—распускающиеся можно окапывать только на очень жирной почве—пропалывать мотыгами питомники, жать ячмень, готовить ток для сжатого хлеба, употребляя для этого оливковый отстой, по совету Катона, или, по Вергилию—глину, что требует больше работы. В большинстве случаев его только выравнивают и смазывают разведенным коровьим навозом. Это считается достаточным, как средство, предохраняющее землю от превращения в пыль.

(296) Сама жатва производится разными способами. В Галльских латифундиях по ниве катают очень большие короба на двух колесах, усаженные по краю зубцами, причем животное впрягается головой к ним; таким образом, сорванные колосья падают в короб. В одних местах солому срезают серпом по середине стебля и сощипывают колосья с помощью двух «вилкок». В других хлеб режут под корень, в третьих вырывают с корнем, и те, кто это делает, объясняют, что они производят таким образом поверхностную вспашку, извлекая из земли вредные соки. (297) Разница в следующем: там, где соломой кроют дома, там ее снимают, по возможности, длинной; там, где недостаточно сена, там солому пускают на корм. Стеблями могара кровель не кроют, стебли проса сжигают, ячменную солому сохраняют как излюбленный корм рогатого скота. В Галлии просо и могар собирают ручным гребнем метелку за метелкой.

(298) Сжатый хлеб вымолачивают в одних местах молотилками на току, в других копытами лошадей, в третьих—шестами. Пшеница дает тем больше зерна, чем позже ее жнут, однако зерно это тем крепче и красивее, чем раньше жать. Самое надежное правило: пока зерно не стало твердым, но когда оно уже приобрело окраску. Есть изречение: «лучше начинай жатву на два дня раньше, чем на два позже». С *siligo* и пшеницей обходятся одинаково на току и в амбаре. Полбу, так как она трудно вымолачивается, надлежит сыпать в кожуру, освобождая зерно только от соломы и колоса. Мякиной в большинстве стран пользуются вместо сена. (299) Она тем лучше, чем тоньше, мельче и ближе к порошку; поэтому самая лучшая просьяная, а затем ячменная; хуже всех пшеничная, которая хороша только для вьючных животных, когда они заболевают от работы. На каменистых местах солому после того, как она высохнет, сбивают палками на подстилку скоту. Если нехватает мякины, то пускают в ход и солому. (300) Способ следующий: скосив пораньше, окатывают ее крепким рассолом, высушивают, сгребают вязанками и в таком виде дают скоту вместо сена. Некоторые сжигают солому на нивах, что усиленно советовал Вергилий. Главный смысл этого в том, что одновременно выжигаются семена сорняков. Разные степени урожая и дороговизна рабочих рук создают различные способы уборки.

(301) В связи с уборкой стоит вопрос о хранении хлебов. Некоторые советуют, не щадя трудов, возводить амбары с кирпичными стенами, толщиной в три фута, закрывать их, кроме того, сверху, не допускать дуновения ветра и не делать ни одного окошка; другие—не ставить только на летний восход или север и делать без извести, потому что хлеб ее не переносит; наставление относительно оливкового отстоя мы уже приводили. (302) В других местах, наоборот, предпочитают строить деревянные амбары на стояках, которые продувало бы отовсюду, даже с пола. Некоторые вообще полагают, что зерно на высоком настиле усыхает, а находясь под черепичной крышей, сгорает. Многие, однако, запрещают его проветривать. Хлебный червяк ведь не проникает глубже, чем на четыре пальца, и дальше опасности нет. (303) Колумелла предостерегает от действия на сжатый хлеб и фавоний, чему я удивляюсь, так как этот ветер вообще весьма сух. Некоторые советуют сыпать хлеб, подвесив жабу за одну из более длинных ног над порогом амбара. Нам представляется, что самое важное—сыпать своевременно. Действительно, если зерно собрано еще не вызревшим и слабым или сыпано горячим, то, неизбежно, в нем заведется порча.

(304) Долговечность зерна зависит от многих причин: от оболочек самого зерна, если их бывает много, как, например, у проса; или от маслянистости сока, который заменяет влагу, как, например, у кунжута; или от его горечи, как у люпина и чины. Насекомые заводятся преимущественно в пшенице, потому что она, слежавшись, согревается, и потому что она одета в толстую кожуру. У ячменя шелуха тоньше, у бобовых она совсем тонка, потому в них ничего и не заводится. Бобы покрыты толстым покровом, по этой причине они возгораются. (305) Некоторые, желая сохранить пшеницу надолго, обрызгивают самое

зерно оливковым отстоем, беря пропорцию один квадрантал на тысячу модиев, другие посыпают ее халкидской и карийской глиной или также полынью; в Олинфе и Керинфе на Эвбее существует земля, которая не дает хлебу портиться. (306) Хотя хлеб, ссыпанный в колосе, ни от чего, пожалуй, не страдает, однако, целесообразнее всего сохранять его в ямах, которые зовутся сирами, как в Каппадокии, Фракии, Испании и Африке, причем прежде всего следует заботиться о том, чтобы они вырывались в сухой почве, а затем, чтобы они выстигались мякиной; далее хлеб ссыпается туда в колосе. Если воздух совсем не попадает туда, то там, несомненно, не заведется никаких вредителей. (307) Варрон сообщает, что пшеница, ссыпанная таким образом, сохраняется пятьдесят лет, просо—сто, и что бобы и бобовые долгое время сохраняются в бочках из-под масла, обмазанных золой. Он же рассказывает, что боб пролежал в какой-то пещере в Амбракии со времени царя Пирра до самой войны Помпея Великого с пиратами, то-есть около 220 лет. Только в нуте в амбаре не заводятся никакие животные. (308) Некоторые насыпают кучи бобовых на кружки с уксусом, поставленные на золу и обмазанные золой, веря, что тогда не заведется никаких вредителей; другие ссыпают их в бочки из-под солений и замазывают гипсом; некоторые обрызгивают чечевицу уксусом с лазерпицием (*laserpicium*) и, когда она высохнет, пропитывают маслом. Проще всего, однако, собирать то, что хочешь уберечь от порчи, в новолуние. Поэтому чрезвычайно существенно, предполагается ли хранить урожай или продавать его. Пока луна прибывает, растут и хлебные зерна.

(309) Согласно распределению времен года, от захода Лирь до равноденствия и далее, до захода Плеяд и начала зимы продолжается осень. В этот период канун августовских Ид отличен в Аттике вечерним восходом Коя, в Египте и у Цезаря заходом Дельфина. В 11-й день до сентябрьских Календ, по Цезарю, и у ассирийян по утрам начинает восходить звезда, которая называется Виноградарем и указывает на созревание винограда. Признаком ее появления служит изменившийся цвет его ягод. В Ассирии в 5-й день до Календ заходит Стрела, а также перестают дуть этезии. (310) В Египте в Ноны восходит Виноградарь, в Аттике же на рассвете Арктур, а утром заходит Стрела. В 5-й день до сентябрьских Ид, по Цезарю, вечером восходит Коза, Арктур восходит до середины накануне Ид, и в течение пяти дней это имеет огромное значение для суши и для моря. (311) Связанная с ним примета такова: если при заходе Дельфина были дожди, то при Арктуре их не будет. Признаком восхода этой звезды считается отлет ласточек, так как, застигнутые им, они погибают.

В 16-й день до октябрьских Календ в Египте утром восходит Колос, который держит Дева, и перестают дуть Этесии. Этим же ознаменованы у Цезаря 14-й день до октябрьских Календ а в Ассирии 13-й; 11-й же, по Цезарю, отмечен заходом перевязи Рыб, а 8-й—самой равноденственной звездой.

(312) Далее Филипп, Калипп, Досифей, Пармениск, Конон, Критон, Демокрит и Евдокс согласны между собой, а это случается редко, что в 4-й день до Календ октября на рассвете восходит Коза, а в 3-й Козлята. В 6-й день до октябрьских Нон в Аттике утром

восходит Корона, а в 5-й в Азии, и по Цезарю, заходит Возница. В 4-й, по Цезарю, показывается Корона, а на следующий день вечером заходят Козлята (313). В 8-й день до октябрьских Ид, у Цезаря, в Короне восходит яркая звезда, а в 6-й вечером Плеяды; в день Ид восходит вся Корона. В 17-й день до ноябрьских Календ вечером восходят Свинки. Накануне Календ, по Цезарю, заходит Арктур, а Свинки восходят вместе с солнцем. В 4-й день до Нон Арктур заходит вечером. В 5-й день до ноябрьских Ид начинает заходить меч Ориона. Затем в 3-й день до Ид заходят Плеяды.

(314) Сельские работы на этот промежуток времени: посев репы и брюквы в дни, уже нами указанные. Деревенский простой народ думает, что нехорошо сеять репу после отлета аистов; мы же считаем, что после Волканалий вообще не следует сеять, включая сюда ранние растения и могар, а с захода Лиры—ни вику, ни фасоль, ни кормовые травы. Их советуют сеять в новолуние. Это также как раз время и для заготовки листьев. Одному человеку полагается набрать в день четыре лиственных короба (*fiscinae frondariae*). Если заготавливать их в то время, как луна идет на убыль, то они не будут гнить. Сухих листьев собирать не следует.

(315) В старину считали, что виноград никогда не поспевает до равноденствия; я замечаю, что его кидаются убирать, не имея общепризнанных сроков. Поэтому и следует определить время уборки признаками и приметами. Имеются следующие правила: не снимай гроздьев горячими, т. е. в большую засуху, если не было дождя. Не снимай гроздьев росистыми, т. е. если ночью была роса и солнце не успело еще ее высушить. (316) Начиная уборку, когда пасынки станут ложиться на ветку, когда от ягоды, вырванной из гущи, остается незаполняемая пустота, так как виноградины перестали уже расти. Очень хорошо, если удастся собрать виноград, пока прибывает луна. Одна выжимка должна дать двадцать мехов. (317) Для такого количества мехов и чанов с 20 югеров достаточно одного пресса. Некоторые дают одним прессом, но лучше делать это двумя, хотя бы имелся и один пресс очень большой величины. Тут важна длина, а не толщина. Более широкие дают лучше. В старину двигали их канатами и ремнями, а также рычагами. За последние сто лет изобретен греческий пресс, у которого нарезанная стойка ходит в резьбе раковины; при этом одни укрепляют на рычаге звезду, у других рычаг поднимет с собой ящик с камнями, что особенно одобряется. А меньше чем двадцать два года тому назад начали, пользуясь малыми прессами и меньшего размера давяльней, ставить в середине более короткий стержень и давить сверху вниз всем грузом барабанов, покрывающих виноград, наполнив барабаны всякого рода грузом. (318) Пора в это время собирать и яблоки, заметив, что они падают не от непогоды, а от зрелости, хотя бы и не полной; пора выжимать винную гущу, пора варить дефрут в новолуние ночью, а если днем, то в полнолуние; в прочие же дни—до восхода луны или после ее захода; виноград для него следует брать не с молодой лозы и не с той, которая растет на болоте, и только спелый. Если сосуд с ним стоит на дровах, то считается, что дефрут подгорит и будет пахнуть дымом.

(319) По правилу, сбор винограда полагается производить в продолжение сорока четырех дней между равноденствием и заходом Плеяд. Начиная с этого дня, начинаешь слышать поговорку людей, считающих пустяками «засмаливание холода». Но уже в январские Календы я видал виноградарей, которые из-за недостатка посуды сливали молодое вино в водоемы или ради сомнительного вина выливали прежнее. (320) Происходит это не столько от чрезмерного урожая, сколько от беспечности или жадности людей, подстерегающих настуление дороговизны. Образ действия гражданственно мыслящего и блюдущего справедливость хозяина заключается в том, чтобы довольствоваться ценами текущего года. Это обычно также и самое выгодное. Обо всем остальном сказано достаточно, сказано также, что, покончив с виноградом, надо спешно снимать маслины и с захода Плеяд браться за изготовление оливкового масла.

(321) Прибавим к этому необходимые сведения относительно луны, ветров и предсказания погоды, чтобы отдел о небесных явлениях был целиком закончен. Дело в том, что и Вергилий, следуя указаниям Демокрита, счел необходимым распределить некоторые работы по фазам луны. Сознание полезности общих правил движет нами и в этой части нашей работы, как и во всем труде. Всякая рубка, обрывание, стрижка произойдет с меньшим ущербом, если ее производить, когда луна убывает, а не прибывает. (322) Не касайся навоза иначе, как в период убыли луны, удобряй же, преимущественно, в новолуние. Кабанов, быков, баранов, козлов холости при убывающей луне. Корни деревьев закрывай в полнолуние. В сырых местах сей в новолуние и в течение четырех дней до новолуния. Просушивать хлеб и бобовые и ссыпать их советуют перед последней фазой: питомники устраивать, когда луна над землей, а давить виноград, когда она под землей, так же как рубить деревья и делать другие работы, о которых уже сказано в своем месте. (323) Наблюдать за луной нелегко, и мы об этом уже говорили во второй книге, — но вот, что доступно, однако, пониманию простого колона: если луна видна на западе и светит в течение первых ночных часов, это значит, что она прибывает и на-глаз ее определяют как «половинную». Когда при заходе солнца она встает с противоположной от него стороны, так что их видно одновременно, то это полнолуние. Когда она встает на востоке, невидимая в первые часы ночи, продолжает светить и днем, то она идет на убыль, и опять становится «половинной»; когда же проходит перед солнцем, — это называется новолунием, причем она перестает быть видна. (324) В новолуние и в первый день за ним она стоит над землей столько же времени, как и солнце; на вторые сутки — в течение пяти шестых и одной сорок восьмой одного ночного часа; на третьи же и последующие, вплоть до пятнадцатых суток, число часов возрастает в той же пропорции. В пятнадцатые же сутки она стоит над землей всю ночь и под землей целый день. (325) На шестнадцатые сутки она пройдет под землей пять шестых и одну сорок восьмую первого ночного часа; столько же времени прибавляется ежедневно до новолуния. Проходя под землей, она бывает не видна в начале ночи; это восполняется столькими же часами в конце дня, когда она над землей. Один месяц она займет своими фазами

тридцать дней: следующий—на день меньше. Это то, что касается луны с ветрами дело несколько сложнее.

(326) Заметив, в каком месте восходит солнце, следует в шестом часу любого дня стать так, чтобы восход приходился с левой руки, прямо напротив был бы юг, сзади же север; линия, проведенная в этом направлении через участок, будет называться *cardo*. Затем лучше обернуться, чтобы видеть при этом свою тень, иначе тень будет позади человека. (327) Итак, если повернуться таким образом, чтобы место, где солнце взошло сегодня, пришлось справа, а место, где оно зайдет,—слева, то шестой час будет, когда тень сделается всего короче и окажется прямо против человека. Через середину этой линии следует провести или борозду мотыгой, или линию ножом, футов, примерно, в 20, и посередине, то-есть на десятом футе, описать маленьким циркулем круг, который будет называться «шупом». (328) Сторона, куда смотрит конец тени, будет указывать направление северного ветра. Смотри, садовод, чтобы при обрезке у тебя не было на деревьях ран с этой стороны и чтобы виноградники не были обращены на север, если только речь идет не об Африке, Кирене или Египте. Когда ветер дует оттуда, не паши и не делай других работ, которые будут указаны. Та часть линии, которая придется от основания тени на юг, указывает направление южного ветра, который, как мы сказали, греки называют *нотом*. (329) Когда он начнет дуть, не трогай, земледелец, ни деревьев, предназначенных на сруб, ни вина. В Италии он бывает знойным или влажным, в Африке же он несет с собой палящий зной при полной безоблачности. Этому ветру в Италии должны быть открыты виноградники, но ран на лозах и на деревьях с этой стороны быть не должно. Этого ветра следует опасаться для маслин в течение четырех дней, когда видны Плеяды: его должен остерегаться садовод, производящий прививку и окулировку (330). Следует дать указания и относительно самого часа, когда следует производить работу в нашей стране. Сборщик листьев, не срезай их в полдень! Пастух, когда ты заметишь по сократившимся теням, что наступил полдень, гони скот с солнца в тень! Когда посеешь скот летом, то до полудня он должен быть обращен головами на запад, а с полудня—на восток; другое положение ему вредно, как вредно выгонять его весной и зимой на росу: животные начинают хромать, у них слезятся глаза от ветра, и они вскоре погибают от поноса. Кто хочет, чтобы у него в стаде рождались самки, тот пусть производит случку, обратив животных в сторону южного ветра.

(331) Мы сказали, каким образом на середине линии отмечается пуп. Пусть через его середину пройдет другая поперечная линия. Она будет направляться от равноденственного восхода к равноденственному западу, и черта, пересекающая поле в этом направлении, будет называться *desimanius*. Затем проведем две других косых, под острым углом пересекающихся линий и так, чтобы они от правой и левой северных спускались к правой и левой южным. (332) Пусть все они проходят через один центр, пусть все будут равны между собой, пусть все отстоят друг от друга на равное расстояние. Придется обращаться к этому способу хоть однажды на каждом участке; если же заблагорассудится пользоваться им чаще, то тогда следует сделать

из дерева ровные линейки и пригнать по маленькому с помощью циркуля сделанному барабану. (333) При способе, которому я учу и к которому могут прибегать и умы необразованные, точно определяется юг, ибо он неподвижен, тогда как солнце восходит каждый день на небе в другом месте, чем накануне, так что не следует думать, что можно взять линию на восток. Итак, определив ту часть неба, куда обращен ближайший к востоку конец северной линии, мы получим место, где солнце восходит в день летнего солнцестояния т. е. в самый длинный день, а также направление ветра, именуемого аквилон, а у греков—бореем. (334) В этом направлении сажай деревья и лозы! Но когда он задует, не паши, не сей, не бросай семена! Он захватывает дыхание и замораживает корни деревьев, покуда их несут для посадки. Считай себя предупрежденным: одно полезно взрослым другое—детям. (335) Я не забываю, что, по мнению греков, в том же направлении дует и другой ветер, который у них называется саесias. Но тот же Аристотель, который установил это, указал, будучи человеком необычайной тонкости, ту широту, на которой дует аквилон, противоположный африку. Однако не бойся его в течение всего года, земледelec! Среди лета он смягчается под влиянием солнца и меняет название,—он называется этезием. Итак, почувствовав, что настал холод, остерегайся аквилона, где бы он тебе ни грозил; настолько губительнее он северного ветра. (336) В его сторону должны быть обращены виноградники в Азии, Греции, Испании, по побережьям Италии, в Кампании и Апулии. Если хочешь иметь от стада мужской приплод, то гони скот в эту сторону, чтобы ветер этот обвеивал производителя. Со стороны, противоположной аквилону, с зимнего запада, дует африк, который греки зовут liba. Если скот при случае обратится в его сторону, знай, что будут зачаты самки. (337) Третья линия с северной стороны, которую мы провели поперек тени и назвали *desumanus*, проходит в направлении равноденственного восхода и субсолана—ветра, который греки зовут *arheliotes*. В эту сторону в здоровых местностях должны быть обращены усадьбы и виноградники. Этот ветер, однако, приносит небольшие дожди; фавоний суше; он дует со стороны, противоположной к тому с равноденственного запада и называется у греков *zerphugos*. Катон советовал разбивать оливковые сады таким образом, чтобы они были обращены в его сторону. С его появлением начинается весна; со своей здоровой прохладой открывается лоно земли, и по его появлению определяют, когда обрезать лозы, пропахивать хлеба, сажать деревья, прививать яблони, обрабатывать оливковые сады; дыханием своим он питает все.

(338) Четвертая линия с севера, которая приближается к югу со стороны востока, ближе к югу, проходит в направлении зимнего восхода и ветра волтурна, который греки зовут *eurus*, который суше и по природе своей теплее. В его сторону в Италии и в Галлии должны быть обращены пчельники и виноградники. Со стороны, противоположной волтурну, с той стороны, где солнце заходит в летнее равноденствие, то-есть с северо-запада, дует кор, который греки зовут *argestes*—один из самых холодных ветров, как вообще все, которые дуют с севера. (339) Он же приносит град, и бояться его

следует ничуть не меньше, чем северного ветра. В тех случаях, когда волтурн начинает дуть с той стороны, где небо ясно, он прекращается до ночи, субсолан же не стихает далеко за полночь. Всякий горячий ветер дует в течение многих дней. Уже заранее внезапно высыхающая земля предвещает аквилон, увлажненная же незаметной росой—австр.

(340) Итак, изложив систему ветров, чтобы постоянно не возвращаться к одному и тому же, перейдем к остальным приметам погоды, ибо, как я вижу, и Вергилий придавал им большое значение и отмечал, что часто в самую жатву разражается буря, гибельная для людей неопытных. (341) Рассказывают, что тот же Демокрит однажды, когда брат его Дамас жал при палящем солнце, просил его не трогать оставшейся нивы и стремительно убрать весь срезанный хлеб под крышу, и жестокий ливень, разразившийся через несколько часов, подтвердил справедливость его предсказания. Тростник, и тот советуют сажать только тогда, когда дождь уже навис над головой; хлеб же советуют сеять под дождь. Поэтому коснемся кратко и примет погоды, останавливаясь на тех, которые особенно важны, и начнем с предсказаний по солнцу.

(342) Чистый и не яркий при восходе солнца восток возвещает ясный день, а зимой, если он бледный, то град. Если накануне закат был ясен, то тем более оснований ожидать ясной погоды. Облачный восток предсказывает дождь, облака на нем покрасневшиеся перед солнечным восходом—ветер; если черные тучи перемежаются с красноватыми, то это предвещает дождь; когда кажется, что тучи на востоке сливаются между собой, то будет дождь. (343) Если облака при закате краснеют, то это обещает ясный день. Если при восходе солнца они расходятся одни к югу, другие к северу, то хотя бы небо на востоке и было совершенно ясным, тем не менее они предвещают ветер и дождь; если на востоке или на западе солнечные лучи кажутся укороченными, то—ливень. Если при заходе солнца идет дождь и солнечные лучи, пробиваются сквозь облака, то на следующий день будет буря. (344) Если солнце при восходе льет лишь тусклый свет, хотя оно и не окружено облаками, то это сулит дождь. Если облака клубятся перед восходом, то это обещает суровую зиму; если их гонит с востока и они уходят на запад,—то ясную погоду. Если облака опоясывают солнце кругом, то чем меньше останется от него видно, тем неистовее будет буря и тем более жестокой, если пояс этот окажется двойным. (345) Если при восходе или заходе солнца случится так, что облака краснеют, то это сулит сильнейшую бурю. Если они не плывут, а громоздятся, то это предсказывает ветер с той стороны, с которой они нагромождаются; если это на юге, то будет и дождь. Если восток опоясывается кольцом из облаков, ветер следует ожидать с той стороны, с которой это кольцо разорвется, если же все оно целиком равномерно тает, то будет ясная погода. (346) Если при восходе сквозь облака далеко протянутся отдельные лучи, то это предвещает дождь; лучи же солнца, видимые еще до его восхода, возвещают влагу и ветер: если на западе появляется яркий белый круг, то ночью должна быть небольшая буря; если туман—то буря посильнее; если это будет при сияющем солнце—

то ветер; если же показывается тусклый черный круг, то с той стороны, где он разорвется, будет большой ветер.

(347) Вслед затем уместно будет рассмотреть предсказания по луне. В Египте наблюдения над ней производятся, главным образом, на четвертые сутки лунного месяца. Считается, что если луна взошла незатуманенным, ярким блеском, то будет ясная погода, что красная луна возвещает ветер, а тусклая—дождь в течение пятнадцати дней. Если рога ее тупы, то это означает дождь, если же они выпрямлены и торчат угрожающе, то это всегда, особенно же на четвертые сутки, предвещает ветер. Если заострен верхний рог, то это предзнаменование северного резкого ветра, если нижний—то ветра с юга, а если оба рога выпрямлены, то ветренной ночи. Если на четвертую ночь после новолуния луна бывает окружена багровым кольцом, то это предсказывает ветры и ливни. (348) Вот, что сказано у Варрона: если на четвертые сутки новолуния луна стоит прямо, то это предвещает большую бурю на море, кроме того случая, когда серп этот имеет вокруг себя венец отчетливо видимый, так как это явление показывает, что до полнолуния непогоды не будет. Если в полнолуние ясна одна половина луны, то это означает хорошие дни; если она красна,—то ветры; тускловата—сулит дождь. (349) Если она окружена туманом или облачным кругом, то с той стороны, где этот круг разорвется, будет ветер; если она опоясана двойным кругом, то буря будет больше, и еще больше, если кругов окажется три и они будут тусклы, неправильны и прерывисты. Если у восходящей молодой луны темен верхний рог, то на ущербе ее будет дождь; если темен нижний, то дожди пойдут раньше полнолуния. Если это затемнение посередине, то дождь пойдет в полнолуние. Если полная луна окружена кругом, то с той стороны, с которой он особенно ярко, будет ветер; если при восходе рога ее утолщены, то это предвещает ужасающую бурю. Если она в тот период, когда дует фавоний, не появляется в течение первых трех суток после новолуния, то весь месяц будет ненастен. Если на шестнадцатые сутки она встает ярко, то это предвещает сильные бури. (350) У луны есть свои восемь переломных моментов, наступающих всякий раз, когда она становится под углом к солнцу; это случается на третьи, седьмые, одиннадцатые, пятнадцатые, девятнадцатые, двадцать третьи, двадцать седьмые сутки и в новолуние; большинство авторов только между этими моментами наблюдают лунные приметы.

(351) На третье место следует поставить наблюдение над звездами. Иногда кажется, что они разбегаются и непосредственно за этим следуют ветры с той стороны, с которой появилось это предзнаменование. Если все небо в те решающие моменты, которые мы наметили, усеяно звездами, то это обещает ясную и холодную осень. Ясная осень предопределяет ветренную зиму. (352) Если звезды внезапно омрачаются, и при этом не от тумана или паров, то это возвещает дождь или сильную бурю. Если видно множество падающих звезд, то с той стороны, куда они несутся, оставляя за собой белеющий след, будет ветер. Если они начнут мерцать, то задует ветер в каком-нибудь одном определенном направлении; если же мерцание

происходит во многих местах на небе, ветер будет непостоянен и будет дуть со всех сторон. Если какая-либо из блуждающих звезд окажется опоясанной кругом, то будет ливень. (353) В знаке Рака есть две маленьких звезды, называемые Осликами; тесное пространство между ними занято облачком, которое называют яслями. Если оно перестает быть видно при ясном небе, то зима придет лютая. Если северная из обеих этих звезд скроется в тумане, то будет свирепствовать австр, если южная—то аквилон. Двойная радуга предвещает дожди и после дождей ясную погоду—последнее не всегда наврное; облачный круг возле некоторых звезд—дождь.

(354) Если бывает больше грома, чем молнии, то это предвещает ветры с той стороны, откуда гремит; наоборот, если гремит меньше,—то ливни. Если на ясном небе мелькают зарницы и гремит гром, то будет буря, особенно жестокая в том случае, если они сверкают со всех четырех сторон неба; если только с северо-востока, то на следующий день пройдет дождь; если с севера, то будет северный ветер. Если зарница сверкает ясной ночью на юге, северо-западе или на западе, то с той стороны будет ветер и ливень. Гром утром предвещает ветер, в полдень—ливень.

(355) Если тучи несутся по ясному небу, то следует ожидать ветра с той стороны, откуда они идут. Если они клубятся на одном и том же месте, а с приближением солнца рассеиваются, и происходит это на северо-востоке, то будет ветер; если на юге—то ливни. Если солнце садится в тучи, то быть буре. Темные, совсем черные тучи на востоке грозят ночным дождем, на западе—дождем на завтра. (356) Если на востоке множество барашков, то это предвещает дождь на три дня. Если тучи оседают на горных вершинах, то будет буря. Если вершины очистятся, то прояснится. Тяжелая белесая туча, которую зовут «белой бурей», грозит градом. При ясном небе самая незначительная тучка веет дыханием бури.

(357) Облачка, спускающиеся с гор, снижающиеся к горизонту или оседающие в долинах, обещают ясную погоду.

Теперь следуют предсказания погоды по огням на земле. Бледное потрескивающее пламя считается вестником бури; дождь предвещается нагаром в фонарях и колеблющимся извивом огненных языков. (358) Пламя предвещает ветер, если оно выбрасывает языки и с трудом разгорается; его же предвещают искры, оседающие на подвешенном котелке, или угли, приставшие к снятому горшку; огонь, который, будучи притушен, сам собой пробивается сквозь пепел и выбрасывает искры; сажа, нарастающая на очаге, и ярко пламенеющий жар.

(359) И вода имеет свои приметы: если в гавани спокойное море заплещется с тихим ропотом, то это предвещает ветер, а если случится это зимой, то и ливень; если на безмолвных морских и речных берегах внезапно раздастся эхо, то это предвещает жестокую бурю, так же как на самом море при полной тишине неожиданно поднимающийся шум, клочья пены и кипение воды. Медузы по поверхности предвещают многодневную бурю. Часто также море вздымается при полном безветрии и, вздувшись выше обычного, свидетельствует о ветрах в открытом море.

(360) Дают предвестия и некоторые шумы с гор и стенания рощ, а также листья, движущиеся без заметного ветерка, летающие пушинки тополя или чертополоха и перья, плавающие по воде; а кроме того, грядущую бурю предвещает гул колоколов. Грохот же с неба несет несомненные знамения.

(361) Предвестия дают и животные: дельфины, резвящиеся при спокойном море, предвещают ветер с той стороны, откуда они придут; они же, разбрызгивая воду, когда море бурное, предвещают тишину. ныряющая каракатица, пристающие раковины, ежи, прочно укрепившиеся в песке или зарывшиеся туда,—предвестники бури. Далее лягушки, сверх обычного голосистые, и лысухи, издающие крики по утрам; (362) гагары и утки, чистящие перья клювом, предвещают ветер. Так и остальные водяные птицы, собирающиеся стаями: журавли, спешащие на сушу; гагары и чайки, бегущие от моря или болот. Журавли, без крика пролетающие в вышине, возвещают ясную погоду, так же как и филин, кричащий во время дождя— в ясную погоду он возвещает бурю,—и вороны, каркающие с каким-то клёкотом, отряхиваясь при этом, если это будет длительно, предвещают ясный день.

Если же они захлебываются отрывистым криком, будет ветер с дождем. (363) Бурю возвещают и грачи, поздно возвращающиеся с кормежки; редкостные птицы, сбивающиеся в стаю, птицы, живущие на суше, когда они издают крики, обратившись к воде, и полонутся в ней, а особенно ворона; ласточка, летающая так низко над водой, что часто задевает ее крылом; птицы, живущие на деревьях, если они скрываются в свои гнезда; гуси, не во время издающие непрерывный крик, цапля, печально стоящая среди песков.

(364) И нет ничего удивительного, если водяные и вообще всякие птицы чувствуют воздушные предвестия. Овцы, скачущие и веселящиеся с необычной игривостью, дают такие же предзнаменования, и коровы, нюхающие воздух и лижущие себя против шерсти; грязные свиньи, треплющие вязанки сена, не для них предназначенные, и пчелы, лениво работающие и прячущиеся вопреки своему усердию, наконец, муравьи, суеящиеся и выносящие свои яйца, и выползающие наружу земляные черви.

(365) Далее, достоверно известно, что клевер ерошится и поднимает кверху листья при приближении бури.

Кроме того, у нас, на обеденных столах посуда для пищи, оставляя влажные круги на подносах, тем самым предвещает ненастье.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, НАЗВАНИЙ, ТЕРМИНОВ

Аборигены—исконные жители той или другой страны, в противоположность пришельцам: в данном случае коренные латиняне, занимавшие в древности окрестности Реате (см.) в Сабинской земле.

Авгий—мифический царь Элиды (область в западной части Пелопоннеса), славился своими стадами. Очистка его конюшен, не чистившихся в течение 30 лет, составляла один из 12 подвигов Геркулеса (см.).

Авгуры—члены весьма влиятельной в Риме жреческой коллегии, истолковывавшие различные знамения (крик и полет птиц, гром и молнию и пр.) как проявление воли божества. В связи с даваемыми ими объяснениями они могли прервать народное собрание, отложить его до другого дня и даже отменить его решения, объявив, что знамения были неблагоприятные.

Август—основатель римского принципата (см. «принцепс»), племянник диктатора Гая Юлия Цезаря, им усыновленный. Почетный титул «Август», что значит «высокий», «величественный», был ему преподнесен сенатом в 27 г. до нашей эры.

Аквитания—область на юге Галлии, между Пиринеями и рекой Гарумной (современ. Гаронна).

Актеон—мифический юноша-охотник, обращенный богиней Дианой в оленя и растерзанный своими же собаками на горе Кифероне.

Акций или *Аттий*—римский трагический писатель II в. до н. э.

Албанская гора или *Албанский холм*—священная гора латинян (современ. Monte Cavo) с храмом Юпитера Лациария.

Албанская область—в Лации, в окрестностях Албанского озера. Колумелла, как и многие другие римские землевладельцы, имел там поместье.

Албанцы—жители местности на Кавказе по восточному побережью Каспийского моря, которая у древних носила название Албании.

Александр Великий—царь Македонии, знаменитый завоеватель (IV в. до нашей эры).

Аллоброги—кельтское племя, жившее, примерно, в современ. Дофине и Савоие.

Альба—город Альба Лонга в Лации, на берегу Албанского озера.

Амбракия—город (и область) на южной границе Эпира, недалеко от залива, названного по его имени. Теперь Арта.

Амитерн—древний и важнейший город Сабинии, теперь San Vittorino.

Амфилох—греческий сельскохозяйственный писатель, которого упоминают Варрон, Колумелла и Плиний.

Амфиполь—город в Македонии, недалеко от впадения реки Стримона в Эгейское море.

Амфора—глиняный сосуд с узким горлышком и двумя ручками, служивший у греков и римлян для хранения жидкостей, в особенности вина. (Амфора как мера емкости—см. таблицу мер.)

Анаксипол—с острова Фасоса, писал о земледелии.

Аполлон—греко-римский бог солнца, покровитель наук и искусств: первоначально бог леса и покровитель стад.

Аппелес—греческий живописец (III в. до н. э.).

Аппиан—родом из Александрии в Египте, жил во II в. н. э., автор римской истории, в состав которой входила специальная история гражданских войн в Риме от Гракхов до падения Республики.

Апулия—в римское время область на юге Италии по берегу Адриатического моря от Таренто до Тарентского полуострова, к востоку от Аппенин. Славилась хлебопашеством и скотоводством. Теперь это провинция *Capitonata* и *Terra di Bari*.

Аргонавты—мореплаватели, отправившиеся на корабле «Арго» в первое морское плавание в чужие края. Древнегреческие сказания рассказывают о приключениях аргонавтов во время их плавания в Колхиду за золотым руном.

Аргос—главный город Арголиды (в Пелопоннесе, нынешней Морее); во время Троянской войны это был город Диомеда, одного из самых блестящих героев Илиады. «Пшеницеобильным» называет его в молитве один из героев Илиады.

Ардея—один из древнейших городов Лация, в болотистой, нездоровой местности.

Аримин—приморский город в Умбрии, современ. Римини.

Аристандр—греческий писатель-парадоксограф, т. е. описывавший всевозможные странности и отклонения от нормы в природе.

Аристей—легендарный греческий герой, которому приписывалось введение скотоводства, пчеловодства, культуры оливкового дерева и пр.

Аристотель—знаменитый греческий философ, воспитатель Александра Македонского (IV в. до н. э.).

Ариция—один из древнейших городов Лация у подножия Албанской горы.

Аркадия—гористая область южной части Балканского полуострова, Пелопоннеса.

Арктур—самая яркая звезда в созвездии Волопас вблизи хвоста Большой Медведицы. По представлениям древних, имел большое влияние на погоду.

Арреций—город в Этрурии.

Архелай—автор сочинения о необыкновенных явлениях в животном и растительном мире (III в. до н. э.).

Аримед—знаменитый греческий математик, погибший при взятии римлянами Сиракуз в III в. до н. э.

Архит—государственный деятель, полководец, философ и выдающийся математик (IV в. до н. э.).

Ассигнованные земли—земли, полученные в надел при выводе колоний.

Ассирия—территория в Азии между Мидией, Месопотамией и Вавилонией.

Атей Капитон—известный грамматик и филолог: умер в 29 г. н. э. Грек по происхождению; в качестве военнопленного попал в Рим, но скоро был отпущен на свободу. Близко стоял к римским литературным кругам.

Атесте—город в области венетов (современ. Este).

Атилий Регул—победитель Карфагенян (III в. до н. э.), предложивший карфагенянам после победы столь жестокие условия мира, что они решили продолжать войну. Римляне были разбиты, а сам Регул попал в плен. Через 5 лет его отправили в Рим для заключения мира, обязав словом, в случае неудачи, вернуться обратно. Регул выступил в сенате против мира, добровольно вернулся в Карфаген и был замучен до смерти. Когда он вел войну, у него дома умер виллик, и Регул написал сенату, прося прислать ему заместителя, так как он должен вернуться домой и привести в порядок свои домашние дела. Сенат взял на себя их устройство. На этот факт намекает Плиний в § 39, книга XVIII, говоря о сенате, бывшем в приказчиках у героев седой старины.

Аттал III—Филометор, царь пергамский (II в. до н. э.).

Аттий—см. Акций.

Аттик Юлий—современник Колумеллы (I в. н. э.), агрономический писатель.

Аттика—самая восточная область Средней Греции с главным городом Афинами.

Атрей—легендарный царь Аргоса (область в Южной Греции, на Пелопоннесе), одно из действующих лиц сказания об Аргонавтах (см.) и Золотом руне.

Афины—см. Атика.

Ахайя—в собственном смысле северная приморская область Пелопоннеса (современ. Морей). Римляне же называют Ахайей ту провинцию, которую они образовали из всей покоренной Греции, за вычетом нескольких областей.

Ат—мифический царь Колхиды, которому принадлежало золотое руно. См. Аргонавты.

Багигенны—небольшое племя, жившее в северной Лигурии, по верховьям реки По.

Бактры—главный город Бактрии—восточной провинции персидского царства; ныне Балх.

Балеарские острова—Майорка и Минорка, с рядом прилегающих мелких островов.

Бастулы—народность в римской провинции Испании—Бетике.

Беотия—область средней Греции.

Бетика—область в Испании; нынешняя Андалузия.

Бизаций или *Бизакий*—самая восточная область римской Африки, примерно, от Гадрумета (главный ее город) до Малого Сирта.

Бобовый остров—остров в Северном море, против устья Эмса, открытый и покоренный в I в. н. э. Теперь Борнум. Плиний говорит почему-то не об одном, а о нескольких Бобовых островах.

Большой Лептис—город в Северной Африке, на берегу Ливийского моря, между заливами Малым и Большим Сиртом.

Бриакс—греческий скульптор (IV в. до н. э.).

Брундизий—приморский город в Калабрии, юго-восточной области Италии (современ. Бриндизи).

Брут—Марк Юний Брут, один из убийц диктатора Цезаря.

Бруттий—область юго-западной части Италии.

Бузиг—т. е. «запрягатель вола», эпитет древнеаттического мифического героя Триптолема или Эпименида.

Бурбурские горы или *Гуреурские горы* в Сабельской горной области (средняя Италия).

Вавилония—занимала южную часть Месопотамии от Тигра до Евфрата и до Персидского залива; свое название получила от главного города Вавилона.

Вакх—у греков юный бог вина и оргиастического культа; римляне отождествляют его с древнеиталийском богом плодородия, Либером.

Венафр (теперь Венафро)—город, расположенный на границе Кампании, Самнии и Лация, на правом берегу Вольтурна, в холмистой местности. Вокруг него были расположены обширные оливковые сады, в которых разводили, преимущественно, лициниеву оливу, дававшую лучший сорт масла.

Венетия—область венетов (см.).

Венеты—племя иллирийского происхождения, занимавшее на северо-западном побережье Адриатического моря область, соответствующую позднейшей Венецианской республике.

Веррий—Марк Веррий Флакк, отпущенник; выдающийся римский грамматик, современник императора Августа, учитель его внуков.

Веспасиан—Тит Флавий Веспасиан, римский император (I в. н. э.).

Виаторы—гонцы в распоряжении римских должностных лиц (магистратов), посылавшиеся за сенаторами по их поместьям, созывавшие народ для голосования в народных собраниях и т. п.

Вилик—управляющий поместьем крупного землевладельца, обычно раб.

Вилла—дом и усадьба римского землевладельца.

Виналии—«винный праздник». Их было два: 19 августа справлялись сельские Виналии в честь Венеры (древнеиталийская богиня, покровительница садов, огородов и огородников; позднее отождествлена с греческой Афродитой), а 22 апреля «первые Виналии» в честь верховного божества—Юпитера.

Вописк—Г. Юлий Цезарь Страбон Вописк, современник Варрона, был убит марианцами в 87 г. до н. э.

Всадники—римская финансовая аристократия, образовавшая совместно с сенаторским сословием господствующий класс римской республики.

Вулкан—бог огня.

Вольтурн—или Вольтурн—многоводная, большая река в южной Италии.

Гавран—гора в Кампании, области средней Италии, к югу от Лация.

Гада́ра—этим именем называлось два города: 1) один находился в Пале-

стине и входил в область так называемого Десятиградия; 2) другой—в Келесирии, недалеко от Тивериадского озера. Так как и Палестина и Келесирия входили в состав Сирии, то трудно определенно сказать, какой из двух городов имеет в виду Варрон. Вероятнее все же, что первый, так как от Помпея или от его приближенных мог он слышать подробности о этом городе и его окрестностях.

Галлия—область, включающая территорию северной Италии и современной Франции; она подразделялась на Галлию Цисальпинскую (т. е. по эту сторону Альп) и Трансальпинскую (т. е. по ту сторону Альп); Цисальпинская Галлия, в свою очередь, распадалась на Галлию Транспадаанскую—по ту сторону реки По, и Циспадаанскую—по эту сторону реки По (см. карту).

Ганнибал—знаменитый карфагенский (см. Карфаген) полководец. Он начал 2-ю пуническую войну с Римом, перешел через Альпы (вероятно, через Малый С.-Бернар) и нанес римлянам в Италии ряд жестоких поражений. Не будучи во время поддержан карфагенским сенатом, вынужден был очистить Италию и в Африке, при городе Заме (на расстоянии пяти переходов от Карфагена), был разбит на голову в 202 г. до н. э.

Гебр—река во Франции (см.), современ. Марица.

Геракл или *Геркулес*—греко-римский мифический герой полубог.

Гераклея—название нескольких городов (до 28), из которых наиболее известны: город в Южной Италии, в Фессалии, в Вифинии, в Сицилии и т. д.

Гесиод (VII в. до н. э.)—поэт греческой древности. Поэма его «Труды и дни» (русский перевод Вересаева), наряду с советами по земледелию и мореходству, содержит ряд правоучений крестьянина-собственника.

Геспериды—«дочери ночи», или дочери Атланта, обитали на счастливых островах в саду, где росли золотые яблоки; сад охранялся драконом. Похищение этих яблок было одним из 12 подвигов Геракла.

Гесперия—т. е. «Западная страна», у греков называется так Италия; у римских писателей—иногда Италия, иногда Испания.

Гетулы—народность северо-западной Африки.

Гигин—Гай Юлий Гигин, отпущенник императора Августа, писатель и историк; из его сочинений два были посвящены сельскому хозяйству: «О земледелии» и «О пчелах» (см. Введение).

Гиерон II—сиракузский тиран (III в. до н. э.).

Гиппарх—величайший астроном Греции во II в. до н. э.

Гиппократ—знаменитый греческий врач, род. в 460 г. до н. э., умер между 377 и 359.

Гней Корнелий Лентул и *Публий Элий Пет*—консулы 201 г. до н. э., в консульство которых был заключен мир с Карфагеном после 2-й пунической войны (218—201 гг. до н. э.).

Гомер—полулегендарный древнегреческий поэт, которому приписываются поэмы «Илиада» и «Одиссея». О личности его сами древние не имели ясного представления. Обе упомянутые поэмы являются продуктом коллективного творчества народных певцов-рапсодов; в них можно различать части более старые и более новые.

Гомогир или *Омогир*—древнегреческий мифический герой.

Грахи—братья Тиберий и Гай Семпроний Грахи, вопреки сенату пытались провести наделение земель разорявшихся римских крестьян. Оба погибли в борьбе за проведение своих предложений.

Грецин, *Юлий*—римский агроном (I в. н. э.).

Дардания—местность в Троаде, в северо-западном углу Малоазийского полуострова.

Дарий—царь Персии (конец VI и начало V в. до н. э.). Покорив малоазийское побережье, колонизованное греками, двинулся против самой Греции, но в 490 г. при Марафоне (маленький городок в Аттике, недалеко от Афин) потерпел большое поражение. После смерти Дария сын его, Ксеркс, двинулся против греков с огромным войском и многочисленным флотом, но, потерпев полное поражение, принужден был вернуться обратно.

Делос—небольшой островок в Эгейском море; славился как центр работорговли в греко-римскую эпоху.

Демокрит—философ-материалист V в. до н. э. Главный представитель античного атолизма. Ему приписывался ряд сочинений, между прочим, и по сельскому хозяйству.

Демосфен—знаменитый греческий оратор (IV в. до н. э.).

Децим Силан—римский сенатор, руководитель комиссии, созданной для перевода на латинский язык агрономического трактата карфагенянина Магона.

Дикеарх—ученик Аристотеля, географ и историк, составитель землеописания и карты к нему. Самое значительное из его сочинений, которое здесь как раз и имеет в виду Варрон,—это «Жизнь Эллады».

Дионисий Кассий—см. Диофан Вифинский.

Диофан Вифинский—современник знаменитого римского оратора, государственного деятеля и писателя Марка Туллия Цицерона (I в. до н. э.); Диофан известен тем, что дал сокращенное изложение агрономического сочинения карфагенянина Магона, переведенного на греческий язык Кассием Дионисием (I в. до н. э.).

Домитий Аэнобарб Гней и Л. Лициний Красс—оба знаменитые ораторы, коллеги по цензуре (92 г. до н. э.).

Досифей—родом из г. Пелузия в Египте, греческий астроном и математик, современник Архимеда (III в. до н. э.).

Евдокс—греческий математик и астроном (половина IV в. до н. э.).

Евклид—знаменитый греческий геометр (IV в. до н. э.).

Евфрат—река в Месопотамии, впадающая в Персидский залив.

Эпиген—см. Эпиген.

Законы XII таблиц—свод законов, составленный в V в. до н. э. Рассказы наших источников о составлении этого свода весьма сомнительны и искажены. Сохранившиеся отрывки из этих законов указывают, что, в общем, таблицы узаконили существовавшее в то время обычное право и что их составители руководствовались прежде всего интересами патрициев. Законами XII таблиц они назывались потому, что первоначально были вырезаны на 12 досках. В состав этих законов входили общие правовые положения, отдельные законоположения и правила судопроизводства.

Зевс Олимпийский—статуя греческого ваятеля Фидия (V в. до н. э.) в храме Зевса в г. Олимпии, в Пелопоннесе (южная часть Балканского полуострова).

Зенон—греческий философ IV в. до н. э., основатель стоической школы в философии.

Зефир—или *Фавоний*—западный ветер, с появлением которого в середине февраля считалось начало весны.

Зороастр—по иранским преданиям пророк, основатель древней иранской религии «маздеизма». Ему приписывается авторство священных книг Зенд-авесты.

Иберы—население древней Испании—Иберии.

Иды—в римском календаре первый день каждого месяца назывался «календами», пятый или седьмой—«нонами», а тринадцатый или пятнадцатый—«идами».

Иллирия—область в северной Греции, нынешняя Далмация и часть Албании.

Инсубры—кельтское племя в Галлии Транспаданской (северная Италия).

Интерамны—город в Умбрии на р. Нар; ныне Терни.

Испанский Карфаген—иначе Новый Карфаген (современ. Картагена), основанная карфагенянами в Испании колония.

Кавара—«каварские» и «комацинские»—текст в этом месте испорчен: речь идет, повидимому, о названиях свиных окороков по местностям Нарбонской Галлии (см.).

Казин или *Казинум*—город в Лации, области средней Италии.

Календы—см. Иды.

Калипп—из г. Кизика в М. Азии, греческий астроном, современник Аристотеля (IV в. до н. э.).

Кампания—область в средней Италии, отличавшаяся своим исключительным плодородием и неоднократно прославленная в древности, с городами Капуей (теперь Santa Maria di Capua vetere), Путеолами (теперь Пуццуоло), Неаполем, Помпеями и Стабиями (оба последних города разрушены во время извержения Везувия в 79 г. н. э.). Нынешняя Кампания включает целиком древнюю, значительную часть Самнии и Лукании.

Каникулы (от латинского слова *canis*—собака)—период восхождения созвездия Большого Пса, совпадающего с сильным зноем.

Кантерия—гора в Сабинской области; латинское слово «кантерий» (*cantherius*) означает—кастрированная лошадь, тяжеловоз.

Капразия—или *Капрария*—небольшой островок в Тирренском море у западных берегов Италии.

Каппадокия—обширная область на Малоазийском полуострове, между Черным морем на севере и горным хребтом Тавром на юге.

Капуя—город в Кампании, области средней Италии, к югу от Лация.

Карсеоланская область—от имени г. Карсеолы в Лации, в области эквов.

Карсулы—один из наиболее значительных городов Умбрии (см.), области северной Италии.

Карфаген—финикийская колония, крупный торговый центр на северном побережье Африки, главный соперник господства Рима в Средиземном море. Был разрушен римлянами в 146 г. до н. э.

Кассий—см. Дионисий.

Катул—Квинт Лутаций Катул—консул, 102 г. до н. э., участник войны с Кимврами.

Квестор—выборная должность в Риме (магистратура); одной из функций квестуры было заведывание государственной кассой при консуле.

Квинкватры—праздники в честь богини Минервы (см.); Большие Квинкватры—19—23 марта и Малые Квинкватры—13 июля.

Квинкункс—расположение каких-нибудь предметов по пятерке в шахмат-

ном порядке * .
* *

Квириты—одно из наименований римских граждан как таковых, в противоположность римским гражданам-воинам.

Кельтиберия—область Кельтиберов, народа, возникшего от смешения кельтов с иберийцами, исконными жителями Испании. Находилась эта область в центральной части Испании.

Кизик—город на северо-западном побережье Малоазийского полуострова.

Киклады—группа небольших островков у берегов Балканского полуострова.

Киликия—прибрежная страна на юго-востоке Малой Азии.

Киммерийский—Босфор Киммерийский—пролив между Мэотидой и Эвксинским морем (между Азовским и Черным морями), в отличие от Босфора Фракийского, пролива между Эвксинским морем и Пропонтидой (между Черным морем и Мраморным).

Кипр—большой остров в восточной части Средиземного моря.

Кирена—главный город области Киренаики в Северной Африке.

Клавдий—римский император Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик (41—54 гг. до н. э.).

Клузий—город в Этрурии (ныне Chiusi); по имени его был назван один сорт полбы.

Колон—первоначально свободный земледелец-арендатор, с течением времени прикрепленный к земле.

Колонат—институт прикрепленных к земле мелких арендаторов-земледельцев, сложившийся в позднеимперской империи на территории крупных государственных земель и частных латифундий.

Комация—см. Кавара.

Компиталии—религиозное празднество в Древнем Риме, совершавшееся ежегодно в начале января на перекрестке дорог в честь богов-покровителей—ларов.

Консенсинская область—область города Консенции (нынешняя Cosenza), в Бруттии (Бруттий—южная оконечность Италии; ныне Calabria Ulteriore).

Конфарреация—(confarreatio)—самая священная из трех форм брака римлян.

Коос или *Кос*—небольшой остров в Эгейском море у берегов Малой Азии.

Кордуба—крупный торговый город в римской провинции Испании—Бетике; современ. Кордова.

Корик—город с гаванью в Киликии (гористая область по южному побережью Малой Азии).

Коркира—самый большой и самый северный из Ионийских островов. Варрон был на Коркире во время войны с пиратами.

Крустуминская область—область Крустумия, или Крустумерии—древнего сабинского города, расположенного в горах.

Ксенофонт—греческий писатель, историк и философ (IV в. до н. э.).

Ксеркс—царь персидский (V в. до н. э.).

Куманская область—в Кампании, области средней Италии, к югу от Лация.

Лакония или *Лаконика*—древнегреческая область в Пелопоннесе (Морее).

Лаодикея—название нескольких городов, из которых наиболее известна Лаодикея во Фригии, области Малой Азии.

Ларисса—город в Фессалии, восточной области северной Греции.

Лары—первоначально сельские боги, покровители полей, почитавшиеся на перекрестках дорог (см. *Компиталии*), в дальнейшем становятся богами-покровителями домашнего очага и всякого домашнего и семейного благополучия.

Лациум, или *Лаций*—область в средней Италии, граничившая на севере с Этрурией, на северо-востоке с землями сабинов и самнитян, на юге с Кампанией.

Лебория—самая плодородная часть Кампании, ныне Terra di Lavoro.

Лентулы—старинный и знатный римский род. Прозвище Лентулов—«селян чечевицы»—дано от *lens* (чечевица), как здесь и указывает Плиний.

Леонтины—древний город на восточной стороне Сицилии, теперь Леонтини. Леонтинская равнина—обширная равнина к северу от города, славившаяся своими исключительными урожаями пшеницы.

Либер—древнеиталийское божество, олицетворение буйных творческих сил природы. Внебрастным был отождествлен с греческим Вакхом-Дионисом.

Либурния—местность в Иллирии (восточное побережье Адриатического моря), современ. Кroatия.

Ливия—название северной береговой территории Африки.

Лигурия—область в верхней Италии на берегу Средиземного моря, к западу от Цисальпинской Галлии.

Ликаония—область в центре малоазийского плато.

Лисипп—знаменитый греческий скульптор IV в. до н. э.

Лициний Столон—автор труда по сельскому хозяйству; потомок Гая Лициния Столона, народного трибуна IV в. до н. э., проводившего аграрный закон, ограничивавший размеры пользования общественной землей в Италии.

Локрида—область средней Греции.

Лузитания—западная часть Испании (нынешняя Португалия).

Лукания—область в Южной Италии.

Лукулл Люций Лициний (Понтийский)—крупный римский полководец, младший современник Марии и Суллы (см.) (I в. до н. э.), прославившийся своим богатством, своей роскошью и расточительностью.

Люций Минуций Авгурин—консул 458 г.; обвинял Спурия Мелия в стремлении захватить царскую власть в Риме; за снижение цены на хлеб ему был поставлен памятник.

Люций Тарий Руф—участник битвы при Акциуме (30 г. до н. э.).

Мавретания—римская провинция в Северной Африке (современ. Фец, Марокко и западная часть Алжирии). Мавретания славилась своей плодородной почвой: были места, где урожай собирался трижды в год.

Магнесия—название двух городов Малоазийского побережья: 1) Магнесия на Сипиле и 2) Магнесия на Меандре.

Македония—область в северной части Балканского полуострова, римская провинция с 146 г. до н. э.

Маледа и Пергамиды—название местностей.

Манций Курий Демент—победитель самнитов и сабинов, а также Пирра. Был прославлен, как образец простоты, неподкупной честности и доблести (III в. до н. э.).

Манций Марций—плебейский эдил 154 г. до н. э.

Манилий—римский юрист, формулой которого при покупке домашних животных рекомендует пользоваться Варрон.

Марий, Гай—римский полководец и политический деятель. Вождь демократической партии, жестокий враг Суллы (см.) (158—86 гг. до н. э.).

Марс—римский бог войны.

Марцелл—Ветгий Марцелл, римский всадник, современник императора Нерона (I в. н. э.).

Массик—гора на границе между Лацием и Кампанией в Италии.

Матерь богов—*Рей*—*Кибела*. Первоначально фригийская богиня, олицетворение матери-природы, почитавшаяся в большей части Малой Азии. Через греческие колонии в Малой Азии культ ее рано проник в Грецию, где она была отождествлена с матерью главного греческого бога Зевса. В Рим в 204 г. до н. э. был торжественно перенесен особым посольством символ культа богини, темно-цветный камень (вероятно, метеорит) из ее храма в Пессинунте (город Малой Азии). С этого времени культ «великой матери» делается государственным; особое распространение получает во время империи.

Мевания—город в Умбрии, славился разведением крупного рогатого скота.

Мегара—город в Мегариде, области Средней Греции, к западу от Аттики.

Меламп—греческий легендарный врач и прорицатель.

Менандр—афинский поэт IV в. до н. э.

Мессала—Марк Валерий Мессала Корвин, известный римский оратор I в. до н. э.

Метелл, *Люций Цецилий*—консул 251 г. до н. э., особенно прославился тем, что после победы над карфагенянами в Сицилии во время 1-й пунической войны (263—241), в 250 г. захватил большое число неприятельских слонов и доставил их в Рим.

Метон—знаменитый афинский астроном V в. до н. э.

Мидия—местность в Малой Азии.

Мизен—предгорья и город в Кампании; гавань и главная стоянка флота на Тирренском море уже в раннее августовское время.

Микены—один из древнейших городов в Арголиде, восточной области Пелопоннеса.

Милет—греческая колония на западном берегу Малоазиатского полуострова.

Минерва—древнеиталийское божество, покровительница ремесла и ремесленников. Под греческим влиянием была отождествлена с Афиной и провозглашена создательницей оливкового дерева и защитницей оливковых садов (первое оливковое дерево выросло, по афинскому преданию, по слову богини на Акрополе—афинском кремле).

Мунда—город в Испании; знаменит победой Цезаря над помпеянами в 45 г. до н. э.

Нарбонская провинция—римская провинция на юге современной Франции.

Народные трибуны—плебейская магистратура, созданная плебсом первоначально для собственной защиты. Сначала их было два, потом четыре или пять и, примерно, с половины V в. до н. э. десять. Личность трибуна считалась священной: убийца их мог быть убит безнаказанно. Главным правом народного трибуна было право налагать свое запрещение (*veto*) на решения всех других магистратов и даже своего товарища. Выступать с обвинениями против трибуна можно было только по окончании годового срока его магистратуры.

Нептун—бог моря.

Нерон—Нерон Клавдий Цезарь Август—римский император из дома Клавдиев (I в. до н. э.).

Нил—река в Египте.

Нобилитет—наименование римской сенатской знати; от латинского слова *nobilis*, т. е. «благородный».

Нума—второй после Ромула легендарный римский царь. Легенда рассказывает о его исключительной мудрости, набожности и миролюбии. К нему возводили возникновение целого ряда культовых обычаев, праздников и жреческих коллегий.

Нумидия—территория в Северной Африке, между реками Ампсагой и Туска, населенная полуночевыми ливийскими племенами.

Нурсинская область—область города Нурсии, на севере Сабинии (теперь Norcia).

Олизиппо—город в римской провинции Испании, современ. Лиссабон.

Олинф—город на Халкидике.

Откупщик податей—взимание податей римляне отдавали на откуп; откупщики (publicani) составляли товарищества, имевшие большое влияние на ход государственных дел в Риме. Все они принадлежали к сословию всадников (см.).

Пакувий—римский трагик, племянник Энния (см.), род. в 220 г. до н. э., умер в глубокой старости. Из трагедий его, пользовавшихся большой славой в эпоху республики и при империи, до нас дошли только отрывки. Варрон передает мысль, а не подлинный стих Пакувия.

Паллада—один из эпитетов греческой богини Афины, покровительницы городской жизни, ремесел и искусств.

Парилии—праздник, справлявшийся 21 апреля в память основания Рима.

Парразий—знаменитый греческий художник V в. до н. э.

Парфия—страна парфян, иранского народа, жившего к юго-востоку от Каспийского моря.

Пеласги—по представлению древних, догреческое население Эллады.

Пелопоннес—нынешняя Морей, южный полуостров Греции.

Переамиды—см. Маледы.

Персей—последний македонский царь (род. 212, ум. 146 г. до н. э.). Был разбит римлянами и взят в плен, а Македония обращена в римскую провинцию.

Петроний—Гай Петроний Арбитер, богатый всадник, современник римского императора Нерона (I в. н. э.); составил себе громкое имя в литературе своим сатирическим «романом», от которого сохранились только отдельные части.

Пизоны—прозвище одного старинного плебейского рода, выдвинувшегося в конце республики и игравшего довольно видную роль в государственных делах. Имя Пизонов происходит от *pisere* или *pinsera*, что означает «обталкивать кодысь».

Пизы—город в Этрурии, при слиянии Арнуса (теперь Арно) и Аузера (теперь Серхио); современ. Пиза.

Пирр—царь Эпирский (Эпир—западная область северной Греции); вел войну с римлянами на юге Италии в III в. до н. э.

Пифагор—сын Мневарха, греческий философ, математик и политический деятель VI в. до н. э.

Пицен—область в средней Италии, к югу от Умбрии. Славилась хлебом и оливками.

Плавт—римский писатель, писавший комедии (III в. до н. э.).

Плебеи—в противоположность патрициям, римские граждане, не имевшие первоначально политических прав; после ожесточенной и длительной борьбы в течение V—IV вв., к началу III в. до н. э. были уравнены в политических правах с патрициями.

По—река в Северной Италии.

Поликлет—из г. Сикиона, знаменитый греческий скульптор (V в. до н. э.).

Поллион—Азиний Поллион, римский историк и писатель, современник Гнея Помпея Великого и Цезаря (I в. до н. э.).

Полти—конченная свинина, ветчина.

Помпей—Гн. Помпей Великий, полководец, сторонник сената и противник диктатора Гая Юлия Цезаря (I в. до н. э.).

Понт—Понтийское царство в северной части Малоазийского полуострова, по южному побережью Черного моря.

Понтифики—наиболее влиятельная жреческая коллегия в Риме.

Поссессоры—лица, занимавшие участки на так называемой «общественной земле» (*ager publicus*), которой они могли пользоваться, но которая не считалась их собственностью.

Практитель—знаменитый греческий ваятель (IV в. до н. э.).

Претор—римский магистрат, т. е. выборное должностное лицо, в компетенцию которого входила организация судебного процесса, а также командование войском в случае отсутствия консулов.

Принцепс—принципат, термин, которым определялась на первой ступени развития римская императорская власть, в противоположность более поздней стадии развития, конца II и III вв. н. э., «домината».

Прокуратор—поверенный своего господина (обычно отпущенник), который вел все дела своего доверителя, включая дела по управлению поместьем.

Проскрипции—составление введенных впервые диктатором Суллой в I в. до н. э. списков лиц, осужденных на смерть; списки эти выставлялись во всеобщее сведение, и внесенные в эти списки лица могли быть убиты любым из граждан.

Протоген—выдающийся греческий художник (V в. до н. э.).

Птолемей Клавдий—знаменитый греческий географ (II в. н. э.).

Публий Сильвий—неизвестный нам ближе друг римского агрономического писателя Колумеллы, которому посвящено сочинение Колумеллы «О сельском хозяйстве».

Публий Элий Пет—консул 201 г. (см. Гней Корнелий).

Пупиния—область в Лации, известная своей бесплодной почвой и нездоровым климатом (малярия).

Путеоны—прибрежный город и гавань на западном берегу Италии.

Равенна—город в Северной Италии.

Ре те—(нынешняя Rieti) древний город в Сабинии, родина Варрона.

Регул—Марк Атилий Регул, см. Атилий Регул

Ремы—кельтское племя, жившее между реками Матроной (современ. Марна) и Аксоной (современ. Эн).

Ретия или *Реция*—самая западная из дунайских провинций римской империи. В состав ее входили южные части нынешнего Бадена, Вюртемберга и Баварии, северо-восточная и восточная части Швейцарии, Тироль и часть Ломбардии.

Робизалии—справлялись 25 апреля в роще в 5 милях от Рима, во избавление хлебов от ржавчины.

Родос—один из крупных островов у побережья Малоазийского полуострова, игравший крупную политическую и торговую роль в III и II вв. до н. э.

Розей—Область в Сабинии, около города Реате, с великолепными лугами (теперь le Roscie).

Ромул—легендарный основатель города Рима и первый его царь. Вместе со своим братом-близнецом Ремом был сразу же после рождения выброшен в реку Тибр по приказанию злого царя. Чудесно спасся вместе с братом. В лесу их кормила сначала волчица, а потом нашел пастух, который и принес малюток к жене своей, Акке Ларенции, взрастившей их вместе со своими сыновьями. Жреческая коллегия, которую здесь имеет в виду Плиний, была коллегией так называемых Арвальских братьев (arvum—нива), которые несли культовые обязанности, тесно связанные с земледелием.

Румина—древнеиталийская богиня, святилище которой находилось на Палатинском холме, недалеко от Луперкала, святилища бога Фавна, бога лесов и полей, покровителя земледелия и скотоводства.

Сазерны—отец и сын, римские агрономические писатели (см. Введение).

Салентинская область—в Калабрии славилась разведением оливы, винограда, пчеловодством и скотоводством.

Самний—область средней Италии.

Самофракия—остров в северной части Эгейского моря (современ. Архипелага).

Сарды—столица Лидии (область в Малой Азии).

Сарматы—кочевой народ, живший в южнорусских степях, прекрасные всадники.

Священная дорога—улица в Риме, начинавшаяся у Sacellum Streniae и шедшая через Форум к Капитолию. На ней шла оживленная торговля фруктами.

Сей—Марк Сей, эдил 74 г. до н. э., крупный землевладелец, друг Цицерона, Варрона и Тита Помпония Аттика.

Сейя—богиня посевов.

Селевкия Вавилонская—город на р. Тигре в Месопотамии, основан сирийским царем Селевком I в IV в. до н. э.

Селинунт—1) приморский город в Сицилии, нынешняя Селинонто; 2) город в Малой Азии, ныне Селенти. Плиний имеет в виду, вероятно, последний.

Сенека—Люций Анней Сенека, римский философ-стоик, воспитатель императора Нерона (I в. н. э.).

Сервий Туллий—по преданию, последний из семи римских царей.

Сивилла—нарицательное имя для пророчиц и жриц Аполлона. Варрон насчитывает их десять; сборники их предсказаний (так называемые Сивиллины книги) пользовались в Риме большим почетом; к ним часто обращались за советом, особенно во время войны.

Сирангузская равнина—в окрестностях греческой колонии Сирангуз, в северо-восточной части острова Сицилии.

Сирия—область на восточном берегу Средиземного моря. Отделена от Малой Азии горами Тавра.

Сирты—Малый и Большой Сирты, заливы Ливийского моря у берегов Северной Африки.

Скрофа—Тремеллий, Скрофа, римский агрономический писатель (см. Введение).

Смирна—знаменитый торговый город в Ионии (Малая Азия) с великолепной гаванью; сейчас Исмир.

Созиген—александрийский ученый I в. до н. э. Был приглашен Юлием Цезарем в Рим для работ по исправлению календаря.

«Соленая улица» (via Salaria) одна из римских улиц, названная так потому, что по ней подвозили с моря соль.

Соракте или *Совракте*—гора в Этрурии, области Северной Италии.

Софокл—знаменитый греческий трагик, V в. до н. э. Из многочисленных его трагедий до нас дошло только семь. От его трагедии «Триптолем», упоминаемой Плинием и принадлежавшей к его ранним произведениям, сохранились только отрывки. Содержание ее передано одним древним писателем: «Деметра (богиня земледелия), создав для Триптолема (старший сын царицы Метанеры, у которой Деметра, потеряв свою дочь, служила няней) колесницу, запряженную крылатыми змеями, дала ему пшеницу, которой он, несаясь по поднебесью, засеял всю вселенную». Среди перечисляемых богиней стран упомянуты Италия и Сицилия.

Спурий Мела—или Спурий Мелий (V в. до н. э.), по преданию, богатый плебей; своей популярностью у народа вызвал вражду патрициев, был обвинен в стремлении к царской власти (см. Люций Минуций Авгурин).

Стеркут—«Stercutus» от латинского слова «stercus»—«навоз»—бог унаваживания, у некоторых писателей эпитет бога Сатурна, как покровителя хлебопашества, или Пикимна.

Столон—см. Лициний Столон.

Сулла, Люций Корнелий Сулла «Феликс» (Счастливый), 137—78 гг. до н. э. Полководец, консул и диктатор. Глава аристократической партии, жестоко расправившийся с демократами, сторонниками Марии (см.).

Сульмонская область—по имени города Сульмона в средней Италии.

Сура, Мамий—римский агроном; время его жизни, по всей вероятности, приходится на период между Катонам и Варроном; половина II и начало I в. до н. э.

Суррент—город у Неаполитанского залива в Италии, современ. Сорренто.

Сцевола—Квинт Муций Сцевола, римский государственный деятель I в. до н. э.

Тагр—горный хребт в юго-восточной части Малоазийского полуострова.

Таврины—кельтское племя, жившее к северу от реки По.

Тагр—гора в римской провинции Испании в окрестностях г. Олизиппс (современ. Лиссабон).

Такаты—главный город Триполитании, современ. Триполи. Теперь Габес.

Тарентинская область—около города Тарента, нынешняя Таранто в Южной Италии.

Теренций—Публий Теренций Афр, знаменитый римский комический писатель II в. до н. э.

Тетрик—гора в цепи Аппенин в Сабинской области (в средней Италии) современ. Monte S. Giovanni.

Тиберий Клавдий Нерон—римский император, приемник Августа (I в. н. э.)

Тибр—река в Лации, на которой стоит город Рим.

Тибур—старинный город в Лации, на обширном холме, по обоим берегам Анио, современ. Тиволи.

Тигр—река в Месопотамии.

Тимей—греческий историк (IV в. до н. э.).

Тит—Тит Флавий Веспасиан, римский император, преемник Веспасиана (I в. н. э.).

Тмол—гора в Лидии (Малая Азия), славилась шафраном и виноградниками.

Торона—город и гавань в Македонии, на берегу Эгейского моря; современ.

Торон.

Траллы—город в Малой Азии.

Трапет—мельница для отделения мякоти оливы от косточек.

Треверы—кельтское племя, жившее между Рейном и Маасом. Конница Треверов особенно отличалась в битвах против римлян.

Тремеллий—см. Скрофа.

Трибул или *трибула*—орудие для молотбы—состояло из доски, на которой снизу были укреплены острые камни или железные зубья; запряженное в трибулу животное таскало его по обмолачиваемому хлебу; иногда для усиления тяжести на доску клали груз или потонщик становился на нее сам.

Трибы—со времени Сервия Туллия территориальное подразделение римского народа, охватывавшее все население, т. е. патрициев, плебеев и вольноотпущенников. Трибы были городские и сельские.

Троя—древний город в Троаде, северо-западной прибрежной области Малой Азии.

Турдулы—народность в римской провинции Испании—Бетике.

Турраний Низер—крупный римский землевладелец, друг Варрона и брата М. Туллия Цицерона, Квинта Цицерона.

Тускуланская область—возле города Тускула. Тускул находится недалеко от Рима (современ. Фраскати).

Убии—одно из германских племен, дружественное римлянам.

Умбрия—область в средней Италии, у Адриатического моря. С запада она граничила с Этрурией, с севера с Цисальпинской Галлией и с юга с Пиченом.

Утика—город в Африке, к северо-западу от Карфагена.

Фабии—старинный римский род, из которого вышло много видных государственных деятелей. Плиний выводил имя Фабиев от faba (боб). Фабии, следовательно, значит «сеятели бобов».

Фабриций—Гай Фабриций Лусцин, современник и сподвижник Мания Курия Дентата, известен своими победами над луканами и самнитами (III в. до н. э.).

Фавентинская область—область города Фавенции (нынешняя Faenza) в Циспаданской Галлии (по правому берегу реки По). Славилась виноделием и своим полотном.

Фавн—см. Румина.

Фавоний—см. Зефир.

Фавстул, или *Фаустул*—легендарный пастух, воспитавший чудесным образом спасшихся основателей г. Рима, близнецов Ромула и Рема.

Фалернский—название по местности в Кампании, области средней Италии, к югу от Лация.

Фалес—древнейший греческий философ VI в. до н. э.

Фасос—остров в северной части Эгейского моря.

Феофраст—ученик и последователь Аристотеля, род. в 372 г., умер в 287 г. до н. э. Автор «Истории растений» и «О причинах растений».

Фессалия—восточная область северной Греции.

Фиваидский округ—окрестности г. Фив в Египте.

Фивы—древнегреческий город в Беотии, области средней Греции.

Филипп—греческий математик и астроном (III в. до н. э.).

Филиппы—город в Македонии к северо-западу от Амфиополя.

Филометор—см. Аттал III.

Фисцелла—гора в Сабинской области (средняя Италия).

Фламин—жрец какого-либо божества. Был фламин Юпитера, фламин Марса и т. д.

Флора—древнеиталийская богиня цветения. В честь ее справлялся весенний праздник Флоралий (28 апреля—3 мая).

Форнакали—праздник, справлявшийся в различные дни февраля месяца объединениями, пользовавшимися одной и той же печью (fogna) для подсушивания полбы.

Форум—площадь в Риме, находившаяся между Капитолийским и Палатинским холмами, главное место сборищ, центр общественной жизни.

Фракия—страна на юго-востоке Европы, между Македонией и Скифией. Когда географические познания греков возросли, были определены ее границы: Истр (Дунай), Понт Эвксинский (Черное море), Эгейское море и Македония.

Фригия—область в западной части Малой Азии.

Фунданий—жена Варрона. Ее отец, Фунданий, является одним из участников диалога в 1 кн. Варронова «Сельского хозяйства». Все лица, принимающие в нем участие, носят имена, указывающие на их причастность к земельному, полемому хозяйству; Фунданий от fundus (поместье, имение); Агразий и Агрий от ager (поле, земельный участок).

Фурри—город в южной Италии, у Тарантского залива, основанный Афинянами в V в. до н. э. на месте разрушенного Сибариса, теперь San Mauro.

Халкидика—полуостров на юге Македонии.

Херсонес (Фракийский)—полуостров между Эгейским морем и Геллеспонтом (современ. Дарданеллами).

Хиос—богатый и плодородный остров на Эгейском море. Славился вином, фигами, оливками, фисташками. Теперь Khio или Scio; по-турецки Sakki Andassi (фисташковый остров).

Хирон—кентавр, получеловек, полулошадь, сын бога Сатурна и Филлиры, считался знатоком музыки, лечебных трав, искусства прорицания и пр.

Цезарь—Гай Юлий Цезарь—знаменитый римский полководец, писатель, и государственный деятель (I в. до н. э.).

Цекубская область—болотистая равнина в Лации, области Средней Италии; славилась высокосортной виноградной лозой.

Целий—Марк Целий Руф, близкий друг Марка Туллия Цицерона (I в. до н. э.).

Цензор—римский магистрат. Главные обязанности цензора (их было двое) заключались в следующем: 1) они оценивали имущество граждан и распределяли их по имущественным классам, 2) вели списки сенаторов и 3) заведывали финансами государства, сдавали на откуп государственные налоги. В связи с первыми двумя видами обязанностей цензор имел право и должен был наблюдать за частной жизнью граждан.

Церера—древнеримская богиня растительной жизни. Она была тесно связана с Матерью-Землей (Tellus-mater), богиней засеянного поля. Им обоим приносили жертвы по окончании посева, во время «Праздника сева» (feriae sementivae), который справлялся в январе. Именно к этому празднику приурочивает Варрон действие своей 1 книги. Впоследствии, под влиянием греческой культуры, Церера слилась с греческой Деметрой.

Цецилий—Гай Цецилий Стаций, известный римский комический поэт конца III, начала II в. до н. э.

Цецина Ларе—консул 42 г. н. э.; владел домом богача Красса на Палатинском холме в Риме.

Цинциннат—консул 460 г. до н. э., в 458 г., призванный от сохи в диктаторы, чтобы спасти римское войско, теснимое врагами. Рассказ этот, несомненно, легендарен, но образ Цинцинната, как образ древнего римлянина, соединяющего трудолюбие и бедность с героическим мужеством, стал классическим и излюбленным в римской литературе.

Цирций—характерный для римской провинции, Нарбонской Галлии сильный северо-западный ветер.

Цицероны—прозвище (cognomen) одной из ветвей старого, но незначительного рода Туллиев, прославившегося только с I в. до н. э., благодаря такому блестящему оратору, как Марк Туллий Цицерон. Прозвище Цицеронов получено от cicer—нут («святели нута»).

Эвагон—греческий писатель, известный нам только из сочинения Варрона—«О сельском хозяйстве».

Эвбея—большой греческий остров в Эгейском море, тянувшийся от Фессалии до берегов Аттики. Теперь Негропонт.

Эвмей—раб-свинопас царя Одиссея в поэме Гомера (см.) «Одиссея».

Эгейское море—между Балканским полуостровом и Малой Азией, современ. Архипелаг.

Эдилций—бывший эдил. Эдилом назывался римский магистрат, на обя-

занности которого лежал надзор за городским благоустройством, за состоянием улиц и городских сооружений, за рынком и раздачей хлеба. Эдилам же было поручено устройство некоторых религиозных празднеств.

Элефантина (теперь Эль-Гезире)—остров на реке Ниле с одноименным городом. Варрон имеет здесь в виду Теофраста *Historia plantarum*, 1, 3, 5: «говорят, что около Элефантины ни с лоз, ни с смоковичных деревьев не опадают листья».

Эллада—Греция.

Эн—город во Фракии (см.) близ реки Гебра (см.).

Энний—род. в 239 г., умер в 169 г. до н. э. Знаменитый римский поэт, близко стоявший к современной ему передовой римской аристократии (кружок Сципиона Младшего). Он писал трагедии, эпос, в котором изложил всю историю Рима от начала и до своего времени, эпиграммы, сочинения натурфилософского характера. Эта последняя книга озаглавлена «Эпихарм» (греческому комическому поэту Эпихарму приписывалось *Carmen physicum*, поэма, в которой шла речь об явлениях природы); ее, по всей видимости, и имеет в виду Скрофа.

Эпиген—с острова Родоса, греческий агрономический писатель, упомянутый Варроном в его сочинении «О сельском хозяйстве».

Эпир—область в северной Греции между Македонией, Фессалией и Ионийским морем; большая часть современ. Албании.

Эпихарм (V в. до н. э.)—см. Энний. Ему приписывается каталог созвездий и находящихся в них звезд числом до 700. В связи с астрономией находится его замечательная геодезическая работа, состоящая в определении длины александрийского меридиана. Варрон имеет в виду его географическую работу. В первой книге ее он давал критический обзор истории географии, от первого появления географических понятий у Гомера до своих непосредственных предшественников. Вторая книга излагала основы географии в соответствии с его собственными взглядами. В третьей книге давалось описание суши. До нас дошли только отрывки из его произведений.

Ератосфен—греческий математик, астроном и географ (276—194 гг. до н. э.).

Этрурия—область в средней Италии, отличавшаяся своим исключительным плодородием. Нынешняя Тоскана.

Эфиопы—в широком смысле обитатели южного края земли; в узком—жители Эфиопии—страны, лежащей между южным Нилом и Аравийским заливом, вплоть до берегов Индийского океана, примерно, до 10° ю. ш. В значительной части совпадает с современной Абиссинией.

Юний—см. Брут.

Юпитер—главное божество римского пантеона, бог неба, грома и молнии, глава всех остальных богов.

ТАБЛИЦА МЕР

МЕРЫ ДЛИНЫ

1 «палец» (digitus)	= 18,5 мм
1 «ладонь» (palmus) 4 пальца	= 74 мм
1 «стопа» (pes) (фут)	= 296 мм
1 «локоть» (cubitus)	= 444 мм = $1\frac{1}{2}$ фута
1 «градус» (gradus) «шаг»	= 0,740 м = $2\frac{1}{2}$ фута
1 «пасус» (passus) «двойной шаг»	= 1,480 м = 5 футам
1 «децемпеда» (decempeda)	= 2,96 м = 10 футам
1 «акт» (actus)	= 35,52 м = 120 футам
1 римская миля=1 000 шагов (passus)	= 1 480 м

МЕРЫ ПОВЕРХНОСТИ

1 квадратный фут (pes quadratus)	= 0,87 кв. м
1 скрипул ((scripulum)	= 8,76 » » = 100 кв. ф.
1 акт (actus)	= 1 261,7 » » = 144 скрип.=3 600 кв. ф.
1 югер (jugerum)	= 2 523,3 » » = 288 скрип.=28 800 кв. ф. (0,252 га)
1 гередий (heredium)	= 5 046,7 кв. м=576 скрип.= 57 600 кв. ф.
1 ворс (vorsus)	= 757 кв. м
1 центурия (centuria)	= 50,364 га = 200 югер.
1 сальтус (saltus)	= 201,46 га = 4 цент. 800 югер.

МЕРЫ ЕМКОСТИ

(для жидких и сыпучих тел)

1 киаф (cyathus)	= 0,0455 л	} для жидких и сыпучих тел
1 ацетабул (acetabulum)	= 0,0682 л = $1\frac{1}{2}$ киафа	
1 квартарий (quartarius)	= 0,1364 л = 3 киафа	
1 гемина (hemina)	= 0,273 л = 6 »	
1 секстарий (sextarius)	= 0,5458 л = 12 »	
1 конгий (congius)	= 3,275 л = 6 секст.	} только для жидких тел
1 урна (urna)	= 13,098 л = 24 секст.	
1 амфора (amphora)	= 26,196 л = 48 секст.	
1 квадрантал (quadrantal)	= 26,26 л=2 урн. 8 ком.	
	= 48 секст. = 96 гем. = 192 квартария=576 киаф	

ТОЛЬКО ДЛЯ СЫПУЧИХ ТЕЛ

1 семодий (semodius)	= 4,366 л = 96 киаф
1 модий (modius)	= 8,733 л = 192 киаф

МЕРЫ ВЕСА

1 унция (uncia)	= 27,288 г
1 фунт (livia)	= 327,45 » = 2 унц.

МОНЕТЫ

1 асс (as)	= 12 унций—во вр. Циц. около 2 коп.
1 сестерций (sestertius)	= $2\frac{1}{2}$ асса (серебр. монета)
1 денарий (denarius)	= 10 (позднее 16) ассам (серебр. монета).

	Стр.
От редакции	5
Введение. <i>М. И. Бурский</i>	7
Катон	9
Варрон	24
Вергилий	34
Колумелла	45
Плиний старший	66
Катон «О земледелии» (Cato. De agri cultura)	87
Варрон «О сельском хозяйстве». (Varro. De re rustica)	107
Книга вторая. Lib. II	109
Колумелла «О сельском хозяйстве». (Columella. De re rustica)	137
Книга первая. Lib. I	139
Книга третья. Lib. III	156
Плиний «Естественная история». (Plinius. Naturalis Historia)	185
Книга семнадцатая. Lib. XVII	187
Книга восемнадцатая. Lib. XVIII	231
Приложения:	
Указатель имен, названий, терминов	286
Таблица мер	300

СЕЛЬХОЗГИЗ
«ТЕХНИКА» КОГИЗ'а

КЛАССИКИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Бусенго, Жан. Избранные произведения по физиологии растений и агрохимии. Предисл. акад. Д. Н. Прянишникова. Вводная статья, комментарии и редакция перевода проф. А. П. Лебединцева. 1936. Стр. 439. Ц. в пер. 8 р.

Гумбольдт, А. География растений. Под ред. и с вводной статьей и биографическим очерком проф. Е. В. Вульфа. Под общей ред. Н. И. Вавилова. 1936. Стр. 282. Ц. в пер. 5 р.

Докучаев, В. Наши степи прежде и теперь. Под ред. и с предисл. акад. В. Р. Вильямса и доц. З. Филипповича. 1936. Стр. 120. Ц. 3 р. 25 к.

Докучаев, В. Русский чернозем. Вводная статья и общая редакция акад. З. Филипповича. 1936. Стр. 552. Ц. в пер. 11 р.

Иогансон, В. О наследовании в популяциях и чистых линиях. Вводная статья, биография и ред. проф. М. Розановой. Под общ. ред. акад. Н. И. Вавилова. 1935. Стр. 78. Ц. в пер. 2 р. 25 к.

Либих, Юстус. Химия в приложении к земледелию и физиологии растений. Вводная статья акад. Д. Н. Прянишникова. Биография проф. А. Лебединцева. 1936. Стр. 408. Ц. в пер. 7 р. 65 к.

Тимирязев, К. Дарвинизм и селекция. Избранные статьи. Сборник с предисл. и под ред. акад. В. Л. Комарова. 1937. Стр. 158. Ц. в пер. 4 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ КОГИЗ'а

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ
ВЫПОЛНЯЮТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТФЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА
«КНИГА-ПОЧТОЙ» ОБЛАСТНЫХ (КРАЕВЫХ)
ОТДЕЛЕНИЙ КОГИЗ'а

СЕЛЬХОЗГИЗ
«ТЕХНИКА» КОГИЗ'а

НОВОЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

- Выпуск 1.* Лысенко, Т. Переделка природы растений. 1937. Стр. 48. Ц. в пер. 1 р.
- Выпуск 2.* Мусийко, А., агр. Искусственное опыление кукурузы. 1937. Стр. 18 + 1 портрет на вклейке. Ц. в пер. 1 руб.
- Выпуск 3.* Кизюрин, А. Стелющийся сад. 1937. Стр. 45. Ц. 1 р.
- Выпуск 4.* Державин, А., агр. Многолетние сорта сельскохозяйственных культурных растений. 1937. Стр. 45 + 1 портрет на вклейке. Ц. в пер. 1 р.
- Выпуск 5.* Гришко, Н., д-р с.-х. наук. Одновременно созревающая конопля. 1937. Стр. 54. Ц. в пер. 1 р.
- Выпуск 6.* Пушкарёв, И., акад. с.-х. наук. Новый фитофтороустойчивый сорт картофеля. 1937. Стр. 48. Ц. в пер. 1 р.
- Выпуск 7.* Цицин, Н. д-р с.-х. наук. Что дает скрещивание пшеницы с пыреем. 1937. Стр. 46. Ц. в пер. 1 р.
- Выпуск 8.* Ульрих, Н., инж. Новое в области очистки и сортирования семян. 1937. Стр. 71. Ц. в пер. 1 р.
- Выпуск 9.* Гуревич, А., доц. Новый метод определения всхожести семян. (Выходит из печати.)
- Выпуск 10.* Сушков, В., агр. Два урожая винограда в один год. (Выходит из печати.)
-

Книги эти продаются в книжных магазинах КОГИЗ'а всех республиканских, краевых и областных центров Союза ССР, а также в магазинах КОГИЗ'а в Томске, Перми, Краснодаре, Новочеркасске, Таганроге, Мичуринске, Полтаве, Глухове, Витебске, Орше.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ
ВЫПОЛНЯЮТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА
«КНИГА-ПОЧТОЙ» ОБЛАСТНЫХ (КРАЕВЫХ)
ОТДЕЛЕНИЙ КОГИЗ'а